СВѢДѢНІЯ

о

КАЗАЦКИХЪ ОБЩИНАХЪ

НА ДОНУ.

Матеріалы для обычнаго права,

собранные

Михаиломъ Харузинымъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1885

СВѢДѢНІЯ

О

КАЗАЦКИХЪ ОБЩИНАХЪ

НА ДОНУ.

Матеріалы для обычнаго права,

СОБРАННЫЕ

Михаиломъ Харузинымъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ
1885.

Ивану Сергѣевичу

АКСАКОВУ

Неутомимому борцу за наше народное самосознаніе

СВОЙ СКРОМНЫЙ ТРУДЪ

Посвящаетъ

Собиратель.

Занимаясь обычнымъ правомъ, я предпринималъ поѣздку въ Область Войска Донскаго, чтобы путемъ личнаго наблюденія надъ народной жизнью пополнить свои свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ матеріала, уже опубликованнаго изслѣдователями. Руководствуясь указаніями секретаря Новочеркасскаго статистич. комитета С. Ф. Номикосова, А. А. Донецкаго и другихъ образованныхъ казаковъ, я посѣтилъ всѣ типическія мѣстности Области, извлекъ изъ архивовъ до двухъ тысячъ характерныхъ рѣшеній станичныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ и добылъ свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ изъ устъ самихъ казаковъ.—При всемъ этомъ собранное страдаетъ отрывочностью, неполнотой и иными недостатками. И только мысль, что, при относительной немногочисленности свѣдѣній о нашемъ обычномъ правѣ, быть можетъ, и этотъ матеріалъ будетъ не безполезенъ — побудила меня издать въ свѣтъ все нижеслѣдующее. Поэтому я прошу читателя не ожидать отъ этой книги болѣе того, что она въ состояніи дать.

Добывая свѣдѣнія по каждому вопросу чрезъ сравненіе рѣшеній станичныхъ судовъ съ тѣмъ, что сообщали мнѣ сами казаки, я помѣстилъ въ нижеслѣдующемъ *то лишь, въ чемъ оба мои источника не разнорѣчили другъ съ другомъ,* и въ существованіи чего—послѣ многократной провѣрки—я убѣдился вполнѣ. Указывая въ изложеніи возможно чаще на мѣстности, въ которыхъ я добывалъ тѣ или другія свѣдѣнія, я имѣлъ въ виду отмѣтить лишь мѣста, гдѣ они были *записаны*, нисколько не утверждая этимъ существованія того или другаго обычая именно въ данной станицѣ, въ данномъ хуторѣ, такъ какъ я самъ въ бесѣдахъ своихъ съ казаками всякій разъ просилъ ихъ въ разсказахъ своихъ о бытѣ не ограничиваться своимъ роднымъ селеніемъ; но при этомъ я вовсе не имѣю въ виду распространять собранныя свѣдѣнія и на всѣ тѣ мѣстности Области, посѣтить которыя мнѣ не довелось.

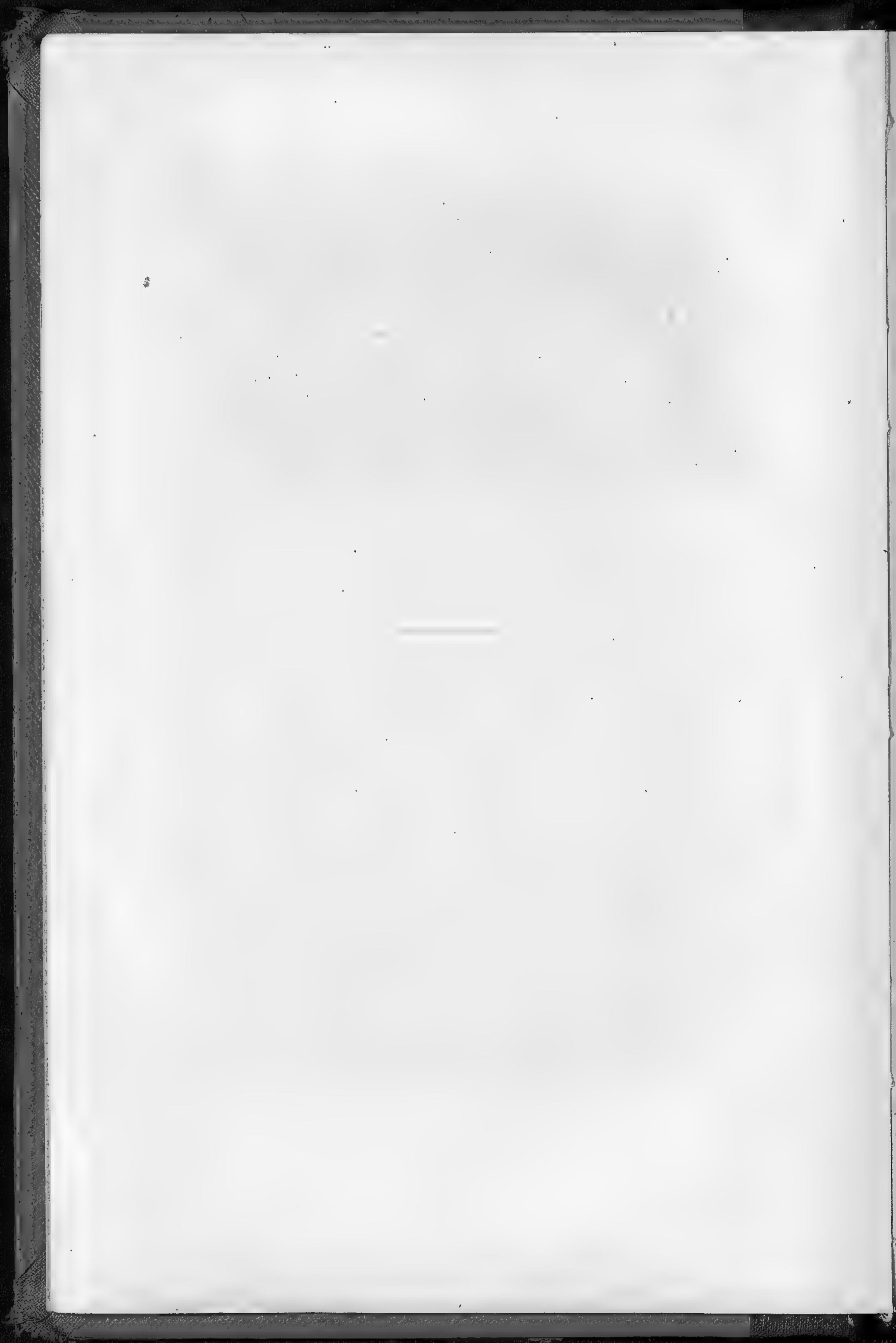
Сборникъ рѣшеній станичныхъ судовъ составитъ содержаніе втораго выпуска.

Все, что я успѣлъ сдѣлать, я приписываю исключительно, во первыхъ: оказанному мнѣ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи содѣйствію, результатомъ коего было открытое предписаніе г-на Наказнаго Атамана ко всѣмъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, доставившее мнѣ возможность совершенно свободно произ-

водить свои изысканія; а во вторыхъ—помощи со стороны частныхъ лицъ. Поэтому долгомъ считаю выразить здѣсь глубочайшую благодарность Императорскому Обществу Любителей Естествознанія, равно какъ и нижеслѣдующимъ лицамъ: учителю моему профессору Макс. Макс. Ковалевскому, а также проф. А. И. Чупрову и проф. А. С. Павлову за многочисленныя указанія, Е. И. Якушкину, любезно сообщившему мнѣ неизданныя имъ еще библіографическія свѣдѣнія, К. А. Шапошникову, предоставившему въ мое распоряженіе свою рукописную программу для собиранія свѣдѣній о союзѣ родственномъ, Вл. П. Юшневскому за неоднократное доставленіе свѣдѣній, С. Ф. Номикосову, Ал. Ал. Донецкому, Я. У. Юзефовичу, С. Н. Цемшу, Н. Н. Хмѣлеву, полковнику Траилину, военному приставу И. В. Филенкову, хорунжему М. Н. Никольскому, урядникамъ (унтеръ-офицерамъ) М. Е. Кательникову, П. Т. Скобелеву, И. М. Попову, казакамъ Воробьеву, Е. М. Кирѣеву, П. И. Тушканову.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Въ то время, когда Россія, сплачиваясь воедино, росла и крѣпла подъ покровомъ московскаго единодержавія, въ далекихъ степяхъ юга занималась заря своеобразной народной жизни. Въ XVI вѣкѣ появилось донское казачество. Оно складывалось постепенно путемъ к о л о н и з а ц і и, которая, то усиливаясь, то замедляясь, заселяла плодоносныя, но тогда еще почти безлюдныя степныя пространства по обѣимъ сторонамъ Дона и по рѣкамъ Донцу, Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ. Насельники, появившіеся въ этихъ дѣвственныхъ пустыняхъ, были уроженцами разныхъ краевъ земли русской: областей сѣверныхъ, Малороссіи, Запорожской сѣчи (первая значительная партія запорожцевъ появилась на Дону въ 1588 г.) и др. Инородческій элементъ (см. П. А. Соколовскій „Экономическій бытъ... и колониз. юговос. степ." СПБ. 1878, с. 205) не замедлилъ показаться между ними, частью посредствомъ простаго пріема иноземцевъ въ товарищи, частью путемъ брачныхъ союзовъ казаковъ съ полоненными турчанками, черкешенками, татарками (Рус. Бес. 1857 г., кн. 5). Выходцы изъ Россіи считали себя „людьми государевыми, но никакъ не помѣщичьими". Недовольные домашними порядками: намѣстниками, тіунами, доводчиками, опричнымъ правежомъ, чрезмѣрнымъ оброкомъ за землю въ пользу служилыхъ людей (Соколов. l. c. p. 172) и т. д., побросали они свои родныя мѣста и пошли въ „поле" искать счастья и вольной жизни; но „уклоняясь отъ закона, признаваемаго ими стѣснительнымъ, они не

думали и не хотѣли выдти изъ подданства Государя" (кн. Васильчиковъ „Землевладѣніе" СПБ. 1881 г., с. 338) и „на Царя" дѣлали свои завоеванія („Русь" 1884 г., № 7). На необъятной степной равнинѣ быстро начинаютъ возникать ихъ своеобразныя военныя общины. Еще въ 1521 г., какъ свидѣтельствуетъ наказъ царскому послу Губину, земли отъ Азова до Медвѣдицы были совершенными пустынями. (Ист. Опис. З. В. Д. Новочер. 1867, ч. 1). Но вотъ въ 1549 году какой-то Сары-Азманъ строитъ въ 3—4 мѣстахъ небольшіе городки и дѣлаетъ нападенія на ногайскихъ татаръ, а уже въ 1551 г. турецкій султанъ шлетъ ногайскому князю просьбу унять донскихъ казаковъ, которые „съ Азова оброкъ емлютъ и воды на Дону пить не дадутъ" (г. Красновъ: матер. для геогр. и стат. Россіи. СПБ. 1863 г.).

Первыя поселенія казаковъ раскинулись по низовью Дона, преимущественно между станицами Черкасской и Цымлянской. Въ половинѣ XVII вѣка и сѣверныя части Области стали постепенно заселяться новыми пришельцами, гонимыми съ родины общимъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ (г. Хорошхинъ „Казач. Войска" СПБ. 1881 г.) и особенно раскольничьимъ движеніемъ. „Положительно можно сказать — говорится въ трудахъ Войсковаго статистич. комитета—что именно расколу обязаны своимъ заселеніемъ верховья Дона и рѣки въ него впадающія—Хоперъ, Медвѣдица, Бузулукъ и Донецъ". Среднее теченіе Дона „отъ Цымлы до Чиру" долгое время оставалось почти безлюднымъ, а Міусскій округъ и задонская степь—мѣста отдаленныя отъ главной рѣки были совершенно необитаемы вплоть до начала XVIII вѣка.

Казачьи поселенія дѣлились на два разряда: одни изъ нихъ такъ называемые „городки" служили постояннымъ мѣстомъ жительства, другія „зимовища" были только зимними пріютами, покидаемыми ранней весной для воинственныхъ набѣговъ. Всѣ городки тянули къ одному главному городу Раздорскому, который въ те-

ченіе XVI вѣка былъ сборнымъ мѣстомъ всего донскаго казачества, но впослѣдствіи потерялъ свое значеніе, уступивъ первенство вначалѣ городку Монастырскому, а потомъ Черкасскому (Красновъ).

Во всѣхъ казачьихъ поселеніяхъ царило артельное начало. Сообща чинили казаки судъ и расправу, сообща вершили всякое общественное дѣло. Начало это проявлялось и въ частной жизни. „Казаки—разсказываетъ Сухоруковъ—живали по братски. Набьетъ ли кто дичины, или наловитъ рыбы—все дѣлили по ровной части, не заботясь о будущемъ. Общества ихъ раздѣлялись по сумамъ; человѣкъ по десяти, по двадцати имѣли все общее“. (И. о. I).

Не связанные брачными узами (большинство казаковъ былъ народъ вольный, холостой), они не засиживались подолгу на одномъ мѣстѣ, предпринимая постоянные походы и набѣги на сосѣдей. Коней у нихъ въ началѣ еще не водилось и двигались они частью водой (судовые походы), частью пѣшкомъ. Изъ южныхъ поселеній казаки ходили на Азовъ или же, пробравшись черезъ „Казачій ерикъ“ въ море, бороздили его по всѣмъ направленіямъ, грабя расположенные на берегахъ турецкіе города и селенія. Обитатели верховыхъ городковъ направлялись на Волгу, на Каспій, вторгались даже во владѣнія Персидскаго шаха.

Государству Московскому выгодно было пользоваться Донскимъ казачествомъ для защиты и охраны южной границы (А. Н. Поповъ „Ист. Возм. Ст. Разина“—Рус. Бес. 1857 г., кн. 5). Поэтому уже въ 1570 г. царь Иванъ Васильевичъ прислалъ на Донъ свою грамату, а послу Новосильцеву приказалъ уговаривать казаковъ служить своему Государю (А. Савельевъ „Трехсотлѣтіе Войска Донскаго“ СПБ. 1870, с. 2). Съ другой стороны и казакамъ было очень удобно покровительство сильной Москвы, и они охотно назвались слугами царскими и согласились служить Государямъ „польскую службу съ травы да воды и кровь свою проливать“.

Начиная съ царя Θеодора Ивановича вплоть до XVIII вѣка, Государи русскіе ежегодно посылаютъ на Донъ „царское жалованье". Эта связь Москвы съ Дономъ долгое время являлась поводомъ къ неудовольствіямъ со стороны турецкаго султана, персидскаго шаха и князя ногайскаго, жаловавшихся на буйства и грабежи, чинимые среди общаго мира казаками. Но московскіе дипломаты разными способами старались выпутываться изъ затруднительнаго положенія. Такъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ отправлены были въ одно и то же время двѣ граматы: одна къ турецкому султану, другая—къ донскимъ казакамъ. Султану Царь писалъ: „Донскіе казаки указа нашего не слушаютъ и, сложась съ запорожскими черкасами, на наши украины войной ходятъ. Мы пошлемъ на нихъ рать свою и велимъ ихъ съ Дону сбить". (Сав. I. с. р. 11). Въ граматѣ же, посланной казакамъ, говорилось такъ: „а мы, великій государь за тое вашу къ намъ службу и впредь учнемъ васъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ и свыше прежняго" (И. о. I с. 141).

Въ XVII столѣтіи, главнымъ образомъ благодаря смутамъ въ московскомъ государствѣ, способствовавшимъ усиленному приливу на Донъ бѣглецовъ и увеличенію числа казачьихъ селеній, Донское казачество выросло, окрѣпло и достигло своего полнаго развитія (Хор. I. с. р. 10). Городокъ Черкасскій (нынѣ станица Старочеркасская), названный „главное войско", получилъ первенство надъ другими городами и сталъ заправлять всѣми дѣлами казачества. Во главѣ войска стоялъ ежегодно выбираемый атаманъ, который, по истеченіи годоваго срока своей службы, являлся въ „кругъ" и, поклонившись на всѣ четыре стороны, складывалъ знаки своей власти, зачисляя себя этимъ въ ряды обыкновенныхъ казаковъ; кругъ же выбиралъ новаго начальника („Русь" 1884 г., № 7). „Часто, говоритъ Савельевъ, лицо избранное въ атаманы по своимъ достоинствамъ нѣсколько лѣтъ сряду занимало эту должность,

но все таки обрядъ избранія повторялся надъ нимъ каждый годъ" (l. c. p. 71). Атаманъ былъ „прямой начальникъ казаковъ во дни мира и брани" (И. о. II. с. 595). Во внѣшнихъ сношеніяхъ онъ былъ представителемъ войска, принималъ пословъ, велъ дипломатическіе переговоры. По внутреннему управленію на его рукахъ находились „дѣла разнаго рода": на немъ лежала обязанность мирить ссорящихся, защищать обиженныхъ, раздѣлять между казаками царское жалованье, наблюдать за порядкомъ исполненія круговыхъ приговоровъ и т. п. (l. c). Тѣмъ не менѣе власть атамана была очень ограничена: онъ не имѣлъ права предпринять что бы то ни было по своему личному усмотрѣнію.—При немъ находились два войсковыхъ есаула, выбираемые, подобно своему начальнику, на одинъ годъ; они были исполнителями приказаній атамана и круга. Составленіе бумагъ и вообще вся письменная часть лежала на обязанности войсковаго дьяка, не имѣвшаго однако никакой политической власти.

Въ отдѣльныхъ городкахъ было то же устройство, какъ и въ главномъ войскѣ, были тѣ же правители и исполнительные органы—атаманы и есаулы.

Дѣла, касающіяся отдѣльныхъ городковъ, вѣдались „станичнымъ кругомъ", о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже; дѣла же, затрогивающія интересы всего войска, обсуждались и рѣшались въ „кругу войсковомъ", въ общемъ народномъ собраніи, названномъ такъ по своему внѣшнему виду. Собраніе это происходило обыкновенно на площади; казаки, снявъ шапки, образовывали кругъ, въ средину котораго входилъ съ есаулами войсковой атаманъ и предлагалъ на обсужденіе разные вопросы. Надо замѣтить, что характеристической чертой этихъ собраній было полное равенство. Право почина не было исключительною принадлежностью атамана: простой казакъ могъ вносить любое предложеніе и принимать активное участіе при обсужденіи всѣхъ вопросовъ; точ-

но также и при рѣшеніи голосъ войсковаго атамана считался равнымъ голосу простаго казака. Конечно, de facto атаманъ всегда имѣлъ очень большое вліяніе, коренившееся въ его личныхъ достоинствахъ, но de jure онъ не пользовался никакими преимуществами передъ другими. Обыкновенно дѣла неважныя рѣшались кругомъ казаковъ, находившихся на лицо въ Черкаскѣ, въ экстренныхъ же случаяхъ дожидались прибытія товарищей изъ похода или изъ сосѣднихъ поселеній (И. о. I. с. 102).

Р а в е н с т в о между казаками было практическимъ принципомъ, проводимымъ не только въ управленіи, но и въ частной жизни. Когда Нащекинъ привезъ отъ Царя „лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія", то казаки отвѣчали: „у насъ большихъ нѣтъ никого, всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется" (Сав. I. с. р. 4).

Военные п о х о д ы и н а б ѣ г и наполняли почти исключительно жизнь казаковъ того времени. Съ Азовцами и Ногайцами войны велись почти непрерывно. Отправляясь въ походъ, казаки выбирали себѣ походнаго атамана, который становился главнымъ начальникомъ надъ войскомъ, раздѣлявшимся обыкновенно на пѣшіе и конные полки, съ полковниками или старшинами во главѣ. Помощниками у этихъ старшинъ были сотники, пятидесятники, хорунжіе.

Въ море отправлялись казаки на легкихъ ладьяхъ съ небольшимъ запасомъ муки, сухарей, пшена, сушенаго мяса и рыбы. Брать хмѣльные напитки запрещено было подъ страхомъ смертной казни. (И. о. II. с. 581). Только по выходѣ въ море казаки рѣшали о цѣли своего похода, а „до тѣхъ мѣстъ мысли своей, да куда имъ идти никому не объявляютъ" изъ опасенія лазутчиковъ и перебѣжчиковъ. Самимъ же казакамъ, благодаря такъ называемымъ „прикормленнымъ людямъ" — ш п і о н а м ъ и п е р е м е т ч и к а м ъ изъ турокъ и та-

таръ, подкупленнымъ деньгами и лаской, было всегда извѣстно, что дѣлалось въ Азовѣ, Крыму или Кубани.

Плѣнниковъ своихъ умерщвляли казаки, только въ случаяхъ крайней необходимости и то съ исключеніемъ для грековъ, которымъ всегда давалась пощада. Только пойманнымъ на островѣ, на которомъ расположенъ былъ Черкаскъ, грозила неизбѣжная смерть. По возвращеніи изъ похода казаки дуванили весь дуванъ поровну между всѣми участвовавшими въ дѣлѣ.

Заключеніе мирнаго договора сопровождалось обрядами и скрѣплялось обоюдною клятвой. Обыкновенно изъ Азова въ главное войско пріѣзжали мировщики склонять казаковъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій. На вторичномъ съѣздѣ довѣренные, постановивъ условія договора, давали присягу въ честномъ и правильномъ исполненіи этихъ условій (Рус. Стар. 1847 г. с. 208). При возобновленіи войны казаки посылали врагамъ своимъ „размирную" примѣрно такого рода: „отъ донскаго атамана и всего Войска азовскому Сулейманъ-пашѣ проздравленіе. Для дѣлъ великаго нашего Государя мы были съ вами въ миру; нынѣ же все войско приговорило съ вами миръ нарушить; вы бойтесь насъ, а мы васъ остерегаться будемъ. А се письмо и печать войсковыя" (ibid). Согласно установившемуся обычаю, военныя дѣйствія открывались черезъ три дня послѣ отсылки подобной размирной.

Съ Царемъ связь поддерживалась посылкой въ Москву по нѣскольку разъ въ годъ такъ называемыхъ „легкихъ станицъ", состоявшихъ обыкновенно изъ атамана, есаула и 10, а то и болѣе рядовыхъ казаковъ. Станицы эти возили въ посольскій приказъ „войсковыя отписи о разныхъ пограничныхъ вѣстяхъ" а также попавшихся въ плѣнъ турокъ и татаръ. Съ 1672 года измѣнился составъ легкихъ станицъ; съ этого времени стали посылать только двухъ казаковъ, доходившихъ зимой до Валуевки, лѣтомъ до Воронежа.

Разъ въ годъ съ Дону отправлялась съ Войсковой челобитной такъ называемая „станица зимовая". Явившись къ Царю станица просила жалованье Войску, „чтобы намъ, холопамъ твоимъ, живучи на твоей государевой службѣ на Дону, голодной смертью не умереть... и вѣчно твоей государевой вотчины рѣки Донъ вѣчнымъ непріятелямъ туркамъ и крымцамъ не подать и отъ вѣчныхъ непріятелей въ посмѣхъ не быть" (И, о. II. с. 593). Въ Москвѣ зимовая станица удостоивалась почестей; ее допускали къ Государю, жаловали разными подарками, „угощали во дворцѣ царскимъ столомъ и подчивали романеею"; затѣмъ, наградивъ жалованьемъ, отсылали на Донъ.

Съ наступленіемъ каждой весны внизъ по Дону спускались барки, нагруженныя царскимъ жалованьемъ: деньгами, желѣзомъ, свинцомъ, порохомъ, писчей бумагой, колоколами, церковными книгами, сукнами и т. п. Казаки прибрежныхъ станицъ встрѣчали ихъ и съ пушечной и ружейной стрѣльбой провожали до слѣдующаго поселенія. По прибытіи въ Черкаскъ служили молебенъ, послѣ котораго находившійся при жалованьѣ царскій дворянинъ кланялся всему Войску и говорилъ: „Великій Государь васъ атамановъ и казаковъ и все Донское Войско за вѣрную службу жалуетъ и милостиво похваляетъ; и велѣлъ васъ атамановъ и казаковъ спросить о здоровьѣ".

Затѣмъ передавалось жалованье, которое казаки дѣлили между собою поровну. На пирахъ раздавались клики: „да здравствуетъ Царь Государь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону" (Сав. 1. с.).

Таково было „всевеликое" Войско Донское до начала XVIII стол.

Московское правительство всячески старалось распространять на казаковъ свое вліяніе и поставить ихъ въ наивозможно тѣсную зависимость отъ себя. Оно постепенно достигало своихъ цѣлей, по мѣрѣ того какъ росла и крѣпла сама центральная власть. „Если

до Петра, говоритъ г. Хорошхинъ, казачество жило своею жизнью, производя по своему усмотрѣнію набѣги, выбирая атамановъ и устраивая свои общественныя дѣла совершенно независимо, то послѣ него это стало рѣшительно невозможно. Утверждая и назначая атамановъ, правительство мало по малу ограничило ихъ власть и вмѣшалось во всѣ внутреннія дѣла. Атаманы стали независимы отъ народной воли; около нихъ начала группироваться партія изъ старшинъ и болѣе зажиточныхъ людей".

Старшина среди донскихъ казаковъ выросла и развилась постепенно. Уже съ половины XVII вѣка „казаки стали не тѣ: появилось богатство, а съ нимъ роскошь и честолюбіе". Люди, отличавшіеся умомъ, смѣлостью, распорядительностью, мало по малу подчинили себѣ остальныхъ и захватили власть въ свои руки, образовавъ изъ себя „знатныхъ людей" (И. о. II, с. 588). Уже въ 1695 году Петръ I требуетъ, чтобъ для встрѣчи генерала Гордона были посланы изъ войсковой старшины „знатные люди" (I. с. 589 стр.). Званіе старшины, иногда дававшееся Войсковымъ кругамъ за заслуги, въ началѣ принадлежало всѣмъ отслужившимъ выборный срокъ Войсковымъ атаманамъ, но его скоро присвоили себѣ начальники казачьихъ полковъ и отрядовъ (Русь, 1884 г., № 7). По словамъ Савельева, въ 1649 году, въ первый разъ, употребляется вмѣсто названія атамана имя „старшины", къ концу же XVII столѣтія оно становится преобладающимъ. Въ XVIII вѣкѣ старшины, почти независимые отъ войсковаго атамана, какъ начальники полковъ и отрядовъ, постепенно присвоиваютъ себѣ право распоряжаться общественными дѣлами, въ качествѣ ближайшихъ совѣтниковъ войсковыхъ атамановъ.

Такимъ путемъ сложился классъ, получившій перевѣсъ надъ остальными казаками. Съ теченіемъ времени классъ этотъ захватывалъ все большую и большую власть и постепенно въ его руки перешли всѣ дѣла,

вѣдавшіяся прежде кругомъ (И. о. II с. 590). Въ половинѣ XVIII вѣка званіе старшины, бывшее прежде избирательнымъ („войско имѣло право какъ избирать старшинъ, такъ и лишать ихъ этого званія". Сав.), обратилось въ пожизненное, а въ 1754 году у Войска отнято было право назначать старшинъ и званіе это начало жаловаться высшей властью. (Сав. l. c. стр. 73). Съ теченіемъ времени старшина мало по малу выродилась въ чиновничество и ослабила свою связь съ простыми казаками. Въ 1768 году Донскимъ чиновникамъ пожаловано было дворянство. „До этого времени, говоритъ Савельевъ, пожалованіе въ чины было рѣдко; жаловались по большей части отличившіеся начальники отдѣльныхъ отрядовъ армейскими чинами—премьеръ-маіора, секундъ-маіора, полковника и генерала; всѣ остальные военные чины въ казачьихъ полкахъ назначались по выбору на время службы и числились за урядъ; по окончаніи же похода или по возвращеніи полка на Донъ они становились въ ряды простыхъ казаковъ. Въ это то время сложилась между казаками забавная поговорка: „нашего полковника пожаловали въ маіоры"... Указомъ 1799 г. повелѣвалось для уравненія чиновъ, въ Войскѣ служащихъ, признавать ихъ чинами по слѣдующей табели, сохраняя имъ по службѣ прежнія ихъ названія въ Войскѣ Донскомъ: войсковыхъ старшинъ—маіорами, есауловъ—ротмистрами, сотниковъ—поручиками, хорунжихъ—корнетами. Въ 1828 г. изданъ былъ указъ, по которому чины Донскихъ офицеровъ поставлены наравнѣ съ соотвѣтствующими чинами регулярныхъ войскъ" (l. c. p. 108).

Такимъ образомъ въ теченіе XVIII вѣка увяла самобытная жизнь донскаго казачества, и мѣстныя донскія учрежденія неоднократно передѣлывались, согласно соображеніямъ центральнаго правительства. Только въ низшихъ слояхъ казаковъ и въ наши дни живымъ ключемъ бьетъ народная жизнь во всемъ своеобразіи обычая и обряда, дѣлающихъ этотъ край столь интереснымъ для изслѣдователей.

Слѣды указаннаго выше характера заселенія донской Области—пришельцами изъ разныхъ мѣстностей Россіи, не трудно замѣтить и въ настоящее время. Почти каждая станица, съ прилегающими къ ней хуторами, носитъ на себѣ особый отпечатокъ, выражающійся въ произношеніи, формахъ быта, обрядахъ и т. п. Казакъ по говору и по „ухваткамъ“ мѣтко опредѣляетъ мѣсто жительства встрѣчаемаго имъ казака. Различіе между станицами особенно ярко замѣчается въ свадебныхъ обрядахъ, которые, приближаясь вообще или къ великорусскому или малороссійскому типу, тѣмъ не менѣе настолько разнообразны въ частностяхъ, что иногда, по словамъ самихъ казаковъ, въ той же станицѣ обряды, принятые на одномъ концѣ, вовсе не употребляются на другомъ. Но каковы бы ни были элементы, изъ которыхъ создалось и выросло донское казачество, какъ ни разнообразны мѣстные обычаи и обряды—все таки элементу великорусскому, обрядамъ и обычаямъ великорусскимъ принадлежитъ первое мѣсто.

Донскихъ казаковъ еще изстари принято раздѣлять на верховыхъ, населяющихъ сѣверные округа Области, и низовыхъ, живущихъ въ низовьяхъ Дона и вообще на югѣ. Разграничительной черты, рѣзко отдѣляющей тѣхъ отъ другихъ, указать невозможно, но если сравнить сѣверныя и южныя части Области, то различіе въ произношеніи, нравахъ, жилищахъ, одеждѣ окажется весьма значительнымъ. Даже по своему внѣшнему виду верховецъ отличается въ значительной степени отъ низовца. „Верховые казаки по большей части русые, сѣроглазые, брюнетовъ между ними мало. Они крѣпкаго сложенія и способны переносить всякія невзгоды, развиваются очень медленно, но потомъ крѣпчаютъ и достигаютъ глубокой старости. Низовые казаки по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые. Отъ природы они менѣе крѣпкаго сложенія и не легко переносятъ большіе труды. Они ловки и проворны и быстро развиваются, но, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, не

долговѣчны". (Д. Семеновъ, „Отечествовѣдѣніе", М. 1879, II, с. 136).

Говоритъ низовецъ примѣрно такъ: „Ванькя, цайкю, просю, барисня, Маса, ми, ви, стозе и проч.", (сооб. С. Ф. Номикосовымъ). Такого рода выговоръ считается благороднымъ и подъ него поддѣлываются даже пришлые люди „иногородніе". Казакъ сѣверныхъ округовъ говоритъ такъ: „таперича, жанихъ, чатыре, вядро". Верховецъ придерживается старины, онъ консервативенъ; низовецъ наоборотъ склоненъ къ нововведеніямъ: „онъ любитъ, чтобъ все было по новому, онъ тщеславенъ, любитъ краснобайство, чины и почести". Въ то же время низовецъ, по общему отзыву, болѣе дорожитъ своими казацкими привелегіями. Слышанную мною въ низовыхъ станицахъ поговорку: „жизнь хоть собачья, да слава казачья", въ верховыхъ станицахъ казаки употребляли такъ: „хоть слава казачья, да жизнь то собачья". Низовецъ смотритъ на верховцевъ съ презрѣніемъ: „сказано, что верхота—съ свѣчнымъ саломъ кашу ѣстъ", обзываетъ „мужиками", „чигой"—обиднымъ для казака словомъ, значенія котораго донцы не сумѣли однако мнѣ разъяснить. Въ свою очередь и верховецъ не долюбливаетъ южанина, котораго зоветъ „легкобытомъ".

Сравнительно болѣе развитые низовцы имѣли всегда перевѣсъ надъ обитателями сѣверныхъ частей Области и считались старшими, такъ что въ 1592 г. низовые казаки громко выражали свое неудовольствіе царскому послу Нащекину на то, что въ грамотѣ царской „писано напередъ—атаманамъ и казакамъ верховымъ". Получая много добычи, низовцы всегда любили жить роскошно и щеголять своими одеждами передъ небогатыми верховцами, отличавшимися скромностью и простотой въ образѣ жизни. Какъ было это въ старину, такъ осталось и въ настоящее время.

Кромѣ казаковъ, въ области Войска Донскаго, живутъ еще крестьяне, иногородніе и калмыки.

Крестьяне, преимущественно малороссы, появились на Дону послѣ того, какъ казаки сплотились въ одно цѣлое „войско“. Крестьяне эти („черкасы“) бѣжали на Донъ изъ сосѣднихъ губерній и селились, не смотря на строгое запрещеніе нашего правительства, частью при станицахъ, частью на земляхъ, захваченныхъ войсковыми старшинами. Въ началѣ они были простыми вольными батраками. По словамъ г. Карасева, „близь хутора или, вѣрнѣе, двора владѣльца, у большой дороги, ставились рогульки въ видѣ граблей, на которыхъ число льготныхъ для черкасъ дней въ недѣлю обозначалось числомъ зубковъ: такъ владѣльцы донскихъ окраинъ, имѣя подъ рукою болѣе рабочихъ силъ, выставляли на грабляхъ два зубка, а по мѣрѣ удаленія мѣста жительства владѣльцевъ внутрь теперешнихъ Міусскаго и Донецкаго округовъ, надобность въ рабочихъ силахъ чувствовалось сильнѣе, прохожихъ было сравнительно меньше, а поэтому льготные дни увеличивались, и на грабляхъ выставлялось три зубка; особенная ли нужда въ рабочихъ силахъ и заселеніи занятыхъ мѣстностей, или дальновидность нѣкоторыхъ владѣльцевъ увеличивали количество зубковъ до 4-хъ и даже до 5-ти. Черкасы останавливались на отдыхъ передъ каждымъ условнымъ флагомъ и держали громадой совѣтъ, оставаться ли на томъ мѣстѣ или идти дальше искать большія льготы“. (Тр. Д. В. стат. ком. 1867 г., с. 73).

Получивъ дворянство, а вмѣстѣ съ нимъ и право владѣть крестьянами, донскіе чиновники стали пріобрѣтать послѣднихъ путемъ покупки и браковъ съ русскими помѣщицами, въ силу чего число крестьянъ увеличилось. Съ 1796 года крестьяне, жившіе при помѣщикахъ, обращены были въ крѣпостную зависимость. Освобожденные затѣмъ манифестомъ 19 февраля они получили земельные надѣлы и нынѣ живутъ особыми поселеніями. Крестьянъ же, поселившихся при станицахъ еще въ 1811 году, велѣно было причислить къ казакамъ.

Кромѣ крестьянъ на Дону, существуетъ еще особый классъ пришлыхъ людей „иногороднихъ", который состоитъ большею частію изъ ремесленниковъ и рабочихъ, приходящихъ изъ разныхъ губерній на заработки и отхожіе промысла. Въ 1867 году иногороднимъ людямъ, селившимся обыкновенно при станицахъ и хуторахъ, даровано было право пріобрѣтать въ собственность дома и проч. недвижимости. Пріобрѣтшіе полную осѣдлость, имѣютъ право выгонять свой скотъ на общественный выгонъ, а съ 1870 года—участвовать въ управленіи по предметамъ, затрогивающимъ ихъ интересы (Хор. 1. с. р. 129).

Иногороднихъ казаки не любятъ, обзываютъ „русскими", „русью" и всячески притѣсняютъ, хотя по словамъ самихъ же станичниковъ не могутъ безъ нихъ обойтись, потому что „русскій и плетень огородитъ, русскій и коваль, онъ же и землекопъ, и портной, и плотникъ, и овчинникъ, и пустовалъ, и чернорабочій, и торговецъ".

Особенно въ прежнія времена тяжело было положеніе „русскихъ"; завидя напр. казака иногородній еще издали обязанъ былъ поклониться ему; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то „самый послѣдній казачишка" могъ совершенно безнаказанно побить его. Даже и въ настоящее время, при рѣшеніи тяжбы „русскаго" съ казакомъ въ станичныхъ судахъ, нерѣдко примѣняется правило: „казака на мужика мѣнять не приходится". Съ своей стороны и „иногородніе" терпѣть не могутъ казаковъ, обзывая ихъ (особенно въ верховыхъ станицахъ) „чигой проклятой" и завидуя ихъ богатству и обилію плодородныхъ земель.

Въ станицѣ Аннинской мнѣ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующаго разговора, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, довольно ясно выразилось воззрѣніе казаковъ на пришлыхъ иногороднихъ. Въ праздникъ около шинка, столпились казаки, уже нѣсколько подвыпившіе. Въ это время къ шинку пробирался одинъ изъ иногороднихъ крестьянъ, живущихъ при станицѣ. Завидя его, нѣкоторые изъ казаковъ стали браниться.

— Ишь—русь то!.. Русь ты проклятая!

Крестьянинъ остановился и, обернувшись, обратился къ ближе всѣхъ стоявшему казаку:

— Ну, русь; добро. Да ты то кто? Вѣдь и ты оттуда же, и ты русь...

— Какъ это я русь?! удивился казакъ.

— Ругаться лѣзешь?!.. Русь! ишь ты... Мы тебѣ такую русь покажемъ—зашумѣли въ толпѣ.

— Расея ты, говорю—продолжалъ крестьянинъ, обращаясь все къ тому же казаку:—что жь, коли не Расея?

— Расея. Нечего финтить то: казакъ — такъ и называй, а то знаемъ и сами, что Расея.

— Ну, значитъ, все одно.

— Все одно да не то... прытокъ больно!

— Что жь, коли не одно?

— Что жь?! Мы Расея, да не то, что вы: вы—мужики, а мы казаки, царскіе, значитъ, слуги. Вотъ оно что!

— Всѣ нынѣ Царю то служимъ, возражалъ крестьянинъ...

— Эхъ горе—воскликнулъ въ сторонкѣ стоявшій старикъ-казакъ: нынѣ на тихомъ Дону три земли сошлись!..

— Не такъ ты говоришь, перебилъ его другой казакъ:—такъ оно... то есть вотъ какъ... земля то, значитъ, одна, да фамилія то не одна: тѐ—казакъ, тѐ—русскій, а тѐ—и вовсе хохолъ...

— Справедливо... такъ... справедливо говоритъ, зашумѣли въ толпѣ: это такъ... земля то все одна—Расея... такъ оно и есть... *).

---

*) По утвержденію г. Леонова, въ былое время на Дону, былъ еще классъ людей „о з е м е й н ы х ъ" или „приписныхъ за станицами", которые были также бѣглецы изъ разныхъ мѣстностей, но не были приняты въ казаки, частью по причинѣ недостатка царскаго жалованія (на которое имѣлъ право каждый казакъ), частью изъ боязни отвѣтственности за нихъ предъ правительствомъ. Живя при станицахъ эти оземейные „отправляли всѣ земскія повинности, служа замѣною и подмогою казакамъ, но правъ казачьихъ въ общественныхъ

Наконецъ къ нынѣшней Области Войска Донскаго причислены кочевавшіе въ задонскихъ степяхъ калмыки („камлыки"), которые находятся и по настоящее время во враждѣ съ казаками, такъ что калмыкъ, напримѣръ, считая непростительнымъ грѣхомъ воровство въ собственномъ кочевьѣ, въ то же время не только воруетъ у казаковъ при первомъ удобномъ случаѣ, но даже хвастается этимъ передъ товарищами. Подобная нелюбовь казаковъ и калмыковъ имѣетъ свое бытовое основаніе. „Казаки и калмыки — разсказываетъ одинъ изъ изслѣдователей мѣстнаго народнаго быта — до самаго начала настоящаго столѣтія, не смотря на все стараніе русскаго правительства сдѣлать ихъ мирными гражданами, не переставали вести открытую вражду, выражавшуюся во взаимныхъ набѣгахъ другъ на друга съ цѣлью грабежа, преимущественно лошадей, рогатаго скота и овецъ. Войсковое начальство зачастую и совсѣмъ не знало о какомъ нибудь „набѣгѣ". Ни та ни другая сторона не жаловалась, а выжидала болѣе удобнаго момента, когда можно было бы заплатить своимъ непріятелямъ тою же монетою. Благодаря этому, казаки и калмыки всегда тщательно смотрѣли за своимъ скотомъ и неусыпно стерегли его отъ „набѣговъ". Чуть только послышится въ степи топотъ лошадиныхъ копытъ, какъ весь калмыцкій „улусъ" или казачья станица „становится на ноги" и спѣшитъ отразить нападеніе. Съ теченіемъ времени благодаря усилившемуся порядку взаимные набѣги и открытые грабежи стихли, но замѣнились тайными

распорядкахъ не имѣли, и жалованья не получали, пользуясь только нѣкоторыми мѣстными довольствіями, но за то и не обязываясь нести военную службу, въ которую они могли вступить только охотою", т. е. безъ жалованья. Причиной исчезновенія этого класса, по мнѣнію г. Леонова, было увеличеніе жалованія, а съ нимъ и пріема въ казаки послѣ ряда запрещеній съ 1682 г., принимать новопришлыхъ съ Руси людей, смерти и ухода назадъ (Д. В. Вѣд. 1862, № 39—40).

похищеніями; эти кражи въ началѣ текущаго столѣтія были до такой степени сильны, что войсковое начальство не разъ рѣшалось на самыя крутыя мѣры. Одной изъ такихъ мѣръ является распоряженіе „о запрещеніи калмыкамъ кочевать по землямъ, принадлежащимъ станичнымъ обществамъ, и вообще находиться вблизи казачьихъ поселеній". Калмыкамъ послѣ этого былъ отведенъ особый участокъ земли, названный въ то время „Калмыцкимъ кочевьемъ". Изъ предѣловъ этого „кочевья" калмыкамъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, воспрещалось отлучаться въ казачьи юрты". Но долгое еще время калмыки не могли свыкнуться съ новыми порядками и часто покидая свои улусы и сотни уходили въ степь къ казачьимъ станицамъ (Русск. Вѣдом. 1884 г., № 55). На хуторѣ Караичевѣ, казакъ Воробьевъ разсказывалъ мнѣ, что еще не такъ давно между казаками и калмыками не рѣдко устраивались поединки. Калмыки „шайками" подъѣзжали къ берегу рѣки, отдѣлявшей ихъ отъ казацкаго поселенія, и вызывали бойца. До начала поединка полагали такой „залогъ": если побѣдитъ казакъ, то калмыки дадутъ ему двухъ коней, 2 червонца, ведро водки и т. п.; если же побѣдителемъ выйдетъ калмыкъ, то казаки должны поставить водку. Такъ какъ казаки были бѣднѣе калмыковъ, то и платили они всегда менѣе. Уговорившись о вознагражденіи побѣдителю, казаки высылали изъ среды своей бойца, который и переправлялся на тотъ берегъ. Калмыки же на казацкій берегъ, никогда въ подобныхъ случаяхъ не переѣзжали: „имъ дѣлали уваженіе, потому съ ихъ стороны закладъ былъ больше".

Казаки въ подобныхъ поединкахъ нерѣдко выказывали обычную свою ловкость и сметливость. Такъ, по словамъ того же Воробьева, разъ былъ слѣдующій случай. Калмыки поставили, какъ условіе поединка — спибить съ ногъ противника, но при этомъ не дать ему времени упасть на землю, а удержать. Казаки послали лучшаго своего бойца, а противная сторона выпустила

совершенно голаго и обмазаннаго саломъ калмыка. «Вертѣлъ, вертѣлъ казакъ калмыка, видитъ не справиться ему съ нимъ: повалить-то не хитро, да хитро удержать, потому отъ сала-то скользко". Поэтому онъ поднялъ его отъ земли да черезъ голову и кинулъ въ рѣку, а потомъ и самъ бросился въ воду и вытащилъ противника на рукахъ. Всѣ калмыки пришли въ восторгъ отъ такой продѣлки и подарили казаку за это четырехъ лошадей. Въ другой разъ выпустили калмыки такого богатыря, „что страшно глядѣть было на него: роста огромнаго, въ плечахъ косая сажень, между глазами — четверть аршина". „Закладъ" со стороны калмыковъ былъ такой: двѣ лошади, ведро водки и два червонца. Переѣхали на ту сторону два казака, да и боятся вступить въ бой: одинъ говоритъ — „иди ты, Петро", а другой говоритъ — „нѣтъ, ужъ ты пойди". Наконецъ сошлись. Казакъ приподнялъ калмыка вверхъ, да такъ ударилъ объ камень, что „верхушка черепа въ сторону отлетѣла". Взвыли тогда калмыки, а казаки, проворно схвативши обѣихъ лошадей и червонцы, пустились вплавь на свой берегъ и добрались благополучно до дому, не смотря на преслѣдованія калмыковъ. „Жалѣли только, что водкой не пришлось попользоваться, такъ на томъ берегу и осталась"...

Въ царствованіе Государя Александра Николаевича въ донскомъ войскѣ совершены были крупныя реформы: сокращенъ срокъ военной службы, дозволенъ выходъ изъ казацкаго сословія, созданъ классъ торговыхъ казаковъ, введены земскія учрежденія и т. д. За послѣдніе годы, по общему отзыву въ казацкомъ быту замѣчаются значительныя перемѣны. Рушится стародавній складъ жизни и патріархальные обычаи уступаютъ давленію измѣняющихся условій быта. Съ грустью глядятъ на это старики, не зная, какъ пособить горю. Вотъ что напр. писалъ мнѣ въ февралѣ минувшаго года урядникъ Ив. Мих. Поповъ изъ Малодѣльской станицы: "... и еще всѣмъ сходомъ просимъ васъ: у насъ на Дону

или въ нашемъ округѣ сдѣлалось большое неудовольствіе на счетъ военной службы—вовсе богатые не стали служить и очереди правильной не стало и не знаемъ, гдѣ искать справедливость; въ округахъ уже вѣрно нечего добиваться и наказному атаману подавали просьбы — и тутъ чего-то тупо дѣлается. Богачи вовсе перестали служить: все находятъ причину—либо при станицѣ или какъ нибудь, да не въ полки. При покойномъ Государѣ Николаѣ сроду это не было, а кто за кѣмъ родился и до вѣку такъ состоитъ. А нынѣ, если народу въ году мало требуется — первые пойдутъ, а задніе остаются дома и никуда не требуются, а другой годъ тоже первые идутъ, а задніе тоже дома, и такъ ихъ служба дома проходитъ; а богатые и наровятъ въ задніе-то попасть; только и служатъ самые бѣдные. Стало горе на Дону—порудили Государеву правду. А мы разсуждаемъ: за что имъ давать заслуженной земли?! И очень старикамъ досадно: мы по 25 лѣтъ служили, а нынѣ не хотятъ одинъ разъ сходить"...*). Г-нъ Шкрыловъ видитъ одну изъ причинъ участившихся за послѣднее время дѣлежей въ казацкихъ семьяхъ—въ желаніи „воспользоваться установленной закономъ, льготой для тѣхъ казаковъ за выходомъ которыхъ на службу въ семействѣ не останется взрослаго работника" (Д. О. В. 1876 г., № 50).

Особенно недовольны казаки земскими учрежденіями. „Казакъ по принципу не хочетъ нести денежныхъ повинностей за свою землю. Онъ говоритъ такъ: земля наша отнята у враговъ Россіи нашими предками и пожалована намъ Царемъ за службу; служить будемъ до послѣдняго издыханія, а платить на земство не согласны" (Д. О. В. 1881, № 78). Это послѣднее нововведеніе сильно тревожитъ донцовъ. Между ними ходятъ слухи, что войско донское доживаетъ „послѣднія вре-

Сообщаю это лишь какъ указаніе на отношеніе стариковъ къ новымъ порядкамъ; насколько справедливо сказанное предоставляю судить лицамъ ближе меня знающимъ мѣстный бытъ.

мена“, что вмѣсто казачьихъ полковъ „будутъ уланы“, что казаковъ „переведутъ въ мужики“ и т. п. Въ стан. Камышевской одинъ изъ бесѣдовавшихъ со мною казаковъ говорилъ слѣдующее: „Послѣднія времена пришли —нечего ужъ этого таить. Ты посмотри: теперь сынъ отца больше не слухаетъ, къ старшимъ почтенія нынѣ нѣтъ вовсе, братъ съ братомъ ссорится—все такъ, какъ въ Писаніи сказано. А вотъ скоро земли мало станетъ, тогда Царь велитъ намъ казакамъ на Амуръ — рѣку идти. А Донъ тогда встанетъ весь, какъ одинъ человѣкъ, и будетъ великій бой. Тогда и свѣту конецъ“.........

Взглянемъ теперь на отдѣльныя стороны быта донскихъ казаковъ.

На Дону наглядно можно прослѣдить процессъ развитія поземельныхъ отношеній. Когда бытъ носилъ характеръ пастушескій, когда исключительно занимались скотоводствомъ, то при огромномъ количествѣ незанятаго пространства не было никакой надобности раздѣлять землю между отдѣльными членами общины. При появленіи земледѣлія зарождается наклонность отвести каждой семьѣ особый участокъ. Каждому домохозяину сперва позволяютъ брать для себя въ пользованіе столько земли, сколько ему потребуется. При незначительномъ еще количествѣ населенія, земли хватаетъ на всѣхъ, и „обиженныхъ" нѣтъ вовсе. Но когда число членовъ общины годъ отъ году прибавляется и земледѣліемъ начинаютъ заниматься усерднѣе, то все слышнѣе раздаются голоса въ пользу болѣе точнаго опредѣленія земельныхъ отношеній — въ видѣ нарѣза на долю каждаго члена общины равнаго участка земли. Эти голоса раздаются изъ среды бѣдныхъ и маломощныхъ членовъ общины, которые оказываются къ этому времени сильно стѣсненными въ пользованіи общей землей со стороны богатыхъ. Но тутъ является столкновеніе принциповъ общинной собственности и собственности частной. Защитниками послѣдняго принципа являются богатые и полномочные члены общины. Дѣло въ томъ, что болѣе энергичные, болѣе способные, болѣе сильные успѣли уже захватить лучшія части общинной земли и, передавая свои участки потомкамъ изъ рода въ родъ,

Поземельныя отношенія.

положили первое основаніе частной собственности. Этими то выгодами они не желаютъ поступиться въ пользу болѣе бѣдныхъ и слабыхъ, а потому всѣми силами стараются воспрепятствовать уравнительному между всѣми раздѣлу земли до тѣхъ поръ, пока сама сила обстоятельствъ не заставитъ ихъ уступить требованію большинства (см. Mackenzie Wallace „Russia", London 1879, cap. 23). Чтобы сказанное не осталось голословнымъ приглядимся ближе къ поземельнымъ отношеніямъ въ средѣ донскихъ казаковъ.

Въ былое время.

Земля, называемая нынѣ Областью Войска Донскаго (съ границами неопредѣленными точно до 1786 г.), искони считалась принадлежащей всему Войску. Отдѣльные казачьи городки или станицы только пользовались болѣе или менѣе обширными земельными участками; занимать же мѣста, какъ и селиться, можно было, гдѣ угодно: казаки всѣхъ станицъ безъ различія имѣли право „по всему Войску" производить покосъ, а также и рыбный и звѣриный промыслы (Тим. с. 145.).

Въ это время на Дону совсѣмъ не занимались земледѣліемъ. Средствами существованія служили звѣроловство, рыболовство и скотоводство (Соколовскій l. c. p. 194). Земледѣліе даже было запрещено подъ страхомъ смертной казни. Такъ въ 1690 году по словамъ г. Н. Краснова, „мы встрѣчаемъ грамату Войсковаго круга, посланную по хоперскимъ и медвѣдицкимъ городкамъ, гдѣ между прочимъ запрещено пахать землю и сѣять хлѣбъ: „а если станутъ пахать—сказано въ граматѣ—и того бить до смерти и грабить" (мат. д. Геогр. и Статист. Россіи; Земля В. Д. Спб. 1863 г., ст. 54). Степью въ это время пользовались только какъ пастбищемъ для скота и какъ мѣстомъ для сѣнокоса. Для послѣдней цѣли каждый казакъ или артель казаковъ облюбовывали себѣ въ степи мѣсто, гдѣ и сколько было угодно, скашивали по краямъ траву или же просто втыкали въ землю прутъ, навязавъ на него клочекъ травы, и, согласно обычаю, мѣсто это считалось для другихъ

неприкосновеннымъ. Скосивъ траву и сложивъ сѣно въ стога, оставляли среди степи въ полной увѣренности, что все будетъ цѣло. И дѣйствительно ни вражьи шайки калмыковъ, ни полчища татаръ, сновавшія тогда во всѣхъ направленіяхъ по необъятному степному пространству, разоряя и грабя станицы, не трогали сѣна, согласно тогдашнему международному обычаю (Красновъ „Ист. очерки Дона" Рус. Рѣчь 1881 г. № 1. *). Со времени Петра I начинаетъ появляться и на Дону земледѣліе. Между тѣмъ, по мѣрѣ прироста населенія, почувствовалось въ землѣ стѣсненіе, и старинный порядокъ вольнаго занятія войсковыхъ земель долженъ былъ видоизмѣниться: необходимо стало назначить для каждой станицы отдѣльный участокъ земли, т. н. юртъ, и урегулировать отношенія между сосѣдними юртами. Поэтому разграниченіе „юртовыхъ довольствій" новопоселяющіеся казаки должны были производить сами, но съ общаго согласія сосѣднихъ станицъ. „Они составляли по сему предмету запись и представляли ее въ Главное Войско. Вслѣдствіе сего Войско выдавало станицамъ такъ называемыя разводныя граматы. Надобно замѣтить, что въ разграниченіе входили только самыя удобныя мѣста, какъ-то: лѣса, луга и озера, находящіеся при берегахъ рѣкъ, и нѣкоторая часть прилежащей къ тѣмъ рѣкамъ степи; отдаленныя же отъ станицы земли находились въ общемъ довольствіи. Границы юртовъ означаемы были не столбами или другими знаками, а просто живыми урочищами или замѣчательными признаками природы. Весьма легко случалось, что таковыя границы черезъ нѣкоторое время уничтожались; отъ этого происходили между станицами споры за поземель-

Первыя стѣсненія въ землѣ.

Разводныя граматы.

*) Въ докладѣ царю Алексѣю Михайловичу 1648 г. сказано: „а къ зимѣ де они готовятъ сѣна и Крымцы де и Ногайцы и Азовцы сѣнъ у нихъ не жгутъ, потому только де у нихъ сѣно жечь, и они де, пришедъ подъ Азовъ, около Азова все разорятъ и въ томъ де у нихъ съ Азовцы живетъ миръ" (И. о. З. В. Д. II. 577).

ныя довольствія. Въ такихъ случаяхъ недовольные обыкновенно искали правосудія въ Войскѣ. Для прекращенія споровъ Войсковой кругъ поручалъ кому-либо дѣло разобрать на мѣстѣ и склонялъ спорящихся къ согласію на общую правду, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который, поклявшись передъ Евангеліемъ поступить въ этомъ дѣлѣ по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю границу: черезъ какія урочища проходилъ сей посредникъ тяжбы, такъ и считалась граница юрта." (И. о. II, стр. 573). Въ 1706 году, февраля 28 дня, послѣдовала Высочайшая грамата, которая воспрещала занимать пустопорожнія мѣста безъ разрѣшенія Войсковаго правительства, и обрядъ позволенія Главнаго Войска на занятіе новыхъ юртовъ снова измѣнился.

Заимныя граматы.

„Объявившимъ желаніе завести новую станицу давалась отъ Войска такъ называемая заимная грамата; въ ней излагалось дозволеніе занять безпрепятственно отъ сосѣднихъ станицъ въ пустѣ лежащія мѣста, и собрать станицу. Когда по таковому дозволенію учреждалось поселеніе, тогда основатели станицы обязаны были вновь входить съ прошеніемъ въ Войско и представить отъ себя и отъ сосѣднихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть коихъ полагалось безобидное разграниченіе поземельныхъ довольствій съ смежными станицами. Затѣмъ разграниченіе это записывали и представляли въ Войско на утвержденіе; послѣ сего Войско выдавало уже разводныя грамоты. Иногда выдавались заимныя граматы съ такимъ предписаніемъ, чтобы какъ основатели новой станицы, такъ и станицы смежныя, съ общаго согласія между собою, назначили сами границы новаго юрта и составили о томъ запись, въ отвращеніе на будущее время споровъ." (И. о. З. В. Д. II, стр. 574).

Захватъ войсковыхъ земель частными лицами.

Между тѣмъ уже и въ то время наиболѣе богатые, сильные и вліятельные казаки преимущественно изъ войсковой старшины успѣли захватить себѣ огромныя степныя пространства. О раздачѣ земель частнымъ ли-

цамъ въ потомственное пользованіе (обыкновенно въ награду за службу) особенно заботилось съ прошлаго столѣтія и само Войсковое начальство въ интересахъ скорѣйшаго заселенія пустопорожнихъ мѣстъ на Дону, „чтобъ ихъ не отрѣзали къ другимъ губерніямъ“ (Голосъ 1865 г., № 255). Для обработки этихъ земель донскіе чиновники принимали (хотя это было строжайше запрещено) къ себѣ крестьянъ, которые, бѣжавъ на Донъ, селились на ихъ земляхъ и работали сначала какъ вольные батраки, пока указомъ 12 декабря 1796 г. они не были укрѣплены за помѣщиками. Такимъ образомъ на войсковыхъ земляхъ часто подлѣ самой станицы появилась масса крѣпостныхъ крестьянъ, число которыхъ все усиливалось вслѣдствіе дальнѣйшаго пріобрѣтенія ихъ донскими чиновниками посредствомъ женитьбы на русскихъ помѣщицахъ, посредствомъ даренія и покупки. Крестьяне эти тѣснили казаковъ въ пользованіи юртовыми довольствіями, что и подавало поводъ къ ссорамъ помѣщиковъ съ казаками, доходившихъ иногда до драки.

Появленіе крестьянъ, столкновенія со станичниками.

Наконецъ въ 1816 году Государь Александръ Павловичъ Высочайшимъ своимъ указомъ воспретилъ перевозить крестьянъ для поселенія на Донъ (тр. О. В. Д. ст. комит. 1874 г., ст. 32). Однако, не смотря на такіе захваты войсковыхъ земель чиновниками, не смотря на дарованіе послѣднимъ россійскаго дворянства и связаннаго съ нимъ права владѣть крестьянами, въ это время на Дону, по утвержденію г. Ветчинкина, „еще не существовало потомственное владѣніе землей на правѣ собственности; земля переходила обыкновенно отъ отца къ дѣтямъ, но это дѣлалось на томъ же основаніи, на какомъ и при общинномъ владѣніи участки, обрабатываемые тѣмъ или другимъ лицомъ, продолжаютъ и послѣ смерти его оставаться въ пользованіи его семейства“ (l. c.). Но въ 1835 году создано Положеніе о Войскѣ Донскомъ и учреждена межевая коммиссія „для распредѣленія всѣхъ удобныхъ земель, сообразно истиннымъ

Характеръ отношенія дон. чин. къ захваченнымъ участкамъ.

«Положеніе» 1835 г.

надобностямъ всего войсковаго общества и каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности“. Коммиссія обязана была: во 1-хъ размежевать юртовыя станичныя довольствія на правѣ общиннаго владѣнія; во 2-хъ надѣлить помѣстныхъ чиновниковъ участками изъ свободныхъ земель по числу ихъ крестьянъ, считая на душу по 15—20 десят. (кн. Васильчиковъ „Землевладѣніе“); въ 3-хъ отвести донскимъ чиновникамъ пожизненные и срочные участки на правѣ временнаго пользованія; въ 4-хъ размежевать различные участки на войсковыя надобности (труды стат. ком., ст. 44). Этимъ Положеніемъ помѣщики со своими крестьянами были выведены изъ станичныхъ юртовъ (кн. Васильчиковъ 1. с., часть II, ст. 337). Положеніе 1835 г., говоритъ г. Карасевъ, „въ теоріи порѣшило долгій споръ между казаками и помѣщиками: оно отдѣлило два враждебныхъ элемента другъ отъ друга,

Его значеніе.

оставивъ казаковъ единственными обладателями своихъ рѣзко ограниченныхъ юртовыхъ довольствій и выселивъ всѣхъ юртовыхъ крестьянъ на свободныя Войсковыя земли, избранныя по желанію ихъ помѣщиковъ. Какъ громомъ поразило это постановленіе юртовыхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ нужно было во 1-хъ—безпокоиться отысканіемъ для себя другихъ мѣстъ для поселенія, тратиться на перенесеніе хозяйства, а во 2-хъ (самое тяжелое) разстаться съ неограниченными и богатыми юртовыми землями, на выборъ которыхъ у ихъ сильныхъ предковъ рука не дрогнула. Не менѣе ужаснымъ Положеніе 35 года показалось и тѣмъ помѣщикамъ, которые имѣли владѣнія на свободныхъ земляхъ и слѣдовательно не подлежали переселенію: имъ назначено было опредѣленное количество десятинъ на душу восьмой ревизіи *) и тѣмъ самымъ изъ подъ ихъ распоря-

*) На каждую душу мужскаго пола 8-й ревизіи опредѣлено нарѣзать 15 десятинъ земли, съ переходомъ ея въ потомственное владѣніе донскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ на Дону связь между владѣльческой землей и крестьянами выразилась въ діаметрально про-

женія ускользнули огромныя пространства земель, владѣемыя ими на правѣ перваго завладѣнія“ (тр. Донск. Войск. стат. ком. 1867 г., ст. 84).

Характеръ отношенія донск. чин. къ землѣ послѣ «Положенія.

Однако и по новому этому Положенію земля донскимъ чиновникамъ доставалась съ такими ограниченіями, что владѣніе ею и теперь, по словамъ г. Ветчинкина, далеко нельзя было назвать полнымъ правомъ собственности: „во 1-хъ, продать потомственную землю дозволялось только донскому чиновнику изъ казачьяго сословія; во 2-хъ, если откроются пріиски антрацита и каменнаго угля, то отбирать оные въ Войско, а въ замѣнъ нарѣзывать такое же количество земли въ другомъ мѣстѣ, и въ 3-хъ, Войску предоставлено право для войсковыхъ надобностей разработывать дикій камень въ каждой потомственной дачѣ владѣльца безъ всякаго вознагражденія“ (тр. О. В. ст. ком. 1874 г., ст. 33).

Окончательное установленіе частной земельной собственности на Дону.

Окончательно въ полную собственность донскихъ помѣщиковъ перешли ихъ земли только 29 января 1868 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, разрѣшающимъ донскимъ чиновникамъ владѣть и распоряжаться потомственными своими землями на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній (тр. О. В. ст. ком. 1874 года, ст. 35). Наконецъ по случаю трехсотъ-лѣтняго юбилея Войска Донскаго Государевой милостью даровано, чтобы всѣ срочные участки *)

тивоположной формѣ: не крестьяне пришли къ помѣщику по землѣ, а земля по крестьянамъ (Карасевъ ст. 86).

*) Надѣленіе чиновниковъ съ семействами поземельными участками вызвано было тѣмъ соображеніемъ, что жалованье въ казачьихъ войскахъ весьма не велико и нѣтъ пенсіи, тогда какъ земли довольно. Еще со времени Платова, по словамъ кн. Васильчикова, многіе заслуженные войсковые чины выпрашивали или вымогали себѣ пожизненныя владѣнія срочными участками, а потомъ обращали ихъ, безъ спроса станичниковъ, въ постоянныя безсрочныя владѣнія (l. c., ср. 337). Раздача пожизненныхъ участковъ производилась съ 1845 до 1858 года, когда были изданы правила о надѣлѣ срочными участками безземельныхъ и мелкопомѣстныхъ чиновниковъ Войска Донскаго. (тр. ст. ком., ст. 69).

предоставлены были чиновникамъ въ вѣчную потомственную собственность; на будущее же время раздача земли прекращается, а въ замѣнъ ея увеличивается чиновникамъ жалованье (ibid., ст. 78). Такимъ образомъ владѣнія донскихъ помѣщиковъ и крестьянскіе надѣлы окончательно исключены изъ числа земель, принадлежащихъ Войску, нынѣ частью размежеванныхъ на войсковыя нужды, подъ калмыцкіе улусы и пр., а частью отведенныхъ отдѣльнымъ станицамъ подъ названіемъ „станичныхъ юртовъ“ *). Станицамъ отведено по 30 десятинъ на каждую душу мужскаго пола, по переписи 1837 г. На случай же увеличенія народонаселенія отведены, гдѣ было возможно, добавочные надѣлы. Но съ теченіемъ времени населеніе быстро возрасло такъ, что уже въ 1874 году, по соображеніямъ донской межевой коммиссіи, для надѣленія по 30 десятинъ удобной земли на каждую душу мужскаго пола будетъ недостаточно всѣхъ войсковыхъ запасовъ и свободныхъ земель. Такъ какъ по переписи 1872 г., получается уже на каждую душу только до 25 десятинъ удобной земли (ibid., ст. 54). Въ предѣлахъ каждаго „юрта“ находится станица и нѣсколько „хуторовъ“ („поселковъ“), которые тянутъ къ ней въ административномъ и въ экономическомъ отношеніи **). Землей станица съ прилежащими къ ней хуторами владѣютъ сообща. По

Юрты станичные.

---

*) Нынѣ вся поверхность Области занимаетъ 14,517,014 десят. Изъ этого числа калмыкамъ 520,000 десят.; помѣстнымъ лицамъ 1.607,749 десятинъ, чиновникамъ въ участкахъ 1.287,741; для частнаго коннозаводства 801,871 десятина; запасъ 2.277,317 десятинъ; станичнымъ юртамъ 8.022,336 десятинъ (Хорошхинъ l. c. ст. 73).

**) Во время проэкта распредѣленія юртовыхъ довольствій строго соблюдалось, чтобы прежнія угодья и урочища, бывшія во владѣніи станицъ, оставались за ними и при новыхъ надѣлахъ. Отъ каждой станицы при межеваніи находились три депутата, и они всѣми мѣрами старались сохранить въ своемъ владѣніи хутора, разбросанные большею частью по различнымъ балкамъ и рѣчкамъ; отчего многіе станичные юрты получили весьма уродливыя формы, напр. юртъ станицы Старогригорьевской растянулся не широкою полосою, извилистою болѣе чѣмъ

уставу о благоустр., каз. сел. В. Д., каждая станица должна избрать и назначить изъ доставшейся на ея долю земли одну часть собственно для пашни, другую — для сѣнокосовъ; затѣмъ отвести два участка подъ пастбище: одинъ для скота и лошадей рабочихъ, другой для конскихъ табуновъ и скота гулеваго (тр. ст. к., стр. 50). „Эти правила однако не соблюдаются какъ бы слѣдовало: раздѣленіе дѣлается безъ содѣйствія землемѣра безъ всякаго разбора въ хозяйственномъ отношеніи и при неравномѣрномъ пользованіи землями пахотными" (ibid).

Итакъ, „юртовыя довольствія" состоятъ изъ земли пахатной, сѣнокосовъ степныхъ и луговыхъ, пастбищъ, лѣса, рыбныхъ ловель и пр. Способы пользованія станичными „довольствіями" разнообразятся по мѣстностямъ. Такъ прежде всего не одинаково пользованіе землей пахатной. Юртовыя довольствія.

на 100 верстъ; наибольшая ширина его не достигаетъ и 15 верстъ; юртъ ст. Кепинской, разорвавшись на два клочка, представляетъ совершенно луну въ концѣ первой четверти, растянувшись дугообразно болѣе чѣмъ на 80 верстъ" (тр. Д. ст. ком. 1874 г., ст. 45). Самые юртовые надѣлы, согласно сообщенію г. Калмыкова, не равны: 16,940 десят.—до 118,527 десят. (ст. Владимірская и Вешенская). Но они замѣчательно равномѣрны: среднимъ числомъ около 10 десят. на душу остается почти во всѣхъ станицахъ, изрѣдка падая до 7 десят. и подымаясь до 13 десят. Такая равномѣрность объясняется, по мнѣнію г. Калмыкова, съ одной стороны не такъ давнимъ еще пропорціональнымъ размежеваніемъ юртовъ, а затѣмъ отчасти свободными переселеніями казаковъ изъ стѣсненныхъ станицъ въ болѣе привольныя. Менѣе 7 десят. только въ ст. Букановской, Курмоярской и въ ст. Есауловской. Если, кромѣ этихъ трехъ станицъ другія не заявляли никакихъ жалобъ на свои юртовыя довольствія, то это, по мнѣнію г. Калмыкова, потому, что въ большинствѣ станицъ жители пользуются юртовыми довольствіями безъ всякаго порядка и сами не даютъ себѣ отчета, что будетъ при раздѣлѣ земли на хуторскіе участки. Въ настоящее уже время пастбища, благодаря безпорядочнымъ разселеніямъ хуторовъ, у большинства низовыхъ поселеній весьма тѣсны и скудны, а, при точномъ разграниченіи участовъ и тщательномъ воспроизращеніи лѣсовъ во всѣхъ мѣстностяхъ, подобныя стѣсненія окажутся осязательнѣе (О. Д. В. 1874 года № 29).

Способы пользованія землей пахатной.

Въ 1873 году оффиціальнымъ путемъ было предписано всѣмъ станицамъ доставить свѣдѣнія о принятыхъ въ каждой способахъ пользованія юртовыми довольствіями, и результатомъ собраннаго матеріала была статья г. Калмыкова, помѣщенная въ Дон. Областныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г. (№№ 29, 30). Обнаружилось, что изъ всѣхъ 110 станицъ Области только 40 станичныхъ юртовъ „раздѣлены на хуторскіе участки, уравнительно, т. е. пропорціонально населенію и на паи, а въ остальныхъ 70 станицахъ пользованіе юртовой землей было свободное, не ограниченное ни количествомъ, ни мѣстностью". Со времени сообщеній г. Калмыкова прошло однако уже болѣе десяти лѣтъ и за это время положеніе дѣла измѣнилось: съ каждымъ годомъ все большее число станичныхъ юртовъ передѣляется уравнительно на паи. Но и до сихъ поръ во множествѣ казачьихъ станицъ употребителенъ старинный и первобытный способъ вольнаго пользованія землей.

«Вольное» пользованіе.

Въ такихъ станичныхъ юртахъ каждый хуторъ „имѣетъ подручную толоку, ограниченную какими нибудь живыми урочищами или пашнями". Для посѣва льна, проса и для бакчей въ такихъ общинахъ такъ же иногда опредѣляются извѣстныя полосы въ степи, которыя и раздѣляются на мелкіе паи; передѣляются (ежегодно) такъ же луга (Д. О. В. 1874, № 30). Остальную же степь воленъ каждый казакъ распахивать, гдѣ угодно и сколько угодно. По обычаю, разъ захваченныя пашни остаются во владѣніи захватившаго, доколѣ онъ ихъ обработываетъ. Если же въ теченіи 1 или 2, или 3, или 4, или 5 (въ разныхъ мѣстахъ не одинаково) годовъ пашня прежнимъ ея хозяиномъ остается не обработанной, то взять ее можетъ всякій желающій. Земля въ этихъ общинахъ пашется не сплошными десятинами, а небольшими полосами, т. наз. загонами, которые разбросаны по степи въ различныхъ направленіяхъ и въ

страшномъ безпорядкѣ *). Пропадаетъ даромъ огромное количество земли, оставляемое въ промежуткахъ между загонами разныхъ хозяевъ. Эта свободная земля оставляется либо для того, чтобы на ней могли пастись волы, которые пригоняются сюда во время работы, либо потому, что „такъ уже предки на означенныхъ мѣстахъ пахать начали“, а новыя запахивать нынѣшнимъ хозяевамъ нѣтъ охоты. И дѣйствительно, загоны большею частью происхожденія не новаго: распахиваютъ тѣ же мѣста, на которыхъ сѣяли дѣды.

Поля въ подобныхъ общинахъ не похожи на русскія нивы внутреннихъ губерній, которыя пашутся сплошными десятинами и которыя можно уподобить коврамъ, сотканнымъ изъ разныхъ шелковъ и узоровъ; здѣшнее поле похоже на огромный плащъ, испещренный въ разныхъ мѣстахъ заплатами, не одинаковыми по формѣ и по размѣру.

Полномочные и маломочные станичники.

Итакъ каждый казакъ въ общинахъ этого типа пашетъ столько, сколько у него хватаетъ силъ. „Размѣръ обрабатываемой земли, говоритъ г. Ветчинкинъ, зависитъ не отъ числа душъ составляющихъ семейство, но отъ средствъ, какими можетъ располагать казакъ.“ Такимъ образомъ, выгода отъ надѣла земли въ большемъ количествѣ выпадаетъ на долю однихъ только богатыхъ (Ветчинкинъ l. c. p. 50). Полномочный беретъ десятинъ 150 и болѣе, маломочный 1—2 десятины. Бываетъ такъ, что маломочный имѣетъ право на 3—4 пая, а обрабатываетъ лишь одну десятину, а иной полномочный, имѣя право только на одинъ пай, распахиваетъ болѣе сотни десятинъ. „У зажиточнаго хозяина, говоритъ г. Тетеревятниковъ, имѣющаго два плуга воловъ и три четыре

---

*) Землю считаютъ либо десятинами, либо „загонами“, „кругами“ (напр. „у него столько-то загоновъ“) или же количествомъ мѣръ посѣва („у такого-то казака столько-то мѣръ посѣва“), какъ объ этомъ еще сообщалъ професс. Ходецкій (Оч. З. В. Д. стр. 35) и какъ мнѣ самому приходилось наблюдать въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ.

упряжныхъ лошади, какъ только хлѣбъ начали возить съ поля на гумно, такъ у него тутъ же начинается молотьба; отправляется онъ на лошадяхъ въ городъ съ хлѣбомъ; пары три, четыре воловъ продолжаютъ молотьбу, а одинъ плугъ выходитъ далеко раньше всѣхъ небогатыхъ сосѣдей въ поле и захватываетъ свои и чужія заложки по собственному выбору.... Пока небогатый хозяинъ уберетъ съ поля хлѣбъ на одной или двухъ парахъ и пока молотитъ его тѣми же парами, то и осень поздняя наступаетъ, и онъ самъ теряется и не знаетъ за что схватиться: ни то въ городъ идти, чтобы зашибить деньжонокъ на самыя необходимыя потребности семьи, ни то въ поле выѣзжать распахать одну, двѣ заложки, обракованныя зажиточнымъ сосѣдомъ, и всегда бѣднякъ въ убыткѣ."

Наконецъ богатые не довольствуются тѣмъ количествомъ земли, какое они въ силахъ вспахать и обработать сами. Чтобы извлечь возможно болѣе выгодъ, они прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ. Они ограничиваются лишь тѣмъ, что опахиваютъ кругомъ,—„загоняютъ", по мѣстному выраженію, извѣстное пространство земли, т. е. проводятъ нѣсколько бороздъ по бокамъ нивы, оставляя середину не тронутою („обойдя залежъ два, три раза и рѣдко до семи разъ"), и затѣмъ переѣзжаютъ на другое мѣсто, гдѣ повторяютъ тоже самое. По стародавнему обычаю, всѣ отмѣченныя такимъ образомъ пашни считаются для остальныхъ неприкосновенными. Захвативши этимъ способомъ нѣсколько участковъ, они часть ихъ обрабатываютъ сами, другую же часть отдаютъ тайно въ аренду пришлымъ иногороднимъ крестьянамъ подъ предлогомъ нанятія ихъ къ себѣ въ годовые работники или же, „если сила не беретъ распахать всѣ загнаные залоги, какъ слѣдуетъ по хозяйски, то они спѣшатъ почернить ихъ хоть чрезъ агрѣхъ да помельче, а потомъ побрызгаютъ по такой ненадежной пашнѣ жито порѣже и снимаютъ его, какъ падалицу, на кормъ скоту... Брызгаютъ

житомъ иногда и по тѣмъ залогамъ, которыхъ срокъ трехлѣтній на исходѣ, чтобы показать на нихъ жнивье и увѣрить претендента, что срокъ еще не минулъ, что на залогѣ былъ наволокъ. Такъ зажиточные хозяева пріобрѣтаютъ сотни копенъ на кормъ для скота преимущественно на залогахъ". (Тетер.).

Притѣсненія бѣдняковъ богатыми.

Такъ ведется дѣло изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и захваченныя мѣста становятся наслѣдственнымъ владѣніемъ. Разумѣется, такой порядокъ безобиденъ для всѣхъ до той лишь поры, пока населенія еще мало и земли достаетъ для всѣхъ. Но какъ скоро возрастаетъ населеніе, то является столкновеніе богатыхъ съ бѣдными. Лучшая земля къ этому времени захвачена сильными. Богатый казакъ, повторяю, всегда имѣетъ возможность выѣхать въ поле для запашки прежде, чѣмъ бѣдные успѣютъ сжать и смолотить хлѣбъ. Вдовъ, сиротъ и вообще маломочныхъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, позволяя себѣ даже явныя насилія; такъ напр. трехлѣтнія залежи, оставленныя бѣдняками для покоса запахиваются сильными станичниками (Д. О. В. 1874 г., № 67). Въ концѣ концовъ бѣдныхъ вытѣсняютъ на окраины юрта, а многіе изъ нихъ остаются вовсе безъ земли и вынуждены наниматься въ работники къ богатымъ. „Нѣкоторые изъ бѣдняковъ, говоритъ г. Тимощенковъ о Казанской ст., приставали къ плугамъ людей зажиточныхъ и работали съ извѣстнаго дня, вырабатывая и плугъ, и землю: работали напр. одну недѣлю за день паханія, а другую — за то, что хозяинъ уступалъ имъ клочекъ своей земли" (l. c.). Тоже самое мнѣ привелось слышать въ ст. Камышевской и др. Такими то способами полагаются здѣсь основы потомственной нищетѣ, а земля, не смотря на то, что она принадлежитъ всей станицѣ, на дѣлѣ, вся или по крайней мѣрѣ лучшая ея часть, оказывается въ рукахъ немногихъ. Такъ въ ст. Петровской и Тепикинской „нѣкоторые изъ хозяйственныхъ гражданъ не имѣютъ и сажени земли, не

смотря на все свое старанье имѣть ее; тогда какъ другіе на одинъ пай ея захватываютъ по 400—500 десят. (!). Въ Тепикинской станицѣ два брата Раковы (урядникъ и казакъ торговаго общества) захватили на свои два пая 1000 и болѣе десятинъ. Они сѣютъ круговъ 100 льна и столько же пшеницы, а также и др. хлѣбовъ. Они боронятъ весной въ 75 боронъ и пашутъ въ 30 и 40 плуговъ. Для этого они покупаютъ гуртъ воловъ, работаютъ на нихъ лѣто, а осенью отгуливаютъ ихъ, часто тоже на общественной землѣ и отгоняютъ на продажу во внутр. губ. Есть и другіе хозяева въ этой станицѣ, имѣющіе 5 своихъ плуговъ и плуговъ по 20 нанимающіе еще крестьянскихъ, для распашки захваченной изстари общественной земли." (Д. О. В. 1875 г., № 77). Точно также и въ Петровской станицѣ встрѣчаются большіе захваты земли. Одинъ изъ станичниковъ (ур. Фед. Федоровъ) „подъ видомъ покупки воловъ нанимаетъ ихъ, нанимаетъ также людей и пашетъ 12-ю плугами и 15-ю сохами съ іюля мѣсяца до глубокой осени" (ibid.). Въ ст. Константиновской также нынѣ богатые живутъ на счетъ бѣдныхъ: богатые съ своими средствами успѣваютъ напахать отъ 40 до 60 десятинъ одной зяби, да вешней до 5 десятинъ, кромѣ того, у него мягкой земли отъ прошлой весны до 5 десятинъ для наволока; слѣдовательно, онъ засѣваетъ весной до 70 десятинъ; да еще у него подъ житомъ до 10 и болѣе десятинъ, да подъ озимой; а между тѣмъ ему только опредѣлено Положеніемъ 30 десятинъ всего довольствія, какъ-то: луговаго, пахатнаго и степнаго. Съ однимъ плугомъ его же станичникъ едва успѣваетъ вспахивать, при всемъ своемъ усердіи, зяби до 10 десятинъ, да весной двѣ или три десятины; столько же у него осталось отъ прошлой весны подъ наволокъ, слѣдовательно, всего посѣетъ онъ 15 десятинъ. А вѣдь у насъ много и такихъ, которые спрягаются въ одинъ плугъ по два и по три хозяина; есть и такіе, у которыхъ ни кола, ни двора". (Д. О. В. 1873 г., № 3).

Произволъ сильныхъ и неурядицы въ пользованіи общинной землей.

При такой неопредѣленности отношеній къ землѣ дается просторъ всякимъ злоупотребленіямъ сильнѣйшему и задорному. Такъ въ юртѣ Казанской ст., по разсказу г. Тимощенкова, нѣкоторые старались отвоевать землю у тѣхъ, кто много захватилъ. Однако они встрѣчали сильный отпоръ. „Хозяинъ обыкновенно говорилъ: эту землю еще отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ заняли: кто же смѣетъ ее у меня взять? Противная сторона тоже предъявляла свои права, и происходили непремѣнно жестокія схватки. Если дѣло доходило до станичнаго правленія, то оно большею частью возвращало землю хозяину и дѣлало распоряженіе надѣлить претендента землей, т. е. часто такою, которая была гдѣ нибудь вдали, или хотя и близко, но не совсѣмъ удобною. Тотъ не былъ доволенъ этимъ, считалъ себя обиженнымъ и, не смотря ни на что, выѣзжалъ на занятое поле и начиналъ пахать. Хозяинъ тоже выѣзжалъ, и тутъ опять ссора и драка" (l. c.). Изъ станицы Константиновской г. Кіевскій сообщаетъ слѣдующее: „относительно земли у насъ настала такая вольница и безтолковщина, какой нѣтъ ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Прежде, т. е. 1870 г., казаки знали свои загоны и владѣли ими три года сряду, а если послѣ трехгодичнаго довольствія загонъ не распахивался прежнимъ хозяиномъ, тогда онъ считался свободнымъ. Съ 1870 года этотъ порядокъ рушился: на задонскую степь перешли казаки изъ станицы и изъ другихъ придонскихъ хуторовъ, то вытѣсненные оттуда сусликами, то за стѣсненіемъ юртовыхъ довольствій, и должны были занять для себя загоны среди загоновъ общей хуторской распашки; переходъ повторился въ 1871 и 72 гг.; отъ этого развелась вольница, начали пахать на расхватъ. Кто въ силѣ и имѣетъ три плуга тотъ, какъ только снимутъ хлѣбъ, начинаетъ немедленно пахать, выбираетъ для себя любые загоны и успѣваетъ во время отпахаться. На Павловскомъ хуторѣ предохранить свои загоны отъ захвата и

предупредить вольницу никакъ нельзя, а на ваше убѣжденіе отвѣчаютъ: „мои загоны повспаханы, мнѣ же не оставаться безъ пахоты“. (Д. О. В. 1873 г., № 3). Случается, что двое богатыхъ и вліятельныхъ казаковъ ссорятся между собою относительно того, кому изъ нихъ захватить извѣстный загонъ. Бываютъ случаи, подобные слѣдующему: А. запахалъ загонъ; В., не обращая вниманія на его загонку, запахалъ ниву, добавивъ къ ней непахатной земли обмежки, и затѣмъ уѣхалъ. Но А., пріѣхавши чуть не вслѣдъ за нимъ, засѣялъ ниву пшеницей. Черезъ три дня пріѣхалъ В. и, разсердившись на поступокъ А., посѣялъ сверхъ пшеницы овесъ. Лѣтомъ на нивѣ выросли овесъ и пшеница. Два раза къ этому мѣсту сходилась община, но ни на чемъ не порѣшила. Затѣмъ А. въ лунную ночь скосилъ хлѣбъ зеленцомъ, а В. успѣлъ на зарѣ перевезти скошенное на свое гумно. (Д. О. В. 1876 г., № 31). Наконецъ нерѣдко цѣлые хутора жалуются другъ на друга, что сосѣдніе жители производятъ пашни, особенно подъ арбузныя бакчи, подъ самыми дворами жителей другихъ хуторовъ, стѣсняютъ выгоны другъ друга, терпятъ потравы, производятъ бой чужихъ свиней, телятъ, гусей и прочее. (Д. О. В. 1871 г., № 3). Такъ въ Казанскомъ юртѣ, по словамъ г. Тимощенкова, „случалось, что жители какого-либо поселка, стѣсненные въ своихъ довольствіяхъ, подъѣзжали къ другому поселку и начинали пахать, а тѣ тоже выѣзжали сюда же съ плугами и начинали пахавшихъ опахивать кругомъ, чтобы помѣшать имъ продолжать работу. Дѣло обыкновенно кончалось и тутъ тѣмъ, что многіе возвращались домой съ порубленными плугами и пробитыми головами“ (1. c.).

Стремленіе къ упорядоченію пользованія общинной землей.

Всѣ неудобства подобнаго порядка вещей, разумѣется, наталкиваютъ на мысль о болѣе правильномъ упорядоченіи поземельныхъ отношеній посредствомъ раздѣла земли между всѣми членами общины. Но появившееся сознаніе это проникаетъ въ большинство лишь медленно: для этого требуются года. Нѣкоторыя станицы, го-

ворить г. Калмыковъ, въ своихъ донесеніяхъ уже сильно протестуютъ противъ злоупотребленій богатыхъ станичниковъ. Протесты эти заявляются въ различной формѣ: иногда лишь глухо—„граждане де давно предполагаютъ раздѣлить землю, но почему то до сихъ поръ не дѣлятъ“ или „раздѣлъ не состоялся по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ“, или же категорически опредѣленно—„большая часть земли находится въ рукахъ зажиточныхъ домохозяевъ, и они всегда, и съ хлѣбомъ, и съ сѣномъ, а бѣдные въ томъ и другомъ терпятъ крайность“. „Такое пользованіе (общее) неудобно и потому: новый землевладѣлецъ—переселенецъ ли, или сынъ, отдѣлившійся отъ отца, принуждены нищенски выпрашивать или покупать пашни у другихъ, или, наконецъ, въ отчаяніи захватывать какія зря, черезъ что порождаются споры и тяжбы“; или вотъ еще: „земля не раздѣлена на паи по причинѣ сильныхъ землевладѣльцевъ. У зажиточныхъ по нѣскольку плуговъ, а бѣдные живутъ въ складчину: 2—3 семьи складываютъ одинъ плугъ. А у кого нѣтъ скота, вдовы, жены, мужья коихъ на службѣ, дряхлые, калѣки—остаются безъ средствъ: кто живетъ заработками, а кто доброхотнымъ пріютомъ между одностаничниками“. „Изъ 69 станицъ, говоритъ г. Калмыковъ, только не многія заявляютъ свое недовольство и протесты на безпорядочныя владѣнія землею или намѣреніе и предположеніе раздѣлить землю на участки и на паи; большинство же станицъ упорно отписывается почти общею фразою: „земля не раздѣлена, а пашутъ вольно, какъ искони предками установлено“, а въ нѣкоторыхъ станицахъ: — „на мѣстахъ, издавна захваченныхъ выходящими предками“. (l. c.).

Бѣдные казаки всѣ очень желаютъ раздѣла, но богатые постоянно представляютъ сильный отпоръ (Д. О. В. 1876 г., № 51). „Зажиточныхъ хозяевъ, говоритъ г. Тетеревятниковъ, у насъ въ общей сложности меньше противъ бѣдняковъ, однако верхъ до сихъ поръ былъ на ихъ сторонѣ“. Они стараются составить вокругъ себя

Препятствія раздѣлу со стороны богачей.

единомыслящую съ ними партію изъ бѣдняковъ, употребляя для сей цѣли всевозможныя средства запугиванія. Они напр. распространяютъ слухи, что послѣ раздѣла будетъ стѣснена свобода перехода на жительство изъ хуторовъ въ станицу и наоборотъ, или что нельзя будетъ безнаказанно (не платя штрафа) выпускать лошадей и прочій скотъ со двора въ поле, или же, что „выпаханныя до дѣлежа нивы могутъ оказаться за межей, и пашнями воспользуются другіе" (Д. О. В. 1876 г., № 51), или, что при раздѣлѣ земли землемѣры дѣлаютъ разныя злоупотребленія и т. д. Такъ напр. изъ ст. Тишанской сообщается слѣдующее: „о раздѣлѣ пахатной земли уже около десяти лѣтъ идетъ споръ въ обществѣ между гражданами, но сторона богатыхъ до сихъ поръ все еще одерживаетъ верхъ, да и многіе средняго состоянія придерживаются богатыхъ въ томъ опасеніи, что земля по раздѣлѣ, попавши въ руки иногороднихъ, можетъ быть доведена пахотою до состоянія золы, такъ что въ теченіи многихъ лѣтъ не будетъ въ состояніи ничего производить". (Д. О. В. 1873 г., № 47).

Съ другой стороны врожденный консерватизмъ, незнакомство съ лучшими способами пользованія землей и новизна предлагаемой мѣры оказываютъ также свое дѣйствіе на умы большинства. И вотъ на станичномъ сборѣ, созванномъ для рѣшенія вопроса о раздѣлѣ, вдругъ большинство бѣдняковъ же начинаетъ держать сторону сильныхъ, а верховоды остаются безъ всякой поддержки, и дѣло отодвигается снова на задній планъ, пока не назрѣетъ наконецъ въ сознаніи большинства мысль о необходимости во что бы то ни стало прекратить старый порядокъ вещей. Вотъ что напримѣръ сообщаетъ г. Ермоловъ изъ ст. Гундуровской. Когда приступили къ обсужденію вопроса о раздѣлѣ земли, то оказалось, что большая часть станичниковъ на раздѣлъ не согласна. Та и другая сторона имѣла свои доводы. „Къ партіи несогласныхъ принадлежатъ закоренѣлые приверженцы старины и вмѣстѣ съ тѣмъ твердые блюстители своихъ

собственныхъ интересовъ. Къ партіи согласныхъ —всѣ не занимающіеся лично земледѣліемъ, особенно бѣдные и больше-семейные. Одни изъ этой партіи, хотя и пользуются землей, но не въ томъ количествѣ, сколько имъ нужно по числу паевыхъ душъ и сообразно отбываемыхъ ими общественныхъ повинностей; другіе вовсе не пользуются землей или потому, что не имѣютъ въ ней большой надобности, или потому, что нѣтъ средствъ ее обработывать. Къ партіи несогласныхъ принадлежатъ всѣ богатые земледѣльцы, имѣющіе одинъ или два плуга воловъ. Они хорошо знаютъ что должны получить въ надѣлъ земли гораздо меньше, чѣмъ занимаютъ оной при настоящихъ порядкахъ. Ревнуя къ сбереженію своихъ интересовъ, они всѣми мѣрами стараются отложить раздѣлъ земли по возможности на долгое время. Благодаря своему вліянію и проискамъ, они успѣли усилить свою партію людьми наиболѣе бѣдными, которые съ ихъ голоса распространяютъ ложные слухи о будущихъ бѣдствіяхъ. Масса, не долго думая, вѣритъ имъ и беретъ ихъ сторону". (Д. О. В. 1875 года, № 73).

Но необходимость раздѣла пахатной земли между всѣми станичниками и правильныхъ передѣловъ чрезъ извѣстные сроки начинаетъ все болѣе сознаваться казаками, и съ каждымъ годомъ все большее число юртовъ раздѣляется указаннымъ способомъ.

Средства, предпринимаемыя общиной для огранич. произвола богачей.

Вообще говоря, замѣна стараго порядка новыми поземельными отношеніями на Дону происходитъ постепенно. На первыхъ порахъ силятся выдти изъ затрудненія домашними средствами. Постановляются напр. общественные приговоры, которые должны ограничить произволъ богатыхъ. Такъ напр. въ Камышевской ст. казаки постановили, чтобы загонъ, пролежавшій одинъ годъ даромъ, могъ бы всякимъ быть захваченъ. Въ Раздорской станицѣ общество постановило приговоромъ, чтобы каждый участокъ земли, въ чьемъ бы пользованіи онъ не былъ,—по истеченіи трехъ лѣтъ снова становился общественнымъ, при чемъ всякій имѣлъ бы

право захватить его, если успѣетъ (Д. О. В. 1876 г. № 51). Точно также въ Гундуровской станицѣ постановлено, что „запаханною разъ землею (не говоря о количествѣ) хозяинъ пользуется три года на правѣ неприкосновенной собственности, т. е. онъ снимаетъ съ нея первый яровой хлѣбъ, снимаетъ старыя озими по паволоку и затѣмъ на третій годъ скашиваетъ залежную траву. Тогда уже земля становится снова общественною.“ (Д. О. В. 1871 г., № 3). Въ Казанской ст. къ поставленному въ полѣ гумну запрещено было припахивать ближе 50 саженъ (Соколовскій, l. c. p. 147). Въ другихъ станицахъ дѣлятъ только часть юрта, оставляя остальное въ общемъ „вольномъ“ пользованіи (Д. О. В. 1874 г., № 29).

Обществен. Приговоры.

Скоро однако оказывается, что и отъ этихъ мѣръ пользы мало, и неурядица не прекращается. Въ Казанской стан. напр., по словамъ г. Тимощенкова, передъ раздѣломъ земли неурядица дошла до крайняго предѣла и обратилась въ совершенную войну сосѣда съ сосѣдомъ, поселка съ поселкомъ (l. c.).

Уравнительный раздѣлъ пахатной земли, учиняемый стариками.

И такъ начинаетъ, наконецъ, становиться яснымъ необходимость приступить къ „уравнительному“ раздѣлу земли. Но землемѣры спеціалисты съ цѣпями, астролябіями и планами пугаютъ станичниковъ, и они рѣшаютъ попытаться выдти изъ затрудненія опять таки своими средствами. Всѣмъ домохозяевамъ, соображаясь съ численностью семьи, которую они собою представляютъ, выборные старики отводятъ разные участки, при чемъ величину ихъ опредѣляютъ на глазомѣръ. Такой раздѣлъ былъ учиненъ въ ст. Верхнекурмоярской. Еще лѣтъ 11 тому назадъ — если вѣрить разсказамъ самихъ станичниковъ — казаки этой станицы порѣшили между собой подѣлить пахатную землю; но землемѣра они не пожелали пригласить и подѣлили землю между собой сами, на глазомѣръ. Они положили пай на каждую душу, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола: всякому домохозяину дали столько паевъ, сколько у него дѣтей. Женщинамъ сна-

чала не хотѣли было давать части, но потомъ передумали, полагая, что было бы несправедливо обдѣлить напр. вдовъ, такъ какъ весьма часто казаки умираютъ на службѣ, оставивъ дома на рукахъ жены кучу дѣтей; съ другой стороны бываетъ и такъ, что казакъ живъ, но въ его семьѣ все дочери, поэтому ему трудно было бы обойтись съ однимъ паемъ *). Порѣшивъ никого не обижать, старики поѣхали въ степь, осмотрѣли землю и отвели на каждый пай столько земли, чтобы на ней можно было высѣять два четверика пшеницы. Границы такихъ надѣловъ опредѣлялись такъ: „съ кургана на курганъ" или „отъ кургана до дорожки" или „по такую-то борозду". Для новаго поколѣнія оставлено было сначала запасной земли нѣсколько менѣе 200 десятинъ. Но она уже черезъ короткое время была вся занята станичниками, вновь прибывшими, частью въ качествѣ пріемныхъ зятьевъ, частью же вернувшихся со службы изъ Петербурга. Нынѣ же новые надѣлы даются такъ: желающій получить землю обращается на сборъ (сходъ); тутъ станица опредѣляетъ отрѣзать ему кусокъ отъ земли кого-нибудь изъ сосѣдей, у кого окажется лишняя вслѣдствіе убыли членовъ семьи, а то приказываютъ и „такъ потѣсниться какъ нибудь". Разумѣется, тутъ оставлено много мѣста неправильностямъ и злоупотребленіямъ и много обиженныхъ. Поэтому станичники начинаютъ и здѣсь поговаривать о новомъ передѣлѣ уже при помощи землемѣра.

Въ другихъ мѣстахъ станичники землю раздѣлили нѣсколько иначе: такъ напр. въ Нижнекурмоярской стан. старики мѣрили землю веревкой и опредѣлили на пай „по восьми десятинъ". Но съ тѣхъ поръ населеніе прибавилось, и уже не приходится каждому пользоваться восьмью десятинами, а многіе нынѣ оказались вовсе безъ земли. При первомъ раздѣлѣ станичники вовсе не положили срока, когда долженъ быть новый передѣлъ. Нынѣ бѣдняки на сборахъ часто возбуждаютъ вопросъ о но-

---

*) Сообщаю все это со словъ самихъ казаковъ; провѣрить эти свѣдѣнія не имѣлъ возможности.

вомъ передѣлѣ, но ихъ голосъ остается пока слабымъ, потому что большинство станичниковъ, обладая землей, не желаетъ поступиться своими выгодами, такъ какъ при новомъ раздѣлѣ часть земли должна у нихъ быть отнятой. Безземельные бѣдняки въ этой общинѣ выходятъ изъ своего затруднительнаго положенія тѣмъ, что землю арендуютъ у богатыхъ. Дѣло въ томъ, что богатымъ иногда нѣтъ разсчета обработывать только свои восемь десятинъ. Поэтому они бросаютъ ихъ, а сами берутъ въ аренду болѣе или менѣе обширные участки изъ земель „войсковыхъ", которые находятся по сосѣдству со станичнымъ юртомъ *).

Въ Добринской ст., по словамъ г. Тимощенкова, раздѣлъ точно также произведенъ „не чрезъ наемнаго землемѣра, а чрезъ своихъ избранныхъ изъ гражданъ дѣлежоровъ-стариковъ. Ихъ было четыре, и раздѣлъ они производили такимъ образомъ: сначала назначили каждому поселку выгоны (попасы). Отводъ дѣлали по числу паевыхъ, на каждаго по сотеннику, т. е. по 4 десят. 400 саж. (сотенники — сто сажень со всѣхъ четырехъ сторонъ — 10 т. кв. сажень); потомъ всю остальную землю раздѣлили на три части, и двѣ изъ нихъ раздѣлили между жителями, давъ каждому паевому въ обѣихъ частяхъ по сотеннику, а третью часть оставили свободною. Ее употребляютъ на попасъ коннoплодоваго табуна, дѣлятъ на сѣнокосъ и надѣляютъ изъ нея паями достигающихъ совершеннолѣтія. Такимъ образомъ, земля разграничена такъ, что двѣ четверти ея идетъ подъ распашку (каждый гражданинъ получилъ только пахатную землю въ двухъ мѣстахъ), одна четверть находится подъ постояннымъ попасомъ и одна четверть находится свободною. Мѣрили землю при дѣлежѣ такимъ образомъ: два человѣка становились одинъ отъ другаго на 100 сажень, измѣривъ это разстояніе бичевой, отъ нихъ въ ту сторону, куда хотѣли отрѣзать сотенникъ, нѣсколько человѣкъ тянули бичевы

*) Точно также записано со словъ самихъ станичныхъ жителей.

въ 100 сажень каждую; когда бичевы эти натягивались, то ихъ приводили въ параллельное направленіе чрезъ протянутую тоже отъ конца одной изъ нихъ къ концу другой стосаженную бичеву, и сотенникъ готовъ. — Подобный раздѣлъ очень неудобенъ, ибо требуетъ много времени и трудовъ, и притомъ неуравнителенъ: бичевки въ сухое время растягиваются, а въ дождливое и утромъ, когда роса, дѣлаются саженъ на 10 короче, такъ что много значитъ то обстоятельство, когда полученъ пай: въ дождь или въ ведро, утромъ или въ полдень. Къ сожалѣнію, этотъ способъ измѣренія земель употребляется и въ другихъ станицахъ Хоперскаго округа". (Тимощенковъ „Урюпинск. ст. и прилегающія къ ней мѣстности" стр. 19).

Неудобство подобныхъ раздѣловъ.

И такъ и раздѣлъ недостаточно точный мало вноситъ правильности въ отношенія станичниковъ къ землѣ. Такъ напр. въ ст. Старочеркасской, по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ перваго раздѣла, „въ пользованіи землею оказалась невообразимая неурядица: кто пользовался бóльшимъ пространствомъ, кто меньшимъ; у иного паи оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а другой совсѣмъ не могъ отыскать своего пая. Одинъ согражданинъ и самъ не могъ себѣ уяснить, какимъ путемъ въ пользованіи его очутилось пространство земли такое, что, по его словамъ, „не надо быть хорунжимъ", т. е. приблизительно 200 десятинъ. Чтобы прекратить эти безпорядки, общество станичное пригласило землемѣра, который и порѣзалъ землю". (Д. О. В. 1881, № 19).

Раздѣлы при посредствѣ землемѣровъ.

Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о раздѣлѣ земли при помощи землемѣра, является не менѣе препятствій. И тутъ богатые станичники стараются всѣми силами затормозить дѣло. Такъ напр. изъ ст. Пятиизбянской сообщается слѣдующее: „вопросъ о дѣлежѣ юртовой земли у насъ поднятъ еще въ прошломъ трехлѣтіи и былъ рѣшенъ въ пользу бѣдняковъ, не имѣющихъ въ полѣ своей бороздъ. Большихъ трудовъ и усилій стоило подвинуть сильныхъ гражданъ къ новому

порядку пользованія землею. Чтобы заключить съ землемѣрами точное условіе, уполномочили вызванныхъ отъ каждаго хутора по два человѣка довѣренныхъ. Довѣренными явились люди, пользующіеся почетомъ за свое достояніе, для которыхъ межеваніе это не очень-то нравится: гдѣ тогда будетъ ходить ихъ скотъ, овцы или лошади, а главное плуги—для всего этого вѣдь нужно будетъ нанимать землю. Зашумѣли довѣренные противъ дѣлежа земли. Долго бились, пока удалось убѣдить, что вопросъ дѣлить землю уже рѣшенъ, а вызваны они затѣмъ, чтобы подписать условіе. Цѣлый день прошумѣли, а условія все таки не подписали. Отложили до августа мѣсяца (писано въ іюлѣ). Многіе говорятъ: „посмотримъ еще, родитъ ли что нынѣшній годъ наша земля? если не будетъ урожая и этотъ 5-тый годъ, такъ не къ чему и дѣлить землю—намъ ее и даромъ не нужно“ (Д. О. В. 1874., № 56). Точно также и казаки Михайловской ст. „приговорили раздѣлить землю еще 27 октября 1865 года, но, приступивъ къ раздѣлу они встрѣтили чрезвычайныя затрудненія и препятствія. Нѣкоторые изъ богатыхъ гражданъ, которымъ былъ противенъ раздѣлъ, говорили: „мы дадимъ голову на отсѣченіе, если раздѣлится юртъ“, и старались всячески помѣшать дѣлу. Они намѣревались напр. споить землемѣра и украсть у него планъ, чтобы воспрепятствовать продолженію работы и окончанію ея къ сроку. Вслѣдствіе этого успѣли окончить раздѣлъ только въ 1869 году. Въ нѣкоторыхъ другихъ станицахъ повторялось то же самое, и планы украдены и истреблены. (Д. О. В. 1875, №№ 77—89).

Происки богачей.

Это желаніе „уравнительнаго“ надѣленія землею всѣхъ членовъ общины, какъ сказано, годъ отъ году крѣпнетъ въ народномъ сознаніи, и въ большинствѣ изъ посѣщенныхъ мною станицъ приступили или приступаютъ къ раздѣлу пахотной земли съ помощію спеціалистовъ.

Спѣшу однако оговориться. Не слѣдуетъ думать, что всѣ станицы проходятъ весь только что намѣченный

процессъ постепеннаго перехода отъ стараго къ новому порядку. Сплошь и рядомъ казаки, благодаря ли вліянію расположенныхъ къ раздѣлу станичниковъ, или благодаря примѣру, поданному сосѣдними станицами, приступаютъ непосредственно къ раздѣлу пахотной земли при помощи землемѣровъ-спеціалистовъ. Вотъ примѣры станичныхъ приговоровъ о раздѣлѣ земли:

1.

Приговоры о раздѣлѣ земли.

1867 года, Октября 6 дня, Войска Донскаго Чернышевской станицы граждане, на полномъ сборѣ своемъ, послѣ многихъ разсужденій и совѣщаній о необходимости раздѣла между жителями станицы и хуторовъ хлѣбопахотной и сѣнокосной земли, которая теперь распредѣлена между жителями весьма неуравнительно, чрезъ что происходятъ отъ стѣсненія въ таковыхъ довольствіяхъ ссоры и весьма большія непріятности, единодушно положили: въ отклоненіе всякихъ ссоръ и непріятностей между собою за неуравнительность въ пользованіи поземельными общественными довольствіями, раздѣлъ таковыхъ произвести, согласно сдѣланной нарочито приглашеннымъ землемѣромъ теперь съемки земли, слѣдующимъ образомъ: *Первое.* Такъ какъ въ юрту станицы состоитъ земли: удобной, средне-удобной и неудобной, всего 135298 десятинъ, то изъ числа оныхъ оставить собственно при населеніи станицы и хуторѣ при ней Русаковомъ, согласно сдѣланныхъ границъ на планѣ, удобной 14900 десятинъ и неудобной 2100 д. Каковое количество назначается по числу состоящихъ нынѣ въ оныхъ на лицо 400 душъ мужеска пола, рожденныхъ по 17 Генваря 1867 года, вдовъ, чиновниковъ и духовенства; 3 т. десят. для продовольствія плодоваго табуна, 2 т. въ запасъ для будущихъ поселенцевъ станицы и для удовлетворенія изъ луговыхъ мѣстъ по одному паю всѣхъ тѣхъ казаковъ, кои обязаны въ станицѣ отбывать сидѣночную недѣльную повинность по уваженію къ тому, что имъ завозить сѣно для продовольствія лошадей своихъ изъ домовъ весьма затруднительно; а 316 десятинъ имѣются подъ лѣсомъ. *Второе.* Затѣмъ, исключивъ неудобной земли 11226 десятинъ и принявъ среднеудобной 7125 д. за одну, что составитъ удобной 3562½, а всего вообще удобной 115193 дес., находящуюся въ довольствіяхъ хуторовъ, раздѣлить между оными по рѣчкамъ: Березовой, Чиру и Цымлѣ такъ, чтобы хутора остались по возможности при прежнихъ границахъ, исключая того, гдѣ есть излишнее количество земли по числу душъ, тамъ таковая должна отчисляться и присоединяться къ тѣмъ, гдѣ въ сравненіе съ этими оказался недостатокъ. *Третье.* Разсчетъ земли произвести по числу 5300 душъ.

Въ это число внести всѣхъ иностаничниковъ и крестьянъ, причисленныхъ приговорами станицы въ число своихъ гражданъ, и тѣхъ, о коихъ хотя нѣтъ еще разрѣшенія Войсковаго Начальства, но таковое должно послѣдовать потому, что всѣ эти люди живутъ здѣсь изъ-давна, осѣдло и съ семействами, и слѣдственно выселенію не подлежатъ. Степныя мѣста при тѣхъ хуторахъ по рѣчкѣ Березовой, какъ напримѣръ: Слѣпихинъ, Трухинъ, Чорновъ, Самохинъ, Нестеркинъ, Фроловъ и Сеньшинъ, при которыхъ нѣтъ луговъ, надѣлить по 22 десят. 330 кв. саж. на душу, а во всѣхъ прочихъ, при которыхъ есть по рѣчкѣ Чиру луга, по 21 десят. 1530 кв. с. *Четвертое*. Распредѣленіе земли начать по р. Березовой съ хутора Слѣпихина, такъ какъ при этихъ хуторахъ оказался большой излишекъ земли, и всѣмъ этимъ хуторамъ до Фролова хлѣбопахотную землю, сколько таковой будетъ причитаться, оставить съ правой стороны рѣчки, съ лѣвой-же примежевать каждому выгоны въ соразмѣрномъ разстояніи и количествѣ. Остальною затѣмъ, къ балкѣ Дубовой и дальше надѣлить хутора Сеньшинъ и Ковыленскій Пристѣнокъ, по сподручности къ нимъ этой земли, бывшую-же во владѣніи ихъ землю съ правой стороны Березовой обратить на прибавленіе къ тѣмъ хуторамъ по Чиру, въ которыхъ по счисленію будетъ, въ сравненіе съ другими, въ землѣ недостатокъ. Если-же выгонъ Ковыленцевъ окажется стѣснительнымъ для нихъ, то прирѣзать имъ къ оному 1000 д., а взамѣнъ того при Дубовой дать это количество хутору Обливскому, ежели только мѣра эта, по усмотрѣнію депутатовъ отъ хуторовъ, при разверстаніи земли находиться имѣющихъ, признается необходимою. Затѣмъ отъ Березовой идти по рѣчкамъ вверхъ по Чиру. *Пятое*. Произведя таковой раздѣлъ настоящею осенью въ старыхъ границахъ, отъ какого-либо хутора измѣненныхъ, пахоты уже не производить, но попаханное прежде предоставить всякому будущею весною засѣять и снять. Затѣмъ засѣять жито и снять падалицу, а тогда уже предоставить въ распоряженіе новыхъ владѣльцевъ. *Шестое*. Разверстаніе земли по всему юрту произвести чрезъ землемѣра самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ при участіи депутатовъ, которые должны назначаться хуторскими обществами, и имъ предоставить полное право разбора и рѣшенія всякихъ при этомъ случаевъ, встрѣтиться иногда имѣющихъ за поземельныя довольствія между жителями раздѣляемыхъ хуторовъ споровъ и недоразумѣній. Въ чемъ приговоръ этотъ утвердить общимъ подписомъ и передать для исполненія въ станичное правленіе.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Чернышевскій станичный Атаманъ *Скобелевъ*.

2.

1882 года, декабря 28 дня, Общество Маріинской станицы, на полномъ станичномъ сходѣ изъ числа 406 челов. гражданъ, имѣющихъ право голоса наличные 297 человѣкъ, въ дополненіе приговора своего, состоявшагося въ 17 день октября сего года, за № 59, установило настоящимъ приговоромъ слѣдующее: 1) Для раздѣла юртовой земли на пахотные земельные участки начально учинить смѣту всей земли въ юрту: усадебной, пахатной, сѣнокосной и пастьбищной, а затѣмъ приступить къ выдѣлу для попаса строеваго и конно-плодоваго табуновъ, нужное количество, полагая для послѣдняго, согласно Положенія, не менѣе 12 десятинъ на каждую матку и нарѣзать особымъ участкомъ при р. Бѣлой, для чего пригласить землемѣра и заключить съ нимъ чрезъ довѣренныхъ отъ общества законное условіе. 2) Смѣту земли учинить начально на нагорной сторонѣ, а затѣмъ на задонской. 3) Выдѣлъ земли пахатной паевыми участками опредѣлить особымъ приговоромъ; тогда, какая именно пропорція окажется послѣ смѣты на тотъ конецъ, дабы чрезъ примѣрное ограниченіе паевъ десятинами не могла отъ того произойти значительная ошибка въ пахатной землѣ и чрезъ то не оставить бы многихъ гражданъ на полученіе паевъ внѣ пашенъ крѣпкой земли, не удобной для посѣва озимаго хлѣба. 4) Надѣлъ пахатною землею, т. е. паевыми участками, опредѣляется шестилѣтнимъ срокомъ, который долженъ считаться съ 1 сентября будущаго 1883 года по 1 сентября 1889 года. 5) Межевать землю, въ особенности пахатную, должно согласно условія и на тѣхъ кондиціяхъ, которыя будутъ выгодны для насъ, гражданъ, а именно: полосами въ 160 саж. шириною, по указанію довѣренныхъ, на которыя до межеванія еще ихъ граждане получаютъ жеребъ на полномъ сборѣ и затѣмъ уже обязаны будутъ сами лично принимать землю отъ землемѣра, по особому въ томъ волостномъ обществѣ жеребію и въ тоже время уплачиваютъ ему деньги полностію. 6) Надѣлять гражданъ паевыми участками въ тѣхъ мѣстахъ, кто и гдѣ какія общества занимали таковыя прежде посѣвомъ хлѣба, и отпюдь не разбивать ихъ пополосно, а пользоваться одному домохозяину однимъ жребіемъ, хотя бы и приходилось получать ему вмѣстѣ нѣсколько паевыхъ участковъ. 7) Гражданамъ же собственно станицы, буде окажется недостатокъ пахатной земли въ паевой надѣлъ при прежнихъ ихъ пашняхъ, т. е. въ верхней или нижней части станицы, то таковые удовлетворяются изъ того остатка, при которой части таковыя окажутся. 8) Межеваніе всей юртовой земли должно начаться какъ можно раннею весною будущаго 1883 года съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ озимому посѣву хлѣба, т. е. не позже 1 числа сентября того же года, не-

премѣнно было бы окончено изъ уваженія къ тому, чтобы нѣкоторые землевладѣльцы не остались безъ посѣва озимаго хлѣба. 9) Участки пахатной земли имѣютъ право получать штабъ и оберъ-офицеры, урядники, казаки и малолѣтки, родившіеся съ 1873 года, а равно священно церковно служители, также всѣ вдовы, имѣющія до 3-хъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, и круглыя сироты, на основаніи §§ 74, 77, 79, 80, 82 и 83 Положенія, каждый по одному паю, а вдовы, имѣющія болѣе 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей (§ 74) по 2 пая; вдовы же бездѣтныя, равно и дѣвушки, достигшія 17-лѣтняго возраста, но не вышедшія въ замужество послѣ смерти отца и матери (§§ 74, 78, 81 и 84) пользуются половиною пая. 10) Надѣлъ пахатными участками вдовъ, сиротъ и семействъ бѣднаго состоянія, въ силу § 42, если пожелаютъ, долженъ быть нарѣзанъ ближе къ станицѣ и хуторамъ. 11) Для болѣе удобнаго и правильнаго надѣла землею гражданъ, станичное правленіе поставляется въ обязанность составить самовѣрнѣйшій списокъ съ подлежащими графами за подписомъ общества и скрѣпою правителей. Одинъ изъ нихъ служитъ на раздачу участковъ по жребію и подъ какими состоятъ нумерами, съ роспискою на ономъ получателей, а другой для отмѣтки прибылыхъ въ составъ какого именно общества, а также убылыхъ изъ оныхъ въ теченіе шести-лѣтняго срока, которые и хранить у себя въ цѣлости. 12) Для наблюденія за правильною нарѣзкою землемѣромъ пахатныхъ паевыхъ участковъ и раздачѣ ихъ по принадлежности, общество постановило: назначить съ полнаго сбора нужное число понятыхъ, а именно: изъ станицы 6, а изъ каждаго хутора по 2, людей съ хорошими понятіями въ этомъ дѣлѣ и вполнѣ благонадежныхъ на все время нахожденія при землемѣрѣ, какъ при проектированіи имъ всего юрта, такъ и при размежеваніи пахатныхъ участковъ, собственно при надѣлѣ своихъ обществъ землею, для чего и снабдить ихъ довѣренностями. За труды же ихъ опредѣляемъ съ каждой пахатной десятины отъ каждаго отдѣльнаго общества по 2 коп., только сумма эта должна составиться отдѣльною, а выдаваться довѣреннымъ, согласно опредѣленія общества, особымъ приговоромъ,—суточное содержаніе. 13) Землемѣръ, проходя плугами борозды, отнюдь не долженъ останавливаться для попаса животныхъ на растущихъ хлѣбахъ; за потраву въ подобномъ случаѣ виновный отвѣтствуетъ по мѣрѣ причиненной вреды. 14) Для удобнаго проѣзда и прогона рогатаго скота во время полевыхъ работъ къ участкамъ и водопою каждаго землевладѣльца, во избѣжаніе могущаго причинять значительнаго вреда хлѣбу и сѣнокосу на участкахъ другими владѣльцами, постановляется обществомъ оставлять для дорогъ межи въ квадратѣ каждыхъ четырехъ участковъ шириною на одинъ кубическій(?) сажень, т. е. на три аршина; для чего проводится землемѣромъ двѣ борозды противуположныя одна другой и на углахъ дѣлаются небольшіе концы. 15) Дороги или межи, оставляемыя для проѣзда и прогона скота,

шириною въ три сажня, должны оставаться всегда неприкосновенною собственностію всего общества и за цѣлостію ихъ обязаны наблюдать владѣльцы ближайшихъ участковъ, за порчу же ихъ границъ, виновный подвергается штрафу за каждый сажень по пяти р. 16) При проэктированіи землемѣромъ всего юрта, буде окажется противъ уравненія по числу населенія мужскаго и женскаго пола имѣющихъ право пользоваться паями во весь шестилѣтній срокъ излишекъ земли не составляющій значительный участокъ, на какой бы то сторонѣ Дона таковой не находился, долженъ поступать въ аренду, или другое какое либо общественное довольствіе. 17) При раздѣлѣ земли имѣть въ виду то, что по юрту нашему есть много занято общественныхъ мѣстъ въ пашняхъ подъ гумны въ разныхъ пунктахъ съ устройствомъ даже базарныхъ пристроевъ и землянокъ, которые были бы изъ нихъ многіе удобные для надѣловъ паевыми участками; поэтому общество постановило: гумны эти, если владѣльцу не достанется паеваго надѣла въ этомъ мѣстѣ, устранить изъ пахатной земли, обязавъ очистить ихъ отъ всякихъ запасовъ и построекъ въ теченіи одного года, въ чемъ и отобрать отъ нихъ подписки съ тѣмъ, что, если онѣ въ годовой срокъ не освободятъ занятыя ими среди полей съ устройствомъ и запасомъ на нихъ, то таковые подвергнутся по закону. Тѣ же гумны, которыя заняты гражданами въ дальнемъ растояніи отъ жительства, и которыя въ сущности не припятствуютъ общественному довольствію, то таковыя оставить при хозяевахъ. 18) Землемѣра къ раздѣлу юртовой нашей земли пригласить г. Ивана Васильевича Юскина, согласно изъявленнаго имъ на то согласія, для учиненія съ нимъ условія пригласить его въ станицу Маріинскую съ 15 января и тогда собрать полный сходъ, сдѣлать окончательный подрядъ, какъ въ цѣнѣ такъ и другихъ сдѣлкахъ согласно нашего приговора; учинить условіе съ землемѣромъ особо назначенными довѣренными на этотъ предметъ, содержаніе же на поѣздку его не опредѣлять, а, если онъ пожелаетъ поторговаться съ обществомъ, то пусть пріѣдетъ своими средствами. 19) Получившій надѣлъ каждый гражданинъ долженъ пользоваться имъ весь шестилѣтній срокъ, хотя бы надъ кѣмъ и послѣдовала смерть—этимъ надѣломъ пользуется семейство. Въ чемъ приговоръ сей, какъ составленный нами по внимательномъ обсужденіи дѣла и въ присутствіи станичныхъ правителей, утверждаемъ нашимъ подписомъ. Подлинный подписали 297 человѣкъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Станичный Атаманъ, Есаулъ *Орѣховъ*.

Писарь *Быкадовъ*.

Злоупотребленія при раздѣлѣ земли.

Къ сожалѣнію, весьма нерѣдко и при такихъ раздѣлахъ находятъ мѣсто злоупотребленія. Часто, по словамъ г. Ветчинкина, станичники вступаютъ въ соглашеніе о производствѣ раздѣла съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ землемѣромъ, который „прежде всего входитъ въ близкія отношенія къ станичному атаману, условливаясь какимъ образомъ раздѣлить между собою задѣльную плату, а потомъ уже приступаютъ къ работѣ, иногда не оставляя никакихъ документовъ: ни плановъ, ни чертежей, ни описаній" (Труд. ст. ком. 1874, стр. 51). Жалобы на злоупотребленія землемѣровъ не разъ и мнѣ доводилось слышать отъ казаковъ. Такъ, въ одной изъ верховыхъ станицъ мнѣ сообщали, что землемѣръ при раздѣлѣ „укралъ" много земли, т. е. раздѣлилъ ее на паи такъ, что на долю нѣсколькихъ богатѣйшихъ станичниковъ земли досталось втрое больше, чѣмъ остальнымъ.

Разныя способы раздѣла земли при посредствѣ землемѣра.

При раздѣлѣ землемѣръ, обыкновенно опредѣливъ сначала количество всей „удобной" земли въ станичн. юртѣ, начинаетъ дѣлить ее. Этотъ раздѣлъ происходитъ не вездѣ одинаковымъ способомъ. Въ однихъ мѣстахъ юртъ распредѣляется на хуторскіе участки. Этими участками хуторскія общества распоряжаются по своему усмотрѣнію въ продолженіе всего срока раздѣла: „каждый хуторъ что хотитъ, то и дѣлаетъ". По окончаніи же этого срока земля снова поступаетъ въ распоряженіе всей совокупности общинъ, входящихъ въ границы даннаго юрта, т. е. станицы съ хуторами. Тогда земля снова передѣляется.

Хуторскіе участки.

При этомъ въ однихъ юртахъ подобные хуторскіе участки состоятъ только изъ земли пахатной, а сѣнокосы и пастбища остаются общими. Зато въ иныхъ юртахъ „на пай полагается опредѣленное количество земли пахатной, сѣнокосной и пастбищной. Затѣмъ каждому поселенію предоставляется уравнительно пользоваться своимъ участкомъ до новаго передѣла, по усмотрѣнію, т. е. отвести опредѣленную полосу подъ общее пастбище, другую подъ сѣнокосъ и хлѣбопашество

вмѣстѣ, или для каждой статьи отдѣльно (Д. О. В. 1874, № 30). Геометрическій раздѣлъ въ однихъ мѣстахъ примѣненъ только къ опредѣленію площади самихъ хуторскихъ участковъ: „дальнѣйшее же дѣленіе ихъ на паи по возможности точно и безобидно производится самими хуторскими обществами". Зато въ другихъ юртахъ и самые паи „нарѣзываетъ" землемѣръ. „Изъ всѣхъ станицъ, говоритъ г. Калмыковъ, точнѣе всего раздѣленъ юртъ въ Новониколаевской станицѣ Міускаго округа, благодаря мѣстнымъ условіямъ (ровная, цѣльная степь и отсутствіе хуторовъ): онъ весь порѣзанъ на 26 десятинныя паевыя площади („клѣтки"), на которыхъ каждый хозяинъ производитъ хлѣбопашество и сѣнокосъ вмѣстѣ" (l. c.).

Но во многихъ юртахъ хуторамъ отдѣльныхъ нарѣзовъ нѣтъ, и паи распредѣляются между всѣми казаками даннаго юрта безъ различія, живутъ ли они въ станицѣ или въ хуторахъ. Землемѣры въ такихъ случаяхъ обыкновенно дѣлятъ всю пахатную землю на правильныя части, „полосы" или „столбы", а въ границахъ каждаго изъ нихъ „нарѣзываютъ" отдѣльные паи, разграничивая ихъ другъ отъ друга „ямками". При этомъ вся пахатная земля распредѣляется на нѣсколько полосъ или „частей", смотря по своему качеству или по бо́льшей или меньшей отдаленности отъ селенія. Каждому казаку достается доля во всѣхъ такихъ частяхъ, и совокупность этихъ долей составляетъ „одинъ казачій пай". Или же раздѣляютъ юртъ на участки по сто десятинъ въ одну борозду, называемые ланами (тр. ст. ком. 1874, № 51).

При этомъ способѣ раздѣла, т. е. когда хуторамъ особыхъ участковъ не полагается, случается часто, что одному хуторянину выпадаетъ жребій верстъ за 50, тогда какъ ближайшая къ хутору, въ которомъ онъ живетъ, земля выпала на долю жителей другихъ хуторовъ или самой станицы. Бываетъ и такъ, что отцу выпадаетъ пай въ одномъ мѣстѣ, а сыну его, который живетъ съ

нимъ въ одномъ куренѣ, верстъ за 30. Неудобство, проистекающее изъ подобнаго распредѣленія паевъ, стараются устранить посредствомъ мѣны.

«Земляной пай».

Пай мущинѣ обыкновенно дается съ наступленіемъ 17 лѣтъ; сироты получаютъ отцовскій пай; вдова бездѣтная—„полупай“, точно также и дѣвушка, не вышедшая замужъ. Но въ иныхъ станицахъ пай данъ при раздѣлѣ всѣмъ мужскимъ душамъ съ 10 лѣтъ, а въ другихъ „паевымъ сочтено все наличное мужское населеніе въ годъ раздѣла“.

Для надѣла землею подрастающихъ казаковъ во многихъ юртахъ оставляется „запасъ“, который „до времени“ либо сдается въ аренду, либо отводится подъ сѣнокосъ, бакчи и пр. Въ иныхъ же юртахъ этого не дѣлаютъ“. Большой несправедливости, говоритъ г. Калмыковъ, въ томъ, что многіе паевые до новаго передѣла будутъ безъ личныхъ паевъ, станичники, вѣроятно, не видятъ, такъ какъ вообще семейные пахатные паи достаточно велики (1. с.).

Каждый паевой на все время раздѣла считается полнымъ хозяиномъ своего „землянаго пая“. Онъ можетъ на немъ сѣять, когда угодно и что угодно, можетъ его и „продать на года“. Въ нѣкоторыхъ станицахъ (напр. въ Котовской) „намѣревались граждане установить, чтобы паи могли продавать только своимъ же гражданамъ, а никакъ не иногороднимъ. Кто же продастъ, тѣхъ подвергнуть штрафу за каждую проданную сажень земли по 50 к. сер. въ доходъ станицы“. Но установленіе это не было принято большинствомъ гражданъ. Не принято было также и другое, предлагавшееся гражданами, очень полезное установленіе, именно, чтобы „покупныхъ паевъ болѣе трехъ не дозволять пускать въ одно мѣсто“, и это было источникомъ большаго зла для мѣстныхъ жителей: паи многихъ гражданъ очутились въ рукахъ иногороднихъ, которые, получивъ ихъ въ безусловное распоряженіе за самую ничтожную цѣну, пользуются плодородіемъ почвы

ихъ безъ всякаго разсчета (Тимощ. „Урюп. ст. и прил. къ ней мѣст.“ стр. 21).

„Продаютъ“ землю и такъ: „сейчасъ давай 24 четверика хлѣба, а тебѣ — что Богъ дастъ“; либо—изъ $^1/_3$ части и т. п.

Сроки для новаго передѣла бываютъ разные. Иногда вовсе не опредѣляется число годовъ, на которое раздѣлена земля, и новый передѣлъ зависитъ отъ воли общества. Обыкновенно же передѣлы бываютъ черезъ 3, 4, 5, 6, 7, 10, 12, 17 лѣтъ.

Вообще говоря, сколько я замѣтилъ, при первомъ раздѣлѣ обыкновенно постановляется болѣе короткій срокъ (3, 6 л.) для новаго передѣла, но затѣмъ этотъ срокъ удлинняется. Впрочемъ мнѣ извѣстно и обратное явленіе: такъ въ Кепинской ст. земля была раздѣлена въ первый разъ на 10 лѣтъ, а теперь передѣляется черезъ каждыя 7 лѣтъ *).

---

*) Для пополненія только что сообщенныхъ свѣдѣній о раздѣлѣ пахатной земли въ станичныхъ юртахъ привожу нѣсколько примѣровъ такихъ раздѣловъ въ нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ станицахъ.*

Кепинская станица пользуется землей совокупно съ 23 хуторами (всего 4,964 жит.). При раздѣлѣ хутора не получили особаго нарѣза. Пахатная земля (количество „удобной“ земли 31.180 дес. 1063 саж.) расположена въ четырехъ мѣстахъ—„частяхъ“. Каждая изъ „частей“ носитъ особое названіе: 1) „нагорная сторона“ 2) „пады“ 3) „загуляевка“ (близъ крестьянской слободы того же названія) 4) „чеганакъ“. Во всѣхъ этихъ четырехъ мѣстахъ каждый казакъ Кепинскаго юрта имѣетъ „долю“. Всѣ четыре „доли“ составляютъ одинъ „казачій земляной пай“, равняющійся здѣсь 9 десят. Каждый получаетъ долю во всѣхъ означенныхъ четырехъ мѣстахъ, „чтобы никому не было обидно“. Въ каждой „части“ находится по десятку и болѣе „участковъ“. Эти участки распредѣлены землемѣромъ при раздѣлѣ и занесены въ книгу. Каждый участокъ дѣлится на „полосы“. Ширина каждой полосы опредѣлена землемѣромъ въ 160 саж. ширины, но длина полосъ различна („отъ урочища до урочища“, „до дороги“ и т. п.). Полосы бываютъ „прямыя“, кривыя—„косовики“, клиномъ,—„клинья“. Полосы дѣлятся на „паи“, которые точно также опредѣлены землемѣромъ и обозначены ямками (пай—„отъ ямки до ямки“). Паи всѣ равны; но, гдѣ встрѣчается буеракъ или тернъ и кустар-

Новые переделы.

Для новаго передѣла или „ревизіи“, какъ выражаются казаки во многихъ верховыхъ станицахъ, требуется особое постановленіе станичнаго сбора. Уже при первомъ

никъ, вслѣдствіи чего пай выходитъ короче другихъ, то къ нему „накидываютъ“ т. е. прибавляютъ изъ другой полосы. Границами между паями двухъ хозяевъ служатъ „ямки“. Казаки намѣчаютъ на „глухихъ концахъ“ полосы, т. е. на противоположныхъ тѣмъ, на коихъ „ямки“ клалъ землемѣръ—такія же ямки параллельно съ первыми и потомъ проводятъ „отъ ямки къ ямкѣ“ борозду. Нерѣдко однако подобная борозда „выведена“ хозяиномъ криво, при чемъ захватывается часть сосѣдскаго пая. Это подаетъ поводъ къ ссорамъ. Между полосами проведены дороги, но не вездѣ, а лишь тамъ, гдѣ станичники нашли нужнымъ. Ширина дорогъ—„чтобы съ возомъ можно было проѣхать и плугъ повернуть“. Между остальными полосами проведены борозды, которыя ихъ и раздѣляютъ. Пай получаетъ всякій казакъ съ 17 лѣтъ Дѣвушка, не вышедшая замужъ, а также бездѣтная вдова получаютъ „полупай“. Со вступленіемъ въ новый бракъ вдова теряетъ право на свою долю. Сироты получаютъ отцовскій пай, причемъ часто „на сиротскую долю“ („на сиротъ“) прибавляютъ земли. Для подростающихъ членовъ общины оставляется земля „запасная“. Какъ только подрастетъ казакъ—такъ ему и даютъ пай изъ этого запаса или же пай одного изъ умершихъ станичниковъ. Количество запасной земли не при всякомъ передѣлѣ бываетъ одинаковое, такъ какъ станичники соображаютъ каждый разъ, сколько приблизительно можетъ подрости народу до слѣдующаго передѣла. Нынѣ оставлено 1,000 десят. зем. Пока запасная земля не роздана паевымъ, она идетъ подъ сѣнокосы. Въ аренду ее не отдаютъ, „потому каждый годъ приходится урѣзывать части“. Первый раздѣлъ былъ въ 1858 г., второй черезъ 10 лѣтъ; затѣмъ стали передѣлять черезъ каждыя 7 лѣтъ. При каждомъ передѣлѣ считаютъ, сколько прибавилось народу. Число душъ дѣлятъ на количество земли и опредѣляютъ тѣмъ величину пая. Затѣмъ землемѣръ „нарѣзываетъ“ паи. Кромѣ такого кореннаго передѣла, переделовъ иныхъ, по словамъ станичниковъ, не бываетъ. Когда землю раздѣлятъ на паи, то всѣ станичники составляютъ изъ себя десятки (въ Арчадинской ст.—„сотни“). „Десятки“ эти бываютъ не равны: въ одномъ — 10 чел., въ другомъ 11—12 чел. и т. п. Обыкновенно, по словамъ казаковъ, въ одинъ десятокъ входятъ родственники, сосѣди, жители одной улицы. Въ каждомъ десяткѣ свой десятникъ. Десятники трясутъ жребій — „какому десятку какое мѣсто достанется“. Для этого пишутъ на ярлыкахъ имена десятниковъ и номера десятка. Вынувъ жребій, десятникъ отводитъ свой десятокъ на указанное

Къ стран. 35.

Часть поля при станицѣ Кепинской.

P — „полоса"; ааа а....а = „земляные паи", в.в = „клинья".— MN — линія „вдоль которой" находятся „глухіе концы паевъ".— RS — линія, вдоль которой землемѣръ положилъ „ямки".—

раздѣлѣ, какъ сказано, станичники опредѣляютъ срокъ для передѣла. По истеченіи годовъ станичные правители напоминаютъ обществу объ этомъ. Собираютъ сходъ,

---

мѣсто. Здѣсь на мѣстѣ уже не трясутъ жребія, а становятся одинъ возлѣ другаго по очереди, „какъ записаны въ книгѣ“. Часто казакъ, получивъ неудобное мѣсто, проситъ сосѣда или одностаничника обмѣняться, при чемъ иногда приходится приплатить деньгами („время дорого—поневолѣ согласишься“) или угостить (½ кварты водки и т. п.).

Въ ст. Казанской земля сначала была раздѣлена на 6 лѣтъ, нынѣ же на 17 л. Для произведенія раздѣла „нанимаютъ на общественный счетъ землемѣра и къ нему назначаютъ отъ всей станицы трехъ или четырехъ депутатовъ и отъ каждаго поселенія по два понятыхъ. Обязанность этихъ депутатовъ и понятыхъ—разводить границы, опредѣлять удобность и неудобность земли и наблюдать, чтобы раздѣлъ производился правильно и безпристрастно. Каждому поселенію дается надѣлъ по числу душъ мужскаго пола, считая на каждую по 15 десятинъ удобной земли. Общества надѣляютъ 15 десятинами всякаго казака съ 17 лѣтняго возраста; малолѣтнимъ же, не достигшимъ 17 лѣтъ, земли не даютъ, а оставляютъ ее при поселеніи въ особомъ столбѣ и пользуются ею всѣ вмѣстѣ: пасутъ скотину, косятъ сѣно; часть ея иногда и запахиваютъ. Когда же кто изъ малолѣтнихъ достигнетъ 17 лѣтняго возраста, то его надѣляютъ 15 десятинами изъ этого запаса. Земля умершихъ и вдовъ, вышедшихъ въ замужество, остается при поселеніи, и ею надѣляютъ лицъ, которыя переходятъ въ него на жительство изъ другихъ поселеній. Вдовамъ бездѣтнымъ даютъ половину пая, вдовамъ, имѣющимъ до 3-хъ дѣтей,—полный пай, а вдовамъ, имѣющимъ 4-хъ и болѣе дѣтей — два пая. Изъ общественной земли еще до раздѣла ея между поселеніями отдѣляютъ 3,000 съ лишнимъ десятинъ для пастьбы коннаго плодоваго табуна. Когда сроку, на который подѣлена земля, приходитъ конецъ, то граждане опять нанимаютъ землемѣра и дѣлятъ ее вновь“ (Тр. Д. О. Ст. Ком. 1874, стр. 149).

Въ Урюпинской ст. пахатная земля также раздѣлена наемными землемѣрами въ слѣдующемъ порядкѣ: „Землемѣры должны были прежде всего отдѣлить бороздами, измѣрить и исчислить въ общихъ массахъ лѣсъ и займищные луга, отмежевать отъ пашней усадебныя и выгонныя мѣста въ такомъ количествѣ десятинъ на паеваго, какое изъявятъ желаніе имѣть жители отдѣльно каждаго хутора съ тѣмъ, чтобы тѣ десятины были зачислены въ уравнительный паевой надѣлъ; измѣрить и исчислить всѣ неудобныя для хлѣбопашества мѣста и дороги и все это исключить изъ общаго довольствія съ тѣмъ, чтобы въ раздѣлѣ на паевыхъ не класть. Послѣ этого всю остальную

рѣшаютъ пригласить землемѣра. Осенью послѣдній распредѣляетъ всю землю на новые паи, весной слѣдующаго года станичники дѣлятъ паи по жребію между собой, а

массу пахатной земли рѣзали плуговыми бороздами на столбы или полосы, шириною въ 3 десятины, т. е. въ 240 сажень. Столбы эти разбивались поперечными бороздами на участки въ 200, 100 и 50 десятинъ, смотря по желанію жителей. Если въ которомъ участкѣ была неудобная земля, то при надѣлѣ каждаго паеваго она не считалась. Паевой надѣлялся одною удобною землею, а неудобная оставлялась въ его же владѣніи. Каждый участокъ на планѣ показывался особеннымъ номеромъ. Если оказывались остатки въ углахъ межевыхъ границъ и къ живымъ урочищамъ, то имъ производилось исчисленіе въ десятинахъ, и они причислялись къ смежнымъ къ нимъ участкамъ. Межеваніе землемѣры производили на свой счетъ, со своими плугами, народомъ и верховыми всадниками, нужными при проведеніи линій. По окончаніи работы они въ обязанности были составить планъ и вѣдомости къ нему съ подробнымъ описаніемъ нарѣзанныхъ столбовъ и участковъ юрта по номерамъ и выдать ихъ въ ст. правленіе для храненія и разбора паевыхъ надѣловъ. Къ раздѣлу приступали по окончаніи полевыхъ работъ. Изъ общей массы удобной земли опредѣлено было оставить 1000 дес. въ арендѣ у купца Коверина, вырѣзать 300 дес. при скотопрогонной дорогѣ съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ въ аренду и деньги употреблять на общественныя надобности, оставить на непредвидѣнные случаи запасъ земли и имѣть ее пастбищемъ коннозаводоваго табуна. Получили пай земли всѣ и только что родившіеся мужескаго пола. Послѣдніе по полученіи земли привлечены совмѣстно съ совершеннолѣтними къ отбывкѣ платежами всѣхъ повинностей, какія требуются и могутъ потребоваться въ будущемъ. Тѣхъ дѣтей мужескаго пола, которыя родятся послѣ раздѣла, опредѣлено заразъ же удовлетворить паями изъ запасной земли и изъ освободившейся отъ владѣнія за смертью гражданъ. Распорядокъ въ этомъ возложенъ на станичное правленіе. Срокъ раздѣла положенъ по 10 лѣтъ, считая съ 1 генваря 1872 г. Собирать землемѣру плату отъ гражданъ (въ участкѣ въ 200 дес.— по 9 к. съ десятины, въ участкѣ въ 100 дес.—по $10^1/_2$ коп., въ участкѣ въ 50 дес.—по 12 коп. сер.) избраны были три опытные старика. Если оказывались неплательщики, то у нихъ брали потребное количество десятинъ земли и отдавали въ наемъ для уплаты недоимки. Мѣста, занятыя жителями подъ лѣсныя рощи, сады съ пчеловодствомъ въ удобныхъ сѣнокосныхъ и хлѣбопахатныхъ мѣстахъ, зачислялись каждому хозяину въ число подлежащаго земельнаго довольствія; опредѣлено было гражданами проселочныя дороги отнюдь

съ августа начинаютъ пахать и сѣять на новыхъ паяхъ.

Богатые станичники нерѣдко умѣютъ извлекать пользу себѣ и при этихъ новыхъ порядкахъ пользованія землей.

перепашкою не портить. Гумна, имѣющіяся на поляхъ, снесть въ теченіи года, если хозяину гумна то мѣсто не достанется. Такъ какъ въ станицѣ пасется скотъ иногороднихъ и жителей другихъ станицъ, прибывающихъ сюда по дѣламъ, то, для уравненія станичныхъ жителей противу хуторскихъ, станичному выгону прирѣзать изъ общаго довольствія часть земли, которую не считать станичнымъ жителямъ въ число пахотной земли. Довѣреннымъ отъ общества, бывшимъ при землемѣрахъ, дать въ награду за ихъ труды по 10 коп. сер. съ пая. Это однако было сдѣлано уже послѣ раздѣла, когда увидѣли добросовѣстное распоряженіе дѣломъ со стороны довѣренныхъ. Кромѣ того, приговорено было: къ каждому водопою, имѣющемуся въ юртѣ, оставить въ 4 стороны по межамъ свободный проѣздъ въ 1 сажень шириною, по которому могъ бы быть прогоняемъ и скотъ для водопоя. При самомъ водопоѣ оставить порожнее мѣсто въ двѣ десятины... Каждый гражданинъ владѣетъ въ настоящее время $18^1/_4$ десятинами удобной земли: 10 десятинъ нарѣзывалось пахотной земли, $4^1/_2$ выгонной (этой столько положено было въ приговорѣ нарѣзывать, въ самомъ же дѣлѣ нарѣзывали не равно: и больше, и меньше, смотря по желанію жителей каждаго хутора) и $3^3/_4$ дес. — степной. Эта послѣдняя дана каждому поселку чрезполосно на окраинѣ юрта верстъ за 25 и 30. Одни изъ поселковъ отдаютъ эту землю въ откупъ, другіе пашутъ ее сами, а третьи пасутъ на ней гулевой скотъ, угоняя его туда на лѣто и имѣя при немъ пастуховъ". (Д. О. В. 1875, № 77).

Въ ст. Михайловской способъ раздѣла земли имѣлъ нѣкоторыя особенности. „Землемѣръ прежде всего положилъ весь юртъ на планъ съ яснымъ и точнымъ обозначеніемъ количества земли по угодьямъ и качеству, т. е. сколько земли удобной и сколько неудобной, на которой не можетъ производиться хлѣбопашество и сѣнокошеніе. Осмотръ земли и измѣреніе онъ производилъ при бытности съ каждаго хутора двухъ довѣренныхъ. Изъ удобной степной, способной къ пашкѣ земли, онъ вырѣзывалъ участки для попаса конно-плодоваго табуна и для попасовъ при скотопрогонныхъ дорогахъ. Остальную землю раздѣлилъ между хуторами на участки, отдѣляя каждому хутору по числу исчисленныхъ паевыхъ. Послѣднее произведено имъ такимъ образомъ: составивъ подробный планъ всего юрта, онъ представилъ его сходу общества гражданъ, а граждане, по соображенію и безспорно, проэктировали тутъ же на планѣ уча-

Вотъ что напр. сообщаетъ объ этомъ г. Тимощенковъ: „нѣкоторые изъ богатыхъ и вліятельныхъ граждан позакупили паевъ у бѣдныхъ и безсемейныхъ, поотрѣзали

стки станицѣ и хуторамъ. Эти проэктированные участки обозначались карандашомъ на планѣ. Потомъ обществомъ были избраны особенные депутаты отъ всей станицы, которые, вмѣстѣ со ст. правителями, разсмотрѣвъ проэктированные участки, исправили ихъ, гдѣ нужно, и утвердили своимъ подписомъ. Послѣ этого землемѣръ повычертилъ участки хуторамъ красками и придерживался при межеваніи проэкта во всей точности. Дѣлалось это, чтобы устранить споры и протесты между жителями хуторовъ за мѣстности, но однако при межеваніи безъ споровъ и несогласій между поселеніями не обошлось: жалобамъ въ задѣленіи, просьбамъ и актамъ не было конца. На каждый хуторской и станичный участокъ землемѣръ составилъ планы съ показаніемъ удобной и неудобной земли, величины угловъ и мѣры линій. Межи между участками землемѣръ пролагалъ въ двѣ борозды. Плата ему за трудъ по 6 коп. за десятину удобной и неудобной земли, заключающейся въ юртѣ. За отступленіе при межеваніи отъ утвержденнаго обществомъ проэкта, землемѣръ долженъ былъ платить по 10 рубл. сер. за каждую десятину. Нѣкоторые хутора получили землю въ двухъ-трехъ мѣстахъ: частью при жительствахъ, а частью чрезполосно. На пай давалось всего земли по $15^{3}/_{4}$ дес.; нѣкоторые хутора получили ее всего при жительствахъ отъ 10—13 дес., а остальную вдали. Хутора распоряжаются своими участками земли такимъ образомъ: отрѣзываютъ вокругъ усадебъ подъ выгонъ отъ 3—5 дес. (сколько сочтется нужнымъ жителями по числу скота), а остальную землю рѣжутъ на столбы (полосы) и дѣлятъ на паи. Проводить борозды и измѣрять простымъ способомъ землю здѣсь почти всѣ граждане понаучились. Иногда, если надѣлъ хутора растягивается въ длину, дѣлятъ пахотное поле на двѣ части: поле дальнее и поле ближнее, и каждый получаетъ пай въ двухъ мѣстахъ. Раздѣлъ произведенъ на 17 лѣтъ. Земля дана всѣмъ и малолѣтнимъ, но за то они привлечены и къ отбывкѣ земскихъ повинностей: къ почтовой гоньбѣ, поправкѣ мостовъ, гатей, дорогъ, косьбѣ сѣна плодовымъ жеребцамъ, доставкѣ имъ овса и пр. Нѣкоторые изъ состоятельныхъ гражданъ позаняли еще до раздѣла земли хутора изъ одного-двухъ дворовъ и зимовники въ лучшихъ степныхъ и луговыхъ мѣстахъ и сильно стѣсняли общественныя довольствія. Общество приговорило заразъ же удалить всѣ эти хутора и зимовники и приказать хозяевамъ ихъ селиться въ такихъ хуторахъ, гдѣ не менѣе 25 дворовъ... Почти у всѣхъ состоятельныхъ хозяевъ были также на полѣ, среди пашней, хаты, гдѣ они жили лѣто съ рабо-

ихъ въ одномъ мѣстѣ участками по 500 и 600 десятинъ (по 50 и 60 паевъ вмѣстѣ) и поотдавали ихъ въ аренду

чимъ скотомъ, а зиму всю или половину ея съ гулевымъ скотомъ. Такія хаты тоже приговорено было снести, если хозяевамъ ихъ не доставалась на пай та именно земля, на которой онѣ построены". (г. Тимощенковъ, „Урюпинская ст. и прилегающія къ ней мѣстности", стран. 42).

Въ Котовской ст., въ которой земля подѣлена съ 1868 года, раздѣлъ характеристиченъ по своему неудобству, причиной коего главнымъ образомъ то обстоятельство, что хутора скучены въ одной мѣстности юрта и вообще распредѣлены въ такомъ безпорядкѣ, что участки имъ нужно было давать чрезполосно. Кромѣ того, вслѣдствіе не одинаковаго качества земли пахотной станичники раздѣлили ее на нѣсколько разрядовъ и дали каждому паевому надѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. „Теперь иной гражданинъ пай свой въ 11 дес. имѣетъ въ 4-хъ мѣстахъ и съ большою невыгодою и убытками разбрасывается хозяйствомъ въ четыре отдаленныя одна отъ другой мѣстности. Людямъ многоземельнымъ неудобно вести такъ хозяйство, а малоземельнымъ и бѣднымъ, у кого одинъ только пай, совсѣмъ невозможно. Послѣдніе большею частью спрягаются пахать вмѣстѣ нѣсколько семействъ. Что же имъ дѣлать, если они изъ разныхъ хуторовъ и каждый имѣетъ клочекъ земли при своемъ хуторѣ, клочекъ за 15 верстъ, клочекъ за 40 верстъ и проч.? Остается ѣздить изъ стороны въ сторону, тратить время и портить земледѣльческія орудія.—Особенности порядка раздѣла слѣдующія: пай данъ и малолѣтнимъ, родившимся по день раздѣла. За что они привлечены къ участію въ наймѣ станичной земской почты, а также и къ платежу всѣхъ другихъ денежныхъ повинностей, какія могутъ случиться. Землемѣръ и три довѣренныхъ при немъ отъ станицы и каждаго хутора прежде всего должны были отрѣзать каждому хутору выгонъ отъ 2-хъ до 5-ти десятинъ на пай, какъ пожелаютъ жители; снять съемкой, сколько въ юрту удобной и неудобной земли, и порѣзать цѣлинную землю на полосы въ 160 саж. шириною, а пашенную въ 240 саж. Въ полосахъ этихъ должны быть нарѣзаны участки величиною отъ 4—12 паевъ, смотря по желанію жителей мѣстности. Плата землемѣру по 10 коп. за десятину. Установлено, чтобы всѣ вновь родившіеся и прибывшіе въ ст. паевые получали паи умершихъ и убылыхъ. Если умершихъ и убылыхъ будетъ меньше, нежели прибылыхъ, то получать должны по очереди только старшіе изъ родившихся и прибылыхъ. По снятіи хлѣба и травы каждому вольно пасти скотину по всему юрту. Весною же скотъ можетъ пастись вольно только по 23 апрѣля (l. c. p. 20).

иногороднимъ, которые позавели на нихъ хутора и сильно стѣсняютъ жителей загономъ скота въ потравахъ. (Установленія пускать скотъ вольно послѣ снятія хлѣба и травы, а также и весною до 23 апрѣля они уже совершенно не признаютъ). Скупщики этихъ паевъ вырѣ-

---

Въ Каменской ст. въ надѣлъ каждому станичнику поступаетъ одна „удобная" земля. „Среднеудобной" назначается - три десятины за одну; а „неудобная" отдается безъ зачета въ тотъ хуторской или станичный участокъ, среди коего она находится. „Каждому хутору и станицѣ отводится надѣлъ изъ ближайшей земли, такъ чтобы былъ водопой и сѣнокосы. Если же гдѣ не будетъ сѣнокоса или мѣстъ, удобныхъ для посѣва ржи, арбузовъ, овощей, то допускается отводить для этого особые участки черезполосно въ другихъ мѣстахъ безъ стѣсненія однако же ближайшихъ къ этимъ чрезполоснымъ участкамъ хуторовъ. Въ случаяхъ заявленія отъ сосѣднихъ хуторовъ о стѣсненіяхъ споры рѣшаются членами коммиссіи и хуторскими довѣренными при участіи землемѣра по большинству голосовъ. Таковое раздѣленіе остается безъ передѣла въ теченіи 4-хъ лѣтъ, а впослѣдствіи передѣлъ допускается чрезъ каждыя 8 лѣтъ. Послѣ перваго раздѣла паи получаютъ одни только дѣйствительные паевые съ 17-лѣтняго возраста, равно и круглыя сироты обоего пола и вдовы; калѣки же и сумасшедшіе, неспособные ни къ какой работѣ хотя и при родителяхъ безъ различія возраста и пола получаютъ навсегда равные со всѣми паи; устарѣлыя дѣвушки—наравнѣ со вдовами (Д. О. В. 1874, №№ 68, 70).

Въ Малодѣльскомъ ст. *юрту* пахатная земля находится въ двухъ мѣстахъ („два надѣла"); каждый станичникъ имѣетъ долю въ обѣихъ. Землю раздѣлили на 8 лѣтъ паи дали всѣмъ станичникамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, „которые незадолго передъ тѣмъ родились". Сначала этого дѣлать не хотѣли, но на сборѣ имѣвшіе помногу дѣтей „заревѣли". Нынѣ многіе станичники считаютъ такое распредѣленіе земли несправедливымъ, потому что у многихъ дѣти померли, а пай отобранъ не былъ, вслѣдствіе чего такіе казаки и имѣютъ земли болѣе противъ остальныхъ. Бездѣтнымъ вдовамъ дается „полупай". Вдовамъ, у которыхъ много дѣтей, прибавляютъ земли „по усмотрѣнію общества".

Въ ст. Маріинской раздѣлъ земли (въ первый разъ) въ 1883 году совершенъ былъ такъ: всѣ лица мужскаго пола съ 10-лѣтняго возраста надѣлены землей по восьми десятинъ каждому. Вдовы генераловъ, штабъ - и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, имѣющія отъ одного до трехъ дѣтей, получили также по одному паю; бездѣтныя

заютъ ихъ уже обыкновенно всѣ цѣликомъ, не пуская 5 десятинъ въ попасъ при томъ хуторѣ, къ обществу котораго приписаны ихъ паи. Для этого они настояли, чтобы было установлено: если кто изъ гражданъ не пожелаетъ имѣть выгонной земли, то онъ можетъ получить все число десятинъ пая въ пахатной землѣ, но только онъ уже не долженъ имѣть скотины, пасущейся на общественномъ попасѣ, а если будетъ имѣть ее, то долженъ платить за нее обществу наравнѣ съ иногородними. Поэтому теперь бываютъ такіе случаи: люди, не могущіе сами обрабатывать землю, но имѣющіе домашній скотъ: корову, лошадь и пр., а также паевые сироты и малолѣтніе позапродали скупщикамъ паи, не оговоривъ, что они вмѣстѣ съ ней не продаютъ и выгонную землю; а скупщики вырѣзали и взяли у нихъ и выгонныя 5 десятинъ и заставили ихъ: и даромъ лишиться этой земли, и платить еще обществу за имѣющихся у нихъ животныхъ или сбывать ихъ, когда общество хутора стѣсняется попасомъ и не соглашается принимать на попасъ скотъ. Обиженные вопіютъ къ правителямъ, но защиты не находятъ, ибо правители тоже нѣкоторые, какъ говорятъ, скупаютъ землю". (Д. О. В. 1875 г., №№ 77—89).

же вдовы получили по „полупаю", какъ пахатной, такъ и попасной земли. Земля раздѣлена на шесть лѣтъ.

Въ Чернышевской ст. при общемъ раздѣлѣ земли (1867 года) хутора получили особые участки. Каждый хуторъ дѣлитъ всю „хлѣбопахатную" землю по своему усмотрѣнію, чрезъ каждыя 6 лѣтъ, оставляя небольшой запасъ „на прибылъ". Мѣра опредѣляется на каждый пай смотря по величинѣ площади и „удобности" земли. Самая большая мѣра—150 саж. длины и 30 саж. ширины, а наименьшая—100 саж. длины и 10 саж. ширины на пай. Для выгона скота оставляется самая неудобная земля. Распашка земли производится каждымъ станичникомъ по своему усмотрѣнію. Способъ этотъ—по мнѣнію нѣкоторыхъ станичниковъ—не совсѣмъ удобенъ тѣмъ, что „сосѣдъ, распахивая землю, а затѣмъ убирая хлѣбъ, впускаетъ свой рабочій скотъ на оставленный сосѣдомъ для сѣнокоса пай, а этотъ въ свою очередь при уборкѣ сѣна причиняетъ вредъ сосѣднему хлѣбу".

Изъ Старочеркасской ст. сообщаютъ, что „прежніе воротилы“, или, какъ называютъ ихъ здѣсь, „польскіе паны“, не дремлютъ. „Конечно, имъ непріятно отказаться отъ широкаго пользованія общественной землей, и они изыскиваютъ способы обходить новый раздѣлъ земельныхъ довольствій. Воспользовавшись несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, они предъявили въ мировой судъ искъ о нарушенномъ владѣніи и дѣло выиграли. Радость ихъ была велика настолько, что, если вѣрить слухамъ, въ одинъ вечеръ они прокутили въ мѣстной гостинницѣ 700 р. Дѣло они выиграли, но во мнѣніи общества окончально пали. Станица вознегодовала и сгоряча постановила: выбрать повѣренныхъ изъ среды своей и ходатайствовать черезъ нихъ не болѣе не менѣе, какъ о выселеніи нарушителей спокойствія изъ станицы. Иные пришли въ сознаніе, повинились и прощены, а другіе стоятъ на своемъ. Чѣмъ окончится все это—одинъ Богъ вѣдаетъ“. (Д. О. В. 1881 г., № 19).

Сѣнокосы; вольное пользованіе.

Что касается станичныхъ сѣнокосовъ, то они бываютъ 2 видовъ—степные и луговые. Въ старину сѣнокосами, какъ уже было помянуто, казаки пользовались вольно. Въ раздѣлъ сначала поступали одни только луга, на степномъ же просторѣ еще долгое время косили, гдѣ угодно и сколько угодно. Нынѣ, кажется, во всѣхъ донскихъ казацкихъ общинахъ раздѣлу подлежатъ всѣ сѣнокосныя мѣста на „травяные паи“, и воспоминаніе о прежнемъ порядкѣ сохранилось, повидимому, въ однихъ лишь названіяхъ: такъ въ ст. Тишанской степная мѣстность за р. Тишанкой, хотя уже около 60 л. тому назадъ поступившая въ ежегодный раздѣлъ, до сихъ поръ называется по старинному — „вольницей“ (Д. О. В. 1873 г., № 47).

Степные сѣнокосы.

При пользованіи степными сѣнокосами казаки руководствуются слѣдующими обычаями. Въ однихъ станицахъ, гдѣ степь запахана вся въ безпорядкѣ, принято,

чтобы каждый казакъ косилъ на своихъ залежныхъ загонахъ и на обмежкахъ. Въ другихъ станицахъ, гдѣ часть степи остается нераспаханною (обыкновенно за дальностью разстоянія, такъ какъ казаки предпочитаютъ пахать землю возможно ближе къ жилью)—косить позволяется вольно, но, по обычаю, каждая семья не должна выводить болѣе косарей, чѣмъ она имѣетъ семейныхъ паевъ. Въ иныхъ станицахъ часть степи, оставшаяся нераспаханною, а также обмежки (довольно значительной величины), или земля, оставшаяся въ видѣ запаса для новаго поколѣнія, дѣлится ежегодно. (Д. О. В. 1874 г., № 30).

Въ станицахъ, подѣлившихъ юртъ на хуторскіе участки, всякій хуторъ производитъ сѣнокосъ на своемъ участкѣ, если ему даны и пахатные и сѣнокосные участки, или же, если въ надѣлъ каждаго хутора вошла только земля пахатная, то вся сѣнокосная степь дѣлится на паи сообща со станицей. Въ Камышевской ст., „въ степи два дѣлежа: земля цѣлинная — одинъ раздѣлъ; другой раздѣлъ — сѣнокосъ по межамъ, въ клиньяхъ и концахъ, т. е. трава между загонами“. Въ Верхнекурмоярской и Кепинской ст. трава, выросшая на пашняхъ, которыя отдыхаютъ, не поступаетъ въ раздѣлъ: ее коситъ тотъ, кто распахалъ пашню. Есть станицы, въ которыхъ и эта трава поступаетъ въ ежегодный раздѣлъ.

Луговые сѣнокосы.

Сѣнокосы же луговые станица имѣетъ либо сообща съ хуторами, либо отдѣльно отъ нихъ (при чемъ хуторамъ отводятся особыя „займища“). Въ первомъ случаѣ стараются сформировать сотни изъ паевыхъ одного хутора. — Бываетъ и такъ, что хутора, имѣя свои собственные луга, пользуются еще общимъ со станицей займищемъ. Такъ въ ст. Пятиизбянской близь каждаго хутора есть лугъ, который „соблюдается“ хуторомъ. Съ Егорьева дня по Петровъ день не приказываютъ выпускать туда скотъ (иначе штрафъ за спутанную лошадь 10 к., за пару быковъ 5 к., за свободную лошадь 15 к., за свинью—„особой цѣны нѣтъ, а больше

бьютъ"). Кромѣ пользованія этими лугами, хутора участвуютъ вмѣстѣ со станицей въ пользованіи займищемъ, которое дѣлится на три „участка", каждый участокъ на „части", каждая часть на „десятки", а десятокъ на „паи".

Луга, сколько мнѣ извѣстно, передѣляются обыкновенно каждый годъ, ибо „на нѣсколько лѣтъ дѣлить нельзя — урожай травы бываетъ не равный". Только въ ст. Евтеревской, по словамъ казаковъ, они раздѣлены на 10 лѣтъ (провѣрить не могъ).

Луговые сѣнокосы нерѣдко находятся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ напр. въ Кепинской ст. сѣнокосъ бываетъ въ т р е х ъ мѣстахъ: а) „ранній" сѣнокосъ, находящійся на высокихъ мѣстахъ, которыя вешней водой не заливаются, и на которыхъ снѣгъ быстро таетъ, а потому трава выростаетъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; б) „второй сѣнокосъ" — въ тѣхъ мѣстахъ, которыя обсыхаютъ и покрываются травой позже; и наконецъ в) „поздній сѣнокосъ" — въ мѣстахъ низменныхъ, которыя подъ водою остаются долго. Каждый членъ общины имѣетъ право на пай во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Въ Камышевской ст. луговые сѣнокосы находятся въ займищѣ по обоимъ берегамъ Дона верстъ на 8 въ длину, а въ ширину верстъ на 7, „отъ степи до степи, т. е., иными словами, — все пространство, которое во время разлива бываетъ подъ водою (мѣста вешней водой не заливаемыя — „степь"). Въ этомъ займищѣ „три дѣлежа". Въ первый дѣлежъ входятъ мѣста близъ самой станицы. Эти мѣста спѣшатъ скосить ранѣе, чтобы имѣть возможность скорѣе пустить скотъ на подножный кормъ. Второй дѣлежъ — подальше, но все еще по сю сторону Дона. Наконецъ, въ третій дѣлежъ входятъ мѣста, находящіяся за Дономъ. Здѣсь сѣно косятъ позднѣе, чѣмъ въ двухъ первыхъ, и скотина туда пригоняется лишь къ осени. Въ каждомъ изъ этихъ дѣлежей получаютъ долю всѣ казаки названной станицы. Въ Пятиизбянской ст. займище также дѣлится на три части—верхнее, среднее и нижнее.

Улежи.

Каждый лугъ (займище) обыкновенно подраздѣляется на „улежи“ или участки. Каждый улежъ носитъ особое названіе по урочищу, близъ коего онъ находится (напр. въ какомъ улежѣ достался пай?—въ Гуляевскомъ). Эти улежи „такъ изъ предковъ назначены“ и не равны по своей величинѣ. Уравниваніе всѣхъ производится слѣдующимъ способомъ: въ тотъ улежъ, гдѣ травы хуже уродились, назначаютъ меньше паевъ и на оборотъ. Старики твердо помнятъ, сколько изстари въ каждый улежъ паевъ клали и съ этимъ соображаются каждый годъ. Въ станицѣ Верхнекурмоярской напр. всѣ сѣнокосныя мѣста раздѣлены на четыре улежа, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ. Каждый станичникъ имѣетъ паекъ во всѣхъ этихъ улежахъ: это постановлено для того, чтобы казакъ, считающій себя обиженнымъ въ одномъ улежѣ, могъ бы вознаградить себя въ другомъ. Здѣсь каждый улежъ дѣлится на части, и въ каждую часть назначается ежегодно извѣстное число паевъ, смотря по урожаю.

Ежегодный раздѣлъ сѣнокосовъ.

Каждую весну старики на коняхъ отправляются въ луга и осматриваютъ траву. Смотря по качеству уродившейся травы, они назначаютъ въ одинъ улежъ больше паевъ, въ другой меньше противъ прошлогодняго. Затѣмъ приступаютъ къ раздѣлу. Составляются въ станичномъ правленіи списки (въ особыхъ книгахъ) всѣхъ станичниковъ: вычеркиваютъ выбывшихъ изъ станицы или умершихъ, прибавляютъ тѣхъ, которые „вошли въ интересъ“, т. е. достигли того возраста, который даетъ имъ право на станичный пай (обыкновенно съ 17 л.). Затѣмъ всѣхъ подраздѣляютъ на десятки (въ нѣкоторыхъ общинахъ на сотни, а сотни уже на десятки), десятки на пятки или прямо на паи. Во главѣ каждаго десятка назначается десятникъ. Въ Урюпинской ст. предоставляется каждому записываться въ какомъ угодно изъ четырехъ улежей. Если же въ какой либо улежъ наберется паевъ болѣе, нежели сколько положено въ немъ при осмотрѣ травъ, то всѣ лишніе паи „оттрясываются

жребіемъ“, т. е. ихъ отдѣляютъ посредствомъ жеребья (трясутъ жеребь) и причисляютъ въ тѣ улежи, гдѣ недостаетъ паевъ до положеннаго числа. Тоже въ станицѣ Добринской, Котовской, Петровской, Тепикинской и др. (Д. О. В. 1875 г., №№ 77—89).

Въ ст. Михайловской, назначивъ въ каждый улежъ извѣстное число паевыхъ, выкликаютъ охотниковъ въ каждый улежъ, а если таковыхъ нѣтъ, то назначаютъ ихъ по жребію (ibid.).

Обыкновенно передъ дѣлежемъ заготовляютъ ярлыки, на которыхъ записываютъ имена десятниковъ. Ярлыки эти всѣ кидаютъ въ одну шапку. Потомъ атаманъ говоритъ: „раздѣлимъ такой то улежъ; въ него старики положили (напр.) 7 десятковъ“. Начинаютъ „трясти жребій“ и вынимаютъ 7 ярлыковъ. Тѣ десятники, имена которыхъ написаны на вынутыхъ ярлыкахъ, отводятъ свои десятки въ указанный улежъ.

Десятки.

Собравшись здѣсь, десятники начинаютъ уже между собой дѣлить улежъ. Если трава хороша и, слѣдовательно, ею дорожатъ, то измѣряютъ всю выпавшую на ихъ долю часть болѣе тщательно саженями и бичевой. Если же трава плохая, то мѣряютъ „на глазъ“, ибо „траву все равно на безмѣнѣ не увѣсишь: не бѣда коли одному противъ другаго перепадетъ“ (Кеп. ст.). Улежъ раздѣляютъ на столько частей, сколько десятковъ („сколько нумеровъ, столько мѣстъ и въ травѣ вырѣзываютъ“). Части эти не равны: величина ихъ зависитъ отъ качества травы; если на одномъ мѣстѣ улежа трава хуже, то на долю того десятка, которому достанется эта трава, отводятъ большее пространство. Границы между долями каждаго десятка обозначаются тѣмъ, что прокашиваютъ дорожку или ставятъ „тычки“, либо хворостину, навязавъ на нее пучекъ сѣна.

Сдѣлавъ все это, десятки начинаютъ „трясти“ (или „трусить“) между собою жребій, которому изъ нихъ гдѣ становиться. Для этого десятники кладутъ въ шапку ярлыки со своими именами или же съ номерами сво-

ихъ десятниковъ, какъ послѣдніе значатся по книгѣ. Затѣмъ трясутъ и заставляютъ обыкновенно неграмотнаго вынимать. Десятокъ, номеръ (или десятникъ) котораго вышелъ первымъ, становится съ краю, за нимъ тотъ, чей жребій выпалъ вторымъ, и т. д. Размѣстившись такимъ способомъ, десятки наконецъ дѣлятъ траву по пайкамъ. Всю доставшуюся на долю десятка площадь дѣлятъ опять на равныя части либо саженями, либо на глазомѣръ. Одинъ паекъ отъ другаго отграничиваютъ такъ: (напр. въ Верхнекурм. ст.) одинъ идетъ прямо по направленію къ кусту или къ какому либо иному предмету и прокладываетъ такимъ образомъ „стежку"; за нимъ идутъ одинъ за другимъ всѣ остальные и приминаютъ траву. Сверхъ того, во избѣжаніе споровъ на случай, если трава опять подымется и „стежка" исчезнетъ, — ставятъ еще отмѣтки: выбравъ кустъ или траву повыше, навязываютъ пучекъ травы.

«Травяной» пай.

Отдѣльные пайки внутри десятка не всегда бываютъ равной величины, а глядя по достоинству травы: иной пай больше, другой меньше. Точно также и форма, и длина ихъ различны: одинъ пай длиненъ и узокъ, другой пай коротокъ и широкъ. „Если трава одинакова, то саженями мѣряютъ, а если неодинакова, то на глазомѣръ: гдѣ плоше трава, тамъ даютъ больше." (Камыш. ст.). Впрочемъ и отдѣльныхъ пайщиковъ внутри десятка нерѣдко „никакъ не смогутъ уравнять"; часто случается, что раздѣлили, повидимому, поровну, а послѣ покоса у одного окажется гораздо больше копенъ, чѣмъ у сосѣда. Въ Чернышевской ст. раздѣлъ травы производится такимъ образомъ: сначала каждая площадь луговаго мѣста разбивается „глазомѣрно" на нѣсколько улежей, которые одинъ отъ другаго отдѣляются „сакмою". Сакма пролагается по прямой линіи верхоконными, ѣдущими рысью одинъ за другимъ. Затѣмъ вынимаютъ жеребьи, число коихъ зависитъ отъ качества травы. Послѣ этого улежане-десятники разбиваютъ свою часть на десятки и на паи.

Раздѣливши свою часть на паи, казаки своего десятка распредѣляютъ, кому изъ нихъ собственно достанется такой-то пай. Для этого они либо „конаются“, либо трясутъ „жеребьи“. Въ ст. Камышевской напр. для этого рѣжутъ изъ дерева одинаковаго размѣра палочки, на которыхъ каждый дѣлаетъ свой знакъ. (Одинъ срѣжетъ на верху „лысинку“, другой вырѣжетъ крестикъ или черточку и тому под.; „если нѣтъ ножа съ собой, то ногтемъ отмѣчаютъ, а то замѣсто палочки дѣлаютъ жеребьи изъ травы“). Въ Кепинской ст. для такихъ жеребьевъ берутъ „яблочки“ и на нихъ дѣлаютъ свои отмѣтки.

Въ какой очереди вынулись изъ шапки эти жеребьи, въ такомъ же порядкѣ и казаки занимаютъ свои пайки, становясь съ одного края одинъ подлѣ другаго.

Пятокъ.

Случается нерѣдко, что десятокъ еще подраздѣляется на два пятка, бываетъ напр. такъ, что въ десяткѣ всего 6 человѣкъ, изъ коихъ одинъ имѣетъ право на пять паевъ, а каждый изъ остальныхъ по одному паю; тогда трясутъ жребій, кому становиться въ правомъ, кому въ лѣвомъ пяткѣ. Бываетъ и такъ, что два хозяина, имѣющіе по 5 паевъ, получаютъ десятокъ. Тогда они, предварительно раздѣливъ землю на 2 части, конаются, кому какой „бокъ“ взять. Случается и такъ, что въ десяткѣ оказывается 11 или 12 человѣкъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если послѣ распредѣленія всѣхъ станичниковъ по десяткамъ окажутся лишніе, число коихъ слишкомъ мало для того, чтобы составить особый десятокъ. Тогда ихъ и причисляютъ къ другимъ десяткамъ. Этотъ ежегодный раздѣлъ луговыхъ сѣнокосовъ совершается весной обыкновенно около Троицына дня; бываютъ раздѣлы впрочемъ и позднѣе (до самаго Петрова дня). Для этого отъ каждаго хуторскаго семейства съѣзжаются по одному представителю въ станицу или въ мѣсто, споконъ вѣка излюбленное; такъ напр. въ ст. Кочетовской—„къ тремъ курганамъ“ (сообщ. г. Трофимовымъ).

„Дѣлежъ, особенно степной, по словамъ г. Калмыкова, продолжается иногда цѣлую недѣлю. Въ маѣ мѣсяцѣ всѣ земледѣльцы болѣе или менѣе досужны, поэтому на дѣлежъ всегда вывозятся бочки водки, захватывается вдоволь провизіи—и происходитъ поэтическій пиръ на свѣжемъ ароматичномъ воздухѣ, слѣдствіемъ котораго бываетъ часто, что многіе хозяева возвращаются домой безъ паевъ, потребивши ихъ на мѣстѣ безъ всякихъ хозяйственныхъ хлопотъ" (Д. О. В. 1874 г., № 30)... Вообще водка въ этомъ дѣлѣ играетъ видную роль. Въ иныхъ мѣстахъ поставившему при дѣлежѣ своимъ одностаничникамъ „угощеніе" отводится мѣсто подъ сѣнокосъ большее противъ другихъ (записано въ Пятиизб. ст.). Дѣлежи сѣнокосовъ отличаются шумностью: брань, ссоры и даже драки при этомъ весьма обыденны. Вообще здѣсь теряютъ много времени даромъ. „Раздѣлъ травяныхъ паевъ, говоритъ г. Тетеревятниковъ о Гундуровской ст., при общемъ между хуторами пользованіи очень неудобенъ, потому что чрезъ многочисленность паевыхъ, съѣзжающихся въ одно мѣсто, раздѣлъ травы тянется 2, 3 дня, а пай получается въ 2, 3 ручки и даетъ 2, 3 копны сѣна, за которыми жителямъ придонецкимъ совсѣмъ не подъ руку ѣздить верстъ за 30 (Д. О. В. 1871 г., № 5). Неудобства при дѣлежѣ сѣнокосовъ.

Весьма часто случается, что паи достаются въ мѣстахъ отдаленныхъ и неудобныхъ или что пай сына верстахъ въ 20 и болѣе отъ пая отца. Это неудобство стараются устранить посредствомъ мѣны или же „продажи". Желающіе другъ съ другомъ помѣняться травяными пайками ѣдутъ и осматриваютъ доставшуюся на долю каждаго траву; если трава не одинаковаго качества, то казакъ, у котораго хуже трава, приплачиваетъ нѣсколько денегъ по уговору, а то и такъ ограничивается однимъ угощеніемъ. Но часто мѣна происходитъ за глаза, проходитъ нѣсколько рукъ, перекрещивается, а въ концѣ концовъ многіе остаются вовсе безъ пайковъ, „не зная гдѣ ихъ искать, или же выкашиваютъ Мѣна паями.

будто свой пай, а черезъ нѣсколько дней является новый хозяинъ съ ясными доказательствами права на него (десятковые паевые списки, ярлыки), и скошенная трава отбирается. Случается, что пай намѣренно передается въ нѣсколько рукъ—опять возникаютъ споры: кому изъ покупателей косить пай". (Д. О. В. 1874 г., № 30).—

Сроки для покосовъ.

Обыкновенно назначаются дни, къ которымъ нужно кончить покосъ; а по истеченіи срока „трава отпускается" и наступаетъ „вольная косовица" („свалъ"). Всякій тогда можетъ косить въ свою пользу оставшуюся на корню траву или выпускать въ то мѣсто скотъ. Сроки эти разны: они короче для ближайшихъ къ станицѣ луговъ (чтобы имѣть возможность скорѣе выпустить скотъ) и длиннѣе для мѣстъ болѣе отдаленныхъ. Такъ въ Камышевской ст. для „ближняго" дѣлежа срокъ—недѣля, по прошествіи которой дозволяется выпускать въ займище скотъ.

Косить сѣно всей общиной у донскихъ казаковъ, сколько мнѣ извѣстно, не принято, но бываетъ, что десятокъ коситъ свою часть сообща и затѣмъ дѣлитъ. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, если мѣста мало и трава плоха, такъ что дѣлить ее нѣтъ расчета, поэтому, скосивъ сообща, дѣлятъ поровну копны. Такъ въ Камышевской ст. десяткомъ косятъ и въ стога мечутъ, а потомъ дѣлятъ по копнамъ. Дѣлятъ же „уравнительно", т. е. если у меня 5 паевъ, у одного товарища 3 пая, а у другаго 1 пай, то я получаю 5 копенъ, второй—3, третій—1 копну. Дѣлятъ и такъ: сортируютъ сначала сѣно на хорошее и плохое, и каждый сортъ дѣлятъ отдѣльно. Въ юртѣ Михайловской ст. (вѣроятно и въ иныхъ) въ случаѣ смерти казака травяной его пай часто оставляется въ его же семействѣ на одинъ годъ и болѣе „для поминовенія", „а такъ отдается тому же семейству—если оно пожелаетъ—за плату или передается въ цѣнѣ другимъ". Деньги за такіе паи идутъ въ общественный поселковый доходъ и употребляются на общественные молебны, на покупку водки при общественныхъ

поселковыхъ сходахъ и проч. Такъ-же отдаются въ аренду и паи вдовъ, вышедшихъ замужъ" (Д. О. В. 1875, № 88).

Описанный способъ пользованія сѣнокосами принятъ во всѣхъ посѣщенныхъ мною станицахъ. Лишь въ станицѣ Евтеревской сообщали мнѣ, что луга раздѣлены землемѣромъ на такіе же „столбы", какъ и пахатная земля. Въ границахъ каждаго столба землемѣръ опредѣлилъ извѣстное число паевъ. Эти паи были распредѣлены посредствомъ жеребьевки между станичниками. Величина каждаго пая—1 десятина, но въ мѣстахъ, гдѣ трава родится плохо,—набавлено. Эти паи розданы станичникамъ на весь срокъ раздѣла—(на 10 лѣтъ). Но такъ какъ трава изъ году въ годъ родится неодинаковая, то казаки порѣшили между собой, чтобы всѣ тѣ, паи которыхъ находятся въ одномъ столбѣ,—передѣляли весь столбъ между собой ежегодно. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, напр. въ Каменской, въ лѣсныхъ урочищахъ встрѣчающіяся лужайки въ десятину и болѣе не отдаются хозяевамъ лѣсной сотни, а всѣ онѣ исчисляются землемѣромъ и затѣмъ отдаются, какъ сѣнокосныя мѣста, въ счетъ надѣла того хутора, къ которому будетъ удобнѣе ихъ причислить по усмотрѣнію довѣренныхъ отъ хуторовъ (Д. О. В. 1874, № 68).

Кромѣ этихъ сѣнокосовъ, которыми пользуются всѣ станичники, есть еще т. наз. „станичные сѣнокосы". Это отведенныя подъ сѣнокосъ мѣста для прокормленія жеребцовъ коннoплодоваго табуна. Кромѣ того, оставляются сѣнокосы „на станичныя надобности": напр. для вознагражденія должностныхъ лицъ (о чемъ подробнѣе ниже) и т. п.

Наконецъ, во многихъ станицахъ часть сѣнокоса отдается въ аренду, и выручаемыя деньги составляютъ одинъ изъ источниковъ общественныхъ доходовъ.—

Юртовые лѣса. Лѣса юртовые распредѣлены по различнымъ частямъ Области весьма неравномѣрно. Въ однихъ юртахъ, а именно въ ст. Новониколаевской и въ 9 ст. Черкасскаго округа лѣса нѣтъ вовсе, въ остальныхъ низовыхъ онъ большею частью мелкій (хворостъ и колья), (г. Калмыковъ l. c.). Въ другихъ юртахъ лѣсу нѣсколько десятковъ и сотенъ десятинъ. Наконецъ въ юртахъ станицъ сѣверныхъ округовъ Медвѣдицкаго и Хоперскаго количество лѣсу въ юртахъ доходитъ до 5 — 10 — 17,000 десятинъ (ibid).

Юртовымъ лѣсомъ казаки пользуются слѣдующими способами.

Вольное пользованіе. Старинный способъ „вольнаго“ пользованія лѣсомъ не существуетъ болѣе, сколько мнѣ извѣстно. Только въ немногихъ общинахъ лѣсъ не раздѣленъ, и рубить его можетъ всякій паевой станичникъ, но лишь в н а з н а ч е н н о е в р е м я и при томъ выходя на рубку т о л ь к о с ъ о д н и м ъ т о п о р о м ъ.

Хуторскіе участки. Обыкновенно же станичный лѣсъ дѣлится поровну. Въ нѣкоторыхъ юртахъ хуторамъ отведены особые участки, которыми они пользуются за весь срокъ раздѣла по собственному усмотрѣнію. Такую систему „одни станичники хвалятъ, другіе на оборотъ говорятъ, что къ новому раздѣлу остаются обыкновенно одни пни (Д. О. В. 1874 г., № 30).

Въ другихъ юртахъ станица пользуется лѣсомъ сообща съ хуторами. Это пользованіе бываетъ двухъ родовъ. Лѣсъ или подѣляется между всѣми станичниками только на время срубки (п о д о б н о е ж е г о д н о м у р а з д ѣ л у с ѣ н о к о с о в ъ) или же онъ раздѣляется на паи, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ (п о д о б н о р а з д ѣ л а м ъ з е м л и п а х а т н о й).

Дѣлежъ на время срубки. Первый способъ пользованія лѣсомъ, кажется, преимущественно встрѣчается на югѣ. Въ станицахъ, гдѣ господствуетъ этотъ родъ пользованія лѣсомъ, болѣе крупный лѣсъ раздѣляется на нѣсколько участковъ, которые вырубаются сплошь по очереди, но въ иныхъ станицахъ

такіе участки не назначаются, а вырубается по мѣрѣ надобности подросшая часть лѣса (чрезъ 7—15 лѣтъ); хворостъ весь рубится обыкновенно черезъ 1, 2, 3 года; колья (сошки) черезъ 3, 4, 5, 6 лѣтъ. Часто деревья оставляются на корню и обрубаются только вѣтви (напр. въ Камышевск. ст.). Назначенный къ рубкѣ лѣсъ дѣлится между станичниками поровну. Каждый казакъ (обыкновенно съ 17 лѣтъ) получаетъ „лѣсной пай“, вдовамъ и дѣвушкамъ, не вышедшимъ замужъ, — ½ пая. Въ ст. Верхнекурмоярской, въ юртѣ которой нѣтъ крупнаго лѣса—тополь, вербу и хворостъ „собираютъ“ черезъ 2 года на третій „съ дозволенія начальства“. Станичники составляютъ изъ себя десятки и сначала рубятъ хворостъ, а затѣмъ обрѣзываютъ вѣтви у вербы, раздѣляя все это поровну. Въ Старочеркасской станицѣ, по словамъ казаковъ, станичники года 4 тому назадъ сами бичевой мѣрили то мѣсто, гдѣ растетъ молоднякъ и дѣлили по десяткамъ, а десятки, вырубивъ свою часть сообща, раскидывали вербу между отдѣльными паевыми поровну. Въ Маріинской ст. вербу всю вырубаютъ „черезъ 2 года на третій“. Казаки этой станицы передъ рубкой соединяются въ десятки. Затѣмъ считаютъ вербы: сколько приходится на десятокъ. Каждый десятокъ имѣетъ свой жребій: изъ хвороста вырубаютъ „шарикъ“ или „бревнушко“ и вырѣзываютъ на немъ цифру, соотвѣтствующую той, какая стоитъ надъ даннымъ десяткомъ въ станичной книгѣ. Эти жеребьи кидаютъ въ шапку: одинъ трусить, другой вынимаетъ. Вынувъ жребій, десятки размѣщаются во порядку. Вслѣдъ за этимъ каждый десятокъ дѣлитъ доставшуюся вербу на паи. При этомъ смотрятъ не на количество, а на качество деревьевъ: нѣсколько мелкихъ считаютъ за одно цѣлое. Стараются раздѣлить поровну безобидно. Назначивъ на первый пай извѣстное количество деревъ, дѣлаютъ на всѣхъ на нихъ одну насѣчку: „это, молъ, деревья перваго пая“; на деревья назначенныя на второй пай,—2 насѣчки:—деревья втораго пая; на третій—три на-

Лѣсной пай.

сѣчки и т. д. Затѣмъ каждый паевой кладетъ на своемъ жеребкѣ, который дѣлается изъ хвороста, мѣтку, „какая въ голову придетъ". Затѣмъ трусятъ жеребки. Чей жеребокъ вынулся первымъ, тому рубить деревья, на которыхъ одна насѣчка, чей жеребокъ вынулся вторымъ—тому достаются деревья, на которыхъ 2 насѣчки, и такъ далѣе.

Въ Камышевской ст. дѣлятъ лѣсъ черезъ три года. Здѣсь рубятъ только вѣтви, а сама верба оставляется на корню. И тутъ дѣлятъ сначала на десятки и потомъ уже на пятки и на паи. Глядя по качеству вербы, разное количество деревъ входитъ въ десятокъ. Границы десятковъ отмѣчаютъ на вербахъ: „подрубятъ вѣтку, она свиснетъ внизъ, поэтому и узнаютъ, что здѣсь предѣлъ". Точно также разграничиваютъ и отдѣльные паи. Внутри десятка дѣлятъ небрежно, на глазомѣръ, такъ что въ концѣ нерѣдко одинъ хозяинъ везетъ домой втрое болѣе противъ сосѣда. Кромѣ того въ Камышевской станицѣ есть тополя. Станичники дожидаются, пока они выростутъ потолще. Тогда ихъ отмѣчаютъ насѣчками и дѣлятъ между паевыми. Такимъ же способомъ и изъ „заповѣдной луки", съ позволенія начальства, рубятъ тѣ деревья, которыя уже устарѣли.

Однако во многихъ мѣстностяхъ станичники стали замѣчать, что, при описанномъ способѣ пользованія лѣсомъ, послѣдній бережется очень мало, „потому что никому нѣтъ дѣла до сохраненія его, и всякій рубитъ, сколько хочетъ", такъ что въ нѣкоторыхъ юртахъ „грозитъ неизбѣжное вымираніе древесной растительности" (Д. О. В. 1876., № 32). Чтобы лучше сберечь лѣсъ, станичники придумали раздѣлить его на паи съ тѣмъ соображеніемъ, что „каждый въ отдѣльности лучше будетъ сберегать лѣсъ, какъ свою собственность (Д. О. В. 1873., № 6). Въ нѣкоторыхъ станицахъ лѣсъ на участки раздѣлилъ землемѣръ, при чемъ онъ руководствовался не качествомъ деревъ, а количествомъ. Въ ст. Михайловской станичники, приступая къ подобному раздѣлу, увидали,

Дѣлежъ на продолжительный срокъ.

что нѣкоторые участки загородили часть общественнаго лѣса, и взростили его. Поэтому общество приказало имъ вырубить этотъ лѣсъ въ ихъ пользу, а мѣсто и молодой на немъ лѣсъ долженъ былъ поступить въ раздѣлъ (Д. О. В. 1875., № 88). Сроки раздѣла лѣса на участки различны. Чаще всего встрѣчается срокъ — 17 лѣтъ (Д. О. В. 1874., № 30). Въ иныхъ станицахъ лѣсъ подѣленъ на 10, 20 (Малодѣл. ст.) и даже 25 (Луковск. ст.) лѣтъ. Такой участокъ получилъ при раздѣлѣ всякій паевой казакъ; вдовамъ опредѣлено $^1/_2$ пая. Въ теченіе всего срока раздѣла казакъ пользуется своимъ участкомъ по собственному усмотрѣнію: „каждому паевому предоставляется хозяйствовать въ своемъ лѣсномъ паѣ по благоусмотрѣнію, по возможности бережно, экономически, рубя лѣсъ только на необходимыя хозяйственныя надобности“ (подлинныя слова изъ станичныхъ донесеній, приводим. г. Калмыковымъ l. c.).

Въ случаѣ смерти паеваго казака лѣсной пай его до новаго раздѣла поступаетъ къ его наслѣдникамъ (Малодѣл. ст.) или идетъ въ его сотню (Урюпин.). Точно также въ случаѣ выхода замужъ вдовы, ея часть идетъ въ сотню. Въ Луковской ст. лѣсной пай умершаго казака отходитъ къ тому, у кого нѣтъ пая (напр. къ родившемуся или къ принятому въ общину позже раздѣла. Въ Котовской ст. лѣсные паи получили всѣ и малолѣтніе. Дѣлили сначала на сотни, потомъ на десятки и паи. Паи каждой семьи непремѣнно обозначались просѣками или другими знаками. Паи по смерти хозяина или по выходѣ въ замужество хозяйки принадлежатъ тому семейству, къ которому они принадлежали (Том. I. с. стр. 25).

Такой способъ пользованія лѣсомъ, т. е. раздѣлъ его на участки, казаки тѣхъ станицъ, гдѣ онъ принятъ, считаютъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ первый. Въ бесѣдахъ со мной они утверждали, что такимъ способомъ у нихъ лѣсъ лучше бережется, потому что всякій смотритъ на него какъ на свой собственный, а потому рубитъ его только въ случаѣ надобности и зорко слѣдитъ за тѣмъ,

чтобы воровски у него не рубили. Когда же лѣсъ былъ „общественный“, то его никто не жалѣлъ (запис. въ Малодѣльск. ст. и др.) Вотъ примѣры подобныхъ раздѣловъ въ отдѣльныхъ станицахъ.

Въ ст. Кепинской въ прежнее время было юртоваго лѣса довольно много. Но онъ не былъ подѣленъ между станичниками, а пользовались имъ вольно. Затѣмъ начальство раздѣлило его на участки, и каждый годъ въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣлялось какой участокъ рубить. Тогда казаки отправлялись въ указанный участокъ для рубки, но не сообща, а „когда кому было удобнѣе“ и „рубили на свои надобности“. Предполагалось, что каждый рубитъ сколько ему нужно, но на дѣлѣ, „рубилъ кто сколько сдюжаетъ, а многіе и продавать стали“. Тогда, во избѣжаніе такихъ злоупотребленій, станичники порѣшили подѣлить лѣсъ на участки срокомъ на 17 лѣтъ. Съ этихъ поръ каждый сталъ рубить въ своемъ участкѣ только сколько ему было необходимо, и лѣсъ сталъ лучше сберегаться, потому что всякій заботился о своемъ будущемъ“. Но въ это время распространился слухъ, что всѣ лѣса хотятъ отобрать въ казну, и казаки предпочли заблаговременно повырубить въ свою пользу участки. И вотъ когда прошелъ срокъ — 17 лѣтъ, то на мѣстѣ лѣса „остались одни пни“. На этотъ разъ станичники порѣшили къ уцѣлѣвшему лѣсу не касаться въ теченіи трехъ лѣтъ „чтобы дать ему отдохнуть“, а потомъ подѣлить его на сотни и рубить сообща (зап. со словъ станичниковъ). Въ ст. Урюпинской порядокъ раздѣла лѣса былъ таковъ: „станичное правленіе исчислило паевыхъ гражданъ и раздѣлило ихъ на сотни, присвоивъ каждой сотнѣ по порядку номеръ. Послѣ этого лѣсъ былъ раздѣленъ на столько равныхъ частей, сколько оказалось сотенъ гражданъ, и части эти дѣлились между сотнями метаніемъ жеребья. Сотни такимъ же образомъ дѣлились на десятки, десятки на отдѣльные паи“ (Тим. l. c.) Точно такъ же и въ Казанской ст. сначала „общественнымъ своимъ лѣсомъ граждане пользовались вольно: кто сколько

пожелаетъ, столько и рубитъ лѣса. Въ 1835 году правительство, замѣтивъ, что общественный лѣсъ истребляется безъ всякаго расчета, приняло строгія мѣры къ его соблюденію. Вслѣдствіе его распоряженій граждане отдѣлили двѣ луки, назвали ихъ заповѣдями или не въѣзжими луками и, приставивъ къ нимъ сторожей, положили брать большой штрафъ не только съ того, кто осмѣлится дѣлать порубки въ нихъ, но даже и съ того, кто только въѣдетъ въ нихъ. Остальной лѣсъ они тоже заказали рубить подъ страхомъ большаго взысканія и отдали подъ присмотръ назначенныхъ для сего лѣсничихъ. Но мѣры эти не повели ни къ чему. Лѣсъ по прежнему истреблялся безпощадно, какъ заповѣдный, такъ и незаповѣдный. Штрафъ не взыскивался ни съ кого: если кого ловили во время воровской рубки лѣса, то дѣло ограничивалось тѣмъ, что онъ покупалъ лѣсничимъ косушку или двѣ водки, а не то они отбирали у него топоръ и доставляли въ станичное правленіе, откуда его всегда можно было выкупить за гривенникъ или двугривенный. Дѣло кончилось тѣмъ, что лѣсъ истребленъ былъ почти окончательно: негдѣ было вырубить не только оси или чепеги, но даже вилъ и граблей. Нужда задѣла гражданъ за живое, и они взялись за умъ. Обсудивъ дѣло на сходѣ, они опредѣлили: за цѣлостью заповѣдей или не въѣзжихъ лукъ наблюдать строжайше и усилить стражу для сбереженія ихъ. Въ случаѣ порубки въ нихъ, не только брать штрафъ съ виновныхъ неупустительно по 1 руб. сер. за вершокъ въ діаметрѣ дерева, но и продавать съ аукціоннаго торга все, съ чѣмъ они будутъ захвачены въ заповѣдяхъ: возы, повозки, бичевки и проч. Остальной лѣсъ, такъ назыв. черный и бѣлый, гдѣ бы онъ не находился: въ лугахъ, дубровахъ и проч. мѣстахъ, осмотрѣть чрезъ двухъ хозяевъ изъ каждаго поселка и привести въ гласность какъ количество его, такъ и качество, потомъ раздѣлить его на части, полагая на каждую по 500 паевъ. Каждый изъ паевыхъ гражданъ долженъ причислиться въ какое

ему угодно пятисотіе. Паевыми считать при раздѣлѣ всѣхъ и даже только что родившихся мужескаго пола; но если какое либо пятисотіе вздумаетъ подчищать лѣсъ, собрать валежникъ или нѣкоторую часть срубить для домашнихъ надобностей, то въ такомъ случаѣ должно давать пай только достигшимъ 17-лѣтняго возраста. Вдовы бездѣтныя получаютъ половину пая. Если кто будетъ рубить воровски лѣсъ, то брать штрафъ: за каждый корень лѣса три руб., за возъ мелкаго сыраго лѣса пять руб. сер., а за валежникъ—по усмотрѣнію общества. Порядокъ пользованія лѣсомъ и присмотръ за цѣлостью его каждое пятисотіе должно принять на себя. Если, которое пятисотіе будетъ изобличено въ истребленіи своего участка, то его лишить онаго, отобравъ его въ распоряженіе сего станичнаго общества, и, кромѣ того, виновныхъ казаковъ подвергнуть наказанію: служилыхъ командировать безъ очереди на службу, не служилыхъ подвергнуть суду на общемъ основаніи... Такимъ образомъ лѣсъ раздѣленъ на 20 лѣтъ, а послѣ этого онъ долженъ поступить опять въ распоряженіе всей станицы: если пользованіе имъ на этихъ условіяхъ будетъ признано удобнымъ, то онъ не будетъ передѣливаться; если же неудобнымъ, то общество, можетъ быть, придумаетъ къ пользованію имъ какія-либо другія лучшія мѣры. Такъ граждане раздѣлъ лѣса устроили. Дѣло пошло какъ нельзя лучше Пятисотія распорядились своимъ лѣсомъ такъ, что если паевые, составляющіе пятисотіе, живутъ въ одномъ поселкѣ, то лѣсъ оставленъ въ общинномъ владѣніи всего пятисотія, если же пятисотіе состоитъ изъ жителей нѣсколькихъ поселковъ, то доставшійся ему лѣсъ подѣленъ между поселками по числу паевыхъ. Каждый поселокъ взялъ себѣ ту часть лѣса, которая ближе къ нему и во владѣніи имъ ведется теперь такой порядокъ: караульныхъ не назначаютъ, такъ какъ они совершенно ненужны: всѣ паевые смотрятъ зорко, какъ другъ за другомъ такъ и за посторонними, и цѣлость лѣса отъ хищнической порубки вполнѣ обезпечена. Ежегодно поселокъ

собирается въ извѣстное время и подчищаетъ свой лѣсъ на дрова, которые складываются въ равныя кучи и дѣлятся между паевыми по жребію. Когда чувствуется въ обществѣ поселка нужда въ матеріалахъ для огорожи, для плуговъ, возовъ, саней и проч., то поселокъ собирается на сходъ и опредѣляетъ: срубить по стольку то на паеваго хворосту и кольевъ, ченегъ, гриделей, полозьевъ или чего другаго. Рубятъ всѣ вмѣстѣ и потомъ дѣлятъ на паи, какъ и дрова, по жребію. Во всѣхъ поселкахъ, безъ исключенія, лѣсъ теперь соблюдается и ростетъ такъ, какъ нельзя лучше и желать. Каждый поселокъ наблюдаетъ за цѣлостью своего лѣса, побуждаемый къ этому и страхомъ опредѣленнаго наказанія и личною выгодою каждаго изъ жителей". (Труд. Ѳ. В. Д. стат. комит. 1874 стр. 151 и слѣд.).

Заповѣдные участки.

Изъ всего количества станичнаго лѣса обыкновенно оставляютъ части подъ „заповѣдные участки", которые не поступаютъ въ раздѣлъ. Эти участки предназначены на общественныя станичныя надобности: на починку мостовъ, гатей, церковныхъ оградъ, станичныхъ зимовниковъ конно-плодоваго табуна, отопленія станичнаго правленія, для вспомоществованія погорѣльцамъ и бѣднякамъ, обзаводящимся хозяйствомъ („дать на новую абселюцію"). Иногда въ этихъ участкахъ однако производится частная порубка всѣми станичниками „уравнительно" по нѣсколько деревъ или квадратн. сажень на пай. Случается, что и весь заповѣдный участокъ вырубаютъ „до новаго произрастенія" (Д. О. В. 1874, № 30).

Говоря вообще, лѣса до сихъ поръ берегутся казаками мало. Такъ напр. многія станицы по Медвѣдицѣ, гдѣ лѣсъ давно уже раздѣленъ, — остались не только безъ дѣловаго лѣса, но и безъ дровъ (Д. О. В. 1873, № 6). Даже заповѣдныя рощи не избѣгаютъ этой участи. „Для однихъ гражданъ, одной и той же станицы — разсказываетъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей — существуютъ заповѣдные лѣса и юртовые рубежи, въ которыхъ общества замыкаютъ своими приговорами лѣса, а для дру-

гихъ, если и существуетъ все это, то только номинально, а въ особенности для тѣхъ, которые живутъ среди лѣсовъ или вблизи ихъ. Они рубятъ лѣсъ во всякое время года, торгуютъ имъ безъ всякаго стѣсненія со стороны лѣсныхъ сторожей, съ которыми входятъ въ сдѣлку или даже съ ихъ распорядителями, стравливаютъ скотомъ молодые побѣги, а иногда весной выгоняютъ скотъ на бросгь, т. е. подрубливаютъ деревья и откармливаютъ скотъ ихъ бростью (бутончики еще не развернувшихся листьевъ); такимъ образомъ подваливаются цѣлыя дубравы, которыя остаются загроможденныя дрясвомъ и глушатъ побѣги. Въ послѣднее время большая потребность въ лѣсѣ и цѣнность его обратила вниманіе всѣхъ станичниковъ и они, одинъ передъ другимъ, ухитряются воспользоваться тѣмъ, чѣмъ еще можно. Прежде всего начинаютъ сами станичныя власти, а глядя на нихъ, и всѣ, кто успѣлъ. Поэтому лѣса, даже заповѣдные, рубятся безпощадно. Конечно, станичники вправѣ такъ поступать, когда ихъ руководители первые производятъ самовольную порубку: „буде бы кто иной—говорятъ они—намъ бы не такъ зазлобно было“... (Д. О. В. 1876, № 32).

Мѣры для охраненія лѣсовъ, принимаемыя самими общинами.

Только въ немногихъ станицахъ казаки, прійдя къ сознанію необходимости сохраненія лѣса, серьезно заботятся объ этомъ. Только что было упомянуто о порядкѣ лѣснаго хозяйства въ ст. Казанской. Точно также и въ Каменской ст.: „до 1867 почти весь юртовой лѣсъ, состоя въ общемъ владѣніи, былъ истребленъ, но въ томъ же году онъ раздѣленъ на паи, причемъ паевые лишены права пользоваться участками по усмотрѣнію, а обязаны безусловно подчиняться порядку, указанному въ XII т. Устав. о благоустр. въ каз. посел. По приговору общества въ неопредѣленные сроки назначается чистка лѣса и равномѣрный раздѣлъ срубленныхъ дровъ и хворосту на паевыхъ въ каждой сотнѣ; дѣловой же болѣе крупный лѣсъ рубится тоже по общественному приговору періодически, но при этомъ позволяется пае-

вому срубить 2—3 дерева, не больше. Вообще жители единодушно и энергично принялись за охрану и возращеніе лѣса, на каждую сотню паевъ учредили особую стражу и неумолимо строго преслѣдуютъ всякую порубку внѣ періодически назначенныхъ для этого сроковъ: за срубленное дерево штрафъ 5 руб., за возъ сухихъ дровъ (валежника) 3 руб., за впускъ скота—1 руб. со штуки. Если извѣстно, въ чьей сотнѣ порубка, то штрафъ въ ея же пользу, въ противномъ же случаѣ—въ станичный доходъ. Были случаи, что у пойманныхъ порубщиковъ продавали лошадь съ упряжью, повозку, топоръ, пилу, полость, бичеву—и виновный безропотно подвергался такому штрафу" (Д. О. В.).

Въ Урюпинской и Слащевской ст. порубка ограничена слѣдующими постановленіями. „Паевой обязанъ каждый разъ заявлять станичному правленію о необходимости срубить для своихъ хозяйственныхъ надобностей столько то деревъ. Это заявленіе о его нуждѣ повѣряется правленіемъ чрезъ довѣренныхъ лицъ и, если нужда окажется дѣйствительною, то паевому выдается ярлыкъ на право срубить у себя извѣстное число стволовъ. Съ этимъ ярлыкомъ паевой ѣдетъ въ лѣсъ на свой пай и предъявляетъ его сторожамъ, подъ надзоромъ коихъ онъ и рубитъ указанное въ ярлыкѣ число годныхъ деревьевъ" (Д. О. В. 1874, № 30)

Въ ст. Петровской постановлено рубить на свои только надобности, а не на продажу (ibid).

Въ станицѣ Урюпинской есть еще постановленіе, въ силу котораго, при новомъ раздѣлѣ лѣса (чрезъ 17 лѣтъ), тотъ изъ станичниковъ, „который соблюдетъ свой пай преимущественно предъ другими", получаетъ его снова въ пользованіе на слѣдующій срокъ (Д. О. В. 1875, № 77).

Но подобныя мѣры для сохраненія лѣса, повторяю, существуютъ лишь въ немногихъ станицахъ. Къ крайнему сожалѣнію, по справедливому замѣчанію г. Ветчинкина, даже правила и заботливость со стороны са-

мого закона о сохраненіи и разведеніи лѣсныхъ угодій остаются на самомъ дѣлѣ одною мертвою буквою и, „вмѣсто роскошныхъ рощъ и лѣсовъ, путешествуя по Войску Донскому, встрѣчаешь одну только безпрерывную степь, оголенную еще болѣе, чѣмъ было прежде, что свидѣтельствуется нерѣдко среди поля пробивающимся кустарникомъ разной породы и стоящими въ одиночку большими деревьями“ (Труд. О. В. ст. К. 1874, стр. 52).

Раздѣляя на паи лѣсъ крупный, хворостъ обыкновенно продолжаютъ дѣлить ежегодно (какъ сѣно).

Плодовыя деревья.

Плодовыя деревья, въ нѣкоторыхъ станицахъ, оставлены недѣленными (Д. О. В. 1875, № 77—89). Такъ въ Казанской ст. ихъ оставили въ общемъ довольствіи, назначивъ штрафъ за порубку яблони 10 рубл., за корень терну и калины—3 руб. (Тр. ст. К. 1874, стр. 153). Но въ другихъ мѣстахъ плодовыя деревья въ юртовомъ лѣсу, прежде при достаткѣ лѣса остававшіяся неприкосновенными, а послѣ раздѣла соблазнявшія крѣпостью и толщиной своихъ стволовъ, станичники постановили вырубить (Д. О. В. 1874, № 30).

Лѣсные плоды и ягоды.

Наконецъ лѣсными плодами, ростущими въ станичныхъ лѣсахъ, какъ то яблоками, грушами, вишнями, терномъ, калиной, орѣхами и т. п. пользуются обыкновенно всѣмъ обществомъ. Станичный атаманъ „заказываетъ“ (запрещаетъ) рвать эти плоды ранѣе времени. Когда же плоды созрѣютъ, то заблаговременно атаманъ заявляетъ, что такого-то числа тернъ, калина и пр. „отпускаются“, „объявляются вольными. „Въ означенный день всѣ станичники отправляются въ лѣсъ и каждый рветъ „сколько сдюжаетъ“, или „сколько желаетъ“. Такъ въ ст. Ярыженской „отпустили“ тернъ и калину 15 августа. А съ полудня слѣдующаго дня позволили рвать и живущимъ при станицѣ иногороднимъ. Рвавшіе „до времени“ наказывались штрафомъ по 1 руб. съ фунта.

Такимъ же точно образомъ „отпускается“ и камышъ, растущій при станичныхъ озерахъ и рѣчкахъ. Всякій, кому нуженъ камышъ, отправляется въ назначенный заранѣе день на означенное мѣсто и рветъ сколько хочетъ. Камышъ.

Рыбная ловля производится или въ самомъ Дону и его притокахъ или въ рѣчкахъ и озерахъ, разсѣянныхъ по степному пространству. Рыбу ловятъ станичники либо сами, либо сдаютъ свои рыболовныя довольствія въ аренду, при чемъ вырученныя деньги поступаютъ въ общественный капиталъ. Рыбная ловля.

Въ самомъ Дону обыкновенно позволяется ловить рыбу всякому, „гдѣ угодно и сколько угодно“. Но въ станицахъ, лежащихъ въ низовьяхъ Дона, гдѣ рыбный промыселъ очень выгоденъ, существуютъ особые обычаи. Вотъ что мнѣ разсказывали казаки въ Гниловской станицѣ. Лѣтомъ въ Дону ловятъ всѣ на любомъ мѣстѣ: „выѣзжаютъ на воду и забрасываютъ сѣти, гдѣ облюбуютъ мѣсто“. Если случится, что на одно и то же мѣсто съѣхалось нѣсколько каюковъ, то соблюдаютъ очередь: сначала бросаетъ сѣти одинъ каюкъ, за нимъ другой, за тѣмъ третій. Потомъ снова первый и т. д.— Но въ зимнее время для рыбной ловли „у всякаго свое мѣсто“. Въ прежнее время въ этомъ случаѣ поступали такъ. Лишь только Донъ покроется льдомъ, казаки отправлялись на рѣку, облюбовывали себѣ мѣсто и ставили тутъ какой-нибудь „знакъ“, послѣ чего это мѣсто уже никто не трогалъ. Но такъ какъ во время подобнаго захвата рыболовнаго мѣста, ледъ бывалъ еще не крѣпокъ, то и „подползали въ выбранному мѣсту на брюхѣ съ опасностью“. Впослѣдствіи станица рѣшила всю поверхность Дона зимой дѣлить между всѣми общинниками поровну на паи. Для этого вся станица собиралась на берегу Дона, и дѣлежъ производился здѣсь же на мѣстѣ. Наконецъ, по совѣту наказнаго атамана ген. Хомутова, нынѣ казаки раздѣляютъ между собой Въ Дону.

„зимніе рыболовные паи“ слѣдующимъ способомъ. Около декабря мѣсяца, когда Донъ покроется льдомъ, то всю его поверхность въ предѣлахъ Гниловскаго юрта распредѣляютъ на паи, которые и раздаютъ всѣмъ станичникамъ по жребію. Раздача происходитъ въ станич. правленіи. Въ одну шапку кладутъ билетики съ именами пайщиковъ, а въ другую—билетики, „на которыхъ написаны литера (А. Б. В. и т. д.) паевъ“. Атаманъ вынимаетъ сначала билетикъ, на которомъ обозначено имя пайщика; потомъ беретъ билетикъ съ обозначеніемъ пая: „такъ никому не обидно, потому что здѣсь уже — кому какое счастье“. „Ледный пай“ получаютъ всѣ казаки. На долю вдовъ оставляется часть Дона и потомъ „продается съ торговъ“, а выручка распредѣляется между вдовами „по усмотрѣнію бѣдственности“ ихъ: одной даютъ 1 р. 50 к., другой 25 к. Для удовлетворенія разныхъ потребностей общественныхъ оставляется также часть поверхности Дона, которую тоже „продаютъ“; выручка поступаетъ въ станичный капиталъ (зап. со словъ станичниковъ).

Въ рѣчкахъ. Рѣчками, находящимися въ станичныхъ юртахъ казаки пользуются слѣдующимъ образомъ. Въ однихъ станицахъ (какъ напр. въ Верхнекурмояр. ст. рѣчку Аксай) раздѣляютъ на участки, а участки на паи, при чемъ число паевъ не во всѣхъ участкахъ одинаково. Въ другихъ станицахъ (напр. въ Нижнекур. въ рѣчки, наз. Аксаемъ и Аксеницей) назначаютъ извѣстное количество „десятковъ“ паевыхъ казаковъ.

Въ озерахъ. Въ степныхъ озерахъ станичники ловятъ рыбу также десятками. Въ одно озеро назначаютъ большее число десятковъ, въ другое меньшее. Въ заранѣе назначенный день (обыкновенно осенью) десятки собираются къ своему озеру и ловятъ рыбу сообща. Уловъ раскладываютъ на равныя кучи по числу десятковъ, при чемъ соображаются съ величиной и качествомъ пойманной рыбы и стараются дѣлить „уравнительно, чтобы никого не обидѣть“. Кучи раздаютъ десятникамъ, кото-

рые уже дѣлятъ рыбу въ своихъ десяткахъ. Не принимавшіе участія въ рыбной ловлѣ не получаютъ доли.

Озера, малыя или поросшія густой травой на столько, что приволоки тянуть нельзя, а ловъ производить можно лишь бреднями, сдаются ежегодно въ аренду (казакамъ или иногороднимъ).

Сдаютъ въ аренду не рѣдко и большія озера. Но при этомъ мелкая ловля удами и небольшими бреднями до 3-хъ саженей величиною не возбраняется, какъ станичникамъ, такъ и иногороднимъ (по крайней мѣрѣ въ посѣщенныхъ мною станицахъ).

Пастбища вольныя.

Станичныя стада „вольно" пасутся нынѣ только послѣ окончанія полевыхъ работъ. Послѣ покоса травы и снятія хлѣба съ корня скотъ пускаютъ „вольно" по всему юрту. Во время пахоты и возки хлѣба и другихъ работъ скотъ рабочій допускается пасти гдѣ возможно и на чужихъ участкахъ „безпритязательно только безъ потравы и другаго ущерба" (Д. О. В. 1874, № 30).

Въ остальное время для пастбища скота отводится особый участокъ въ юртѣ. Для конскихъ табуновъ (плодоваго и строеваго *) также отводятся особыя мѣста для пастбища.

Толоки.

„Толоки", на которыхъ пасутся стада рабочаго и гулеваго скота, въ однихъ мѣстахъ—постоянныя, а въ иныхъ—каждый годъ отводятся на новыхъ мѣстахъ, тогда какъ старая толока засѣвается. У каждаго хутора обыкновенно бываетъ своя „толока" („утолока"). Но иногда нѣсколько хуторовъ, находясь одинъ близъ другаго, имѣютъ общую толоку. Въ однихъ мѣстахъ (напр. въ Урюп. ст.) подъ пастбище назначается такое количество земли, какое пожелаютъ имѣть жители хутора (Д. О. В. 1875, № 77). Въ другихъ мѣстностяхъ (напр.

---

*) „Строевой табунъ"—кони служилыхъ казаковъ; въ „плодовомъ" табунѣ—войсковые жеребцы и станичныя матки.

въ ст. Каменской) при отводѣ толоки на весь срокъ раздѣла „сначала исчисляется весь скотъ рабочій и гулевой, а также лошади и овцы, и уже по числу онаго отводится на каждаго поголовно, смотря по удобству земли, по столько десятинъ, сколько будетъ опредѣлено обществомъ считать одну удобную предъ среднеудобною; неудобная же земля въ разсчетъ не принимается. Такимъ образомъ по числу подлежащихъ въ толоку десятинъ и на иную имѣющагося скота, лошадей и овецъ, отдѣляется земля въ общую массу. Остальную же, сколько будетъ причитаться каждому, получаютъ дольщики въ паяхъ сѣнокосныхъ или хлѣбопахатныхъ во весь срокъ раздѣла". (Д. О. В. 1874, № 70).

Границы толокъ обозначаются обыкновенно какими либо урочищами. Толоки соединены съ самимъ поселеніемъ обыкновенно узкой полосой земли—„прогономъ".

Право на выгонъ скота.

Право выпускать скотъ на толоку имѣетъ каждый станичникъ въ однихъ мѣстахъ безъ ограниченія числа; но въ другихъ мѣстахъ число это уже ограничиваютъ. Такъ въ Каменской ст. общество постановило, что, „если будутъ происходить перемѣны въ прибыли или убыли скота до 5 штукъ у каждаго хозяина, то право пользованія толокой не измѣняется; если же прибыль послѣдуетъ свыше пяти штукъ, то за попасъ оныхъ хозяинъ входитъ въ соглашеніе съ обществомъ о приплатѣ денегъ, которыя выдаются тѣмъ лицамъ, у коихъ послѣдовало уменьшеніе скота болѣе 5 штукъ по разсчету общества. А если таковыхъ не окажется, то деньги обращаются въ хуторскую сумму на уплату пастуху, расчитывая эту плату по числу имѣющагося у каждаго хозяина рогатаго скота, овецъ и лошадей". (Д. О. В. 1874, № 70). Тоже и въ Казанской ст. (Тим. l. с. р. 151).

Иногороднимъ позволяется пускать скотъ на толоку съ согласія станичниковъ за извѣстную плату.

„Въ рѣдкихъ станицахъ, говоритъ г. Калмыковъ, можно встрѣтить хорошія пастбища; у большинства поселе-

ній это — въ буквальномъ смыслѣ толоки: вытопченныя мѣста, на которыхъ не ростутъ никакія кормовыя травы, кромѣ полыни да разныхъ сорныхъ (только для станичныхъ конскихъ табуновъ имѣются отдѣльныя болѣе или менѣе привольныя пастбища, да въ нѣкоторыхъ станицахъ для гулеваго скота)". Поэтому „рабочій скотъ весенній и лѣтній свой голодъ вознаграждаетъ только осенью привольнымъ попасомъ по пашнямъ и сѣнокоснымъ мѣстамъ" (l. c.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земли, бывшія подъ толоками, дѣлятъ между станичниками (на глазомѣръ или же болѣе точно) для посѣва арбузовъ и дынь. Дѣлятъ не болѣе какъ на 2 года: 1 годъ—арбузы, 2 годъ—хлѣбъ „паволокомъ", а на 3 годъ—опять толока.

Усадебная земля.

Усадебная земля, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не поступаетъ въ передѣлъ: „какъ изъ предковъ занята, такъ по наслѣдству и переходитъ", „какъ кто занялъ, такъ на томъ мѣстѣ и сидитъ"; и послѣ пожаровъ обыкновенно садятся на старыя мѣста. Во многихъ станицахъ и хуторахъ мнѣ сообщали, что усадебныя мѣста были по плану нарѣзаны: на каждую усадьбу 15 саж. въ ширину и 30 сажень въ длину. Но сосѣди по соглашенію между собою („на любкáхъ") дѣлаютъ прирѣзку или убавляютъ (если одному изъ нихъ не нужно земли), а нерѣдко и за деньги уступаютъ часть своей доли (въ Камышевск. ст. „иногда рублей по 500 за мѣсто платятъ"), потомъ отгораживаютъ ее отъ сосѣда плетнемъ или заборомъ и считаютъ своимъ.

Бакчи.

Подъ бакчи отводятъ часть юртовой земли (обыкновенно часть толоки) и раздѣляютъ ее на мелкіе пайки (въ Камышевс. ст. по 10—15 сажень, въ Кепинск. ст. по 7 саж. на пай и т. п.). Отведенная подъ бакчи земля дѣлится, какъ помянуто уже, и въ тѣхъ станицахъ, гдѣ остальной пахатной землей пользуются „вольно". Дѣлится она на 2 года: первый годъ сѣютъ арбузы и дыни; второй—пшеницу; на третій годъ на этой землѣ пасется скотъ, а подъ бакчи отводятъ другое мѣсто.

Ленъ и коноплю мочатъ въ маленькихъ болотцахъ при станицахъ и хуторахъ (зап. въ Кепинск. ст.).

Водопой. Водопой въ однихъ станицахъ находится на рѣчкахъ, въ другихъ есть источники, въ третьихъ—станичные колодцы, которые исправляются на станичный счетъ. Водопоемъ всякій пользуется безпрепятственно, какъ казакъ, такъ и иногородній.

Каменоломни. Въ юртахъ нѣкоторыхъ станицъ (напр. Камышевск., Арчадинск. и др.) находятся каменоломни. Въ Камышевской стан. „камень достаютъ вольно", даже изъ другихъ юртовъ казаки пріѣзжаютъ, и запрету нѣтъ. Въ 1883 году атаманъ предлагалъ на станичномъ сборѣ сдать „камнеломенную гору на аренду, но большинство воспротивилось, ибо стало жаль сосѣдей, потому въ этихъ мѣстахъ въ камнѣ большой недостатокъ".

Пустопорожнія мѣста. Пустопорожнихъ земель „удобныхъ" для хлѣбопашества въ предѣлахъ станичныхъ юртовъ нынѣ нѣтъ вовсе, и только старожилы помнятъ еще „такіе уголки станичныхъ юртовъ, въ которыхъ ни плугъ, ни коса, ни даже нога домашнихъ животныхъ не бывали, а теперь не только что юртъ весь занятъ хозяйствомъ станичниковъ, но еще много сосѣдственной войсковой земли откупается ими для распашки и сѣнокоса" (Д. О. В. 1874, № 67). Но пустопорожнія мѣста „неудобной" земли существуютъ еще при многихъ станицахъ и хуторахъ. Ихъ обыкновенно отчисляютъ къ толокѣ. На всемъ этомъ пространствѣ до сихъ поръ позволяется занимать участки отдѣльнымъ хозяевамъ. Стоитъ только огородить участокъ изгородью или плетнемъ, чтобы онъ считался принадлежащимъ огородившему: „огородилъ—вотъ и твое". Забирать такимъ образомъ можно „сколько угодно", „сколько надобно", „сколько сдюжаешь". Во многихъ юртахъ мнѣ доводилось видѣть обширныя мѣста огороженными и на нихъ лишь нѣсколько убогихъ вишневыхъ деревъ или нѣсколько грядокъ картофеля, или же (по большей части) „пустующихъ".

Такъ какъ подобные захваты происходятъ по желанію, то у однихъ казаковъ одной и той же станицы ихъ нѣтъ вовсе, а у другихъ—нѣсколько. Огородивъ мѣста, казаки разводятъ на нихъ „оливады“ или фруктовые сады, виноградники, коноплянники, огороды. Захватившій можетъ эти мѣста продавать, сдавать въ аренду („могутъ продавать на года и продавать вовсе“), передавать по наслѣдству, дарить, мѣнять. Оливады, сады, виноградники.

Во многихъ низовыхъ станицахъ, гдѣ разводится виноградъ, часто въ садахъ можно встрѣтить небольшія рощицы. Нерѣдко хозяева садовъ не садили ихъ, а они разрослись изъ готовыхъ корней, огороженныхъ хозяиномъ при захватѣ. Этими рощами пользуется самъ хозяинъ оливада (Д. О. В. 1874, № 30).

Но въ нѣкоторыхъ верховыхъ станицахъ мнѣ приходилось уже слышать недовольство на подобные захваты земли. „Такъ было изъ предвѣка, когда станица заселялась—говорили казаки—тогда и бралъ себѣ всякій, сколько угодно. Нынѣ то время прошло, въ землѣ у насъ стѣсненіе стало, потому и надо такую вольность упретить“. Еще столкновеніе принциповъ собственности частной и общинной.

Въ ст. Кепинской намѣреваются запретить впредь подобные захваты безъ формальнаго дозволенія общины: хотятъ вымѣрить всю пустую землю по десятинамъ и позволять брать землю подъ оливады и сады лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ казаки поговариваютъ о томъ, чтобы отобрать у отдѣльныхъ хозяевъ сады и оливады, потому что „земля-то все же вѣдь общественная“.

Любопытенъ способъ разрѣшенія этого столкновенія принциповъ общинной и частной собственности, придуманный казаками ст. Казанской. „Когда, разсказываетъ г. Тимощенковъ, каждый поселокъ получилъ по числу душъ надѣлъ земли и извѣстную часть юртоваго лѣса, то общества ихъ возстали противъ этой личной собственности (надъ отобранными подъ левады, рощи и сады участками юртовой земли) въ своемъ общинномъ владѣніи, и начались большіе нелады и споры между

владѣющими садами, левадами и рощами и неимѣющими ихъ. Споры эти и нелады продолжались до тѣхъ поръ, пока станич. общество, обсудивъ дѣло, не утвердило такія правила: если кто желаетъ развесть рощу или садъ, то можетъ просить у своего общества такое мѣсто, гдѣ не можетъ быть никакого стѣсненія и помѣшательства общему довольствію. То же самое долженъ дѣлать и тотъ, кто желаетъ пригородить часть земли уже къ существующимъ рощѣ или саду и засадить деревьями. Общество каждаго поселка не только не должно препятствовать заведенію этой общественной отрасли хозяйства, но даже должно одобрять и отличать ее. Рощею или садомъ каждый хозяинъ долженъ пользоваться какъ собственностью, не лишаясь въ то же время и паевъ изъ общественнаго лѣса; земля же, на которой будутъ они находиться, должна принадлежать всегда обществу. Оно можетъ, если представится необходимость, потребовать ее у владѣтеля сада или рощи, и тотъ долженъ ее освободить. Съ этими же правами хозяинъ можетъ и продать свой садъ или рощу кому бы то ни было, хотя бы даже и иногороднему. Тѣ же изъ гражданъ владѣющихъ садами или рощами, которые не насадили ихъ, а загородили самовольно изъ общественнаго лѣса, должны за возращеніе и соблюденіе ихъ получить третью часть изъ нихъ, а двѣ части должны взять за паи своего семейства. Въ общественномъ же лѣсу такого числа паевъ, какое выйдетъ въ рощѣ, уже получать не должны. Если паевъ у кого мало, а роща занята большая, то дать тамъ паи и другимъ паевымъ изъ того же пятисотія. Такой порядокъ и принятъ въ настоящее время. Затрудненіе встрѣчается только въ слѣдующихъ случаяхъ: нѣкоторые изъ гражданъ загородили вмѣстѣ съ другимъ лѣсомъ и плодовыя деревья, дикія яблони и груши, имѣли за ними уходъ и улучшили ихъ. Теперь они приняли лѣсъ на паи, а эти плодовыя деревья считаютъ своею собственностью наравнѣ съ насаженными деревьями; но общество не признаетъ за ними этого права и,

какъ только родятся плоды, не допускаетъ одного хозяина пользоваться ими, а требуетъ, чтобы пользовалось ими все общество. Хозяинъ остаиваетъ свою собственность и чрезъ это очень часто бываютъ ссоры и даже драки. Это бываетъ даже и въ такомъ случаѣ, когда деревья эти были до того въ безпрепятственномъ владѣніи хозяина лѣтъ 20 и болѣе. Тутъ не только обыкновенная десятилѣтняя, но даже и никакая давность не признается.—Въ нѣкоторыхъ поселкахъ уравнительность въ пользованіи довольствіями дошла до такой точности въ настоящее время, что даже левады тщательно вымѣрены, и хозяева ихъ получаютъ паи пахатной земли на столько меньше обыкновенной величины пая, сколько пространства они занимаютъ левадами" (l. c. p. 154).

Наконецъ мельницы, устроенныя самими владѣльцами въ юртахъ или на земляхъ, вошедшихъ въ юртъ, по новому распредѣленію земель, винокуренные заводы и фабрики разнаго рода остаются неприкосновенною собственностью настоящихъ хозяевъ; земля же подъ всѣми этими заведеніями во всякомъ случаѣ принадлежитъ станичному юрту и отчуждаема быть не можетъ (Тр. Д. В. Стат. ком. 1874, стр. 52) Мельницы.

Приглядываясь къ жизни внутри этихъ казацкихъ поземельныхъ общинъ, мы сталкиваемся прежде всего съ семьей. Семейныя отношенія.

Семейныя отношенія у казаковъ не были съ самаго начала существованія донскаго казачества такими, каковы они въ настоящее время. Казаки долго были большею частью люди холостые, женщинъ на Дону въ былое время крайне было немного, такъ что напр., по свидѣтельству Корниловича—„въ иномъ городкѣ не было болѣе одного

или двухъ женатыхъ". Женатые, по словамъ г. Краснова, даже не пользовались почетомъ (Рус. Рѣчь 1881 г. I). Александръ Ригельманъ, описывавшій донцевъ въ 1778 г., по свѣжимъ тогда еще преданіямъ старины, разсказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: „съ самаго начала пребыванія своего, какъ сказываютъ сами, не имѣли женъ и терпѣть ихъ не могли; но какъ стали за добычею отходить, то въ промыслахъ своихъ доставали отъ Турокъ, Кумыкъ, Крымцевъ, Кубанцевъ, Черкесъ, отъ разныхъ горскихъ Татаръ и изъ прочихъ мѣстъ всякую пажить и людей въ томъ числѣ и женскій полъ, оныхъ стали брать за себя и сожительствовать съ ними". *) (Ригельманъ „исторія о Донскихъ казакахъ", изд. Бодянскаго, М. 1846 г., стр. 9).

Характеръ союза казака съ женщиной въ былое время.

Сожительство казака съ женщиною въ это время не всегда носило характеръ брачнаго союза. Такъ въ Верхнекурмоярской ст. мнѣ разсказывали, что у первыхъ ея поселенцевъ была на всѣхъ одна женщина, которую звали Чебачихой **).

„Самыя условія жизни казаковъ, говоритъ А. Савельевъ, не способствовали развитію семейственности. Обычай жить по 10 или 20 человѣкъ въ одномъ куренѣ съ общимъ хозяйствомъ, „въ одной сумѣ и въ одной кашѣ" по выраженію того времени, мало допускалъ возможности каждому изъ однокашниковъ завестись своей семьей, своимъ хозяйствомъ". (Сборн. донск. пѣсенъ СПБ. 1866 г., стр. 42). Къ этому присоединялось еще и то постоянное тревожное состояніе, въ которомъ жили тогда

---

*) Въ казацкой пѣснѣ поется:

„Ты турчанина убьешь

„А турчанку замужъ возьмешь". (День 1863 г. № 49).

**) Подробности, какъ сказываютъ, описаны у Евлампія Котельникова въ его „Сказаніи заселенія Верхнекур. ст." Но любопытной статьей этой, помѣщенной въ Д. О. В. за 1860 г., я не могъ пользоваться, не нашедши ее ни въ Румянцевской библіотекѣ въ Москвѣ, ни въ Новочеркасскѣ.

казаки, и то полное отсутствіе обезпеченія безопасности и покоя, которымъ характеризуется это время. Ведя походный образъ жизни и подвергаясь сами въ своихъ городкахъ безпрестаннымъ нападеніямъ со стороны многочисленныхъ степныхъ враговъ, казаки не могли желать стѣснять себя семьей. Поэтому одно время казацкимъ кругомъ было постановлено избивать новорожденныхъ дѣтей. „Сказываютъ же, пишетъ Ригельманъ, что когда стали посягать женъ, то по общему приговору младенцевъ, родившихся у нихъ, сперва въ воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцевъ и матерей для промысловъ не обременяли". (l. c.). Избіеніе дѣтей.

Характеръ этого времени нашелъ выраженіе въ слѣдующей казачьей пѣсни:

Молодая вдова
Да два сына родила
Иванушку и Василія,
Въ китаичку повила,
Да на тихій Донъ снесла:
„Ой, батюшка ты, тихій Донъ,
„Принимай моихъ сыновъ...
...Удовушка, удова!
Да два сына родила
Иванушку, Василія,
И съумѣла породить
Не съумѣла воскормить,
Богъ насъ воскормилъ,
Возлелѣяла чужая сторона (Сав. с. 43).

Съ теченіемъ времени стали оставлять въ живыхъ только младенцевъ мужскаго пола, а дѣвочекъ по прежнему „въ воду метали". И только въ послѣдствіи, „когда уже ихъ (казаковъ), по словамъ Ригельмана, не мало чрезъ разныхъ пришельцевъ, въ коемъ числѣ и женатые были, набралося, то тѣмъ войско ихъ уже умножилось а паче изъ жалости отцовъ и матерей общимъ кругомъ своимъ опредѣлили, чтобы дѣтей и женскаго пола уже болѣе не губили, но воспитывали-бъ для общей надобности ихъ".

Бракъ на Майданѣ.

И если сожитіе казака съ женщиной въ описываемое время и принимало характеръ постоянный и форму моногамическаго брака, то освѣщалось оно еще не церковнымъ вѣнчаніемъ (котораго не было главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія на Дону церквей и духовенства), а признаніемъ со стороны общины. Такъ г. Ознобишинъ разсказываетъ слѣдующее преданіе, слышанное имъ отъ казаковъ Цимлянской ст.: „Ермакъ со своею дружиною, завоевавъ Донъ и другія мѣста, пожелалъ женить холостыхъ мущинъ изъ своей команды на плѣнныхъ дѣвицахъ и женщинахъ, находившихся при его дружинѣ, а потому въ собраніи и объявилъ, что такая то назначается такому то, и что назначенная женщина безпрекословно должна находиться въ повиновеніи мужа. Въ случаѣ же несогласія, Ермакъ предоставилъ не слюбившейся парѣ разводъ въ томъ же собраніи". (Д. О. В. 1875 г., № 10). Казацкій бракъ въ это время происходилъ „на майданѣ" т. е. на площади. Многіе старики казаки и до сихъ поръ не забыли еще разсказы своихъ дѣдовъ про этотъ старинный казацкій обычай. Дѣло это происходило такъ. Казакъ приводилъ женщину на майданъ (или въ станичную избу) и обращался къ ней со словами: „ты, скить, (напр.) Настасья, будь мнѣ жена!" Женщина въ свою очередь говорила: „а ты, скить, Гаврило, будь мнѣ мужъ!" (День 1863 г., № 49); или же, придя на майданъ, казакъ просто заявлялъ собранной здѣсь станицѣ: „вотъ, честная станица, она мнѣ жена, а я ей мужъ", при этомъ онъ прикрывалъ ее полой своего кафтана. Станица отвѣчала: что жъ—въ часъ добрый. Корниловичъ описываетъ этотъ же обрядъ такъ: „помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны, и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: „Ты будь мнѣ жена". Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала, такъ же называя его по имени: „а ты будь мнѣ мужъ". Послѣ сихъ словъ, вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленія". (Рус. Стар. 1824 г. стр. 200).

Разводъ на Майданѣ.

Такимъ же способомъ совершался и разводъ. Казакъ снова являлся съ женой на майданъ и объявлялъ товарищамъ: „вотъ, честная станица, она мнѣ больше не жена"; или же такъ: „мужья, братья, вѣрные казаки, я сію жену нѣсколько времени (которое онъ упоминалъ) имѣлъ; она мнѣ всегда была услужлива и вѣрна, и кто теперь желаетъ—можетъ ее взять". Сказавъ это, онъ отнималъ свою руку, которой держалъ ее, и отпускалъ отъ себя. (Крейсъ „Розысканія о Донѣ" От. Зап. 1824 г. IV). Община отвѣчала: „что жъ?! въ этомъ твоя воля"... Такъ какъ женщины, какъ сказано, въ это время на Дону были рѣдки, то обыкновенно тотчасъ же являлся желающій взять „отказанную" къ себѣ. Онъ тутъ же покрывалъ ее полою кафтана и объявлялъ станицѣ: теперь она моя жена, и община опять отвѣчала: „что жъ въ часъ добрый!" Прикрытіе полой считалось символомъ, имѣвшимъ важное значеніе: это означало—снять съ отказанной жены безчестье развода (Корнилов. 1. с. р. 202). Лишь мало по малу стало вводиться церковное таинство и обрядъ вѣнчанія, но еще долгое время, послѣ того какъ на Дону появились священники, бракъ продолжалъ совершаться на майданѣ. А Стенька Разинъ, захватившы въ свои руки власть на Дону, даже прямо запрещалъ совершеніе браковъ въ храмахъ: онъ приказалъ брачущихся вѣнчать вокругъ вербъ (Ящуржинскій „Лирич. Малор. Пѣсни" Варш. 1880 г. стр. 58).

Церковное вѣнчаніе.

Древній этотъ казацкій обычай былъ на столько силенъ, что даже тѣ, которые желали сочетаться бракомъ по правиламъ православной церкви, все таки исполняли древній обрядъ объявленія о своемъ бракѣ на майданѣ (Корнилов. 1. с.).

Лишь съ Петра I сталъ на Дону укореняться обычай церковнаго вѣнчанія. Но казацкій бракъ на майданѣ просуществовалъ еще до самаго конца XVIII вѣка.

Тѣмъ не менѣе семейная жизнь — по свидѣтельству Корниловича—и старинным казакамъ до такой степени нравилась, что напр. дѣтей у женатаго няньчили всѣ его

станичники и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ на перерывъ смотрѣли его съ восторгомъ (ibid, p. 207).

Нынѣ описанный порядокъ исчезъ на Дону совершенно: казаки всѣ или вѣнчаются въ православныхъ церквахъ или же освящаютъ брачный союзъ обрядами раскольничьихъ сектъ и живутъ, подобно русскимъ крестьянамъ, семьями „большими" и „малыми".

Вліяніе инородческихъ элементовъ на казачью семью.

Но каково же вліяніе на казачій семейный строй и бытъ оказали чужеземки, попадавшія въ теченіи стольких лѣтъ въ жены казаковъ? Здѣсь мы наталкиваемся на тотъ фактъ, что и плѣнницы, „сдѣлавшись супругами казаковъ, дѣлались быстро и казачками, поддаваясь вліянію великорусской народности и привязываясь къ новой родинѣ". И прежде всего православная вѣра налагала на нихъ первый отпечатокъ цивилизующаго и объединяющаго начала народности великорусской (День 1863 г. № 49). Такимъ образомъ азіатское вліяніе на казацкую семью сказалось менѣе, чѣмъ можно было бы предполагать. Вліяніе это коснулось стороны внѣшней: татарскія слова напр. служатъ для обозначенія большей части предметовъ женской одежды, пищи и другихъ вещей (кубилеки, бизилики, чуреки; пиловъ, дулма, каймакъ) (Савел. Пѣсни, стр. 44). Отношенія же внутри самой семьи сложились по типу этихъ отношеній въ средѣ русскаго крестьянства, и казачья семья, по справедливому замѣчанію А. Савельева, представляетъ нынѣ явленіе, знакомое всякому, знающему бытъ русскаго простонародья (ibid, p. 45).

Значеніе родства въ казацкомъ быту.

Члены казацкой семьи связаны между собою либо родствомъ кровнымъ, либо свойствомъ, либо усыновленіемъ. Родство и въ казацкомъ быту имѣетъ вообще важное значеніе, а потому не лишне прежде всего остановиться на немъ.

Общія понятія.

Казаки различаютъ слѣдующіе виды родства: р о д с т в о п о к р о в и, с в а т о в с т в о (с в о й с т в о), у с ы н о в л е н і е, к у м о в с т в о. Общія понятія о родствѣ

выражаются слѣдующими словами *): родство, родствіе; сродный, сродникъ, сродственникъ, родный, родненькій; родъ, природа = совокупность кровныхъ родственниковъ (выраж. „порода“, „отплодъ“, „приплодъ“ говор. о скотѣ); природа = родъ, напр. „какой онъ природы? да Коротковой или Поповой природы“; родство, родня = вся родня вообще, напр. „какое родство: онъ уже давно изъ родни вышелъ, онъ мнѣ не родственникъ!“ Слѣдующія названія родственниковъ довелось мнѣ слышать среди казаковъ разныхъ мѣстъ: отецъ (въ глаза и заглазно), бачка (тоже по отношенію къ священникамъ), батя (употр. ласкательно дѣтьми и старшими при обращеніи съ малыми дѣтьми: гдѣ твой батя? (Д. О. В. 1874 г., №№ 81 — 84), папаша (въ глаза у богатыхъ); бати(е)нька (въ г. и за о.), батюшка; мать, маменька (въ г. и за о.), матушка, мамушка, мамаша (у богатыхъ), отчимъ, вотчимъ (въ гл. батюшка); дѣдъ (за о.) дѣдушка (въ г. и за о.) дѣдинька, дѣдка (въ г.), дѣдя (употр. дѣтьми и старшими въ разгов. съ дѣтьми. Д. О. В. 1874 г., № 96); бабка (за о.), бабушка (въ г. и за о.), бабуня (въ г.), бабинька, бабуля; внукъ, внучокъ (въ г. и. за о.), внучка (въ г. и. за о.); мачиха, пасынокъ, падчерица, падчерка; братъ (а въ гл. обыкновенно по имени), сестра (въ г. по имени); дядя, дядинька (въ г. и за о.), дячка; тетка, тетенька (въ г. и за о.); племя(е)нникъ, племя(е)нница; двоюродный братъ (сестра). Отецъ мужа для жены—свекоръ („такъ говорятъ обыкновенно люди чужіе, а умная сноха и въ глаза и за глаза назоветъ „батюшка“); отецъ свекра — дѣдушка (такъ какъ моя жена по мнѣ моему дѣду становится внучкой, то и говорятъ — новую внучку взялъ); мать мужа — свекровь, свекровья, свекруха, свекрынь (въ глаза матушка); братъ мужа—деверь (въ глаза братъ); сынъ деверя — племянникъ; се-

Названія родственниковъ.

*) Сообщаю только слышанныя мною выраженія.

стра мужа—золовка, въ глаза—золовушка, сестрица. Сама жена по отношенію къ роднымъ мужа—сноха, невѣстка (въ глаза: невѣстка или по имени); снохи называютъ другъ друга сношенницами, сношельницами. Отецъ жены—тесть (въ глаза батюшка); мать жены—теща (въ глаза матушка); братъ жены—шуринъ (въ глаза братъ); „шуринова жена" (за о.)—въ глаза „сестра"; „сынъ шурина меня по женѣ называетъ дядей"; сестра жены—свояченица, своячиня; мужъ ея—своякъ. Самъ мужъ по отношенію къ жениной роднѣ — зять (въ глаза тесть говоритъ ему „сынокъ", „зятекъ"). Родственники обоихъ супруговъ называютъ другъ друга сватами, сватьями: „мой братъ моего тестя называетъ сватомъ и свояченицу мою и отъ свояченицы дѣтей и шурина — все это для нашихъ родственниковъ сваты"; „братья женъ и мужа — сваты, а то ихъ никакъ не слѣпишь: мужъ и жена—одна душа, одно тѣло, а тѣ нѣтъ ничто—сваты"; сватъ (въ г. и за о.)—отецъ жениха (невѣсты) по отношенію ко всей роднѣ невѣсты; сваха (за о.), свашинька (въ гл.)—мать жениха по отношенію ко всей роднѣ невѣсты.

Свойство. Хотя свойство одинаково уважается, какъ и родство кровное (такъ напр. это видно въ вліяніи свойства на бракъ), но родство кровное считается, по словамъ самихъ казаковъ, „старше", ибо и тутъ кровь одна: „сватовство, положимъ, что родня, да къ роду то никакъ не прилѣпишь... По крови родство роднѣе всѣхъ". Въ Чернышевской ст. мнѣ говорили такъ: „сватовство ничего не значитъ; тутъ родни нѣтъ, не дюже за родню считается; сватъ—нѣтъ ничто; добрый человѣкъ—вотъ и все, а крови вѣдь тутъ нѣтъ".

На вопросъ не считаются ли родственники съ мужской стороны ближе, чѣмъ съ женской, въ одних мѣстностяхъ я получалъ отвѣтъ отрицательный: „все единственно, говорили казаки, хоть она и женщина, но душа то вѣдь и кровь у ней одна". Въ другихъ мѣстахъ на оборотъ. Такъ напр. священникъ въ Маріинской ст. утверждалъ, что казаки считаютъ родство съ мужской стороны ближе, по-

этому во время разсчетовъ при вступленіи въ бракъ по мужскому полу принимается болѣе дальнее.

„Сведеныя“, „сводныя“ дѣти—тѣ, которыя соединены въ одну семью посредствомъ брака вдовца и вдовы, когда у обоихъ были дѣти отъ первыхъ браковъ. Если дѣти въ этомъ случаѣ только съ одной стороны, то они называются „приведеныя дѣти“. Дѣти происшедшія изъ втораго брака (вдовца и вдовы) называются „вмѣстныя дѣти, новыя дѣти“. Приведенныя дѣти считаются „пасынками“, но, повидимому, занимаютъ одинаковое положеніе съ родными. Выраженіе „богоданные родители“ употребительно по отношенію къ воспріемникамъ при купели и къ тестю, принявшему зятя въ свою семью.

Кумовство.

Таинству крещенія казаки придаютъ огромное значеніе: во многихъ мѣстахъ казаки утверждали, что до крещенія въ младенцѣ нѣтъ души,—что ее вдуваетъ священникъ при купели, что дѣти, умершія некрещенными, не явятся на страшный судъ. Отсюда и то важное значеніе, какое приписывается воспріемникамъ при купели: „ихъ нужно почитать больше кровныхъ родителей“. Впрочемъ въ иныхъ станицахъ, даже среди раскольниковъ, разсказывали мнѣ, что „крестныхъ нынѣ не дюже почитаютъ, хотя мать и учитъ крестнаго „почитать наипаче родныхъ отца и матери“. Не одинаковы воззрѣнія казаковъ на отношенія воспріемниковъ къ родителямъ воспринятыхъ. Въ однихъ мѣстахъ говорили, что куму съ кумой не только въ бракъ вступать нельзя, но и „любиться“ грѣшно. Въ Казанской ст. „кумъ о кумѣ не только что не долженъ говорить ничего дурнаго, но даже слушать отъ другихъ дурные объ ней отзывы. Вражда и ссоры между кумомъ и кумой есть тяжелый грѣхъ“ (Тим.). Зато въ другихъ станицахъ наоборотъ казаки мнѣ признавались, что любовныя связи между кумомъ и кумой составляютъ обыденное явленіе: кумовство даже служитъ средствомъ прикрыть любовную связь. „Приглянется жена сосѣда—разсказываетъ г. Никулинъ,—и чтобы не страдала нравственная сторона ихъ семейной жизни,

то они кумятся и такимъ способомъ замаскировываютъ свои отношенія въ глазахъ старшихъ въ домѣ, и если кто подумаетъ разинуть ротъ на счетъ ихъ поведенія, то достаточно одного слова: чего ты говоришь; подумай вѣдь она ему кума. Это впрочемъ рѣдко и чаще среди казаковъ съ нѣкоторымъ образованіемъ (Дон. Газет. 1875 г., № 81).

Воспріемниковъ отъ купели казаки называютъ: „отецъ (мать) крестный (ая), крестный, крестовый (въ глаз. батинька, маминька); воспринятаго — „крестный сынъ (дочь)".

Въ воспріемники приглашаютъ обыкновенно кого нибудь изъ родственниковъ или „кого любятъ". Отказъ за обиду не считается: „откажетъ—Богъ съ нимъ, насильно не заставишь: это дѣло полюбовное; лишь бы отвѣчалъ скорѣе, а то бываетъ, что за часъ до крещенія вдругъ откажетъ". Если „не держатся дѣти—помираютъ, то по рожденіи новаго ребенка отецъ выходитъ на улицу и зоветъ въ кумовья перваго встрѣчнаго (не знаю на сколько повсемѣстенъ этотъ обычай *).

---

*) Здѣсь кстати упомянуть объ извѣстныхъ мнѣ казацкихъ обрядахъ и суевѣріяхъ, соединяемыхъ съ рожденіемъ и крещеніемъ ребенка.

Бездѣтная женщина должна съѣсть отпавшую дѣтскую пуповину, и безплодіе разрѣшится въ тотъ же мигъ (Д. О. В. 1881, № 39). Во время беременности мать должна быть осторожна: если она въ праздникъ крутила гужвы или прыгала чрезъ бичеву, то ребенокъ будетъ кривоногій или криворукій; если беременная мать въ большой праздникъ шила, то родится ребенокъ слѣпой, ибо она ему глаза зашила (Поповъ „Суевѣрія Раздорской ст."). Роды будутъ тяжелыми, если мальчикъ перешагнетъ чрезъ ноги беременной женщины (Д. О. В. 1876, № 42). Беременная женщина, присутствуя на похоронахъ, должна изъ церкви выйдти раньше выноса тѣла, чтобы не умеръ носимый ребенокъ. По этой же причинѣ она не должна быть воспріемной матерью (Д. О. В. 1881, № 39). Время родовъ окружается таинственностью. Стараются—говоритъ г. Никулинъ—скрыть отъ людей, что въ домѣ будетъ прибыль, потому что, если объ этомъ будутъ знать многіе, то роды могутъ быть трудными; когда начнутся роды, то жи-

Обычай побратимства извѣстенъ и среди казаковъ. Въ послѣднее время побратимство стало встрѣчаться гораздо рѣже, но въ старину оно было очень распространено: рѣдкій казакъ—по словамъ г. Тимощенкова—не имѣлъ названнаго брата, съ которымъ онъ и заключалъ союзъ на жизнь и на смерть. Были случаи, что подъ однимъ изъ братьевъ, во время сраженія съ

Побратимство.

вущія въ томъ домѣ дѣвушки, въ особенности старыя, расплетаютъ косы или вовсе выходятъ изъ дому, чтобы своимъ присутствіемъ не увеличивать страданій рожающей. Когда ребенокъ родится, то его мало кому показываютъ изъ болзни, чтобы не сглазили. Въ домѣ, гдѣ есть новорожденный, стараются закрывать ставни прежде, чѣмъ зажгутъ свѣчи, чтобы не переслали на ребенка какой-нибудь болѣзни, такъ какъ дѣтей лѣчатъ на огонь. Пеленки до 6 недѣль на дворѣ не вывѣшиваютъ, а послѣ 6 нед. стараются снимать ихъ до вечера; если кошка перепрыгнетъ чрезъ пеленки, то ребенокъ будетъ гнуться назадъ. Зеркало показывать дѣтямъ не годится: спать не будутъ; по той же причинѣ не слѣдуетъ качать пустую люльку или передавать чрезъ нее ребенка на руки. Строго соблюдается, чтобы на малюткѣ былъ крестъ и поясъ, иначе рости не будетъ (Д. О. В. 1876, № 42).

Родившееся „въ сорочкѣ“ дитя признается за счастливое, но чтобы счастье всегда было съ нимъ, необходимо беречь „сорочку“, нося ее на крестѣ вмѣстѣ съ пуповиной, какъ залогомъ крѣпкой памяти (Д. О. В. 1881, № 39).

Послѣ рожденія, бабка подкидываетъ новорожденнаго ртомъ подъ пятку материнской ноги или задней частью его стучитъ объ потолокъ, „чтобы онъ не былъ крикливъ“.

Младенцевъ, умершихъ некрещеными, погребаютъ подъ порогомъ крыльца для того, чтобы переходили чрезъ него священники при посѣщеніи домовъ со святынею на праздникъ Пасхи и со крестомъ на Рождество Христово; отъ этого только бываетъ польза имъ. (Поповъ).

Передъ тѣмъ, какъ нести ребенка въ церковь для крещенія, — во многихъ мѣстностяхъ—кладутъ его въ передній уголъ, завертываютъ въ лохматую овчинную шубу, молятся: „опредѣли ему, Господи, талантъ и счастье, добрый разумъ, долгіе вѣки!“ и высказываютъ пожеланіе, чтобы онъ былъ такъ же лохматъ (т. е. богатъ), какъ шуба. Послѣ этого бабка поднимаетъ младенца и говоритъ: „благословите, родители, принять младенцу крещеную вѣру, какъ отъ рожденія, такъ и до крещенія, какъ отъ крещенія, такъ и до вѣнца,

непріятелемъ, убивали коня; другой его не покидалъ: бралъ къ себѣ на коня, а если этого сдѣлать было нельзя, то самъ спѣшивался и раздѣлялъ вполнѣ участь брата, Когда одинъ изъ братьевъ попадалъ въ плѣнъ къ непріятелю, то другой всевозможныя мѣры изыскивалъ, чтобы выручить его (1. c.). Въ казацкой пѣснѣ поется:

Подъ большимъ то братомъ конь уставаетъ,
А меньшій за большаго умираетъ:
„А и гой еси, мой братецъ родимый",
„А я тебя, братецъ, посверстнѣе",
„Я пѣша, ту дороженьку повыйду"...

какъ отъ вѣнца, такъ и до конца жизни быть чистымъ и непорочнымъ".

Если при вывозѣ изъ дома въ церковь первый встрѣчный — мущина — то ребенокъ будетъ счастливый, если женщина—несчастный, если скотина—богатый, если пьяный—пьяница, если парящіяся животныя—то распутной жизни. (Поповъ).

Имя даютъ ребенку обыкновенно то, какое пожелаетъ родительница, но лучше дать имя того святаго, подъ день котораго родился ребенокъ, „а то ангелъ плакать будетъ". „Вотъ я родила дочь подъ заговѣнье въ Августѣ—такъ разсказывала мнѣ одна казачка въ Старочеркасской ст.—а захотѣла ее Екатериной назвать, а она черезъ пять дней и умерла: прогнѣвала я ангела-то—потому"...

При самомъ крещеніи замѣчаютъ слѣдующее: если послѣ погруженія младенецъ сожмется, то будетъ живучій, а если вытянется, то скоро умретъ. Если воскъ съ волосами потонетъ въ водѣ, то ребенокъ скоро умретъ.

Принеся изъ церкви въ хату, младенца кладутъ опять въ передній уголъ и снова обертываютъ овчинной шубой и молятся, чтобы онъ былъ богатъ. (Поповъ).

Крестины справляются обыкновенно такъ. Приглашаютъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, а кто побогаче—и священника. Кума и куму сажаютъ въ красный уголъ, рядомъ со священникомъ, угощаютъ чаемъ, водкой и яствами. Большихъ пиршествъ, обыкновенно, не бываетъ. Часто нежелающіе дѣлать большихъ расходовъ напередъ объявляютъ гостямъ: „не взыщите—у насъ крестины будутъ на трехъ лучинкахъ" (т. е. скромныя).

Въ старину новорожденнымъ дарили *на зубокъ* стрѣлу, патронъ пороху, пулю, лукъ, ружье и т. п. Дареныя вещи развѣшивались на

Нынѣ, если подружатся двое казаковъ, то мѣняются крестами. „Братаются и въ полкахъ и въ кабакахъ“. Братаются казаки и съ иногородними. Совершеніе самого обряда обмѣна крестовъ происходитъ въ присутствіи третьяго лица, который собственно и мѣняетъ кресты, а потому и называется „крестовымъ отцомъ“; помѣнявшіеся же крестами называются „крестовыми братами“ или „по кресту братьями“. Помѣнявшись крестами, цѣлуютъ другъ друга три раза, и дѣлаютъ иногда другъ другу подарки, хотя это не считается обязательнымъ: чаще всего ограничиваются полквартой водки. Соотвѣтствіе возраста не требуется при этомъ: „главное здѣсь дружелюбіе“. Побратимство отцовъ не переходитъ къ дѣтямъ. Побратимства между лицами разнаго пола я нигдѣ не встрѣчалъ.

Помѣнявшіеся крестами заключаютъ дружбу „по гробъ“: „это все равно, что родство, ибо крестъ вели-

---

стѣнѣ той горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда же, по истеченіи сорока дней, мать, взявъ въ церквѣ очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ и возвращалъ сына матери, поздравляя ее съ казакомъ. Когда у младенца прорѣзывались зубы — отецъ и мать, посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Ивану Воину о томъ, чтобы сынъ ихъ былъ храбрымъ казакомъ. (Корниловичъ l. c.).

Нынѣ на обязанности крестнаго отца лежитъ—купить тѣльный крестъ, который надѣвается на новорожденнаго при совершеніи таинства крещенія. Крестная мать, обыкновенно, даритъ поясъ, рубашку и т. п. Кромѣ того, воспріемники и всѣ гости дѣлаютъ подарки, „кто пятакъ, кто семакъ, кто гривенникъ, а кто и цѣлковый, приносятъ и бублики и т. п.“. Все это идетъ матери. (Насколько этотъ обычай повсемѣстенъ, не знаю). Одинъ казакъ-старообрядецъ, изъ пріемлющихъ священство въ окрестн. Пятиизбянск. ст. говорилъ мнѣ, что у нихъ крестинъ не справляютъ, ибо „на пиру безъ водки не обойдешься, а на крестинахъ пить водку—грѣхъ“.

„Бабушку-повитуху“ или просто „повитуху“ во многихъ мѣстностяхъ „почитаютъ“ и впослѣдствіи. На Рождество, на Пасху—матери посылаютъ своихъ дѣтей къ ней съ хлѣбомъ-солью, посылаютъ и деньги (20 коп.—1 рубль): „она этимъ, вѣдь, живетъ“.

кое дѣло, крестъ—не шутка" говорили казаки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Дѣвушки казачки также иногда мѣняются крестами въ присутствіи третьяго лица, которое обмѣниваетъ кресты и называется крестною матерью. Помѣнявшіяся крестами называются „по крестамъ сестры". При этомъ дѣвушки дарятъ другъ другу платочки, кольца и т. п., а также дѣлаютъ другъ другу разныя одолженія.

Обычай кумиться.

Отъ обмѣна крестами отличается обычай кумиться, который распространенъ между казачками разныхъ мѣстностей. На Троицынъ день, когда справляютъ зеленыя святки, казачки отправляются въ лѣсъ, сплетаютъ тамъ вѣнки и украшаютъ ими головы. Потомъ выходятъ на поляну къ рѣчкѣ, бросаютъ въ нее вѣнки, и гадаютъ по нимъ. Послѣ этого водятъ хороводы (въ коихъ, сколько мнѣ извѣстно, мужчины участія не принимаютъ), поютъ „веснянки", цѣлуются сквозь вѣнки. Поцѣловавшіяся называютъ другъ друга кумушками *).

---

*) Такъ въ ст. Малодѣльской дѣвушки устраиваютъ хороводъ вокругъ двухъ казачекъ, находящихся въ серединѣ и, медленно двигаясь, поютъ:

Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пьетъ не пьетъ: меня въ гости ждетъ;
А я молода позамѣшкалась
За курами да за гусями,
За нѣжной за пташечкой за павушкой.
Павушка по бережку похаживала,
Травушку муравушку пощипывала,
Холодною водицею захлебывала,
За рѣченьку за быструю посматривала,
За рѣчкою за быстрою четыре двора—
Во тѣхъ дворахъ четыре кумы:
Вы, кумушки голубушки, ходите ко мнѣ
Кумитеся, любитеся, любите меня...

При этомъ хороводъ останавливается, и сосѣдка съ сосѣдкой (по хороводу) цѣлуются. А дѣвушки, находящіяся въ серединѣ хоровода, цѣлуются, закрывшись платочками, ибо *„одна дѣвушка вродѣ мужчины бываетъ"*.

„Но такое кумовство, говорили казачки, баловство одно, дѣло не серьезное: покумятся, а какъ разошлись по разнымъ сторонамъ, то и дружбу позабыли—дружны пока всѣ вмѣстѣ“.

Односумство.

Особыя условія казацкой жизни подали поводъ къ появленію еще одного вида дружественнаго союза, какъ между казаками, такъ и между ихъ женами: я подразумѣваю односумство. Казаки, попадающіе изъ одной станицы въ одинъ полкъ, кладутъ разные предметы своего обихода въ одну общую повозку или въ одну суму, а потому и называютъ другъ друга односумами, раздѣляя другъ съ другомъ горести и радости походной жизни. Оставшіяся дома жены такихъ казаковъ вступаютъ обыкновенно также между собою въ дружественную связь и называются „односумками“ или „полчанками“. На базарѣ часто можно слышать во время спора слѣдующія оправданія: „да ты мнѣ не родня, а она мнѣ полчанка—надо уважить ее“. Въ задонскихъ станицахъ Черкасскаго округа, по словамъ г. Шкрылова, казачки весьма часто, не получая долгое время со службы отъ мужа письма, собираются по три или по четыре подруги односумки, пишутъ мужьямъ письма и несутъ ихъ въ Новочеркаскъ для опусканія въ почтовый ящикъ, а потомъ черезъ три, четыре недѣли ждутъ отвѣта. (Д. О. В. 1876 г., № 44).

Усыновленіе.

Усыновленіе среди казаковъ весьма распространено, причемъ казаки различаютъ „принятіе въ дѣтища“, т. е. полное усыновленіе и „воскормничество“, т. е. простое воспитаніе.

Принимаютъ въ дѣтища чаще малолѣтнихъ; часто чужіе усыновляютъ незаконнорожденныхъ, когда мужъ родившей ихъ казачки не желаетъ оставить въ своей семьѣ; принимаютъ и сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; берутъ и изъ воспитательнаго дома въ Новочеркаскѣ. „Если принимаютъ еще груднаго, или вообще еще малаго, то прямо называютъ „сыномъ“ — даже не скажутъ, кто его родилъ“.

Другія названія для усыновленныхъ — пріемышъ, вскормленникъ. Принимаютъ часто и дѣвочекъ въ надеждѣ въ послѣдствіи взять за нее „во дворъ“ зятя-работника. Въ Казанской ст., по сообщенію г. Тимощенкова, иногда усыновляютъ и взрослыхъ, даже женатыхъ.

Особенно охотно усыновляютъ казаки бездѣтные, чтобы пріобрѣсти работника въ семью, который на старости лѣтъ успокоилъ бы ихъ, а послѣ смерти, „если чашка, ложка останется, чтобы даромъ не пропала“. Усыновляетъ казакъ-хозяинъ; жена при мужѣ не можетъ самовольно усыновить. При усыновленіи заключаются условія, обыкновенно словесныя, но бываютъ и письменныя. Въ нѣкоторыхъ мѣсностяхъ мнѣ говорили, что условія письменныя заключаются только въ томъ случаѣ, если у усыновителя есть родственники, которые по смерти послѣдняго могутъ обидѣть усыновленнаго.

Вотъ примѣръ такого условія:

Апрѣля 24 дня 1872 года, Маріинской станицы Илья Иванковъ, жена его Анна Владимірова и казакъ Никифоръ Ивановъ Тюринъ при нижеподписавшихся лицахъ сдѣлали сіе условіе въ томъ, что первые отъ послѣдняго Тюр. принимаютъ малолѣтняго сына 3-хъ лѣтъ Никона себѣ *въ дѣтище,* обязываются воспитать его и оженить и имѣть его при себѣ навсегда какъ сына, и если онъ почтетъ ихъ какъ родителей, въ такомъ случаѣ опредѣляютъ ему Никону въ вѣчное и потомственное владѣніе все движимое и недвижимое имѣніе ихъ, которое остается по ихъ смерти. Послѣдній же Тюр., передавая Иванкову сына своего Н., вручаетъ Иванкову въ добавленіе къ ихъ имѣнію домикъ во дворѣ Иванковыхъ, построенный большой амбаръ, пару воловъ, 10 овецъ съ тѣмъ, что въ случаѣ смерти самаго Никона, опредѣленное имъ имѣніе его должно оставаться навсегда у Иванкова безъ возврату, только, чтобы Иванковъ, въ случаѣ Никоновой смерти, по совѣсти своей возвратили бы или опредѣлили бы изъ его собственнаго имѣнія сестрѣ Н. малолѣтней дѣвицѣ Федосьѣ въ особенности амбаръ. Все же завѣщанное нами имѣніе движимое и недвижимое стоитъ намъ поистинѣ сто руб. Утверждаемъ нашимъ подписомъ Казакъ Илья Иванковъ и Н. Тюринъ.

Засвидѣтельствовали Станич. Атам.

Помощникъ.

Писарь.

При заключеніи этихъ условій „ставятъ могарычъ", дѣлаютъ иногда пирушку, созываютъ родственниковъ, и объявляютъ, что имъ далъ Богъ сына или дочь, и тѣ ихъ поздравляютъ. Обрядовъ, сколько извѣстно, никакихъ при усыновленіи не соблюдается. Мнѣ извѣстно, что усыновленный иногда носитъ прозвище кровнаго отца, такъ какъ обыкновенно онъ крещенъ кровнымъ отцомъ. Но, кажется, чаще бываетъ иначе; такъ напр. у казаковъ втораго округа, согласно сообщенію г. Никулина, при усыновленіи требуется, лишь послѣ крещенія записать въ свою фамилію, или же если принимаютъ взрослаго, то служатъ молебенъ и вносятъ въ посемейный списокъ станичнаго правленія въ свою семью. Часто (напр.: въ Луганской ст.) принявшіе стараются записать усыновленнаго на свое имя, при приводѣ къ присягѣ. Усыновленный считаетъ своихъ усыновителей за родныхъ, называется по ихъ отчеству, и носитъ ихъ фамилію, поэтому на дочери принявшаго усыновленный никогда не женится, (Д. О. В. 1876 г. № 55). То же самое передавали мнѣ казаки въ ст. Мало-дѣльской. Усыновленный обязанъ считать усыновителя за роднаго отца, оказывать ему почтеніе, покоить на старости лѣтъ, и поминать послѣ смерти. Выгоняя изъ дому пріемыша, отецъ, сколько мнѣ извѣстно, обязанъ заплатить за проработанное время. Въ случаѣ же отказа въ этомъ, сынъ пріемный жалуется въ судъ, который, по словамъ казаковъ, высчитываетъ года, начиная съ 10 лѣтъ: съ 10—17 л.—по 30 р. въ годъ; съ 17 лѣт.—50 р. въ годъ; съ 20 лѣт.—60—75 руб. въ годъ. Если пріемышъ—„жилъ парой" т. е. вмѣстѣ со своей женой, то и ей пріемный отецъ обязанъ заплатить въ годъ 15—25 р. (запис. въ Пятиизб. ст.).

Кромѣ этого, какъ сказано, казаки принимаютъ дѣтей на вскормленіе. Вскормленниковъ принимаютъ обыкновенно богатые казаки отъ бѣдныхъ: частію изъ жалости, (напр., отъ бѣдныхъ родственниковъ), частію изъ желанія имѣть въ домѣ лишняго работника. Такъ казачки, Воспитанники.

у которыхъ мужья пьяницы, раздаютъ иногда всѣхъ сыновей своихъ по роднымъ и знакомымъ, „изъ за справки“ (къ службѣ). Письменныя условія обыкновенно при этомъ не заключаются, сколько мнѣ извѣстно. Вскормленникъ сохраняетъ фамилію отца роднаго. Вскормленникъ обязанъ „почитать“ принявшаго его на воспитаніе, какъ роднаго отца, и слушаться его приказаній.

Сходъ и община, по словамъ казаковъ, ровно никакого вліянія не оказываютъ при пріемѣ на воспитаніе и при усыновленіи: „бери хоть 10 человѣкъ—запретить нельзя“.

Зять пріемышъ.

Зятьевъ принимаютъ у казаковъ также весьма часто. Это дѣлается либо посредствомъ выдачи своей дочери замужъ „во дворъ“ (отсюда—„водворка“), либо посредствомъ соединенія самостоятельнаго хозяйства зятя съ хозяйствомъ тестя. Нерѣдко казаки принимаютъ по нѣсколько зятьевъ и при родныхъ сыновьяхъ. Пріемъ въ зятья, кажется, въ большинствѣ случаевъ сопровождается условіемъ. Оно бываетъ или словесное, при свидѣтеляхъ изъ постороннихъ, или же письменное, засвидѣтельствованное въ станичномъ правленіи и внесенное въ книгу договоровъ. Въ этихъ условіяхъ тесть обыкновенно обязуется справить зятя на службу, отдѣлить ему, если онъ проживетъ извѣстный срокъ (напр. 10 лѣт.), часть, напр. $^1/_3$, или же разные предметы, которые подробно перечисляются, — а если доживетъ съ нимъ до смерти, то наслѣдуетъ все имущество, либо наравнѣ съ другими наслѣдниками; тесть обѣщаетъ не притѣснять зятя и не дѣлать ему никакихъ непріятностей; если договора зять не исполнитъ, то теряетъ право на всякія вознагражденія со стороны тестя. Въ Луганской ст. (вѣроятно и въ иныхъ) условія эти большей частью не исполняются; съ одной стороны, въ случаѣ неудачнаго брака зять оставляетъ тестя и уходитъ на отдѣльное хозяйство, а съ другой стороны, „чрезъ экономическіе разсчеты тестя, въ виду расхода на исправленіе къ службѣ

зятя, насильно отдѣляютъ его на особое хозяйство", (Д. О. В. 1876 № 55).

Вотъ примѣры подобныхъ условій:

I.

1880 года, 24 Февраля, мы нижеподписавшіеся Области Войска Донскаго Нижне-Курмоярской станицы казаки Д. Ф. Т. и И. Е. Щ., заключили сіе условіе въ томъ, что первый изъ насъ, Т., принялъ послѣдняго, Щ., въ зятья за дочь свою Н. срокомъ на *десять* лѣтъ, считая таковой съ 1-го Іюня 1870 года, на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е. Я, Т., по истеченіи сказаннаго срока обязанъ выдѣлить зятю Щ. съ женою его Н. изъ движимаго и недвижимаго имѣнія и домашней рухляди, какое только окажется при станицѣ Нижне-Курмоярской, третью часть, съ тѣмъ, чтобы зять мой и жена его, а моя дочь, должны быть въ должномъ повиновеніи и почтеніи. 2-е. Я, Т., не касаюсь до пригнанаго имѣнія зятемъ и не обязуюсь ему до десятилѣтняго срока выдѣлить, но я, Т., обязанъ, въ случаѣ командированія Щ. на Государеву службу, исправить мундирныя и амуничныя вещи, ежели таковыя потребуются, и 3-е. Я, Т. безъ особенныхъ законныхъ причинъ не долженъ отдѣлять зятя Щ. до вышесказаннаго срока, а ежели же зять мой и жена его, Н., до условнаго срока, по своимъ какимъ-либо выгодамъ или прихотямъ, не доживутъ, то я, Т., не обязанъ выдѣлять никакой части, а равно исправлять его къ службѣ. При чемъ я, Т., и жена моя Е. не должны безъ причинъ чинить какія-либо нападки, притѣсненія зятю своему Щ. Послѣдніе изъ насъ, Щ. и моя жена Н., обязуемся быть въ повиновеніи вышесказаннаго десятилѣтній срокъ и ежели мы безъ причинъ не доживемъ до срока, то лишаемся опредѣленной намъ части и не должны производить искъ за имѣнія. Условіе сіе мы обязуемся сохранить свято и ненарушимо, въ томъ и подписуемся: Нижне-Курмоярской станицы казакъ Д. Ф. Т. собственноручно, казакъ И. Е. Щ., а по неграмотству его съ просьбы подписалъ урядникъ А. Б.; при заключеніи сего условія находился есаулъ В. К., урядникъ В. Х., урядникъ Е. Х.

II.

1871 г. Апрѣля 15 дня О. В. Д. Ярыженской станицы казаки: Н. К. и И. Г. учинили настоящее условіе въ нижеслѣдующемъ.

1.

Изъ насъ 1-й К. принимаетъ послѣдняго Г. къ себѣ на всегдашнее жительство съ женою его Г. съ тѣмъ, что приведенное Г.: лошадь, телушка 2-хъ лѣтъ, свинья съ поросенкомъ, пара гусей, одинъ станъ колесъ, и другая домашная рухлядь поступаетъ въ одно имущество имѣющееся у К.

2.

Проживя Г. у К. нѣсколько времени и пожелаетъ сойти отъ К. на отдѣльное жительство прежде смерти К., то онъ Г., кромѣ приведеннаго къ К. сиротскаго своего имущества, поясненнаго въ 1-мъ пунктѣ настоящаго условія, получаетъ отъ животныхъ, принадлежащихъ К. по одному приплодку; изъ строенія же и хлѣба Г. долженъ получить по обоюдной ихъ съ К. сдѣлкѣ.

3.

Если же Г. припокоитъ при старости *тестя* своего К. по смерть и жену К., то онъ Г., не считая свое приведенное имущество къ К., получаетъ равную часть съ наслѣдниками К.: сыномъ С. и зятемъ казакомъ Р.

п 4-е.

Условіе обязуемся хранить свято и ненарушимо, въ чемъ и подписуемся.

Положеніе зятя.

Вообще говоря въ зятья идутъ весьма неохотно, ибо положеніе „пріемыша въ зятья" („зятя принятаго") плохо, въ особенности въ семьѣ „большой". Въ зятья идутъ обыкновенно сироты или бѣдняки. Въ Луковской ст. мнѣ сообщали, что здѣсь просто «покупаютъ зятьевъ" изъ сыновей бѣдныхъ родителей. Если у тестя нѣтъ сыновей, то зять сплошь и рядомъ становится замѣсто сына: „хорошій зять больше тестя въ домѣ значитъ — тесть ему все хозяйство на руки сдастъ; онъ работаетъ, деньгу копитъ, а тесть радуется". Впрочемъ часто бываетъ, что, если послѣ пріема зятя въ домъ родится у тестя свой сынъ, то онъ „отсаживаетъ" зятя отъ себя, отдѣливъ ему часть имущества: это дѣлается для того, чтобы зять не притѣснялъ ребенка по смерти отца (тестя).

Хуже положеніе зятя — по словамъ казаковъ — когда принимаетъ его теща — вдова; она ему ни въ чемъ не довѣряетъ, страшно тѣснитъ его:—„сама ему и рубашку купитъ, и сапоги, а денегъ въ руки не дастъ ни гроша".

Въ большой семьѣ зять почти всегда въ загонѣ: на него взваливаютъ самую трудную работу, мало отличая его отъ простаго работника. Положеніе зятя характеризуется народомъ въ слѣдующихъ поговоркахъ:

„зятнина шуба всегда подъ лавкой“, „большое мѣсто зятя въ углу, гдѣ рогачи ставятъ“. Увидавъ собаку безъ хвоста, говорятъ: „должно быть въ зятьяхъ была, что хвостъ сбыла“ (Тим. l. c.). Наоборотъ и тестю съ тещей приходится не рѣдко натерпѣться всего отъ зятя, такъ какъ въ зятья часто идутъ плохіе люди. Вернувшись со службы, зять начинаетъ пить, „озарничать“, развратничать и причинять всѣмъ въ семьѣ непріятности. Не даромъ у казаковъ сложились и такія поговорки, какъ напр.: „не было черта въ домѣ, такъ зятя прими“; „съ сыномъ бранись — за печь держись, а съ зятемъ—за притолки хватайся“ (Дон. Газ. 1876 г., № 41) или такъ: „съ сыномъ дерись, то за пирогъ берись (т. е. отецъ возьметъ хлѣбъ, такъ сынъ, какъ бы золъ не былъ,— не отыметъ), а съ зятемъ дерися—за дворъ утекай“ (зап. въ Гниловск. ст.).

По смерти тестя зятя не рѣдко тѣснятъ дѣти покойнаго; такъ напр., если зять пріемышъ захочетъ женить сына своего, то шурья отказываются помогать ему, говоря: „твой сынъ—твой долгъ: справляй какъ хочешь“ (зап. въ Ярыженск. ст.). Впрочемъ если по смерти отца шурья не даютъ ничего, то зять можетъ требовать въ судѣ уплаты за года его работы въ семьѣ (въ Пятиизб. ст. напр. по 100 руб. въ годъ). Поэтому шурьямъ выгоднѣе подѣлиться съ нимъ „на любкахъ“.

Незаконнорожденные.

Что касается до н е з а к о н н о р о ж д е н н ы х ъ д ѣ т е й, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что таковыя нерѣдко приживаются казачками за время отсутствія мужей на службѣ. Слѣдующія названія употребительны у казаковъ для незаконнорожденныхъ: найденный, найдакъ, находный, подтынникъ, подкрапивникъ, приблудный, прибыльной, падалица, пріобрѣтенный, выблядокъ, безотецкій сынъ, безотцовскій сынъ, материнъ сынъ, отъ охотницы рожденный, выпоротокъ, материнъ выпоротокъ.

Если родила казачка во время полевой службы мужа, то послѣдній возвратившись воленъ признать его или не признать за своего. Въ первомъ случаѣ ребенокъ воспи-

тывается наравнѣ съ остальными дѣтьми и при раздѣлѣ получаетъ одинаковую съ ними часть; во второмъ случаѣ онъ отдается на вскормленіе чужимъ.

Положеніе ихъ въ семьѣ разное. Такъ въ Казанской ст. напр. дѣти, рожденныя до брака, составляютъ что-то отдѣльное въ отношеніи къ дѣтямъ законнорожденнымъ (Тим.). Въ Пятиизбянской ст. казаки мнѣ говорили, что незаконный сынъ законному приходится братомъ роднымъ; „если моя жена родила не отъ меня, то я считаю его все одно, что пасынка, потому что у насъ говорится: „чей бы бугай не прядалъ, а телокъ твой“. Въ Луганской ст. „незаконнорожденные въ обществѣ и особенно въ семьѣ матери находятся въ презрѣнномъ положеніи“ (Д. О. В. 1876 г., № 55). Въ семействѣ мужа матери незаконныхъ дѣтей при законныхъ они права на имущество не имѣютъ, а если законныхъ дѣтей нѣтъ, то чрезъ посредство матери незаконные получаютъ имѣніе ихъ по духовному завѣщанію. По смерти же ихъ воспитателей (къ которымъ ихъ обыкновенно отдаютъ) они признаются законными наслѣдниками, если въ боковыхъ линіяхъ умершихъ нѣтъ родственниковъ до 3-й степени (ibid.). Въ Чернышевской ст. сообщали, что въ однихъ семьяхъ ихъ „любятъ наравнѣ съ законными, а въ другихъ онѣ въ загонѣ, и по смерти матери братья могутъ ихъ задѣлить“; во избѣжаніи этого отецъ ихъ иногда усыновляетъ. Въ Малодѣльской ст. говорили, что законныя дѣти часто „тѣснятъ“ незаконныхъ и „ругаютъ выблядками, но при раздѣлѣ станичныхъ довольствій они получаютъ отъ общества равный пай“ и т. д.

Незаконнорожденные отчество получаютъ обыкновенно по отцу крестному, а прозвище по отцу ихъ матери, т. е. по дѣду (зап. въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ). Если родила дѣвушка, то ребенокъ остается либо у отца ея, либо она его беретъ съ собою при выходѣ замужъ. У раскольниковъ попы спрашиваютъ жениха передъ вѣнцомъ, обѣщаетъ ли онъ взять дѣтей невѣсты (если у

ней уже есть дѣти); если женихъ даетъ согласіе, то попъ записываетъ ихъ какъ дѣтей мужа.

„Бабы наши—сообщали казаки—никогда не изобличаютъ, съ кѣмъ прижили ребенка, а то его отца „нагнутъ“, чтобы онъ давалъ содержаніе“.

Нерѣдко незаконнорожденныхъ младенцевъ подкидываютъ, обыкновенно тѣмъ, у кого дѣтей нѣтъ, на кого можно расчитывать, что онъ приметъ его: „родильница положитъ около двери ребенка, бросить камешкомъ въ окно, а сама отойдетъ въ сторону и смотритъ — подняли ли младенца“. Разыскивать или догонять подкинувшую не въ обычаѣ.

Характеръ родственныхъ отношеній.

Взаимныя отношенія родственниковъ проявляются у казаковъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ радушномъ пріемѣ, почетномъ мѣстѣ во время гостьбы, участіи въ семейномъ совѣтѣ, непремѣнномъ присутствіи на свадьбѣ и т. п., наконецъ въ оказаніи матеріальной помощи въ случаѣ какого либо несчастія. Въ большіе праздники отдѣльно живущія дѣти посѣщаютъ родныхъ: отца и мать, старшихъ братьевъ и сестеръ, тестя, тещу. „Выходящій на службу казакъ, каждому родственнику кланяется три раза въ ноги и затѣмъ цѣлуются“. (Д. О. В. 1876 г., № 55). Болѣе всѣхъ изъ родственниковъ, говорили казаки: почитается „кто родилъ“—отецъ, мать; затѣмъ крестные родители. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорили, что дядю и тестя почитаютъ болѣе крестнаго отца. Старшій братъ и его жена (большая сноха) пользуются особымъ почетомъ въ большой семьѣ; затѣмъ тесть, теща и т. дал. Сказанное особенно ясно выступаетъ въ свадебныхъ празднествахъ: родные всѣ садятся по старшинству.

Но вообще точно опредѣленныя правила въ этомъ случаѣ указать трудно. Тутъ часто играютъ роль иныя соображенія: почитаютъ, „глядя по человѣку“ и по богатству. „Богатому прежде всѣхъ почетъ“: его сажаютъ въ красный уголъ, а всѣ остальные отодвигаются на задній планъ, напр. теща любитъ зятя богатаго (Д. га-

зета 1875 г., № 81); „мужъ жену любитъ здоровую, а братъ сестру богатую“ (Д. газета 1875, № 89)...

Въ старину особымъ почетомъ пользовались старшіе годами родственники, а также и вообще старшіе. „Молодые люди стыдились сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій старецъ могъ бы наказать юношу, не опасаясь гнѣва родителей“. (Корниловичъ l. c.). Точно также и молодыя женщины, на улицѣ увидавъ проходившаго мимо пожилаго казака, должны были встать не допустивъ его до себя за нѣсколько шаговъ, почтительно поклониться и садиться уже тогда, когда онъ удалится отъ нихъ (ibid). У верховцевъ (въ прежнее время по крайней мѣрѣ) „дома совершеннолѣтній сынъ часто не смѣлъ при гостяхъ сѣсть въ присутствіи отца безъ позволенія“ (Сенюткинъ „Донцы“ М. 1866 г., II, стр. 126).

Хотя нынѣ эти стародавніе обычаи теряютъ свою прежнюю силу и старики казаки не разъ жаловались мнѣ, что юнцы часто никакого почтенія ни къ старшимъ родственникамъ, ни къ старикамъ вообще не оказываютъ: въ однихъ съ ними кабакахъ гуляютъ и не стыдятся срамно ругаться въ ихъ присутствіи; тѣмъ не менѣе „добрый“ казакъ особенно въ верховыхъ станицахъ и нынѣ со старшими почтителенъ и скроменъ. Встрѣтивъ старика, онъ снимаетъ фуражку. Перейти дорогу старшему считается верхъ неприличія. Въ разговорѣ со старшимъ молодой казакъ долженъ избѣгать грубыхъ словъ.

Старца, даже не знакомаго, называютъ при обращеніи къ нему—„дѣдушкой“, людямъ постарше себя говорятъ „дядинька“, „тетенька“, старшій младшаго называетъ „сынкомъ“, а очень малаго—„внучкомъ“, равные говорятъ другъ другу—„братъ“ (въ шутку—„братуха“). „Любятъ казаки называться сватами и кумовьями, и часто лица называются сватами, когда между ними нѣтъ никакого родства“ (Д. газета 1875 г., № 81). Нѣтъ болѣе ласковаго слова для незнакомца, какъ назвать его „роднымъ“, „родненькимъ“ или „кровнымъ“. Въ казацкихъ пѣсняхъ говоритъ А. Савельевъ, „послѣ родимой ма-

тушки, родной братецъ принимаетъ всегда искреннее участіе въ судьбѣ добраго молодца. Очень часто въ нихъ изображается родственная братская любовь, доходящая до самоотверженія; братья дѣлятся и радостью, но больше того горемъ. Не даромъ молодецъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ односумамъ, однокашникамъ, всегда называетъ ихъ „братцы мои", „братцы", словами указывающими на духовное сродство по оружію, по жизни и по чувствамъ. Родственныя патріархальныя отношенія, какъ отличительная черта русскаго народнаго быта—проявляются съ большей силой въ казачьей жизни, гдѣ среди постоянныхъ тревогъ и битвъ чаще приходится доказывать ихъ на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что на Дону долгое время команды, отряды, полки формировались постанично, такъ что отецъ шелъ вмѣстѣ съ сыномъ, братъ съ братомъ, племянникъ съ дядей. Разсказываютъ же, что въ ополченіи 1812 г. престарѣлый патріархъ - дѣдъ выступалъ въ походъ съ многочисленнымъ потомствомъ сыновей и внуковъ". (Сбор. дон. народ. пѣс. С.-П. Б. 1866 г., стр. 26)...

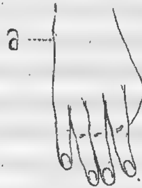
Родство, какъ и слѣдуетъ ожидать имѣетъ огромное вліяніе при заключеніи брачнаго союза. Вліяніе родства на бракъ.

Вообще говоря воззрѣнія казаковъ на этотъ предметъ чрезвычайно строги какъ между раскольниками, такъ и между православными. „Грѣшно родственникамъ промежъ себя невѣстъ сватать; есть у насъ примѣта, коли возмешь жену родственницу, то житья не будетъ: кто нибудь изъ обоихъ въ скорости помретъ, а если дѣти народятся, то будутъ либо безглазыя, либо безногія (запис. въ Черныш. ст.)". Родство кровное служитъ препятствіемъ къ браку до 7-й степени во всякомъ случаѣ, но неохотно вступаютъ и въ 8-й, а мѣстами и въ 9-й степени (послѣднее со словъ священника въ Маріинской ст.).

Способъ исчисленія родства среди казаковъ я встрѣтилъ слѣдующій. Казакъ раскольникъ въ Пятиизбянской ст., показавъ мнѣ кисть своей руки съ раздвинутыми въ стороны четырьмя пальцами и съ пригнутымъ Способъ исчисленія родства.

къ ладони пятымъ (большимъ), сказалъ: „это—однородіе“; каждый изъ пальцевъ означалъ мужчину или женщину, у коихъ былъ одинъ отецъ (братья—сестры). Затѣмъ онъ показалъ точно также кисть другой руки и, поднявъ ее въ воздухѣ **надъ** первой, сказалъ—„это другое родіе—двоюродіе“. Потомъ, отнявъ снизу первую руку, онъ поднялъ ее **надъ** второй сказавъ: „а это третье родіе“. Потомъ опять поднялъ надъ ней другую руку и сказалъ: „вотъ здѣсь сватать можно, но обѣгаютъ“, и, снова поднявъ указаннымъ способомъ руку, сказалъ наконецъ: „а тутъ вотъ сватай безъ опаски“. Вотъ рисунокъ.

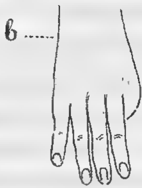
«Сватай, безъ опаски». д

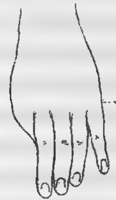

г «Сватать можно, но обѣгаютъ».

«Третье родіе». в

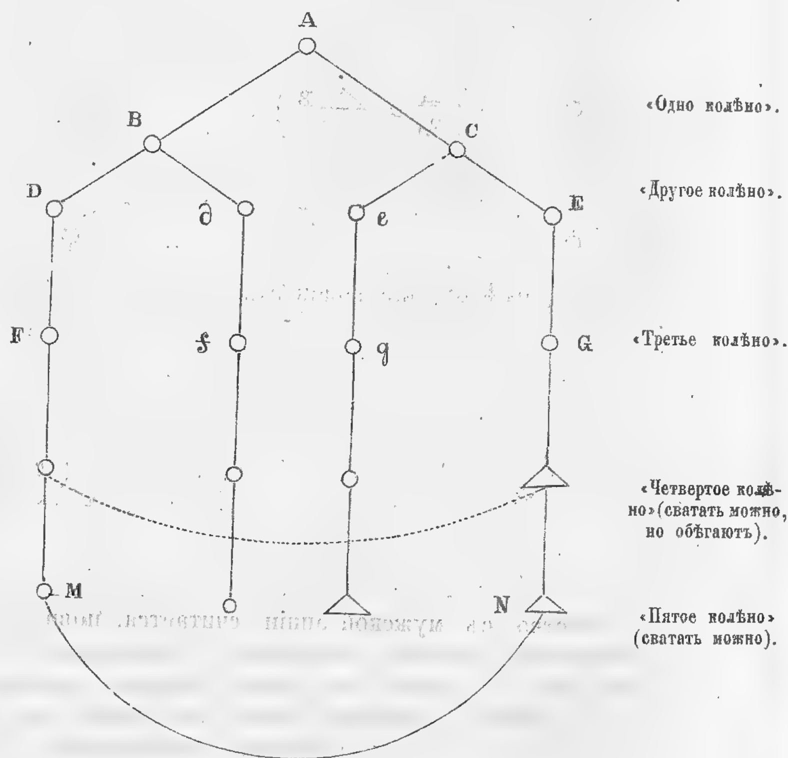
б «Другое родіе».

«Однородіе». а

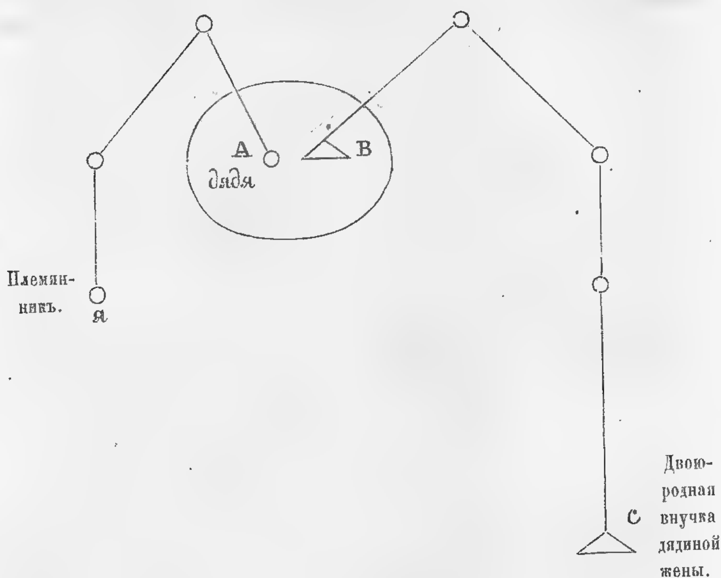

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ измѣреніемъ родства генераціями, числомъ рожденія отъ общаго родоначальника.

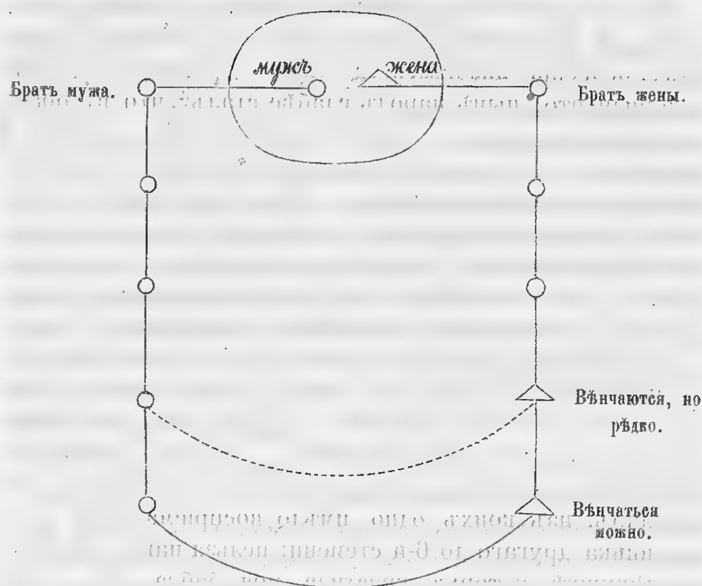
къ отдаленнѣйшему отъ него (А) изъ двухъ данныхъ нисходящихъ, а непосредствующими между данными лицами рожденіями: В. и С. = „одно колѣно“; это родные братья. D. d. и е. Е. = „другое колѣно“ — двоюродные братья F. f. и g. G. = „третье колѣно“ — „трехродные“ братья и т. д. „Какъ перевалишь на 5-е колѣно, то можно свататься, а далѣе 6-го колѣна и родней не почитаются: если я той женщинѣ, у которой сватаю дочь за своего сына, — трехродный дядя, то мой то сынъ ей уже нѣтъ никто, никакъ не приходится—значитъ, вѣнчать можно“.

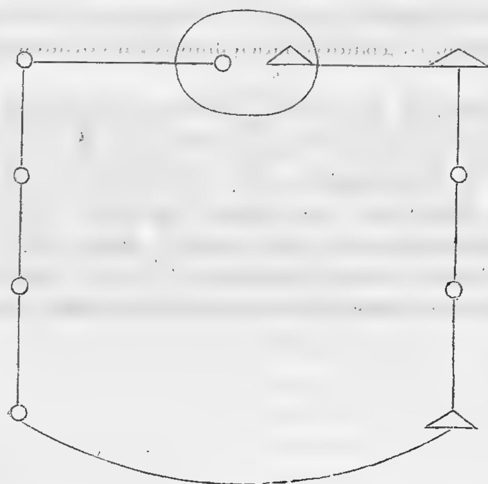
Правила относительно родства кровнаго переносятся и на свойство; такъ напр.: одинъ казакъ ст. Луковской разсказывалъ, что его бракъ не сразу допустили родственники, а многіе даже осуждали, потому что его родной дядя (A) женатъ на двоюродной бабкѣ (B) его невѣсты (C)—„потому что мужу—B доводится теткой по дядѣ, а женѣ—бабкой“.

Свойство съ мужской линіи считается, повидимому, (покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) препятствіемъ къ браку въ болѣе дальнихъ степеняхъ, чѣмъ свойство по женской линіи; такъ напр., въ мужскомъ поколѣніи оно считается препятствіемъ до 5-го „колѣна“.

Наоборотъ въ женскомъ поколѣніи—до 4-го „колѣна".

Но все только что сказанное не имѣетъ значенія обычаевъ, не признающихъ исключенія. Во многихъ станицахъ, особенно низовыхъ, гдѣ много торговаго люда, мнѣ говорили, что „нынѣ народъ слабѣе сталъ“, что въ бракъ не вступаютъ лишь до 4-й степени (sic) родства и свойства, т. е. согласно требованію нашихъ современныхъ церковныхъ законовъ. Часто поступаютъ такъ, „какъ укажетъ священникъ“, хотя сами священники толкуютъ каноническія правила не одинаково, а кто какъ умѣетъ (Тим.), особенно при опредѣленіи родства двоюроднаго и троюроднаго встрѣчаются затрудненія (Тим.).

Что касается родства духовнаго, то оно также считается препятствіемъ къ браку для самихъ воспріемниковъ между собой, для воспріемниковъ съ родителями крестника, для крестника съ воспріемниками, для лицъ, имѣвшихъ одного воспріемника и ихъ дѣтей до 4-го „колѣна“ или для лицъ, изъ коихъ одно имѣло воспріемникомъ родственника другаго до 6-й степени: нельзя напр. жениться на дѣвушкѣ, которую крестила моя бабка. Но и эти правила не вездѣ примѣняются столь строго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казачки говорили: „если моя мать моего жениха крестила, то идетъ къ священнику съ просьбой позволить обвѣнчать меня, а онъ только скажетъ: коли совѣсти нѣтъ, то дѣлайте какъ знаете, и согласится вѣнцы надѣть“.

Побратимство въ однихъ мѣстахъ считается препятствіемъ для брака между дѣтьми, но въ большинствѣ мѣстностей оно, кажется, не составляетъ этого препятствія. Въ Казанской ст. напр., названые братья, чтобы скрѣпить еще больше свою дружбу, даже стараются соединить своихъ дѣтей бракомъ (Тим.). Пріемыши не вступаютъ въ бракъ ни съ усыновителями, ни съ ихъ дѣтьми.

„Мужъ съ женой, жена съ мужемъ—совѣтъ благъ". Безъ жены, по мнѣнію бесѣдовавшихъ со мной казаковъ, нельзя вести хорошо хозяйство; кромѣ того, „безъ жены честно прожить нельзя: плоть то не сдержишь, а отъ грѣха надо дальше быть и жить по закону". Поэтому долго не женится изъ простыхъ казаковъ только „плохой": за кѣмъ грѣхи водятся (напр. воръ или конокрадъ) почему за него никто и не хочетъ идти. Тогда онъ отправляется обыкновенно на службу, остепенится и, вернувшись домой, находитъ себѣ невѣсту (запис. въ Ярыженской ст. и др.). Въ дѣвушкахъ остаются лишь уроды или тѣ, которыя „сами себя потеряли" (впрочемъ и такія не рѣдко выходятъ за вдовцовъ) или же—давшія обѣтъ безбрачія (рѣдко). Воззрѣнія на бракъ.

Хотя свобода половаго общенія внѣ брака и осуждается казаками, но „бываетъ грѣхъ", „потому что народъ слабъ". Въ былое время народъ проще былъ: тогда на Ивановъ день дѣвушки и молодые казаки (во многихъ станицахъ) вмѣстѣ купались, а нынѣ это вовсе вывелось, „потому казакъ—не хохолъ: тотъ и спитъ съ дѣвкой да до грѣха не доводитъ, а казакъ нѣшто стерпитъ"... Зимой бываютъ во многихъ (особенно въ верховыхъ) станицахъ „сидѣлушки", но старшіе зорко слѣдятъ за поведеніемъ молодежи и лишь только замѣтятъ что-нибудь подозрительное — перестаютъ пускать своихъ дочерей на эти собранія *). Какъ переживаніе старинныхъ обычаевъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Въ окрестностяхъ Луганской ст. съ Троицына дня дѣвушки шьютъ куклу Маринку, потихоньку отъ всѣхъ. Потомъ идутъ съ молодыми казаками въ лѣсъ и вѣшаютъ Маринку на дерево. Всѣ начинаютъ пѣть и плясать. Въ это время нужно ухитриться украсть Маринку. Кого поймаютъ при кражѣ—сильно бьютъ. При этомъ увесе- Общеніе внѣ брака.

*) На сколько распространено сказанное въ средѣ донскихъ казаковъ утверждать не берусь.

леніи бываетъ и свобода половаго общенія. Теперь этотъ обычай строго воспрещается стариками, но, не смотря на это, молодежь не перестаетъ изъ году въ годъ соблюдать его. Нынѣ это однако дѣлается тайно, такъ что даже не всѣ знаютъ, гдѣ будетъ происходить сборище (сообщено Вл. Петр. Юшнѣвскимъ).

Значеніе судьбы въ брачныхъ дѣлахъ.

Всякому заранѣе опредѣлено судьбой, на комъ женатымъ быть. „Когда родится ребенокъ, ангелъ летитъ къ Богу: Господи, говоритъ, давай долю—младенецъ родится. Господь и даетъ долю. Кому какая доля достанется, такъ все и сбудется; и кому на комъ жениться какъ показано, такъ и будетъ: хоть вы за тридевять земель будете—ничего: сыщете другъ друга". (запис. въ ст. Чернышев.).

Вѣроятно поэтому иногда выборъ невѣсты предоставляется на волю судьбы. Если женихъ ни къ одной изъ извѣстныхъ ему дѣвушекъ особеннаго сердечнаго влеченія не чувствуетъ, а родители желаютъ, чтобы онъ вступилъ въ бракъ, то съ общаго семейнаго совѣта пишутъ имена всѣхъ невѣстъ, имѣющихся на примѣтѣ, на отдѣльные ярлычки, которые кладутъ затѣмъ подъ образа на ночь. По утру встаетъ женихъ, умоется, помолится Богу и вынимаетъ одинъ изъ ярлычковъ: „чье имя вышло, ту и сватаютъ" (со словъ Ив. Гр. Горина въ Пятиизбянск. ст.).

Возрастъ.

Казаки склонны къ раннимъ бракамъ, особенно въ верховыхъ станицахъ и въ средѣ раскольниковъ. Одна изъ побудительныхъ причинъ къ этому есть желаніе получить возможно скорѣе въ домъ работницу, ибо мужу приходится скоро справляться на службу. „Сидѣнки отсидѣлъ, разсуждаютъ казаки, вотъ и женихъ. Оно и лучше: бабенкѣ помощь, да и самъ меньше будя повѣсничать. А то, не ровенъ часъ, скоро очередь достанется, на кого же бросить домъ, хозяйство? И по службѣ то онъ будя поисправнѣе—нѣтъ, нѣтъ, да и вспомнитъ свою молодайку и прибережетъ деньги хоть ей на наряды (День 1862 г., № 28). Доводомъ за ранніе браки приводятъ еще слѣдую-

щее: въ писаніи сказано, если мало лѣтъ, но въ тѣлѣ, то и отдавай замужъ (Донск. газ. 1874 г., № 35). Даже православные казаки сознавались, что еслибъ священники стали вѣнчать, то и они стали бы женить своихъ сыновей раньше. Да и теперь они нерѣдко стараются обходить церковные законы и часто имъ удается задарить священника и „выгадать мѣсяца три". Весьма ранніе браки особенно часто бывали въ прежнее время. Вотъ, что мнѣ разсказывала казачка - раскольница въ Пятиизбянской ст.: „бывало, какъ минетъ мальчику 11 лѣтъ, ему и говорятъ—вотъ ты уже женихъ. И онъ начинаетъ съ этихъ поръ женихаться: подпояшется красивымъ поясомъ, смажетъ лицо жиромъ, чтобы кожа мягче была и ликъ свѣтлѣе, расчешется, шапку на бокъ надѣнетъ и ходитъ гоголемъ. Тутъ прежде всего на ростъ смотрѣли: если женихъ и молодъ да рослый, то скоро невѣсту ему подберутъ". Ранніе браки.

Женили лѣтъ 12, 14, 15, при чемъ невѣста бывала многими годами старше. „Случалось, что жена коровъ доитъ, а ребенокъ—мужъ подлѣ нее заснетъ. Подоитъ коровъ она, возметъ его на руки, да и снесетъ его въ курень: въ одной рукѣ у нея ведро съ молокомъ, а въ другой мужъ. А то, бывало, ведетъ жена мужа за руку, а онъ бѣжитъ за ней въ припрыжку и носъ утираетъ. А когда мужъ выростетъ, то жена уже старухой станетъ; тогда онъ живетъ либо съ невѣсткой, либо съ сосѣдкой (запис. въ Черныш. ст.).

На хуторѣ Караичевомъ одинъ казакъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: „когда выходила замужъ моя бабка, ей было 18 лѣтъ, а жениху, т. е. моему дѣду, 14 лѣтъ. На сговорѣ онъ къ ней въ первый разъ пріѣхалъ, и привезъ съ собой въ гостинецъ чулки и бабки, а она ему подарила кисетъ, который сама вышила. Сначала они посидѣли вмѣстѣ со стариками, а потомъ пошли играть въ бабки. Потомъ ихъ обвѣнчали, накормили и положили на кровать, а одинъ изъ родныхъ залѣзъ подъ кровать слушать, что они разговаривать станутъ".

Другой казакъ въ Верхнекурмоярской ст. разсказывалъ слѣдующее: „у насъ вотъ какіе случаи бывали... Это было еще тогда, когда я присягу не принималъ, а принялъ я присягу въ 1827 г. Была у насъ въ станицѣ дѣвушка лѣтъ 15, а то и старше—дюже изъ себя красивая,—ну такъ красива, что всѣ заглядывались: генералья и полковники пріѣзжали свататься за нее, а она качаетъ бывало труднаго ребенка, да и говоритъ: вынянчаю—замужъ за него пойду, а то ни за кого не пойду. И вѣдь пошла же за него—дождалась. Вотъ какъ бывало". Вотъ еще разсказъ, изъ прежнихъ временъ. „Въ наше время женили дѣтьми; меня самого женили на 14-омъ году, то же и старухѣ моей было лѣтъ 12 или 13. Я выросъ въ К. ст., а въ эту присталъ въ зятья къ покойному эсаулу Левонтинову. Такъ ужъ Богъ привелъ; если бы батюшка былъ живъ, то никогда бы этого не случилось... Мы жили достаточно, но въ одну зиму случился падежъ; скотина у насъ вся позаболѣла на ноги. Мы остались безъ хлѣба и безъ скотины. Тутъ скоро батюшка умеръ и матушка осталась съ нами шестерыми. Тесть служилъ съ батюшкой въ одномъ полку; узнавши, что онъ умеръ, и случайно увидѣвши меня, онъ наказалъ черезъ людей матушкѣ не согласится ли она отдать меня къ нему въ зятья. Матушка, услышавши объ этомъ, рада была безъ памяти. Прибравши время, она запрягла воловъ, насильно посадила меня на возъ и повезла. Я все пручался и хотѣлъ соскочить съ воза. За это она нѣсколько разъ выдрала меня за волосы, отчего я долго плакалъ; потомъ заснулъ подъ полетью и проспалъ всю дорогу. Когда она меня привезла, то ввела въ домъ и посадила на лавку; а сама стала разговаривать съ хозяевами. Я глянулъ на кровать и увидѣлъ: на кровати сидитъ невѣста. Она была одѣта въ синюю шубку, на подобіе кубилека, края которой и подолъ были оторочены штофомъ. На головѣ у ней была кичка съ маленькими рожками, а на ногахъ козловые сапоги. Когда я на нее глянулъ, то она въ

это время тоже глядѣла на меня прямо и быстро. Матушка долго говорила съ тестемъ и съ тещей, пили они и водку. О чемъ у нихъ шла рѣчь я ничего не понялъ. Когда они кончили, то матушка посадила меня на возъ и уѣхала домой. Зимой опять матушка, попросивши съ собой двухъ своихъ сестеръ и племянника, только что пришедшаго со службы, повезла меня туда же. Когда мы пріѣхали, то на этотъ разъ тамъ уже много было гостей. Насъ съ невѣстою убрали и повели вѣнчать. Невѣста была въ томъ же нарядѣ, въ какомъ я ее видѣлъ въ первый разъ; только сверху была надѣта шуба, крытая нанкой. На меня же надѣли желтый станичный зипунъ. Тогда всѣхъ вѣнчали въ одномъ зипунѣ, такъ онъ и висѣлъ въ станичномъ правленіи; какъ кого вѣнчать, то его берутъ и надѣваютъ, а перевѣнчавши, опять снимаютъ и вѣшаютъ. Для меня зипунъ былъ длиненъ и широкъ; почему полы мнѣ подтыкали, а рукава подобрали такъ, что складки были на самыхъ локтяхъ. Когда насъ перевѣнчали и вели домой въ вѣнцахъ, то у меня пола и ототкнись, а я на нее и сталъ наступать ногами, и чуть не падалъ. Тетушка покойница и кинься на ходу подтыкать мнѣ полу; я почему то пришелъ отъ этого въ гнѣвъ и махнулъ рукою; рукавъ опустился и сталъ до самой земли, такъ что я не могъ и руки поднять. Тутъ ужъ видятъ, что дѣло плохо, остановили насъ, и обступивши кругомъ и убравши меня какъ слѣдуетъ, потомъ ужъ продолжали путь. Привели насъ домой, и поднялась гульба... („Карт. изъ народ. жизни дон. каз.“. М. 1871 г. стр. 35).

Нерѣдко родители засватывали своихъ дѣтей еще въ младенчествѣ (Свиньинъ „Картины Россіи“. СПБ. 1839 г. стр. 253; Сѣв. Пчела, 1831 г. № 258). Браки у старообрядцевъ, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей быта, заключаются иногда и при слѣдующихъ условіяхъ: остается сирота дѣвочка лѣтъ 8; ее берутъ въ семью и обрекаютъ уже за парня лѣтъ 15, а послѣ она дѣлается его женой. Наоборотъ случается и такъ, что къ маль-

чику лѣтъ 13 мать ищетъ работницу, а свекоръ сноху. (Донс. Газ. 1874 г. № 35).

И понынѣ этотъ обычай раннихъ браковъ не вывелся у казаковъ (преимущественно у раскольниковъ). Брачущіеся и нынѣ бываютъ дѣти отъ 15 лѣтъ: „я самъ, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей мѣстнаго быта, видѣлъ четырнадцатилѣтнюю мать — это фактъ". (Донск. газета l. с.). А мнѣ показывали въ Чернышевской ст. казака хуторянина, который за годъ передъ тѣмъ женилъ сына 14 лѣтъ на 20-лѣтней дѣвушкѣ. Не такъ давно, согласно разсказамъ казаковъ, на хуторѣ Поповѣ былъ случай, что женили казака 12 лѣтъ на 20-ти лѣтней женщинѣ. „Она сначала на него и вниманія не обращала, а когда ему пришло время на службу выходить, у него оказалось уже пять человѣкъ дѣтей". Въ другомъ мѣстѣ въ станичный судъ явились мужъ 14 лѣтъ и жена 15 лѣтъ, три года какъ обвѣнчанные. Отецъ отъ имени мужа жаловался, что жена ушла и не живетъ съ нимъ. Жена отвѣчала, что мужъ ее бьетъ и показывала все лицо ободранное ногтями. Мужъ плакалъ говоря: „не надо мнѣ ея: она дюже дерется". А свекоръ настаивалъ, чтобы она жила, а въ противномъ случаѣ заплатила бы свадебныя издержки. Станичный судъ не сталъ входить въ разбирательство дѣла, убѣдившись, что супруги еще дѣти, которыя разсказывали, что попъ отказался ихъ вѣнчать, и что послѣ этого ихъ перевѣнчалъ „дѣдушка". (Д. газ. 1874 г. № 35).

Браки, заключаемые въ болѣе позднемъ возрастѣ.

Что касается до станицъ низовыхъ, то здѣсь, вообще говоря, въ бракъ вступаютъ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Впрочемъ и здѣсь чаще женятся тотчасъ послѣ присяги, такъ напр. въ ст. Нижнекурмоярской (если ее причислить къ низовымъ), „изъ ста казаковъ одинъ лишь женится послѣ службы". Въ Старочеркасской ст. мнѣ говорили, что въ окрестныхъ мѣстахъ сравнительно рѣдко женятся 19—20 лѣтъ, а больше 25—28—30 и даже 35 лѣтъ. Въ ст. Гниловской, лежащей въ самомъ низовьѣ Дона, жители которой мало занимаются хлѣбопашествомъ,

утверждали также, что „женить рано здѣсь моды нѣтъ", и что многіе казаки до 25—26—30 лѣтъ холосты. Точно также и въ Новониколаевской ст., согласно сообщенію г. Донецкаго, „всѣ старожилы женятся въ немолодыхъ уже лѣтахъ—обыкновенно въ 30-хъ годахъ жизни". (Д. О. В. 1875 г. № 17). На возрастъ, въ которомъ казаки вступаютъ въ бракъ, оказываетъ вліяніе и степень экономическаго благосостоянія родителей. Богатые не торопятся выдавать дочерей: „пускай молъ еще погуляетъ, а наработаться то еще успѣетъ".

Вліяніе родителей при заключеніи браковъ у казаковъ часто бываетъ огромное, рѣшающее участь сына или дочери, не справляясь съ ихъ собственными желаніями. Вліяніе родителей на бракъ.

Г. Ознобишинъ утверждаетъ, что безъусловный семейный деспотизмъ среди казаковъ есть одно изъ послѣдствій усиленнаго прилива на Донъ „московскаго элемента", подъ вліяніемъ коего и подверглись измѣненіямъ обряды и обычаи прежнихъ донцовъ, „постепенно сливавшихся съ московцами". Доказательство этого онъ видитъ въ слѣдующей пѣснѣ, записанной имъ въ Цимлянской ст.:

Сполать молодцу,
Да сполать сыну отецкому!
Онъ нашелъ себѣ лебедушку,
Лебедушку бѣлую, Марьюшку.
Онъ привелъ ее къ своему отцу—матери:
Ты, родимый батенька, родимая матушка,
Люба ли вамъ моя невѣста?
„Ты, чадо наше, чадушко,
„Чадо, дитя милое,
„*Тебѣ люба, а намъ вдвое хороша:*
„*Тебѣ съ нею вѣкъ вѣковать,*
„*А намъ съ нею часъ часовать.* (Д. О. В. 1875 г., № 10).

Утвержденіе г. Ознобишина, быть можетъ, справедливо вполнѣ лишь относительно того времени, когда семейныя связи въ средѣ донскихъ казаковъ не окрѣпли еще; но оно врядъ ли можетъ быть принято за безу-

словно вѣрное касательно времени позднѣйшаго, когда семейный бытъ д. казаковъ вполнѣ сложился и окрѣпъ. Дѣло въ томъ, что всѣ болѣе ранніе изъ изслѣдователей казацкаго быта—Корниловичъ, Кирсановъ, Свиньинъ, Терещенко *) утверждаютъ, что „въ старину рѣдкій донецъ женился по собтвенному выбору: большею частью родители назначали ему невѣсту. Воля ваша, говорилъ сынъ и клалъ поклонъ въ ноги" (Корн. с. 299); „браки совершались всегда и безпрекословно по выбору родителей" (Свин.); „сынъ, время тебѣ жениться, говорилъ отецъ, мы съ матерью выбрали тебѣ невѣсту" (Терещ.).

Даже свобода отношеній между молодыми людьми разныхъ половъ была, по разсказамъ писателей, стѣснена до крайности: „жизнь женщинъ и дѣвицъ была замкнута. „Не гляди въ глаза мужчинѣ — Богъ счастья не дастъ" (Корн.). Мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ на гуляньѣ, на свадьбахъ или на крыльцѣ. Дѣвицѣ до самаго ея замужества не удавалось сказать трехъ словъ постороннему мужчинѣ" (Терещ. с. 606). Съ наступленіемъ 13 лѣтъ воля дѣвушки ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. По буднямъ дѣвушки сидѣли на крыльцахъ, занимаясь шитьемъ и прочей женской работой, и убѣгали каждый разъ, когда показывался на улицѣ молодой мужчина. По праздникамъ онѣ выводились въ церковь къ утренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ. Писать ихъ не учили нарочно, „чтобы не переписывались съ мужчинами" (Корн. с. 252). Впрочемъ эти правила были, вѣроятно, въ обычаѣ только въ старшинскихъ и болѣе зажиточныхъ семьяхъ, бытъ которыхъ уже утрачивалъ свою первоначальную простоту.

Два начала.

Что же касается до отношенія родителей къ бракамъ дѣтей, то, какъ мнѣ кажется, будетъ вѣроятнѣе предпо-

---

*) Корниловичъ „Русская старина" С. П. Б. 1824 г.; Кирсановъ „Старин. свадеб. обр. Д. каз." Сѣв. Пчела 1831 г., № 258; Свиньинъ „Карт. Рос. С. П. Б. 1839 г."; Терещенко „Бытъ рус. народа" С. П. Б. 1848 г., ч. II.

ложить, что и въ старину подобно тому, какъ и нынѣ у казаковъ рядомъ существовали оба начала—какъ предоставленіе свободы выбора самимъ брачущимся, такъ и полное подчиненіе брачущихся выбору, сдѣланному ихъ родителями.

Такъ въ донскихъ областныхъ газетахъ, современныхъ намъ, сообщаются факты другъ другу совершенно противорѣчащіе и тѣмъ не менѣе существующіе рядомъ другъ съ другомъ. Напр. г. Антоновъ пишетъ изъ Каменской ст., что свадьбы нынѣшнихъ казаковъ (хуторянъ) начинаются на уличныхъ увеселеніяхъ. Молодой казакъ лѣтъ 19—20 высматриваетъ дѣвицу, которая пришлась бы ему по сердцу и, предварительно переговоривъ съ нею и заручившись согласіемъ, онъ объявляетъ своимъ родителямъ, которые, не находя препятствія, засылаютъ сваху (Д. О. В. 1875 г., № 84). То же сообщается и изъ другихъ мѣстъ (Д. О. В. 1875 г. № 100): почти на каждой улицѣ станицы собираются дѣвичьи „курагоды", гдѣ дѣвушки водятъ „танки" и поютъ пѣсни. Выбравши себѣ „въ совѣсть" дѣвушку, казакъ отзываетъ ее отъ курагода въ сторону и „начинаетъ вести съ ней разныя бесѣды о свадьбахъ, о сговорахъ, подушкахъ и т. д." Познакомившись съ дѣвушкой, казакъ заручается ея согласіемъ на бракъ, а потомъ уже объявляетъ объ этомъ своимъ родителямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ ст. Митякинской, въ воскресенье около 20 октября съѣзжаются по старинному обычаю прихожане цѣлыми семействами и вывозятъ жениховъ и невѣстъ—по мѣстному выраженію—„на точокъ". По выходѣ изъ церкви, дѣвушки скучиваются въ одномъ мѣстѣ на площади, а около нихъ составляется кругъ жениховъ; выборъ дѣлается издали. Затѣмъ женихъ указываетъ своимъ родителямъ на выбранную невѣсту, а послѣ этого начинается обычное сватовство (Д. О. В. 1874 г., № 87).

Наоборотъ г. Романовъ напр. сообщаетъ, что выборъ невѣсты и жениха принадлежитъ волѣ родителей, и „сынъ

непремѣнно обязанъ взять въ жены ту дѣвушку, которую назначаютъ ему его родители, хотя бы она не только не нравилась сыну, но и была бы даже нетерпима имъ... Иногда просто на просто, чтобы показать свою родительскую власть, дочь заставляютъ выдти за того, за кого отдаютъ отецъ и мать: „дитя мое—и воля моя, за кого хочу, за того отдамъ; она еще молода, ничего не понимаетъ“; или „онъ еще молодъ и глупъ: поживутъ — привыкнутъ, стерпятся—слюбятся“. Или же вотъ какъ, напр., по словамъ того же г. Романова, казакъ распоряжается судьбою сына: „Старикъ, посовѣтовавшись со старухой, не говоря сыну ни слова, отправляется къ сосѣду, у котораго дочь невѣста и сватаетъ ее за своего кровнаго Гришку. Предложеніе принято, и въ знакъ будущаго родства родители немножко подпили; сынъ же ничего не знаетъ. Наконецъ родители возвращаются домой; мать лѣзетъ на печку поразмять свои охмелѣвшіе члены, а отецъ между тѣмъ подзываетъ сына и говоритъ: знаешь што, Гришутка?—Што, батюшка?—Мы съ матерью усватали за тебя у Сидорыча Хавронью. — Хавронью, испуганно вскрикиваетъ сынъ?!.. Да она мнѣ што то не нравится.—Што-о?! не нравится!... Слѣдуетъ брань. Сынъ соглашается наконецъ. То то, смотри у меня, заканчиваетъ отецъ: я отецъ и воля моя, а не то смотри: я шутить не люблю“. (Д. О. В. 1874 г., №№ 7, 9).

У старообрядцевъ Донскаго округа такъ же „въ рѣдкомъ случаѣ женихъ или невѣста являются лицами самостоятельными; это изъ тысячи одинъ случай, потому что право главы семейства надъ остальными членами слишкомъ сильно: дитя мое—и воля моя, что хочу, то и дѣлаю“. (Д. газ. 1874 г., № 35). То же, по словамъ г. Реброва, и у старообрядцевъ Старочеркасской ст. (Д. газ. 1875 г., № 30). У казаковъ Донскаго округа, по словамъ г. Сонина, нерѣдко случается, что сынъ находится въ походѣ, а родители, не желая упустить работящую дѣвку, сватаютъ безъ вѣдома сына и приготовляютъ все къ свадьбѣ. Сынъ возвращается; отецъ и мать объяв-

ляютъ ему свое рѣшеніе; онъ кланяется, благодаритъ, говоря при этомъ: „лишь бы для васъ была хороша, а для меня будетъ“. (Моск. Вѣстн. 1860 г., №№ 11—28).

Наконецъ и мнѣ лично казаки въ однихъ мѣстахъ говорили, что выборъ жениха и невѣсты зависитъ отъ родителей, въ другихъ же, наоборотъ, утверждали, что родители исполняютъ желаніе дѣтей: отецъ говоритъ сыну— „ты, молъ, гляди хорошенько—жена не лапоть—съ ноги не снимешь. Въ бесѣдахъ со мной казаки обыкновенно проводили грань между прежнимъ и нынѣшнимъ временемъ: „нынѣ, говорили они, послабѣе стало—у родителей меньше власти и дѣти слушаться перестали. Прежде старики не спрашивали молодыхъ, а женили по собственному усмотрѣнію, нынѣ же все болѣе стали справляться съ желаніемъ дѣтей“ (зап. въ Верхнекурм. ст. и др.). Бываетъ и такъ: казакъ тайно переговоритъ съ дѣвушкой: казакъ скажетъ—я хочу тебя замужъ взять, пойдешь ли ты за меня. Коли она согласится, казакъ проситъ родителей своихъ посватать; старикъ скажетъ только: „что-жъ отъ чужаго стола не стыдно повернуть, пойду попытаюсь“, и пойдетъ сватать. Бываетъ и такъ, что казакъ, не спросясь сына, самъ сватаетъ ему невѣсту (зап. въ Пятиизб. ст.). Прежде женивали, не спросясь самихъ дѣтей. Сыну, бывало, невѣста хотя и не пришлась въ совѣсть, да онъ боится сказать объ этомъ попу передъ вѣнчаніемъ потому, что дружко му шепчетъ: „говори попу, что охотой берешь, а то три года неженатъ проходишь—за отказъ ото всѣхъ покоръ будетъ и невѣсты станутъ обѣгать, другой не скоро сыщешь—будутъ говорить, что этакъ, молъ, онъ и меня осрамитъ, какъ ту осрамилъ“. Нынѣ народъ не тотъ сталъ: сынъ то отца нынѣ не дюже сталъ слушаться, да и старики сами видятъ, что коли сына женишь противъ его желанія, то счастья отъ того мало бываетъ (зап. въ Ярыж. ст.). „Нынѣ, говорили казаки въ Чернышевской ст., и жениха то невѣстѣ берутъ такого, который любъ ей, потому нынѣ народъ сталъ очень бой-

кій: сраму, того гляди, надѣлаетъ. Можетъ случиться, что дѣвка то кого нибудь на сторонѣ полюбила, да послѣ свадьбы дня черезъ три и уйдетъ: тутъ у бабъ одна оговорка бываетъ—свекоръ, молъ, лѣзетъ съ приставаніями, а свекоръ то еще и не въ чемъ не виновенъ. Вотъ оно какъ нынѣ пошло!..“

Въ вопросѣ о вліяніи родителей на бракъ у казаковъ можно, какъ мнѣ кажется, отмѣтить слѣдующія черты: власть родительская, повидимому, проявляется сильнѣе въ бракахъ малолѣтнихъ, чѣмъ въ бракахъ, заключаемыхъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; сильнѣе по отношенію къ дочерямъ, чѣмъ по отношенію къ сыновьямъ; сильнѣе въ сѣверныхъ округахъ, чѣмъ въ низовыхъ станицахъ; сильнѣе среди старообрядцевъ, чѣмъ у православныхъ. Вообще же вліяніе родителей за послѣднее время начинаетъ, повидимому, слабѣть.

Браки противъ воли родителей.

Браки противъ воли родителей, уходомъ, по словамъ казаковъ, случаются, но рѣдко: „выправятъ метрику да въ другой церкви и обвѣнчаются“; родители отказываютъ дать справу, сердятся и не пускаютъ въ хату, но потомъ прощаютъ. Такіе браки бываютъ въ случаѣ несогласія родителей или, если женихъ и невѣста „неровня“, или, если отецъ закорѣнѣлый раскольникъ и не желаетъ выдать дочь за православнаго. Иногда дѣвушка, по словамъ казаковъ, не рѣшается на бракъ уходомъ; тогда женихъ, подговоривъ товарищей, увозитъ ее съ ихъ помощью силой. Но все это, сколько мнѣ извѣстно, происходитъ очень рѣдко.

Согласіе на бракъ дяди или брата старшаго въ большой семьѣ мало имѣетъ значенія. То же слѣдуетъ сказать и о вотчимѣ и мачихѣ. Падчерица обыкновенно справляется на имущество, оставшееся послѣ роднаго отца или матери или же при помощи родственниковъ. Пасынокъ часто уходитъ въ зятья. Согласіе опекуна тоже имѣетъ мало значенія. Согласіе пріемнаго отца имѣетъ значеніе, по словамъ казаковъ, такое же, какъ и роднаго.

Откуда берутъ невѣсту.

У казаковъ нѣтъ обычая брать невѣсту непремѣнно изъ своей станицы: „берутъ тамъ, гдѣ дѣло сойдется“.

Но такъ какъ станицы и хутора весьма многолюдны, то обыкновенно каждый казакъ находитъ себѣ невѣсту въ предѣлахъ роднаго селенья или въ предѣлахъ юрта. Часто если казакъ не находитъ себѣ дѣвушки по сердцу „на своемъ кутку“ (на краю или улицѣ), то идетъ на игрище „варгунку“ и тамъ присматривается къ дѣвушкамъ (Д. О. В. 1875 г., № 100). Не находя у себя дома невѣсты, казаки отправляются искать въ другой хуторъ и даже въ чужую станицу. Однако во многихъ мѣстностяхъ казаки утверждали, что „кто по чужимъ станицамъ поѣхалъ, значитъ, плохой человѣкъ: коли у себя невѣсты не нашелъ, значитъ, порокъ на немъ“.

Браки съ крестьянами.

Согласно разсказамъ казаковъ, еще не такъ давно казакъ за безчестье считалъ взять за себя русскую (т. е. иногороднюю) или хохлушку: „все больше на казачкахъ женились и лишь въ крайнемъ случаѣ, за неимѣніемъ невѣсты—народу на Дону тогда мало было—сватали хохлушекъ, а нынѣ все смѣшалось—и русскую берутъ, и за русскаго отдаютъ; оно бы и теперь не слѣдовало, потому что мужику съ казакомъ не равняться стать“. Крестьянинъ за честь считаетъ, если казакъ за его дочь сватается. Иногда этимъ злоупотребляютъ казаки пьяницы: женившись на крестьянской дочери и ушедши на службу, они безцеремонно тревожатъ тестя о высылкѣ денегъ (сообщ. г. Шумковымъ).

Браки съ инородцами.

За „цыгана полеваго“, говорили казаки: казачка никогда не пойдетъ замужъ, и на цыганкѣ казакъ не женится: „объ цыганахъ со смѣхомъ всѣ говорятъ“. Но изрѣдка бываютъ и съ цыганами браки, если они долго живутъ при станицѣ и обрусѣютъ (зап. въ ст. Малодѣльск.).

Браки казаковъ съ калмыками (крещеными) случаются (зап. на Караич. хуторѣ). Браки эти бывали еще изстари: объ этомъ свидѣтельствуетъ и Самуилъ Георгъ

Гмелинъ, путешествовавшій по Россіи въ 1768—1769 гг. (С. Г. Гм. „Пут. по Рос.“ Спб. 1806 г., ч. I, с. 260).

Браки между православными и раскольниками.

Браки православныхъ съ раскольниками также бываютъ. Въ этомъ случаѣ или дѣвка переходитъ въ расколъ, или же она вѣнчается по православному обряду, а мужъ остается въ расколѣ. „Есть у насъ семьи, говорили казаки, гдѣ бабка, мужъ, жена и пріѣзжій гость сидятъ вмѣстѣ, а ѣдятъ изъ разныхъ чашекъ, ибо принадлежатъ къ разнымъ толкамъ“. Раскольники нерѣдко пользуются бракомъ какъ средствомъ для совращенія православныхъ въ свою секту. „Отправляясь въ предѣлы сосѣднихъ губерній и выдавая себя тамъ за лицъ православнаго вѣроисповѣданія, они сватаютъ дѣвицъ по большей части сиротъ или бѣдныхъ родителей съ условіемъ совершить бракъ и пиръ на свой счетъ; родные невѣсты, не повѣривъ родословію жениха, убѣждаются, по наслышкѣ, о зажиточности послѣдняго; обманъ обнаруживается впослѣдствіи, но возвращеніе дѣвицы дѣлается уже невозможнымъ для родителей; дѣвица же изъ страха за будущее умалчиваетъ объ ошибкѣ, а потомъ и сама переходитъ въ расколъ“ (Моск. Вѣд. 1883 г., № 146).

Качества жениха и невѣсты.

Что касается качествъ, которыя требуются отъ жениха и невѣсты, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что родители относятся равнодушно къ тому, по любви ли ихъ дѣти вступаютъ въ бракъ: „они только выбираютъ, чтобы невѣста была справная, работящая, и смирная, да притомъ такая, за которой просятъ поменьше кладки“ (О. О. В. 1874 г., № 9). „Иная красива съ виду—и лицо то бѣлое, и походка ровная, и сама пріятная, да совсѣмъ таки дура—что съ ней станешь дѣлать? Намъ надо умную, работящую, здоровую; корову выбирай по рогамъ, а дѣвку по грудямъ“. Въ одной красотѣ то толку мало: иной разъ невѣста—море, да жить то съ ней горе:—ткать и прясть не можетъ, а это у насъ и послѣдній человѣкъ умѣетъ (зап. въ Ярыж. ст.). Бываетъ изъ себя то королева, да неопрятная, дѣтей не умѣетъ одѣть“.

(зап. въ ст. Гниловской). Кромѣ того, смотрятъ, чтобы невѣста была хорошей семьи, богатая. Сплошь и рядомъ, сватая за сына, „отецъ и объ себѣ думаетъ" (намекъ на снохачество). Тѣ же качества требуются и отъ жениха: умъ, богатство, „чтобы онъ былъ умнаго отца—матери"; обращаютъ вниманіе и на внѣшній видъ: „иной какъ дворянинъ хорошъ". Женятся и выходятъ замужъ обыкновенно за „ровню": „по себѣ дерево рубить надо".

Очередь.

Какъ при женитьбѣ сыновей, такъ и при выдачѣ замужъ дочерей—сообщали мнѣ казаки въ однихъ мѣстахъ—соблюдаютъ чередъ: младшаго неохотно „доводятъ до дѣла" ранѣе старшаго, а „женятъ по годамъ". Впрочемъ очередь не соблюдается, если присватался человѣкъ богатый „черезъ старшую дочь за меньшую". Но въ другихъ мѣстностяхъ мнѣ говорили такъ: „въ этомъ дѣлѣ у насъ все равно что торговля: какой конь въ табунѣ покажется, тотъ и торгуютъ; такъ и при сватовствѣ—отцу все равно, которую дочь выдавать".

Свадебные обряды.

Всѣ казацкіе обряды и обычаи, находящіеся въ связи со свадьбой, чрезвычайно разнообразятся по мѣстностямъ, напоминая то великорусскія, то малороссійскія обыкновенія. „Часто случается, говоритъ А. Савельевъ, что великорусская пѣсня поется съ оттѣнками малорусскаго выговора и наоборотъ малорусскій свадебный обрядъ обставленъ подробностями, вынесенными изъ великорусской жизни". (l. c. p., 65). Сверхъ того и сама казацкая жизнь наложила на свадебные обряды своеобразный отпечатокъ. Такъ характерное видоизмѣненіе одного свадебнаго обряда приводится А. Савельевымъ: „невѣста—товаръ, а женихъ—купецъ у насъ, говоритъ онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ варіируется такъ: невѣста—крѣпость, а женихъ—войско, которое должно приступомъ взять крѣпость (ibid).

Время свадебъ.

Свадьбы у казаковъ играются обыкновенно въ теченіи осенняго и зимняго мясоѣда—въ наиболѣе свободное отъ полевыхъ работъ время. Играются свадьбы и весной, на „красной горкѣ". Свадьбы сопровождаются

большими пиршествами и влекутъ за собой крупные расходы. „Поднялась вся станица и заревѣла ревомъ, разсказывалъ одинъ казакъ про свою свадьбу: двѣ недѣли были всѣ какъ одурѣлые, такъ что во всей станицѣ скотина было подохла съ голоду, потому что некому было дать ей кормъ: всѣ, и старый, и малый, были на нашей свадьбѣ" (Кар. изъ нар. ж. д. к. стр., 36). Казаки часто говорили мнѣ, что у нихъ двѣ заботы: „первая забота—справить сына на службу, а другая забота—довести сына до дѣла. Дочь, говорили они, не въ примѣръ легче выдать замужъ: „дочь что?! Коли у тебя нечѣмъ ее справить, то и сватъ поможетъ; дѣвушку всякій съ охотой возьметъ — плохо справлена, зато работница. Не то сына женить: тутъ хоть все имѣніе продавай—и кладку надо дать, и родню угостить, и попу заплатить... Свадьба сорочку найдетъ: все до послѣдней сорочки придется вынуть—хоть въ работники послѣ нанимайся, а свадьбу справь".

Семейный совѣтъ.

Сватовству предшествуетъ „родственный совѣтъ", на которомъ рѣшаютъ вопросъ, какую дѣвушку сватать за подросшаго сына. На этомъ совѣтѣ принимаютъ участіе всѣ ближайшіе родственники и крестные родители жениха. Главная же роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ матери: „мать здѣсь—большой человѣкъ".

Позволяю себѣ привести здѣсь любопытный разсказъ очевидца, присутствовавшаго на подобномъ совѣтѣ въ Донецкомъ округѣ.

„Когда мы вошли въ избу, разсказываетъ г. Сонинъ, всѣ намъ чинно поклонились. Меня посадили подъ святыя иконы на почетное мѣсто. Всѣ гости усѣлись по мѣстамъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Наконецъ хозяинъ—отецъ парня жениха, встаетъ съ своего мѣста и обращается ко всѣмъ и проситъ ласково благаго совѣта, у кого бы сватать за сына. Одни отвѣчаютъ: „Богъ его знаетъ, у кого дѣвки хорошія", а другіе: „вы родители и должны больше знать". На этомъ разговоръ прекращается и у всѣхъ, какъ будто по командѣ, головы

опустились внизъ. Посреди этого молчанія парни стараются придумать и сказать красное словцо для увеселенія молчаливой публики. Иванъ Парамонычъ (отецъ жениха) вторично заводитъ рѣчь:

— Ну что сидѣть! что думать?... ну ка старуха поднеси намъ по чаркѣ, да по паркѣ, а тамъ опять, да понять! Авось наши головушки повеселѣютъ... А затѣмъ жениха позвать, можетъ у него есть хорошая невѣста...

— Эхъ! родные мои—отозвалась старуха мать—да что его звать! мужу жена будетъ хороша, да мнѣ то грѣшной матери каковъ почетъ будетъ?

— Не бойся, старуха! А я то на что? у меня то изъ рукъ не вырвется!—отвѣчаетъ мужъ.

Позвали жениха.

Войдя въ хату, онъ перекрестился, потомъ поклонился гостямъ, которые отвѣчали ему тѣмъ-же.

— Ну, милое дитятко, обратился отецъ къ сыну, вотъ и добрые люди пришли къ намъ на совѣтъ, у кого будемъ за тебя сватать...

— У кого знаешь, батюшка. Я изъ вашей воли не выхожу.

— Да что мы—то мы! да и ты приложи своего ума разума.

Женихъ назвалъ было дѣвку, но мать была противъ и предложила другую. На всѣ доводы матери 19-ти лѣтній сынъ отвѣчалъ, кланяясь:

— Воля ваша, матушка: я изъ вашей воли не выхожу, чтобы послѣ не упрекали меня, что не по мысли невѣстку взялъ.

Этимъ совѣщаніе и окончилось. (Моск. Вѣстникъ 1860 г. № 11).

Послѣ семейнаго совѣта начинается „с в а т а н і е“.

Смотрины.

Иногда, прежде чѣмъ засылать сватовъ, производится „с м о т р ъ“ н е в ѣ с т ы, потому что, „не видавши товару, не торгуй“. Въ старину женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками отправлялся (обыкновенно ве-

черомъ) въ домъ невѣсты. Здѣсь они заводили рѣчь о дочери хозяина, хвалили ея красоту, умъ и просили чтобы она имъ поднесла по чаркѣ вина (Терещ. II с. 606). „По зову матери невѣста являлась одѣтая по домашнему, держа въ рукахъ подносъ съ кубками вина, и, разнесши кубки, отходила къ сторонѣ, смиренно ожидая, пока гости выпьютъ. Гости съ умысломъ медлили пить, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невѣсту и между тѣмъ хвалили вино и подносчицу. Принявъ кубки, она удалялась; вслѣдъ за нею и гости, которые не переставали хвалить дочь и оканчивали: Богъ дастъ, она полюбитъ и насъ. Хотя не объявляли прямо о намѣреніи жениха, но самый приходъ его уже объяснялъ все". (Корнил. I. с. р. 299; Терещ. I. с. р. 607). Нынѣ также бываютъ смотрины (глядѣнки). Вотъ что разсказывали мнѣ старики въ ст. Пятиизбянской: „Сперва смотрины. Жениховъ отецъ приходитъ къ невѣстину отцу съ братомъ, съ женой и съ сыномъ женихомъ. Сына оставятъ въ сѣняхъ, а сами войдутъ. Отецъ предлагаетъ своего сына въ женихи дочери хозяина. Потомъ жениха вводятъ въ горницу. Невѣстинъ отецъ желаетъ узнать, какъ онъ умѣетъ говорить: смышленъ ли онъ. Онъ спрашиваетъ.

— Что ты за человѣкъ?

— Я есть охотничекъ.

— За какимъ же звѣремъ ты охотишься?

— Да за лисицами, за куницами и за красными дѣвицами.

— А какъ же ты думаешь ловить ихъ?

— Да какъ Господь присудитъ. Иной разъ я бѣгу за лисицей, а она заскакиваетъ въ нору, я ее тѣмъ случаемъ хочу закурить, да боюсь, что отъ огня сгоритъ, а согласенъ я ее вылить водою—вотъ она и цѣла будетъ, лисица то, красная дѣвица то?

— Какъ же ты согласенъ сейчасъ то изловить лисицу—красную дѣвицу?

— Я согласенъ ее вылить водой („это, значитъ, онъ на водку намекаетъ").

— Ну,—скажетъ невѣстинъ отецъ—выливать, такъ выливай, пополнѣе наливай, да намъ давай.

„Тогда жениховъ отецъ наливаетъ, а невѣстинъ отецъ выпиваетъ, заливаетъ свои ясныя очи, сдѣлается веселъ и простъ и прикажетъ вывести невѣсту. Женихъ смотритъ на невѣсту и она на него—оба стоя. Потомъ женихъ вынимаетъ гривенникъ или пятiалтынный и отдаетъ это невѣстѣ, говоря: „ну вотъ я за приходъ твой на смотрины прошу принять отъ меня подарочекъ“. Потомъ невѣсту уводятъ, и за стѣной спрашиваютъ, понравился ли женихъ. И жениха выводятъ и спрашиваютъ: „ну какъ—показалась ли тебѣ невѣста“. Потомъ уже начинаютъ сватать“.

Иногда отецъ, намѣтивъ для сына невѣсту, посылаетъ его одного посмотрѣть, нравится ли она ему. Прiйдя въ домъ невѣстинъ, молодой казакъ ведетъ такого рода рѣчь, что тамъ сейчасъ смекнутъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Вотъ какъ напр. одинъ казакъ училъ сына: „ты, говоритъ, Иванъ, поѣзжай погляди невѣсту, которую я хочу за тебя сватать. Поѣзжай на З. и спроси, гдѣ живетъ казакъ Титъ Ремизовъ, а когда къ нему прiѣдешь, вызови его и скажи: я ищу коровы, не приблудилась ли къ вамъ? у насъ пропала! Онъ сейчасъ же пойметъ, что это штука“. (Карт. изъ нар. ж. д. к. с. 15).

Сватанье.

Сватанье производится обыкновенно либо при посредствѣ свахи, либо при помощи сватовъ, посылаемыхъ родителями жениха въ домъ невѣсты. Сваты обыкновенно приходятъ вечеромъ: „все хищно сватаютъ, чтобы въ случаѣ отказа передъ людьми не было стыдно“. О цѣли прихода сначала говорятъ обыкновенно обиняками, намеками: „мы люди чужестранные, прiѣхали изъ дальней стороны... Проѣхали три царства, четыре государства, ѣхали куда путь лежитъ, куда звѣрь бѣжитъ, куда птица летитъ... А ѣдучи мимо вашего двора, мы недуманно, негаданно увидали слѣдъ не то куницы, не то красной дѣвицы... А эта исторiя ужъ съ нами была и у турецкаго султана, и у персидскаго шаха, и у шведскаго ко-

роля“ (кар. изъ ж. д. к.)... Но иногда прямо переходятъ къ дѣлу безъ всякихъ обрядовыхъ разговоровъ. Отказъ стараются дать въ формѣ возможно вѣжливой, а иногда также иносказательно. „Отказъ жениху не безчестье, говорили казаки въ Верхнекурмоярской ст.: женихъ, что старецъ (т. е. нищій): въ одинъ домъ пришелъ, не удалось, въ другой пошелъ; а вотъ невѣста— домосѣдка: сиди дома да жди жениха“.

Въ старину, согласно разсказамъ Корниловича и Терещенки, сватанье происходило такъ: чрезъ нѣсколько дней послѣ смотра посылались со стороны жениха сваты (одинъ или два). Выбирали людей опытныхъ, „которые могли насчитать до сотни соединенныхъ паръ“. Дурной выборъ сватовъ ставили жениху въ укоризну и единственно потому отказывали ему. Объясняться же самимъ родителямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣтей почиталась неприличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: „Кузьмичъ и Акулиновна хотятъ вступить съ вами въ родство“ и т. д. потомъ осыпали похвалами жениха и его семью. Въ случаѣ отказа сватамъ отвѣчали благодарностью за доброе мнѣніе о дочери, но отговаривались, что не могутъ выдать ее по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы. Въ случаѣ согласія невѣстинъ отецъ просилъ дать ему время посовѣтоваться съ родней и назначалъ день, въ который сватамъ надлежало придти за отвѣтомъ. Выходя изъ комнаты, сваты старались непремѣнно прикоснуться рукою къ печи, приговаривая: „какъ эта печь не сходитъ со своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста“. Искуснѣйшіе въ сватовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, толкуя, что онѣ помогаютъ успѣху. Въ назначенный день, по утру, являлись тѣ же сваты, вынимали изъ-за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на столъ, говоря хозяевамъ: „отецъ и мать такого-то кланяются и просятъ принять хлѣбъ-соль“. Хозяева вмѣсто отвѣта, цѣловали гостинецъ. Сваты въ знакъ согласія требовали руки: „дай Богъ въ добрый часъ, го-

ворилъ отецъ, осѣнялъ себя крестомъ и, обернувъ полою своего платья руку, подавалъ сватамъ. Мать клала земные поклоны и, повторяя, „въ добрый часъ", подавала свою руку. Это называлось „взять руку". Подать или взять руку, не завернувъ ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключеніе невѣста подносила по стакану меду сватамъ, которые и поздравляли ее съ женихомъ (Корн. с. 303; Тер. с. 607).

Нынѣ обыкновенно сначала засылаютъ сваху и узнаютъ, согласны ли родители невѣсты выдать ее. Если отвѣтъ получится утвердительный, то уже сами жениховы родители вмѣстѣ съ женихомъ отправляются въ невѣстинъ домъ съ хлѣбомъ-солью оффиціально сватать.

Такъ въ средѣ старообрядцевъ Старочеркасской ст., по словамъ г. Реброва, со стороны жениха приглашается женщина лѣтъ подъ сорокъ, а иногда и болѣе. Называется она сваха-сходатая. Пришедши въ домъ невѣсты, сваха говоритъ: „у меня есть парень купецъ, собой бравый молодецъ", и при этомъ начинаетъ хвалить его. Если предложеніе принято, то на другой день мать жениха, вмѣстѣ съ нимъ и со свахой, несутъ въ домъ невѣсты хлѣбъ-соль. Вошедъ въ хату, они молятся; затѣмъ ихъ приглашаютъ садиться и угощаютъ, то отецъ невѣсты, то мать, то прочая родня невѣстина. Затѣмъ кто нибудь изъ родственниковъ спрашиваетъ: „откуда вы, милые гости, откуда ѣдете, куда и зачѣмъ держите путь." Гости объявляютъ причину прихода. Затѣмъ женихъ отводится въ другую комнату, невѣста также. Потомъ выводятъ изъ одной комнаты невѣсту, а изъ другой жениха и ставятъ посреди комнаты другъ возлѣ друга. Всѣ поднимаются съ мѣста и, обратясь лицомъ къ святымъ иконамъ, творятъ молитву и кладутъ по три поклона. На руку жениха кладутъ платокъ, на который кладетъ руку невѣста, на руку которой также кладется платокъ. Сверхъ этого платка мать невѣсты кладетъ руку, на которую

кладется еще нѣсколько рукъ и слѣдуютъ пожеланія „всѣмъ добра, никому зла“. Затѣмъ жениха поздравляютъ съ невѣстой, а невѣсту съ женихомъ (Д. газ. 1875 г., № 30). Въ другихъ мѣстахъ, по словамъ А. Савельева,— „сваха, знающая до мелочей весь свадебный чинъ и порядокъ, въ сопровожденіи жениха и его родственниковъ, является въ домъ невѣсты, гдѣ уже предупреждены на счетъ сватовства, поэтому всѣ родичи въ сборѣ. Полурастворивши дверь, сваха спрашиваетъ: ходятъ ли грѣшные въ рай? На это отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ: ходятъ и носятъ, моя родная, (т. е. носятъ угощеніе); тогда сваха переступаетъ черезъ порогъ въ горницу со словами: несемъ, несемъ—ужъ нечего дѣлать; за нею входятъ всѣ сопровождавшіе ее родственники жениха, за исключеніемъ самого жениха, который еще нѣкоторое время остается на крыльцѣ. Поздоровавшись, всѣ усаживаются, но сватовство еще не начинается, потому что поджидаютъ кого то изъ родственниковъ. „Мы видимъ, говорятъ родные невѣсты, что вы не съ добромъ пришли къ намъ; у насъ на этотъ разъ войско не въ сборѣ, то милости просимъ обождать, не начинать войны“. Потомъ пойдутъ безконечные толки о лезервѣ, антилеріи. Наконецъ приходятъ ожидаемые родичи, и все смолкаетъ. Сторона жениха отходитъ къ порогу, изъ средины ея выступаетъ сваха и начинаетъ свою рѣчь: мои родные, всѣ предсѣдящіе! вотъ за какимъ дѣломъ мы пришли къ вамъ по такой годинѣ: у васъ есть товаръ хорошій, а у насъ купецъ славный!

— Да пошли только купца хорошова, отвѣчаютъ со стороны невѣсты, а то, слова нѣтъ, продать надо. Толпа отхлынула отъ дверей, вошелъ малолѣтокъ, въ красномъ, какъ маковъ цвѣтъ, кафтанѣ, и сталъ на вытяжку посрединѣ комнаты. „Вотъ вамъ купецъ и молодецъ, мои родные и всѣ гости предсѣдящіе. Милости просимъ посмотрѣть, да и намъ свой товаръ показать“.—„Посмотримъ, посмотримъ, не слѣпой ли онъ? говоритъ одна изъ родственницъ невѣсты, присвѣчивая къ лицу жениха.

„Нѣтъ онъ кубыть не слѣпой“. „Да не хромой ли онъ?“ Женихъ прошелся два раза по горницѣ: хорошъ, хорошъ нечего сказать, говоритъ сторона жениха, теперь позвольте вашъ товаръ посмотрѣть. Изъ сосѣдней комнаты выходитъ невѣста и, ставши посрединѣ, стыдливо опускаетъ глаза. Голова ея убрана по низовски, въ одну косу, шелковый кубелекъ безъ складокъ плотно обхватываетъ ея станъ; на груди онъ застегнутъ бисерными пуговками, серебряный поясъ слишкомъ высоко опоясываетъ ея талію. Послѣ публично заявленнаго согласія жениха и невѣсты на бракъ, ихъ ставятъ рядомъ и, помолившись Богу, благословляютъ хлѣбомъ-солью. „Дай же, Богъ, намъ слышанное видѣть, желанное получить“, приговариваютъ родители невѣсты. Потомъ идетъ круговая чара; ее подносятъ женихъ и невѣста всѣмъ присутствующимъ, по старшинству, и принимаютъ отъ нихъ поздравленія и пожеланія согласной супружеской жизни, счастья и богатства. По окончаніи этого обряда невѣста съ женихомъ выходятъ въ другую горницу и садятся рядомъ на сундукъ, а подруги невѣсты поютъ:

Сѣръ заюшка, горностай молодой!
Почто тебя въ чистомъ полѣ нѣтъ?
Аль у тебя идѣ привадушка есть?
Привадушка—камышъ травушка,
Прилучушка—бѣлая ластушка.
Она меня привадила къ себѣ,
Она меня въ камышъ траву зазвала,
Она меня сѣрымъ зайцемъ назвала.—
Молоденькій, Алеша Ивановичъ?
По что тебя долго съ вечера нѣтъ!
Аль у тебя гдѣ привадушка есть?
Привадушка у меня—тестевъ дворъ,
Прилучушка—душа Танюшка,
Она меня привадила къ себѣ,
Она меня къ себѣ въ гости зазвала,
Она меня милымъ другомъ назвала.

(l. c. p. 66).

Но въ иныхъ мѣстахъ, какъ сказано, вмѣсто свахи назначаются сваты (старосты)—двое и болѣе, которыхъ женихова сторона шлетъ къ невѣстиной. Среди этихъ сватовъ находится и самъ отецъ жениха, т. н. головатый староста. Вотъ что напр. сообщаетъ г. Сонинъ изъ Донецкаго округа. По окончаніи родственнаго совѣта сваты стали собираться въ дорогу: сначала всѣ сѣли по мѣстамъ, потомъ снова встали, помолились, выпили по чаркѣ, „чтобы не хромать и не заикаться" и вышли наконецъ изъ хаты, стараясь не наступить на порогъ и не толкнуться о притолку (худая примѣта). „Подошедши къ избѣ, мы, разсказываетъ г. Сонинъ, проговорили три раза: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ. Намъ отвѣчали изъ хаты: „аминь" и отворили двери. Мы поблагодарили за аминь.

— Что вы за люди, и куда васъ Богъ несетъ, спросила у насъ хозяйка!

— Мы, матушка, охотники; нашли лисій слѣдъ, который довелъ насъ до вашей хаты, почему и просимъ поискать у васъ.

— Милости просимъ.

Вошедши въ хату, мы сѣли по мѣстамъ.

— Ну, что скажутъ люди добрые? за чѣмъ добрымъ пожаловали? спросила хозяйка.

— Да вотъ что, хозяюшка: мы наслышали, что у васъ есть дорогой товаръ — красная дѣвушка, а у насъ купецъ - добрый молодецъ.

— Милости просимъ, дорогіе гости! лишь бы люди добрые, отчего же не такъ. Ужъ намъ этотъ товаръ не задерживать у себя...

— Надо позвать дочь, да спросить согласія и могарыча запить. На долго откладывать нечего!

— Зачѣмъ бы и спрашивать: она у меня покорная, какъ скажу, такъ и будетъ, отвѣчала хозяйка.

Позвали невѣсту, которая отвѣчала: „воля ваша: я изъ вашей воли не выхожу".

Поставили жениха и невѣсту въ рядъ, осмотрѣли со

свѣчей: не кривой ли кто, или не слѣпой, и всѣ въ одинъ голосъ крикнули, что они другъ друга стоятъ.

Затѣмъ предложили имъ три раза поцѣловаться; но стыдливая дѣвушка до тѣхъ поръ сопротивлялась, пока сидѣвшіе за столомъ не догадались потушить свѣчу. Какъ только потухла свѣча, женихъ и невѣста бросились другъ другу въ объятія; поцѣлуи раздавались по хатѣ... Пока опять вздули огонь и зажгли свѣчу, времени прошло не менѣе часа. Пользуясь темнотой, молодцы позволяли себѣ зазрительныя шутки: женщины часто отталкивали руки своихъ сосѣдей, били по рукамъ. Иные перешептывались любовно.

Зажгли свѣчу. Всѣ усѣлись по мѣстамъ. На первомъ мѣстѣ сѣлъ головатый староста.

— Дай же намъ Господи, любезные сваты, что задумали загадали благополучно окончить. Дай Господи, любезныя сватеньки, начатое дѣло кончить, — говоритъ онъ, потомъ выпиваетъ чарку водки. (Моск. Вѣстн. 1860 г. XI).

Итакъ обыкновенно „сватаніе" и такъ называемое „рукобитіе", или „заруеніе", или „своды", или „запой" происходятъ въ одно и то же время: сватаніе заканчивается рукобитіемъ.

Главное значеніе рукобитья заключается въ торжественномъ постановленіи условія, подъ которымъ долженъ быть совершенъ предстоящій бракъ. Это происходитъ такъ: Жениховъ отецъ спрашиваетъ невѣстина отца: „ну такъ что жъ—быть твоей дочери за моимъ сыномъ?" А тотъ отвѣчаетъ: „согласенъ, только клади на столъ столько то". Жениховъ отецъ проситъ уступить. Съ этого начинается торгъ о кладкѣ, о подаркахъ съ обѣихъ сторонъ, объ угощеніи, причемъ всѣ издержки той или другой стороны высчитываются точно и до мелочей; тутъ же полагается „зарядъ на случай отказа которой нибудь изъ сторонъ. Торгъ сплошь и рядомъ переходитъ въ долгій и бурный споръ. Главными дѣйствующими лицами являются при этомъ родители брачущихся или род- Рукобитье.

Предбрачныя условія.

ственники ихъ. Больше всего говоритъ обыкновенно мать, которая до мелочей знаетъ все необходимое для хозяйства и для домашняго обихода: „отцамъ толковать скоро надоѣдаетъ—они только и думаютъ какъ бы скорѣе выпивку устроить, а мать много въ этомъ дѣлѣ понимаетъ". Иногда дѣятельное участіе въ спорѣ принимаютъ и женихъ съ невѣстой, вотъ что напр. разсказывалъ мнѣ урядникъ Катeльниковъ въ Верхнекурмоярской ст. „Я былъ на заручeніи въ Нагавской ст.; ну здѣсь совсѣмъ торговля была: невѣсту покупали. Я вошелъ вмѣстѣ со сватьями и женихомъ въ курень. Говоримъ: невѣста, молъ, понравилась жениху; что хотите на пропой и сколько на кладку? „Да рублей, говорятъ, 15 на пропой, да 100 руб. на кладку. А казакъ—женихъ-то—былъ бѣдный, во время службы всего и накопилъ то только 150 р. Нѣтъ, говоритъ (женихъ то), я не согласенъ: это очень дорого; хотите 10 р. на пропой? Отецъ съ матерью крикнули въ другую горницу: „эй, Саша! слышишь: вотъ даютъ 10 р. на пропой. А она вышла да и говоритъ: „нѣтъ, говоритъ, я за 10 р. не хочу—пусть даетъ 15 р.". Ушла и стала за дверью. Долго мы толковали. Невѣста все изъ за двери кричала: не хочу, молъ, дешево. Порѣшили такъ: разбить пятокъ то пополамъ, т. е. всего за пропой заплатить двѣнадцать рублей съ полтиной. Послѣ этого стали договариваться о кладкѣ. Тутъ невѣста не вытерпѣла: сама вышла, стала у двери и пошла торговаться. Ну наконецъ сладились кое какъ. Невѣста то замолчала, а тутъ вдругъ заговорила мать: „а я то, говоритъ, что жъ... дайте и мнѣ на платье". Жениховы то и говорятъ ей: да что вы—вѣдь эдакъ и отецъ запроситъ. А отецъ: „а то нѣтъ, говоритъ,—и мнѣ на кафтанъ!" А дочь (невѣста то) тоже стала опять рядиться за отца и за мать. Говорили, говорили мы съ ними,—ну нечего дѣлать: нужно было дать и на платье, и на кафтанъ. Я и говорю невѣстѣ то: какъ тебѣ, говорю, не стыдно—вѣдь ты сама себя при добрыхъ людяхъ продаешь, сама себѣ цѣну назначаешь. А она

мнѣ: „да мнѣ, говоритъ, совѣстно передъ подругами". Да вѣдь ты, говорю, у своего же мужа выжимаешь, вѣдь тебѣ же съ нимъ то придется жить... Итакъ порѣшили наконецъ: невѣстину отцу всего отдать 50 р. на кладку, да 12 р. 50 к. за пропой; кромѣ того, женихъ долженъ устроить обѣдъ послѣ вѣнчанія, а больше ему ужъ не тратиться. Ну вотъ пришла свадьба, повѣнчали, пообѣдали; невѣстина родня все сидитъ. Былъ и каравай— все сидятъ невѣстины то. Ну дружко подходитъ къ нимъ да и говоритъ: ну, говоритъ, гости честные,—пили, ѣли, молодыхъ видали; теперь вы свое отпили, отъѣли—можете домой отправляться. „Какъ такъ?"—Да такъ: вѣдь уговоръ то былъ, чтобы, кромѣ обѣда, женихъ-то ничего вамъ не ставилъ, а вы пообѣдали, да еще поужинать хотите!.. Ступайте-ка; здѣсь только женихова родня останется.—Они туда сюда, жмутся. Дружко и говоритъ: можете оставаться, коли воротите половину изъ кладки, (т. е. 25 руб.). Ну и воротили. Тогда всѣ вмѣстѣ пировать стали".

Предбрачныя условія бываютъ обыкновенно словесныя; письменныхъ записей видѣть мнѣ не довелось. Когда стороны наконецъ договорятся, то невѣстины родители спрашиваютъ: „ну какъ же—пристаете ко всему этому, сватушка — добрый человѣкъ?"—Пристаемъ.—„Ну значитъ мы—сваты, а вы (указывая на своихъ женъ)—свашки" Или же это дѣлаютъ такъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ женихова отца или самого жениха: „ну даешь все, что обѣщалъ?"—Даю.—При этомъ женихъ кладетъ руку на хлѣбъ. На женихову (или женихова отца) руку кладетъ свою отецъ невѣстинъ, а за ними вся родня. Затѣмъ одинъ изъ присутствующихъ „разнимаетъ" руки отчего и называется разымщикомъ. Впослѣдствіи, въ случаѣ ссоры, разымщикъ является свидѣтелемъ на станичномъ судѣ (зап. въ Ярыженской ст.). Въ Донецкомъ округѣ также на хлѣбъ кладутъ руки, „такъ что составляется пирамида изъ рукъ": это служитъ вмѣсто подписи свидѣтелей. (Сонинъ, l. c.).

Своды жениха и невѣсты.

Послѣ заключенія этого договора „сводятъ“ посреди горницы жениха съ невѣстой. Наливаютъ двѣ рюмки вина. Женихъ подноситъ вино невѣстѣ, а она два раза отказывается, въ третій же принимаетъ рюмку и, отпивъ немного, ставитъ обратно на подносъ, а жениху даритъ небольшой подарокъ. Потомъ невѣста подноситъ жениху, который тоже до трехъ разъ отказывается между тѣмъ какъ родственники говорятъ: „видно невѣста не хорошо проситъ“. Наконецъ въ третій разъ невѣста громко проситъ жениха откушать вина. Тогда родственники говорятъ: „хорошо, хорошо—молодецъ дѣвушка“, а женихъ принимаетъ вино и, выпивъ его, даритъ невѣстѣ подарокъ (обыковенно штиблеты или шаль). Послѣ этого сваты говорятъ имъ: „ну, теперь поцѣлуйтесь, потому что вы свои теперь.“ Потомъ невѣста подноситъ вино своему будущему свекру. Онъ отвѣдываетъ его и говоритъ: „что то не сладко“; женихъ и невѣста цѣлуются. Жениховъ отецъ говоритъ: „ахъ пересытили!“ Они снова цѣлуются. Жениховъ отецъ опять говоритъ: „ахъ, пересытили поставьте на порѣ“, и они въ третій разъ цѣлуются; тогда отецъ жениховъ крестится и даетъ подарокъ невѣстѣ. Послѣ этого вино несутъ матери жениха и всѣмъ его родственникамъ, а затѣмъ женихъ разноситъ вино всѣмъ родственникамъ невѣсты. Всѣ пьютъ и желаютъ „совершить начатое дѣло“ (зап. въ Пятиизбянской ст.). Въ другихъ мѣстахъ женихъ съ невѣстой сначала обносятъ виномъ гостей, а потомъ уже сами пьютъ и цѣлуются (Сѣв. Пчела 1831 г., № 258). Въ это время поютъ:

1. У насъ нынѣ незнакомый
Побывалъ: (2).
Всю ноченьку у порожка
Простоялъ (2)....
Дуняшеньку цѣловалъ,
Миловалъ, (2).
Къ ретивому бѣлы груди
Больно жалъ (2)....

2. Вы, лютые крещенскіе морозы,
Сморозили сѣраго волка въ камышахъ,
Ознобили Ваничку на конѣ,
Ознобили Иваныча на добрѣ,
Дуняшенька ожидала на крыльцѣ, *)
Выносила кунью шубу на плечѣ,
Одѣвала (обогрѣла) Ваничку на конѣ, **)
Обогрѣла Иваныча на добрѣ....
3. Ты заюшка, ты заюшка,
Горностаюшка, и т. д. (это поется для жениха)
4. Перепелушка, рябыя перушки; и т. д. (это поется для невѣсты).

Выборы дружка, свахи и пр.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сейчасъ же послѣ состоявшагося предбрачнаго договора выбираютъ дружка говоря: „выберемъ дружка — пусть онъ будетъ хозяиномъ на нашемъ пиру". Выбираютъ кого-нибудь изъ женатыхъ родственниковъ кто порасторопнѣй да повеселѣй, „языкомъ твердъ". Въ прежнее время да и теперь во многихъ мѣстностяхъ выбираютъ знахаря. „Вѣдуны (=„дружко"), говоритъ Кирсановъ, избирались изъ славнѣйшихъ и опытныхъ еретиковъ, но болѣе всего старались для сего отыскать упыря, рожденнаго отъ вѣдьмы, которыхъ, какъ всѣ увѣряли, боятся злые волшебники и кои были наклонны къ одному добру" (Сѣв. Пчела 1831 г., № 258). И по сей день между казаками распространены разныя суевѣрія и разсказы о порчѣ молодыхъ или о превращеніи цѣлаго свадебнаго поѣзда въ волковъ и т. п., такъ что сложилась даже поговорка: „свадьба безъ дивъ не бываетъ". Поэтому выбираютъ и нынѣ нерѣдко въ дружки „хорошаго человѣка, который бы зналъ заговоры противъ зла и порчи". „Въ прежнее время, разсказывали мнѣ казаки (въ верховыхъ ст.): въ станицѣ, а то и въ цѣломъ околодкѣ одинъ такой бывалъ, а нынѣ изъ молодыхъ всѣ красно говорить умѣютъ".

Суевѣрія, связанныя со свадьбой.

*) Варіантъ: Выходила Дунюшка на крыльцо.
**) Вар.: От лютаго крещенскаго мороза,
Отъ сильнаго осенняго дождя.

Но уже во многихъ мѣстахъ доводилось мнѣ слышать такого рода взглядъ: коли на то воля Божія будетъ, то ничего дурнаго не случится, а потому нѣтъ надобности въ заговорахъ и въ заклинаніяхъ, а достаточно осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ передъ выѣздомъ въ церковь, и все пройдетъ благополучно. Поэтому нѣтъ необходимости приглашать въ дружки человѣка, знающаго заговоры. Не разъ доводилось мнѣ слышать и такое мнѣніе: „коли дружко въ колдовствѣ самъ не понимаетъ ничего—это еще лучше: колдунъ не тронетъ, потому что такой дружко подноситъ кушанье или рюмку не съ заговоромъ, а со святой молитвой: „Господи, Іисусе, Христе, Сыне Божій, помилуй насъ"—колдунъ то и не властенъ тутъ, а коли дружко знаетъ въ колдовствѣ да мало, то ужъ не уберечь ему свадьбы, и веселье окончится не ладно" (зап. въ Нижнекурмояр. ст. и мн. друг. *).

Обязанности дружка.

Дружко обязанъ распоряжаться всѣмъ на свадьбѣ, угощать гостей, оберегать жениха и невѣсту, разнести каравай и собрать подарки въ пользу молодыхъ, наблюдать за порядкомъ и т. п. Дружко имѣетъ право требовать, „чтобы вся бесѣда слушала его": „если ссора или драка въ домѣ, то дружко разсудитъ и помиритъ", а доводить до станичнаго суда дѣла о ссорахъ во время свадьбы не въ обычаѣ.

Дружко бываетъ одинъ, бываетъ и два дружка: одинъ съ невѣстиной стороны, а другой съ жениховой.

---

*) Въ ст. Есауловской мнѣ разсказывали слѣдующее. Ѣхалъ одинъ казакъ съ хохломъ. Повстрѣчались они со свадьбой. Хохолъ и говоритъ: ну, сей часъ намъ водка будетъ (а онъ вѣдунъ былъ). Какъ поровнялись со свадьбой, то изъ подъ невѣстиной телеги колесо вылетѣло. Свадьба остановилась. Дружко соскочилъ на землю да хохлу въ ноги: прости, говоритъ, меня; и водкой угостилъ его. А хохолъ и говоритъ: ты смотри у меня!... Отпустилъ хохолъ свадьбу, а самъ дальше поѣхалъ. Скоро они повстрѣчали другую свадьбу; казакъ и спрашиваетъ хохла: „что же—опять будетъ могарычъ"? А тотъ ему: ну нѣтъ, говоритъ, тутъ ужъ не будетъ ничего, потому—съ Божьей помощью ѣдутъ. Такъ вотъ что значитъ святая молитва-то.

Когда выберутъ дружка, то женихъ надѣваетъ на него полотенце „съ лѣваго плеча подъ правое крыло", а невѣста—также полотенце „съ праваго плеча подъ лѣвое крыло". Потомъ въ честь его выпиваютъ по три рюмки.

Дружкѣ дается въ помощники „полудружье" или „подружье", который и находится въ распоряженіи его. Выбравъ полудружье, пьютъ въ честь его по 1 рюмкѣ.

Тутъ же выбираютъ и сваху (свашку), которая бываетъ либо жена дружки, либо кто-нибудь изъ веселыхъ и сметливыхъ женщинъ станицы. Ея обязанности созывать гостей, „убирать невѣсту", находиться при ней неотлучно и помогать дружкѣ. При выборѣ свахи въ честь ея пьютъ по 2 рюмки. У свахи есть также помощница (или нѣсколько)—„подсвашка". Въ другихъ мѣстахъ выборъ всѣхъ этихъ лицъ происходитъ позже.

Осмотръ печей и пиръ въ домѣ жениха.

При рукобитьи обыкновенно большихъ пиршествъ не бываетъ. Родственники жениха, посидѣвъ немного, встаютъ и приглашаютъ невѣстину родню пожаловать въ хату жениховыхъ родителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при этомъ приглашаютъ „посмотрѣть печи", т. е. хозяйство жениха. За то въ другихъ просятъ лишь „на хлѣбъ, на соль, на винную чарку", а осмотръ печей совершается послѣ *).

Проходя по улицамъ къ дому жениха, свашки со стороны жениха поютъ:

Два двора да минуючи, въ третьемъ послухаемъ,
Въ третьемъ послухаемъ, што люди говорятъ,
Што люди говорятъ, мово батюшку бранятъ:
„Пьяница, да пропоица Танюшкинъ батюшка:
„Пропилъ онъ Танюшку, пропилъ Андреевну.

---

*) Иногда жениховы родители не знаютъ о времени прибытія сватовъ для осмотра печей, ибо родня невѣсты желаетъ застать въ расплохъ сватовъ своихъ. Нерѣдко для того, чтобы выказать свое хозяйство въ наилучшемъ видѣ, женихова родня многія вещи приноситъ въ хату свою отъ родственниковъ и сосѣдей.

На это отвѣчаютъ со стороны невѣсты:

Што люди говорятъ, мово батюшку хвалятъ:
Умничекъ, да разумничекъ Танюшкинъ батюшка:
Помолвилъ Танюшку, помолвилъ Андреевну
За Алешеньку свѣтъ, за Ивановича
На честное слово, на добрую славу.

(Сав. 1. с. р. 69).

Во время пира стариковъ, происходящемъ въ домѣ жениха, у невѣсты остается женихъ, собираются молодые казаки и дѣвушки, пляшутъ, играютъ и поютъ пѣсни, между прочими слѣдующія:

А, что же ты, Арсеньюшка,
Не тороватъ...
Ой ляли! Ой ляли!
Не умѣешь Дуняшеньки
Поцѣловать...
Ой ляли, ой ляли!

Женихъ цѣлуетъ невѣсту. Тогда поютъ:

А какъ тебѣ, Дуняшенька,
Не стыдно...
Ой ляли, ой ляли!
Чужой тебя дѣтинушка
Цѣлуетъ...
Ой ляли, ой ляли!

Тогда невѣста подходитъ къ жениху и цѣлуетъ его. Эти самые припѣвы только съ перемѣною именъ поютъ всѣмъ молодцамъ и дѣвушкамъ, и они цѣлуются. (Сонинъ, 1. с.).

Съ этого времени, т. е. съ рукобитья, во многихъ мѣстахъ женихъ получаетъ право ходить къ невѣстѣ, дѣлать подарки (Д. Г. 1875, № 30) и даже ночевать у ней. Такъ въ Донецкомъ округѣ этотъ вечеръ „послѣ ужина невѣста приглашаетъ жениха и нѣсколько подругъ у себя ночевать; женихъ въ свою очередь приглашаетъ товарищей, по числу дѣвицъ и смотря по помѣщенію. Постель у всѣхъ общая, состоящая изъ соломы и полостей“ (Сонинъ, 1. с.).

Отказъ отъ вступленія въ бракъ.

Нарушеніе предбрачнаго договора, отказъ отъ вступленія въ бракъ уже послѣ зарученія или рукобитья влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія для нарушившаго условіе, а именно: уплату за убытки, пеню за безчестье, возвращеніе полученныхъ подарковъ, уплату постановленной неустойки. Подъ убытками слѣдуетъ здѣсь понимать сдѣланныя затраты на угощеніе сватовъ и родственниковъ и на приготовленія къ свадебнымъ пиршествамъ. Часто потерпѣвшіе невыгоду отъ нарушенія договора предъявляютъ притязаніе на вознагражденіе напр. „за поѣздку 4 раза на 30 верстномъ разстояніи, за отвлеченіе отъ хозяйства, за наемъ лошадей для поѣздокъ,“ или „за наемъ человѣка для посылки за отцомъ жениха (невѣсты)“, „за писаніе прошенія о выдачѣ метрическаго свидѣтельства и за гербовую бумагу“ и т. п. (изъ рѣшен. стан. судовъ). Станичный судъ принимаетъ всѣ подобныя просьбы и постановляетъ рѣшеніе объ ихъ удовлетвореніи. Размѣръ понесенныхъ убытковъ, обозначаемый въ исковомъ прошеніи, станичные судьи подвергаютъ провѣркѣ посредствомъ свидѣтелей, или „сообразуясь съ казачьимъ бытомъ“, или „по собственному убѣжденію“. Судьи нерѣдко уменьшаютъ требуемую сумму. Если же сумму издержекъ потерпѣвшій опредѣлить затрудняется, то ее опредѣляютъ сами судьи.

Обязанность платить лежитъ на заключавшихъ договоръ: либо на женихѣ или невѣстѣ, если они самостоятельно заключали брачное условіе (напр. вдовецъ или вдовица), либо на родителяхъ, воспитателяхъ, дядяхъ, братьяхъ, старшихъ родственникахъ и т. д. На станичномъ судѣ казаки, заключившіе договоръ, часто отказываются отъ уплаты, на томъ основаніи, что они собственно согласны на бракъ, да не хочетъ самъ женихъ (или невѣста). Въ такихъ случаяхъ судьи обыкновенно (насколько мнѣ извѣстно) возражаютъ, что не слѣдовало бы заключать договоръ, не освѣдомясь предварительно о желаніи или нежеланіи самихъ брачущихся. Но въ Кепинскомъ станичномъ судѣ было слѣдующее рѣшеніе:

„такъ какъ сама невѣста не хочетъ идти замужъ, а судъ ее принудить къ этому не можетъ, отецъ же ея отъ заключеннаго со сватомъ условія не отрекается, то дѣло это оставить безъ послѣдствій, т. е. отцу невѣсты не платить убытковъ".

Не влечетъ обязанности платить убытки нарушеніе предбрачнаго договора, если стороны нарушили его по обоюдному согласію (при этомъ обкновенно убытки дѣлятъ пополамъ) или если договоръ нарушенъ по уважительнымъ причинамъ (какъ напр. падучая болѣзнь у невѣсты, „иступленіе ума" жениха и т. п.), обнаруженнымъ уже послѣ заключенія условія, или же если договоръ нарушенъ по причинамъ, не зависящимъ отъ воли нарушившаго, напр. въ случаѣ отказа священника вѣнчать по причинѣ отсутствія метрическаго свидѣтельства (Преображенск. ст. суд.) и т. п.

Кромѣ уплаты убытковъ при отказѣ отъ вступленія въ бракъ требуется возвращеніе подарковъ сторонѣ потерпѣвшей (это однако далеко не вездѣ). Кладка остается у невѣсты, если отказывается женихъ. Но бываетъ и такъ: ограничиваются только вознагражденіемъ за убытки, а подарки возвращаютъ взаимно.

Къ сказанному часто присоединяется еще вознагражденіе за безчестье или за срамъ, причиненный отказомъ. Изъ способовъ вознагражденія за безчестье всего чаще встрѣчается денежный штрафъ, но иногда бываетъ вознагражденіе иного рода. Такъ напр. въ Донецкомъ округѣ было постановлено: въ случаѣ отказа отъ брака со стороны невѣсты отрѣзать послѣдней публично косу (Сон. l. c.).

Размѣръ платы за безчестье часто заранѣе опредѣляютъ въ особомъ условіи, въ т. н. „зарядѣ" при рукобитьѣ, или его опредѣляетъ станичный судъ. Такъ мнѣ извѣстенъ случай позволенія жениху со стороны суда воспользоваться въ вознагражденіе за безчестье отказа подарками, полученными отъ невѣсты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что плата неустойки въ случаѣ отказа отъ вступленія въ бракъ была въ обычаѣ въ былое время, а нынѣ вывелась.

Наконецъ относительно обезпеченія исполненія предбрачнаго условія посредствомъ з а л о г а (обычай, извѣстный среди крестьянъ многихъ губ.) я могу только сообщить, что въ рѣшеніи Верхнекурмоярскаго станич. суда 15 января 1875 г. я нашелъ слѣдующее: „а что Б. отыскиваетъ з а л о г ъ за безчестье жениха 50 рублей, то онъ не представилъ никакого письменнаго договора, требуемаго 44 статьей, и с т а н и ч н. с у д ъ н е с ч и т а е т ъ э т о м ѣ с т н ы м ъ о б ы ч а е м ъ, п р и н я т ы м ъ в ъ к а з а ч ь е м ъ б ы т у, то на основаніи этомъ отказать въ искѣ".

На рукобитьѣ же назначаютъ день, когда долженъ быть справленъ сговоръ. „Сговоръ" („сговòры", „пропой", „смотрины", „выдаваніе"), по своимъ обрядамъ, существенно сходенъ съ тѣмъ, что происходило при рукобитьѣ. Отличается отъ послѣдняго онъ только своею торжественностью и большими размѣрами пиршества. На сговорѣ происходитъ торжественное повтореніе предбрачныхъ условій; врученіе кладки (не вездѣ), торжественное изъявленіе женихомъ и невѣстой согласія на вступленіе въ бракъ. Можно думать, что празднованіе сговора казаками не считается безусловно необходимымъ. По крайней мѣрѣ казаки Пятиизбянской ст. мнѣ сообщали слѣдующее: такъ какъ пиръ на сговорѣ устраивается на счетъ жениха, то иногда невѣстинъ отецъ предлагаетъ отцу женихову лучше прямо выдать сумму, предназначаемую на справленіе сговора, а пира не дѣлать. Сговоръ.

Въ старину „въ назначенный день двѣ позыватыя со стороны жениха и двѣ со стороны невѣсты съ самаго утра ѣздили изъ дома въ домъ съ приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были сказать поклонъ отъ отца и Обряды.

матери и просить на сговоръ, непремѣнно прибавляя: да пожалуйте же, мои родненькія. Въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ виномъ. Къ 6 и 7 часамъ собирались въ домъ невѣсты—собственно къ ней дѣвицы, а къ ея родителямъ — замужнія женщины и мущины. Дѣвушки помѣщались въ особой комнатѣ, всѣ прочіе гости — въ залѣ посреди коей былъ раскинутъ большой столъ, покрытый скатертью. Все собраніе садилось въ ожиданіи жениха. Въ его домѣ собирались всѣ знакомые; здѣсь приготовляли 10, 20 блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами и пр. Всѣ гости отправлялись съ своимъ хлѣбомъ-солью въ домъ невѣсты: впереди несли блюда, за ними шли женатые мущины, потомъ замужнія женщины и наконецъ женихъ съ молодежью" (Терещ. 1. с.).

Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и просили садиться. Каждому изъ родственниковъ тутъ, какъ и при всѣхъ свадебныхъ торжествахъ, указано особое мѣсто: съ одной стороны усаживается родня жениха, съ другой—родня невѣсты. Въ переднемъ углу родители обѣихъ сторонъ, затѣмъ дяди; „къ родному брату садится двоюродный братъ, къ двоюродному —троюродный" и т. д. Женщины занимаютъ мѣста „къ порогу ближе" (зап. въ ст. Пятиизб.) Невѣстина отца честятъ въ особенности.

Женихъ съ товарищами сначала становится у порога или же идетъ къ невѣстѣ и остается съ ней въ другой комнатѣ (Д. Г. 1875, № 30). Отецъ, мать и члены невѣстиной семьи поочередно угощаютъ гостей виномъ.

Потомъ женихъ, выводя невѣсту за руку и остановившись по срединѣ комнаты, кланяется на всѣ стороны и ставитъ невѣсту по лѣвую сторону отъ себя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при этомъ кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты спрашиваетъ: „не хромой ли онъ?" То же и о невѣстѣ жениховы родственники. Тогда они обходятъ вокругъ стола и цѣлуютъ родню (Д. Г. 1875 № 30) Въ другихъ мѣстахъ (Сѣв. Пчела 1831, № 258) старики просятъ родителей дать позволеніе жениху поцѣ-

ловать свою невѣсту, послѣ чего и всѣ присутствующіе обнимаются и цѣлуются.

Потомъ женихъ и невѣста въ присутствіи всѣхъ пьютъ вино: „три раза отвѣдываютъ и каждый разъ цѣлуются“. Послѣ этого родственники жениховы и невѣстины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дарятъ другъ друга. При этомъ поютъ слѣдующія пѣсни:

1) У насъ нынѣ незнакомый побывалъ,
У столика три ножечки поломалъ.
А кто нашу Грунечку цѣловалъ?
Чужой парень Грунечку цѣловалъ,
Какой чужой—это Ваничка мой.—

2) Ой, заюшка, горностай молодой, и т. д.

3) За горою свѣтелъ мѣсяцъ просвѣтилъ,
За другою три яркія звѣздочки,
За третею нашъ Ваничка воюетъ,
А тутъ по немъ родная маменька горюетъ;
Ужъ и что же нашего Ванички доселе нѣтъ?
Или его темныя ночи застали.
Или его злые кони убили,
Или его красныя дѣвочки звали,
Они его виномъ медомъ поили,
Они его гостинцами угостили.
Ужъ умная разумная Грунечка:
Умнѣе ея у маменьки не было,
Раскинула бѣлый шатеръ надъ водой,
Просѣяла чистое поле жемчугомъ,
Пріустлала дубравушку коврами,
Поставила золотые столбы съ махрами,
Сама пошла въ теремъ Богу молиться;
Молилася, низко кланялась:
Создай Боже грозную тучу на дворѣ,
Смочи, смочи постылаго на конѣ.

(Д. Г. 1875 г. № 30).

Сговоръ оканчивается тѣмъ, что женихъ и невѣста подносятъ всѣмъ гостямъ по стакану и принимаютъ отъ всѣхъ поцѣлуи.

Въ старину (а быть можетъ и нынѣ?) отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ подругамъ. Здѣсь всѣ дѣвушки сажались возможно тѣснѣе,

чтобы не дать мѣсто жениху. Женихъ долженъ былъ купить невѣсту у ея сосѣдокъ. Начинался торгъ. Женихъ набавлялъ цѣну понемногу; дѣвицы не уступали, говоря, что ихъ невѣста золотая и не дешево ему достанется. Наконецъ женихъ соглашался на требованія дѣвицъ и получалъ мѣсто рядомъ съ невѣстой (Корн. l. c.). Невѣста въ тотъ вечеръ должна была перемѣнить два или три раза платья (ibid.). У многихъ раскольниковъ—по разсказамъ самихъ казаковъ—пропиваютъ невѣсту на сговорѣ всю ночь, а къ утру везутъ ее въ домъ жениха. Тутъ она живетъ дня три, пока ее не обвѣнчаютъ. „Прежде, когда поповъ раскольничьихъ было мало на Дону, то подолгу такъ не вѣнчаными живали“.

Празднованіе подушекъ.

Послѣ сговора подруги невѣсты обыкновенно собираются у нея и шьютъ ей подушки и платья. Въ старину швеи эти назывались чиберками. Женихъ съ молодежью приходитъ къ невѣстѣ каждый вечеръ съ гостинцами и во многихъ мѣстностяхъ остается ночевать у ней.

За два обыкновенно дня до свадьбы происходитъ „смотръ приданаго“ и празднованіе подушекъ („подушки“). Вотъ какъ происходилъ въ старину этотъ любопытный обычай, по разсказамъ Корниловича и Свиньина.

Гости одинъ за другимъ входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невѣсты: постель и платья въ сундукѣ. Чиберки придлагали жениху съ невестой садиться на постель и подавали вина: женихъ и невѣста пили и цѣловали другъ друга. Потомъ садились на постель одинъ за другимъ товарищи жениха и просили къ себѣ дѣвушекъ, нравившихся имъ. „Отпустивъ отъ себя выбранную, казакъ могъ просить другую, третью“ и т. д. Выпивъ вино, казакъ клалъ деньги на подносъ, а чиберки забрасывали его и сидѣвшую съ нимъ дѣвушку подушками „съ величайшимъ крикомъ“: „раса баса сагенъ“ или „дарасы сага бусень“, т. е. „тебѣ того желаемъ“. Хитрыя швеи—прибавляетъ Свиньинъ—напередъ знали взаимное расположеніе выбранной четы; но иногда же-

лали помучить казака, или расшевелить его щедрость, сажали съ нимъ старую безобразную бабу, заставляли ее цѣловать, отъ чего онъ не могъ отказаться, не нарушая пристойности... А во время тревоги и шуму, сопровождающихъ киданіе подушками, онѣ проворно подмѣнивали и сажали любезную его (l. c. p. 255).

Во многихъ мѣстахъ этотъ обрядъ сохранился и донынѣ съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ г. Ознобишинъ разсказываетъ, что „когда соберутся въ домъ всѣ дѣвушки и кавалеры, то женихъ объявляетъ, что желающіе могутъ садиться на подушки, которыя дѣлаются такъ: здѣсь въ залѣ на лавкахъ, подъ святыми, за столомъ и около стола, сидятъ дѣвушки, а кавалеры стоятъ у порога, въ чуланѣ и балконѣ; въ залѣ на столѣ горитъ сальная свѣча, въ одной или двухъ темныхъ комнатахъ ставятъ, кромѣ имѣющихся тамъ лавокъ, скамейки и стулья, на которыхъ садятся кавалеры и приглашаютъ чрезъ невѣсту себѣ желанную дѣвушку. Невѣста подходитъ къ дѣвушкѣ, беретъ ее за руку и ведетъ сажать на „подушки" (въ дѣйствительности на стулъ или лавку). Кавалеръ цѣлуетъ дѣвушку и кладетъ за это на тарелку невѣстѣ деньги, которая ходитъ съ тарелкой и собираетъ, кто сколько положитъ" (Д. О. В. 1875, № 19).

Перенесеніе подушекъ въ домъ жениха.

Послѣ того, какъ всѣ посидѣли на подушкахъ, накрывается ужинъ. Свахи въ это время поютъ:

А, любые, да милые гости,
Просимъ вашей чести,
Чтобы пили да ѣли,
Да веселы были... (Д. Г. 1875, № 30).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постель и подушки невѣсты относятъ въ этотъ же вечеръ къ жениху; въ другихъ мѣстахъ подушки и постель отвозятъ во время дѣвишника, а сундукъ послѣ вѣнчанія.

Мать невѣсты раздаетъ собраннымъ гостямъ постель, подушки и пр., и всѣ отправляются въ хату жениха при пѣніи слѣдующей пѣсни:

Оглянися, мати,
Каково у тебя въ хатѣ:
Пустымъ пустешенько,
Дурнымъ дурнешенько.
Сестрицы подружки,
Да несите подушки;
Сестры Катерины,
Несите перины;
Сестрицы Алены,
Несите павильоны.
Метеная дорожка метена —
Туда наша Груничка везена;
По дорожкѣ василечки поросли —
Туда нашу Груничку повезли;
Повезли ее, помчали
Въ одинъ часочекъ свѣнчали,
Говорила Груничка: замужъ не пойду —
Посѣяла василечки
Во зеленомъ саду....
Выростайте, василечки:
Буду поливать;
Полюбила Ваничку —
Буду цѣловать.

По дорогѣ нѣсколько разъ останавливаются и, выпивъ по рюмкѣ вина, снова продолжаютъ путь. Приближаясь къ дому жениха, поютъ:

Отворяй, маменька, широкъ дворъ:
Идетъ къ тебѣ сынъ во дворъ;
Не самъ съ собою, а съ женою,
Со своей вѣрной слугою.
Выйди, маменька, погляди,
Чего тебѣ бояре принесли:
Принесли скрыню, перину
И молодую княгиню.
Привезутъ овечку — ярочку,
Да принесутъ подушки — павильонъ
Нашему Ваничкѣ на поклонъ,
Положатъ Ваничкѣ на кровать,
Чтобы было Ваничкѣ мягко спать.

(Ребровъ l. c.).

Мать жениха встрѣчаетъ гостей съ подносомъ въ рукахъ и угощаетъ всѣхъ входящихъ въ хату, а свахи, отбирая у гостей подушки и постель, убираютъ ими кровать.

Въ „подбрачный день“ — наканунѣ свадьбы невѣста ходитъ на могилы родителей и родственниковъ *), моется въ банѣ, а вечеромъ справляетъ дѣвишникъ **)— „празднуетъ послѣдній день своей дѣвичьей воли“. Съ наступленіемъ сумерокъ вокругъ невѣсты собираются подруги. Невѣста, одѣвшись въ худшее изорванное платье (День 1863 г., № 49) ***), садится на сундукъ и плачетъ, прощаясь со своей волюшкой, со своей нѣгушкой у родимаго батюшки: Подбрачный день.

Сама сѣла выше всѣхъ,
Нагнула голову ниже всѣхъ,
Заплакала Марфушка слезнѣе всѣхъ:
„Какъ мнѣ быть въ чужихъ людяхъ?
Какъ привыкать ко чужой землѣ.“
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Умѣючи, Марфушка, разумѣючи,
А гдѣ пойти все спрошаючи,
Отколь придти все сказуючи.
А у батеньки, у маменьки жила ты вольная,
Вольная да роскошная,
Гдѣ пошла Марфушка — не спросилася
Отколь пришла — не сказалася.
(День 1863 г., № 49).

Потомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста дѣлаетъ подарки всѣмъ присутствующимъ „и старымъ, и малымъ“ (зап. въ Ярыжинской ст.). Обычай дарить въ этотъ день нынѣ, по словамъ казаковъ, выводится изъ употребленія.

---

*) Въ иныхъ мѣстахъ это совершается раньше.

**) Въ иныхъ мѣстахъ называемый „дары“, „сговоръ“.

***) Въ другихъ мѣстахъ невѣста сидитъ наряженная. Въ старину невѣста наряжалась съ этого дня въ высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ или парчевымъ верхомъ, а въ косу вплетала золотой косникъ. Съ этого дня невѣста не надѣвала дѣвичьяго наряда. (Кирсановъ).

Въ это время у жениха—въ старину, да и теперь еще во многихъ мѣстахъ—готовятъ „каравайчики“ (свадебные пироги) или „шишки“. „Когда сажали большой каравай въ печь все собраніе держалось за лопату; дружко и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвитыя лентами, на другой день вручались жениху и невѣстѣ предъ алтаремъ“ (Корн.). Въ иныхъ мѣстахъ нынѣ наканунѣ свадьбы у жениха собирается молодежь просто повеселиться. Въ другихъ мѣстностяхъ каравай еще съ утра разносятъ свахи по гостямъ. Среди вечера женихъ и друзья его отправляются съ караваями къ невѣстѣ. Вышедъ со двора, поютъ:

Каравайчики.

Крутые берега вода поняла,
Молодую Груничку журьба взяла.
Хорошенькій Ваничка музыку нанялъ:
Заиграйте, музыканты, поскорѣй,
Чтобы моей Груничкѣ было веселѣй,
Заиграйте, музыканты, отъ села до села,
Чтобъ моя Груничка была весела.
(Донск. газ. 1875 г., № 30).

Отецъ невѣсты встрѣчаетъ гостей у входа въ хату съ виномъ на подносѣ. Гости пьютъ и проходятъ въ горницу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у невѣсты въ это время на столѣ ставится „ежъ“ — калачъ съ пустой внутренностью и украшенный разными фигурами; по бокамъ его сдѣланы отверстія, въ которыя выглядываетъ живой голубь (Карт. изъ ж. д. каз.). При раздачѣ каравая поютъ:

Свашенька моя, матушка,
Дай же мнѣ хоть одну каравайную шишечку,
А не дашь у воротъ догоню, шубу сниму,
Старшему боярину подарю. (Д. О. В. 1875 г., № 84).

Получая каравай, кладутъ деньги на тарелку. „Они идутъ въ пользу свахъ. Женихъ невѣстѣ дѣлаетъ подарокъ. Оба пьютъ вино и цѣлуются три раза. Вообще здѣсь повторяется обыкновенно то же, что происходило

при праздновании подушекъ. Въ заключеніе накрываютъ ужинъ, послѣ котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ сказано, женщины относятъ постель и подушки невѣсты къ жениху при пѣніи „сестрицы подружки, несите подушки“ и пр.; поютъ также слѣдующее:

Братецъ сестрицу проводилъ,
Мѣсяцъ дорожку просвѣтилъ:
Будь здорова, какъ вода,
А богата, какъ земля.

Хожденіе къ жениху «за свѣчами».

Въ другихъ мѣстностяхъ въ этотъ вечеръ подруги невѣсты ходятъ къ жениху „за свѣчами“. Въ ст. Каменской дѣвушки, пришедши въ домъ жениха, просятъ, чтобы ихъ угостили:

Сватушка старада (старый),
Ой старада, водки дай...

Сватъ подноситъ имъ по рюмкѣ водки, а онѣ поютъ опять:

Чарка малинька,
Вино сладенько;
Хозяинъ скупъ,
Глазами глупъ.

И когда сватъ имъ подаетъ по другой, то онѣ поютъ.

Ой ты, чарочка катокъ,
Покатися во ротокъ...

Выпивши по другой, онѣ поютъ еще:

Давай сватъ пить (2):
Да не тутъ намъ быть,
Да не тутъ почивать:
Ты давай по третьей—
Мы домой потрепимъ.

Подымаясь затѣмъ изъ за стола, дѣвушки поютъ:

Наши сваты скупые:
У нихъ шубы худыя...

Наконецъ берутъ свѣчи и уходятъ обратно къ невѣстѣ припѣвая:

Мы у сватушки бывали
И (называютъ имя жениха), видали. (Д. О. В. 1875 г. № 84).

«Выданье». „Выданье“ бываетъ, и самый свадебный пиръ справляется обыкновенно въ воскресенье; бываетъ однако и въ другіе дни. Въ старину „съ благовѣстомъ къ обѣднѣ отецъ и мать благословляли святою иконою невѣсту, которая положивъ передъ иконою три земныхъ поклона, цѣловала святой ликъ, кланялась въ ноги плачущимъ отцу и матери и прощалась со всѣми родными и домашними, сама заливаясь слезами. (Корн.)“. Въ то же время „женихъ, получивъ благословеніе отъ родителей отправлялся къ невѣстѣ: впереди его шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ мальчики несли благословенные образа съ пеленами; за ними шелъ женихъ, между дружкою и свахами, въ парчевомъ кафтанѣ, алой суконной черкескѣ, обшитой серебряными позументами; въ красныхъ сапогахъ, шитыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шапку изъ сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ верхомъ *). Рядомъ съ нимъ шелъ храбрый поѣздъ“ (Терещ.).

*) Г. Ознобишинъ указываетъ, какъ на одну изъ особенностей старинной казачьей свадьбы на красный (по другимъ источникамъ желтый) кафтанъ и на высокую шапку „съ красной выпушкой и бѣлымъ околышемъ“, въ которые паряжался женихъ, а также на подобную же высокую шапку и красные сапожки, которые непремѣнно должна была имѣть невѣста (Д.О. В. 1875 г. № 10). Брачная одежда обыкновенно хранилась въ семействѣ и переходила изъ рода въ родъ: „нерѣдко видали правнука передъ брачнымъ алтаремъ въ прадѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ“. (Терещ.) Бѣдные казаки, не имѣвшіе брачной одежды брали общественный кафтанъ, который постоянно находился въ станичномъ правленіи и былъ предназначенъ для этой цѣли, равно какъ и для станичнаго атамана, облекавшагося въ него въ особенно торжественныхъ случаяхъ (Ознобишинъ l. c.).

Нынѣ женихъ за невѣстой ѣдетъ или идетъ пѣшкомъ. Ѣдетъ женихъ къ невѣстѣ верхомъ на конѣ, украшенномъ лентами и колокольчиками, самъ же перевязанный черезъ плечо платкомъ, подаркомъ невѣсты, въ сопровожденіи холостыхъ друзей — „поѣзжанъ", въ праздничныхъ нарядахъ и также украшенныхъ цвѣтными платками, навязанными на руки. Женихъ называется „княземъ", (въ Донец. окр., по сообщенію г. Сонина, — „великимъ княземъ"), невѣста — „княгиней", а поѣзжане „боярами".

Передъ выѣздомъ жениха изъ дому отецъ его посылаетъ къ невѣстину отцу передоваго съ извѣстіемъ о томъ, „что молодой князь уже на пути и проситъ всепокорно, чтобы были готовы къ выданью молодой княжны" (Савел.). Поѣздъ князя.

Когда женихъ садится на лошадь, то „старшій бояринъ" подсаживаетъ его, а „младшій бояринъ" держитъ лошадь подъ уздцы (Моск. Вѣст. 1860 г., № 28). Проѣзжая по улицамъ станицы, поѣзжане поютъ какую нибудь казачью военную пѣсню (Савел.). Въ Верхнекурмоярской ст., по словамъ казаковъ, прежде сопровождавшіе князя поѣзжане и скачку устраивали, но теперь это вывелось изъ употребленія. Встрѣтивши кого-нибудь по дорогѣ, старшій бояринъ подскакиваетъ къ князю и срываетъ съ него шапку. Князь кланяется встрѣчному, а дружко угощаетъ водкой; „для того, что каждаго человѣка не пролѣзешь: другой есть, быть можетъ, что изъ людей подѣлаетъ волковъ". (Мос. Вѣст. l. c.).

Невѣста въ ожиданіи жениха сидитъ на своемъ „сундукѣ" и плачетъ, а подруги ея поютъ:

Не лебедушка на зарѣ рано воскрикнула,
Воскричала красна дѣвушка:
Свѣтъ ты моя волюшка,
Свѣтъ ты моя нѣгушка
У родимой матушки!
Полно солнышку изъ за лѣса свѣтить,
Полно дѣвушкѣ по своей волѣ жить! (Сав. с. 70).

или:

Летѣли сѣрые гуси черезъ садъ,
Кликали Груничку на посадъ.
Что же вамъ, сѣрые гуси, до того:
Есть у меня родный батюшка,
Когда раскинетъ шелковъ коверъ,
Такъ стану;
Когда поставятъ богато кресло,
Такъ сяду;
Когда велитъ благословить,
Такъ пойду.
Умная разумная Груничка,
Умнѣй ея у батеньки не было.
Жаль, моя маменька, тебя:
Отдаешь молодешеньку отъ себя;
Остается весь зеленый садъ у тебя
И всѣ мои пахучіе васильки,
И всѣ мои лазоревые цвѣты,
Вставай же, моя маменька, раненько
Поливай ты руту-мяту частенько
Утренней, вечерней зарею
И своей частой слезою...
Когда твоей горючей слезы не станетъ,
Тогда моя рута-мята завянетъ (Ребровъ l. c.).

Выкупъ невѣсты.

Князь въѣзжаетъ на дворъ княжны *). Невѣста садится „на посадъ" въ красномъ углу „подъ святыми". Рядомъ съ ней садятся братья **) ея, имѣя въ рукѣ „державу" („костыль") — плетку, обшитую золотомъ и украшенную серебрянными бляшками, или же пистолетъ и шашку. Братья не пускаютъ князя къ своей сестрѣ, и дружко выкупаетъ мѣсто. Начинается торгъ, дружко постепенно набавляетъ цѣну, наконецъ братъ передаетъ державу дружкѣ, а въ замѣнъ ее получаетъ „золото" (нѣсколько монетъ) и сходитъ съ мѣста, а дѣвушки поютъ:

---

*) Колокольчики, которые украшали лошадь жениха, снимались и хранились на память. (Г. Гмелинъ, l. c. p., 262). Нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свахи снимаютъ колокольчики послѣ вѣнчанія. По звону ихъ опредѣляютъ счастливы или несчастливы будутъ молодые (Терещ.).

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только одинъ братъ.

Ахъ, татаринъ братецъ, татаринъ,
Продалъ сестрицу за талеръ и т. д.

Въ ст. Пятиизбянской князь, входя въ хату за невѣстой, застаетъ ее сидящею за столомъ подъ святыми. Съ обѣихъ сторонъ ее охраняютъ братья, такъ что доступа къ ней нѣтъ, потому „черезъ столъ перетянуть нельзя же—грѣшно". Братья говорятъ: „угольчики посеребри, а середку позолоти—тогда и бери сестру нашу". Тогда князь кладетъ на каждый уголъ стола по серебряной монетѣ (15—20 коп.), а въ середку—мѣдный пятакъ. Братья сгребаютъ деньги, а князь беретъ княжну за руки и выводитъ изъ за стола.

Въ Ярыженской ст., по разсказамъ казаковъ, въ прежнее время существовалъ обрядъ угадыванья невѣсты. Происходило это такъ. Князь, при входѣ въ горницу за невѣстой, заставалъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ въ рядъ на лавкахъ вдоль стѣны: всѣ онѣ были въ одинаковыхъ платьяхъ и всѣ закрыты одинаковыми платками. Отецъ невѣсты предлагалъ князю отыскать княжну. Князь подходилъ къ одной изъ дѣвушекъ и, взявъ ее за руку, выводилъ на средину горницы. Если оказывалось, что онъ ошибся, то всѣ начинали громко смѣяться и стыдить его. Поэтому, чтобы не подвергать жениха насмѣшкамъ, невѣста часто дѣлала ему какой нибудь условный знакъ, по которому онъ и угадывалъ ее среди подругъ. Теперь, говорили казаки, этотъ обрядъ вывелся, потому что вслѣдствіе ошибки, „ужъ очень стыдятъ жениха и ему непріятно".

Поѣздъ въ церковь.

Наконецъ дружко, обращаясь къ невѣстинымъ отцу и матери, проситъ ихъ „благословить въ дальній путь". Въ старину (а вѣроятно и понынѣ) благословляли отецъ, мать, крестные родители и „старѣйшина всего семейства" (Кирсановъ, l. c.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разстилается вывороченная на изнанку шуба, на которую становится невѣста, принимая благословеніе. Прощаясь со всѣми, она кланяется въ ноги, плача и рыдая.

Передъ отъѣздомъ дружко „отрѣзываетъ кусокъ сѣтки и опоясываетъ имъ жениха подъ рубашкой; такимъ же образомъ свашка невѣсту. Это дѣлается для того, чтобы нечистая сила не могла ихъ испортить. Сверхъ этого въ пазуху невѣсты втыкаютъ тридевять иголокъ острыми концами вверхъ: все зло остается на нихъ, не проникая далѣе". Въ другихъ мѣстахъ жениху и невѣстѣ втыкаютъ за воротъ иголку новую, которой еще не шили.

„При выходѣ изъ хаты, дружко беретъ топоръ и дѣлаетъ на отмахъ знаки, что перерубливаетъ сѣти, разставленныя вѣдьмами и чертями. Къ порогу онъ не прикасается, потому что къ нему прикованы всѣ лихоманки. Дорогою къ церкви и обратно дружко ѣдетъ впереди, и весь свадебный поѣздъ повинуется ему" (l. c.). Поѣзжане князя въ старину провожали только до церкви, а затѣмъ, быстро поворачивая лошадей, уѣзжали (Кирс.).

Дорогою въ церковь поютъ разныя пѣсни, напр.:

По дорожкѣ василечки поросли,
Туда нашу Груню повезли;
Братецъ сестру снаряжалъ,
По дорожкѣ провожалъ (Моск. Вѣст. l. c.).

Нынѣ впрочемъ при проводахъ въ церковь пѣсни не вездѣ поются.

Въ церкви.

Въ старину въ церковномъ притворѣ приготовляли невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку и расплетали косу (Корн.). Жениху также тутъ причесывали голову (карт. изъ ж. д. каз.). И понынѣ этотъ обычай есть у старообрядцевъ: „въ церковной караулкѣ невѣстѣ расплетаютъ косы и надѣваютъ бабій нарядъ головной" (зап. въ Пятиизбянской ст.).

Наблюдаютъ, кто изъ брачущихся ранѣе сталъ на коверъ передъ аналоемъ: „тому въ семьѣ имѣть верхъ".

Послѣ вѣнчанія заплетаютъ косу новобрачной по женски и надѣваютъ повойникъ. Изъ церкви новобрачныхъ ведутъ во многихъ мѣстахъ въ вѣнцахъ, въ дру-

гихъ мѣстностяхъ вѣнцы снимаютъ въ церкви. У старообрядцевъ провожаетъ въ домъ священникъ съ крестомъ.

Приблизившись къ воротамъ, свашки поютъ обрядовыя пѣсни, напр.:

А, матушка утка,
Поворачивайся, хутко (скорѣй):
Солнышко низенько,
Бояра близенько,
Да выйди же, матушка, посмотри,
Да што тебѣ бояра привезли:
Или овечку-ярочку,
Или молодыхъ парочку (Моск. Вѣст. 1. с.).

или:

Отворяй, маменька, широкъ дворъ:
Да вотъ тебѣ, маменька, сынъ на дворъ,
Да не самъ съ собою—съ женою,
Со своей вѣрной слугою. (Савельевъ)

Встрѣча молодыхъ.

Родители встрѣчаютъ князя съ княгинею на крыльцѣ съ хлѣбомъ солью. Они поднимаютъ каравай надъ головою молодыхъ и, когда послѣдніе проходятъ, обсыпаютъ ихъ зерномъ, пшеницею, хмелемъ, орѣхами, монетой, пряниками. Въ Малодѣльской ст. сообщали, что хлѣбъ-соль и образъ становятъ въ сѣняхъ на столѣ. Новобрачные прикладываются къ образу и цѣлуютъ хлѣбъ. Потомъ вмѣстѣ съ дружкой три раза поднимаютъ столъ вверхъ и уже послѣ этого входятъ въ хату. Въ окрестностяхъ Луганской ст. молодыхъ обводятъ вокругъ телѣги 9 разъ, при чемъ князь каждый разъ бьетъ пристяжную, а потомъ жену. Послѣ того его заставляютъ поцѣловать жену также 9 разъ. Затѣмъ молодыхъ вводятъ въ хату (сообщ. В. П. Юшневскимъ). Потомъ родители князя посылаютъ вѣстоваго (или дружка) просить на пиръ родителей княгини. Когда послѣдніе въѣзжаютъ на дворъ, поютъ:

Сваха сваху ждала,
Коврами дворъ стлала,
Коврами бобрами,
Черными соболями. (Савельевъ и др.)

Въ хатѣ священникъ (у старообрядцевъ) снимаетъ съ новобрачныхъ вѣнцы и читаетъ молитву. Затѣмъ онъ наливаетъ полный стаканъ вина и поздравляетъ съ законнымъ бракомъ. Родители молодыхъ предлагаютъ ему угощенье, послѣ котораго онъ уходитъ. Сами же родственники, посидѣвъ немного вмѣстѣ, также расходятся по домамъ, а день для празднованія свадьбы назначается особо. Бѣдные празднованіе это откладываютъ мѣсяцевъ на 6, „покуда соберутся со средствами" (зап. въ Пятиизб. станицѣ).

Привозъ «сундука» въ женихову хату.

Послѣ же вѣнчанія привозятъ въ домъ князя и „сундукъ". Тутъ происходитъ снова торгъ: родственники князя выкупаютъ у привезшихъ имущество княгини.

Значеніе церковнаго вѣнчанія.

Обычай требуетъ, чтобы совершеніе брака было надлежащимъ образомъ отпраздновано. Но свадебный пиръ въ казацкомъ быту, повидимому, не имѣетъ такого значенія, какое приписываютъ „весілью" среди малороссовъ. Устройство свадебнаго пира требуется приличіемъ, дѣлается изъ желанія избѣжать недовольства и пересудовъ со стороны родственниковъ и сосѣдей и т. п. соображеніями. Совершившееся церковное вѣнчаніе само по себѣ, повидимому, считается вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ законности брака и влечетъ за собой всѣ права и обязанности супружескія: отвѣты въ этомъ смыслѣ я получалъ отъ казаковъ, какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ, рѣшительно всѣхъ мною посѣщенныхъ мѣстностей Области. Одинъ казакъ Верхнекурм. ст., въ доказательство сказаннаго, приводилъ мнѣ слѣдующее. „Да вотъ у меня былъ племянникъ сирота и у насъ же на хуторѣ жила семья, гдѣ всего и была одна дочь. Отецъ ея съ матерью поѣхали въ станицу, а она осталась на хуторѣ съ дѣдомъ. Вотъ я прихожу разъ къ дѣду (дѣвушки-то той), посидѣлъ трошечку, да и говорю: у васъ молъ есть невѣста, а у меня женихъ—либо вы его принимайте въ зятья, либо онъ у меня останется—на то ужъ ваша воля будетъ. А онъ и говоритъ: „ну ужъ этому не бывать, чтобы онъ

у тебя то оставался".—Ну, говорю: воля ваша.—Такъ дѣло и порѣшили. Въ ту же ночь какъ разъ попъ нашъ (старовѣрческій) пріѣхалъ. Разбудилъ меня невѣстинъ дѣдъ, говоритъ: обвѣнчаемъ-ка ихъ. Поскорѣй я одѣлъ моего парня-то, да къ попу. Попъ дѣло справилъ живо. А какъ проснулся народъ, то Анютка уже въ колпакѣ бабьемъ ходитъ. Дивуются всѣ диву. Такъ свадьба-то безъ одной рюмки и обошлась. Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ отецъ Анютинъ домой, а мать еще погостить осталась. А мужа-то—племянника-то моего — дома не случилось. Анюта подаетъ отцу обѣдъ, сама въ колпакѣ. Онъ поглядѣлъ было, да никакъ не смекнетъ... Ну пообѣдалъ, всталъ изъ за стола, а она ему какъ чебурахнется въ ноги: „прости, родненькій, говоритъ, что безъ тебя замужъ вышла. Ну конечно отецъ побранилъ немного, а потомъ и говоритъ: „Ну нечего дѣлать—безъ меня свадьбу сыграли, такъ я теперь за васъ повеселюсь". И пошелъ въ кабакъ—любилъ зашибать-то покойникъ—пошелъ въ кабакъ, да такъ и пропалъ на цѣлую недѣлю. Чудакъ право: ну хоть меня бы пригласилъ, да крестнаго, да еще кого-нибудь... а то въ одиночку веселился—а все отъ того, что вѣтеръ въ головѣ шумитъ...*).

---

*) Говоря о взглядѣ казаковъ на церковное вѣнчаніе, необходимо однако упомянуть и слѣдующій характерный случай, который разсказываетъ „Казачій Вѣстникъ" изъ „недавняго прошлаго". Весной, на красной горкѣ, во время разлива Хопра, „*четыремъ* семьямъ съ ближайшаго хутора непремѣнно нужно было переправиться въ станицу, потому что въ этотъ день назначены были ихъ свадьбы. Поѣздъ свадебный подъѣхалъ уже къ бушевавшему Хопру, и поѣзжане не знали, что имъ дѣлать, какъ быть!... Но скоро нашлись хитрецы и вывели всѣхъ изъ затрудненія. Стали они махать на ту сторону платками, шарфами и объяснять знаками — въ чемъ дѣло... Наконецъ-таки добились своего... Надо сказать, что Хоперъ на мѣстѣ переправы очень узко разливается. Станичники, пріятели поѣзжанъ, увидѣвъ свадебный поѣздъ и считая переправу невозможной, отправились къ батюшкѣ съ докладомъ, что де, молъ, такъ и такъ. Батюшка, не долго думая, послалъ за дьячкомъ, а потомъ, приказавъ ему забрать „требы", аналой, вѣнцы, словомъ, все нужное для

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ средѣ старочеркасскихъ старобрядцевъ), проводивъ молодыхъ изъ церкви домой, гости расходятся и собираются снова въ тотъ же вечеръ часовъ въ 8 на пиръ, по особому приглашенію жениховыхъ родителей черезъ дружка и свахъ. При входѣ въ горницу, дружко встрѣчаетъ гостей съ подносомъ и угощаетъ виномъ. Гости выпиваютъ и проходятъ одинъ за другимъ.

Свадебный пиръ.

Но обыкновенно гости, вернувшись изъ церкви, остаются въ домѣ молодыхъ весь день. Князя съ княгиней сажаютъ въ передній уголъ, угощаютъ ихъ, а потомъ уводятъ въ особую горницу на покой. Въ иныхъ мѣстностяхъ это дѣлается послѣ раздачи каравая. Въ спальню молодыхъ отводятъ дружко и сваха. Они же помогаютъ имъ раздѣться и кладутъ на кровать. Въ былое время у казаковъ было въ обычаѣ, чтобы княгиня разувала князя, у котораго въ правомъ сапогѣ она находила плетку (Корнил.). Нынѣ этого обряда нѣтъ въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ. Въ окрестностяхъ Луганской ст. молодой ударяетъ плетью по подушкѣ, дѣлая видъ, что бьетъ жену. Молодая громко кричитъ. Затѣмъ ее кладутъ въ кровать, и она изображаетъ больную (отъ побоевъ) сильно охая, а свекруха приноситъ ей кушанье (Сообщ. В. П. Юшневскимъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

Отводъ молодыхъ въ спальню.

брака, отправился съ нимъ на берегъ бушевавшаго Хопра. Пришли. Объяснились черезъ рѣку знаками, и... началось таинство брака: женихъ и невѣста на одной сторонѣ Хопра, а батюшка и родня ихъ—на другой. Запѣли „Исаія ликуй", махнули въ ту сторону платкомъ, и молодые пошли вокругъ телѣги, а батюшка здѣсь—идетъ вокругъ аналоя, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, съ вѣнцами въ рукахъ, въ образѣ шаферовъ. Кончили пѣніе и чтеніе и дали знакъ молодымъ поцѣловаться. Тоже продѣлали съ остальными парами. Поздравили новобрачныхъ, и на обѣихъ сторонахъ бушующей рѣки закутили станичники: одни на хуторѣ, за Хопромъ — другіе въ станицѣ... Не даромъ же весь міръ признаетъ казаковъ смѣтливыми и искусными въ обходахъ всякаго рода препятствій!"... (Казач. вѣст. 1883 г. № 28).

Области, взойдя съ молодыми въ спальню, свашка начинаетъ оправлять подушки, а дружко, подошедъ къ ней, схватываетъ ее на руки, кладетъ на кровать, ложится подлѣ нея самъ и накрывается одѣяломъ: „постель холодна нужно ее погрѣть" (Кар. изъ нар. ж. д. каз.). Потомъ укладываютъ молодыхъ. Дружко учитъ князя: „положи жену на руку—вотъ такъ; жалѣй ее, какъ душу свою, и т. п.". Сваха даетъ такія же наставленія княгинѣ. Потомъ прикрываютъ ихъ одѣяломъ и оставляютъ однихъ (зап. въ Пятиизб. ст.). Дружко сторожитъ покой молодыхъ. Это время особенно опасно для молодыхъ вслѣдствіе вліянія злыхъ чаръ. Среди казаковъ мнѣ доводилось слышать множество разсказовъ о порчахъ и волшебствахъ, совершаемыхъ вѣдунами, вѣдьмами въ это самое время. Не рѣдко напр. князь оказывается неспособнымъ вслѣдствіе чаръ и „лиходѣйства". „Бабы, говорили казаки, между собой хорошо знаютъ, какъ это дѣлать". Въ такихъ случаяхъ дружко совѣтуетъ жениху слѣдующее средство: приложить воротъ своей (князя) рубашки къ вороту рубашки княгини и затѣмъ обѣ рубашки разорвать. Такъ какъ бѣлье на этотъ разъ надѣвается „все съ ниточки" (т. е. новое), то разорвать не трудно. Какъ только обѣ рубашки разорвутся, и тѣло князя соприкоснется съ тѣломъ супруги, то чары должны исчезнуть.

Молодая, иногда желая обмануть своего мужа относительно своей непорочности, выливаетъ украдкой на простыню кровь, которую она держитъ для этой цѣли наготовѣ въ гусиномъ перѣ. Но, по мнѣнію казаковъ, если ей и удастся обмануть мужа и дружка, то свашку она ужъ никакъ не проведетъ.

Показываніе чести новобрачной и проч.

Гости все время пребыванія молодыхъ въ спальнѣ пируютъ. Въ старину „передъ жаркимъ поднимали молодыхъ". Этотъ обрядъ, „установленный для женской непорочности, соблюдался въ то время такъ строго, что, когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобы показали честь новобрачной, а

безъ того не разрѣзывали жаркаго" (Корн.). И только по удостовѣреніи о благополучіи молодой посылали дружка и сваху къ родителямъ невѣсты съ приглашеніемъ на пиръ. „Однако же, разсказываетъ Корниловичъ, не долго сохранился у насъ сей обычай: скоро стали приглашать родителей своихъ прямо къ столу и въ ихъ присутствіи поднимать князя съ княгинею". Такъ дѣлается и нынѣ.

Во многихъ низовыхъ станицахъ, по свидѣтельству г. Краснова, и нынѣ „если сваха въ надлежащее время (передъ жаркимъ) не выдетъ, или извѣстіе будетъ неблагопріятное, то начинается возня и шумъ, поютъ срамныя пѣсни, въ которыхъ поносятъ родителей молодыхъ" (l. c. p. 427).

Вообще же говоря, нынѣ — насколько я имѣлъ случай наблюдать — казаки относятся, повидимому, менѣе строго къ вопросу о томъ „благополучна ли" молодая или „неблагополучна" и отличаютъ (особенно въ верховыхъ ст.). въ этомъ отношеніи рѣзко свои обычаи отъ обычаевъ хохловъ, у которыхъ, по словамъ казаковъ, „при этомъ случаѣ, такія мерзкія пѣсни поютъ, что и сказать-то стыдно". Въ случаѣ оказавшагося „неблагополучія" новобрачной, князь, во избѣжаніе срама и стыда, беретъ грѣхъ на себя и проситъ дружку и сваху скрыть „неблагополучіе". „Коли князь взялъ — говорили казаки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — и не побрезгалъ, значитъ, нѣтъ никому до того дѣла, а тамъ она хоть на другой день роди: скажутъ — твое молъ счастье, да и только".

По этому въ средѣ казаковъ—сколько мнѣ извѣстно—вообще мало употребительны пѣсни, коими срамятъ молодую и ея родителей. Только въ нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною мѣстностей казаки сообщали мнѣ, что въ подобныхъ случаяхъ подносятъ матери новобрачной вино въ стаканѣ съ пробитымъ дномъ или стараются надѣть на нее хомутъ. „Тогда всѣмъ гостямъ сдѣлается непріятно и свадебный пиръ будетъ скучный". Обыкновенно же дружко и сваха „скрадываютъ грѣхъ не-

вѣсты", выводятъ молодыхъ изъ спальни и объявляютъ, что невѣста благополучна или, ничего не говоря, начинаютъ бить посуду (добрый знакъ). Зато г. Красновъ сообщаетъ, что „въ низовыхъ станицахъ сваха или представляетъ несомнѣнное свидѣтельство чести и непорочности новобрачной или говоритъ объ этомъ родителямъ жениха" (ibid). Тогда родители князя навязываютъ дружкѣ на руку платки, а свахѣ навѣшиваютъ крестообразно черезъ плечи матеріи. То же дѣлаютъ и родители княгини. Всѣ радуются, начинаютъ пѣть и плясать. При этомъ поютъ особыя обрядовыя пѣсни, въ которыхъ величаютъ родителей молодой, что съумѣли дочь свою „соблюсти", въ родѣ слѣдующей:

Ты не бойся, матушка, не бойся,
Въ червонные чоботы обуйся,
Да хоть наша матушка молода,
Да вывела матушку со стыда. (Красновъ).

Въ старину „всѣ гости прикалывали къ головному убору или къ груди кисточки свѣжей калины (Терещ.).

Въ Старочеркасской ст. (у старообрядцевъ), нынѣ по окончаніи стола, свахи подаютъ бокалы, перевязанные алыми лентами и поютъ:

А въ лузѣ калина
Весь лугъ наломила,
А наша Груничка
Весь родъ взвеселила.

За вино платятъ деньги, которыя идутъ въ пользу свахъ (Ребровъ). Поютъ еще слѣдующее:

У насъ нынче любо да мило:
Пріѣхалъ съ торга Данило,
Привезъ молодой запаску
За ея пріятную ласку...

или:

То-то любо, то-то хорошенько,
Зеленаго лугу калина,
Честнаго рода дѣтина... (l. c.).

Раздача каравая и подарки молодым.

Въ концѣ обѣда дружко приноситъ каравай. Въ старину „послѣ обѣда дружко вносилъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ, изрѣзанный кусками большой каравай, котораго каждая частичка была украшена серебрянымъ лебедемъ или золотою сосенкою и на каждой положено было немного сыру; за нимъ сваха вела за руки молодаго князя и княгиню. Сотворивъ молитву, дружко открывалъ каравай, разносилъ оный по порядку гостямъ, прося, именемъ молодыхъ: „сыръ-каравай принимать и молодыхъ надѣлять", а молодые вслѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ и медомъ. Гости обнимали молодыхъ и дѣлали имъ подарки. Старались дѣлать возможно роскошные дары (Корн.). „Принимая вино, гости говорили слѣдующія пожеланія: „желаю здравствовать князю молодому со княгиней, княжему отцу—матери, дружкѣ со свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ, не всѣмъ поименно но всѣмъ поравенно; что задумали, загадали, опредѣли, Господи, таланъ и счастіе; слышанное видѣть желаемое получить въ чести и радости ненарушимо". Собраніе отвѣчало: „опредѣли, Господи!" (ibid.).

Въ настоящее время въ однѣхъ мѣстностяхъ раздача свадебнаго каравая происходитъ подобно только что описанному, въ другихъ же мѣстностяхъ она происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда дружко разрѣжетъ каравай на куски по числу гостей, онъ обращается къ родителямъ князя со словами: „отецъ-мать, благословите каравай внести и молодыхъ ввести". Тогда приносятъ столъ, на который ставятъ каравай. Мать жениха покрываетъ куски платкомъ. Кто нибудь снимаетъ платокъ и надѣваетъ его на шею дружкѣ, молодые же навязываютъ дружкѣ платки на руки. Свахъ также перевязываютъ разными матеріями; перевязки эти дѣлаются крестобразно (Ребровъ l. c.). Затѣмъ дружко, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, говоритъ: „сыръ-каравай принимайте—золотую гривну давайте: они (молодые) люди randomнановѣ и имъ много надобно"... (зап. въ

Верхнекурмояр. ст). Затѣмъ онъ разноситъ каравай между гостями и всякій изъ нихъ даритъ молодыхъ.

Въ Малодѣльской ст. при разносѣ сыръ-каравая, молодые кланяются каждому гостю въ ноги, при чемъ онъ имъ даетъ разныя наставленія, облеченныя въ шутливую форму, возбуждая этимъ всеобщій смѣхъ. Сдѣлавъ подарокъ (деньгами, платокъ, овцу, жеребенка, ситцу на платье и т. п.), прибавляетъ шутки ради еще что-нибудь, напр. вынимаетъ изъ кармана крюкъ и говоритъ: „вотъ еще вамъ конь", или даритъ деньгами, намѣняными на мелкія монеты, заставляя молодыхъ послѣ полученія каждой монеты цѣловаться и т. п.

«Веселое утро».

На другой день („веселое утро") у старообрядцевъ въ обычаѣ водить молодыхъ въ баню (зап. въ Пятиизб. ст.). Въ былое время (а мѣстами и нынѣ) мать молодой присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы съ изюмомъ и кореньями и „вареное", приготовленное на винѣ съ сахоромъ и пряными кореньями (Терещ.). Въ этотъ же день молодые обходятъ хаты всѣхъ бывшихъ на свадьбѣ гостей. При этомъ дружко украшается алыми лентами, которыя ему прикалываетъ мать молодой (Ребр. l. c.), а свахи такими же лентами украшаютъ себѣ голову. Свахи поютъ:

А любая, да милая мати,
Съумѣла Грунечку отдати,
Такую молодую, какъ розу полную;
Полная роза полненька,
Добрая Грунечка добренька,
Пришла Ваничкѣ хорошенька (l. c.)

или:

Дай, Боже, доброе лѣто, (2)
Чтобъ уродилось жито
Колосомъ колосисто,
И зерномъ зернисто (желая этимъ плодородія молодой) Д. О. В. 1875, № 84.

«Отводы» и конецъ свадебныхъ пиршествъ.

Пиры свадебные продолжаются иногда цѣлую недѣлю, пока наконецъ веселье не оканчивается обѣдомъ у родителей молодой, гдѣ присутствуютъ преимущественно

пожилые люди. Въ старину этотъ пиръ назывался отводами. Въ Старочеркаскѣ свахи, созывая гостей на этотъ обѣдъ, поютъ:

Спасибо маменькѣ за дочку,
За пахучую мяточку,
За червонную калину,
За твою любую дѣтину (l. c.).

Тесть и теща ловятъ курицу и, обвязавъ лентами, сажаютъ ее на столъ. Мать молодой снимаетъ курицу со стола и кладетъ на колѣна своей дочери со словами: „вотъ твоя приданая“ (ibid). Послѣ обѣда, веселье обыкновенно продолжается до утра.

Въ ст. Верхнекурмоярской, по словамъ казаковъ, предъ окончаніемъ свадебныхъ пиршествъ бываетъ обрядъ разжалованія молодыхъ. Дружко и гости говорятъ: „ну вы теперь не князь и не княгиня: берись ты за вилу, а ты за рогачъ“. Потомъ и дружкѣ говорятъ: „ты теперь не дружко, а ты теперь не полудружье, ты теперь не сваха“, и т. д. Тогда дружко, сваха и прочіе снимаютъ съ себя полотенца и кладутъ въ карманъ. Обязанности ихъ кончены, и они могутъ отдохнуть. Въ стан. Каменской, а также въ др., обойдя всѣ дворы присутствовавшихъ на свадьбѣ гостей, обмываются въ домѣ свата водой: „тушатъ пожаръ“. Потомъ ставятъ въ присутствіи гостей свахѣ на животъ горшокъ и при крикѣ „ура“ разбиваютъ его скалкой: „этимъ выражаютъ благодарность свахѣ за то, что она родила дочку, на свадьбѣ, которой они удостоились присутствовать“ (Д. О. В. 1875 г., № 84). Въ иныхъ мѣстностяхъ горшокъ ставятъ на столъ вверхъ дномъ, на тарелку наливаютъ водку и, обмочивши въ ней нѣсколько платковъ, зажигаютъ. Горшокъ нужно разбить, а платки залить водой—„потушить пожаръ“ (Кар. изъ ж. д. каз.).

Таковы въ общихъ чертахъ казачьи свадебные обряды. Въ частностяхъ они значительно варьируются по

мѣстностямъ. Еще Корниловичъ справедливо указывалъ на то, что „въ каждой станицѣ (въ свадебныхъ обрядахъ) было что-нибудь свое собственное“ (1. с. р. 335).

Въ прежнее время, по словамъ самихъ казаковъ, свадьбы у нихъ были торжественнѣе, и обряды исполнялись строже, чѣмъ нынѣ. Въ Верхнекурмоярской ст. мнѣ разсказывали про одного казака, который, сватаясь, прямо заявилъ матери невѣсты: что если она пожелаетъ „старину въ полности соблюдать“, то онъ не согласенъ и заблаговременно отказывается отъ невѣсты, потому что „всѣ эти глупости и шутки дюже его конфузятъ“. И невѣстина мать вынуждена была сдѣлать по немъ.

Свадьба у раскольниковъ имѣетъ много своеобразныхъ чертъ, частью вслѣдствіе приверженности ихъ къ старинѣ, а частью вслѣдствіе догматовъ самихъ сектъ. Но кромѣ этого печать свою наложили и тѣ гоненія и стѣсненія, которымъ подвергались раскольники со стороны правительства. Слѣдующее, напримѣръ, разсказывали мнѣ старообрядцы въ Пятиизбянской ст. „Нашимъ дѣтямъ уже не испытать того, что испытывали, бывало, мы. Бывало, у насъ многіе давнымъ давно сосватаны, а обвѣнчать нельзя: попа нигдѣ не найдемъ, просто хоть плачь. Тогда всѣхъ нашихъ поповъ ловили и сажали въ тюрьмы. Да часовые изъ нашихъ же—старообрядцевъ—помогали попамъ изъ тюрьмы бѣжать. Вырвется, бывало, попъ на волю, подвяжетъ кандалы, убѣжитъ и хоронится гдѣ нибудь въ степи. Помню, батюшка мой разсказывалъ про одного попа, который чуть ли не съ недѣлю пролежалъ въ балкѣ, покуда его не нашли свои: ихъ часовые-то осторожные оповѣстили. За все это время попъ одними яблочками питался; диво какъ еще остался живъ-то! Такого попа отвезутъ, бывало, тайно, да окольными путями къ кому нибудь изъ богатыхъ казаковъ, у кого заборы, да тынъ, да ворота поздоровѣе, да кошелекъ потолще, чтобъ задарить кого слѣдуетъ. У такого то казака попъ и хоронится гдѣ нибудь въ подпольѣ. А тѣмъ временемъ у нашихъ ужъ разой-

Свадьбы у раскольниковъ.

дется слухъ, что объявился, молъ, попъ, и вотъ начнутъ со всѣхъ сторонъ съѣзжаться женихи и невѣсты. И ужъ ѣхать-то, какъ страшно бывало: въ дорогѣ-то недѣли по двѣ проводили и все то время подъ страхомъ были, потому что хохлы и казаки изъ церковныхъ очень хорошо объ этихъ дѣлахъ знали и часто нашихъ ловили по дорогамъ и забирали. „Особливо опасно было на мостахъ и перевозахъ. Тутъ, бывало, стоитъ хохлушка какая нибудь, посмотритъ на насъ и скажетъ: это, молъ, вы куда же ѣдете-то? — „Да мы, молъ, вотъ туда-то", и сбрешутъ что нибудь. А она: это вы должно быть невѣсту везете? Подниметъ полость то въ телѣгѣ, а и вправду невѣста лежитъ тамъ, притаившись. Ну станутъ упрашивать хохлушку, чтобы помолчала, денегъ ей дадутъ... А въ праздникъ никогда станицами не ѣздили, потому еще опаснѣе было. А обвѣнчавшись, ѣдутъ, бывало, смѣло—ничего не боятся, потому дѣло сдѣлано, обвѣнчаннаго не разведетъ ужъ никто. А богачи, у которыхъ попы-то хоронились, съ каждой свадьбы пошлину брали рубля по три".

Казакъ Николаевъ въ Верхнекурмоярской ст. разсказывалъ, что, бывало, къ бѣглому попу съѣзжались свадебъ по десяти сразу. „Передъ вѣнчаніемъ всѣ выпьютъ, закусятъ. И самъ попъ-то, бывало, сильно выпивши, вѣнчаетъ въ полушубкѣ, ругается... просто грѣхъ. Одна только вѣра и спасала, бывало, а то такъ бы и наплевалъ на все это безобразіе"...

У безпоповцевъ Пятиизбянской ст. невѣсту за нѣсколько дней до свадьбы привозятъ къ женихову отцу. Съ этихъ поръ она и живетъ подъ однимъ съ нимъ кровомъ, но ложе не раздѣляетъ. „Все это время они много читаютъ молитвъ". Потомъ уже ихъ „сводятъ" съ благословенія старика—начетчика, послѣ чего имъ разрѣшается дѣлить ложе. Свадьбы эти, по словамъ казаковъ, отличаются скромностью: „въ станицѣ часто никто и не знаетъ, что тамъ то свадьба".

Второй и третій браки.

Что касается втораго брака, то онъ можетъ заключаться уже спустя 40 дней по кончинѣ супруга („какъ сорочины отойдутъ“). То же и при третьемъ бракѣ. Ранѣе этого срока вступать въ новый бракъ считается предосудительнымъ „потому, что все это время душа покойника по мытарствамъ скитается и часто старое жилье посѣщаетъ“.

Весьма нерѣдкое явленіе въ казачьемъ быту, что если мужъ умретъ, то казачка ищетъ хорошаго человѣка, чтобы легче было ей съ хозяйствомъ справляться. Женятся и казаки во второй и въ третій разъ. У раскольниковъ — если вѣрить словамъ казаковъ — дозволяется 2 раза жениться на дѣвушкахъ, а въ третій разъ лишь на вдовѣ, если казакъ желаетъ взять изъ своихъ — раскольниковъ, а если пожелаетъ онъ и въ третій разъ жениться на дѣвушкѣ, то невѣсту нужно брать изъ православной семьи. Самая свадьба вдовца и вдовы, вообще говоря, отличается меньшею пышностью, такъ напр. въ этомъ случаѣ, „бываетъ меньше подарковъ“. Собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ я не имѣлъ случая.

Четвертый бракъ.

Бываетъ, говорили мнѣ казаки, что, схоронивъ трехъ женъ, казакъ еще не старъ и, желая жить „честно“, ищетъ четвертой жены и находитъ. Такъ на хуторѣ Караичевѣ былъ случай: пошла за казака, схоронившаго уже трехъ женъ, молодая вдова. Вѣнчанія разумѣется быть не могло, но собрались родственники и сказали: „ну будьте вы словно мужъ и жена“. Благословясь, и стали они жить вмѣстѣ (со словъ казака Воробьева). „Оно конечно священникъ не приказываетъ это дѣлать, да вѣдь Богъ то видитъ, для чего это дѣлаютъ: для того дѣлаютъ, чтобы честно жить, а не водиться съ сударками. Вотъ къ примѣру и сказка. Играли гдѣ-то казаки музыканты. Ихъ напоили водкой. Они пошли домой. Барабанщикъ идетъ съ барабаномъ, а время-то было жаркое—ну водка надъ нимъ и командуетъ. Прилегъ онъ посреди дороги и заснулъ. Набрели на него другіе ре-

бята, да и говорятъ: это, говорятъ, нашъ вѣдь; не годится, братцы, ему лежать здѣсь — могутъ его увидѣть другіе и тогда осмѣютъ: будутъ говорить что нашего полка всѣ пьяницы. Стали они его подымать—глядятъ, а онъ мертвый: водка, значитъ, въ утробѣ его загорѣлась. Что дѣлать? Донести начальству — избави Боже: засудятъ. Лучше, говорятъ, зароемъ его вмѣстѣ съ барабаномъ, да и скажемъ, что не видали. Ладно, зарыли. Вотъ онъ и попалъ на тотъ свѣтъ. Идетъ себѣ и видитъ—дорога на двѣ стороны легла, а на столбѣ написано: направо въ рай, налѣво въ адъ. Пойду, говоритъ, вправо. Ну, пришелъ къ раю. Глядитъ — стоитъ часовой: „ты куда", спрашиваетъ. Извѣстно, говоритъ, куда—въ рай. „Да нешто, говоритъ, тебя можно въ рай пустить: вѣдь отъ тебя водкой несетъ". И не пустилъ. А казакъ началъ тревогу бить. Изъ рая-то всѣ и повыбѣжали: бѣгутъ, глядятъ, что случилось. А казакъ тѣмъ временемъ въ рай и пробрался. Какъ вернулись праведные въ рай, сейчасъ же носы заткнули: „отъ кого это, говорятъ, водкой такъ несетъ". Увидали барабанщика и принялись было его бить. А тутъ другіе проходили мимо, увидали и говорятъ: оставьте его, братцы, вѣдь онъ ничего не сдѣлалъ такого, чтобы нельзя ему быть здѣсь; а изъ насъ-то кто не грѣшилъ? А тѣ сказали: это справедливо, и мы вѣдь грѣшны всѣ передъ Господомъ, потому и не намъ судить, а, значитъ, Господь самъ такъ разсудилъ, что быть ему здѣсь. — Такъ вѣдь и остался въ раю. Такъ вотъ и жить нужно: чтобы только передъ Господомъ душа у тебя чистая была" (со словъ казака Катeльникова, православнаго, записано на хуторѣ Караичевѣ).

Отношенія между супругами личныя.

Въ прежнее время казакъ имѣлъ надъ своей женой „власть неограниченную". Каково было въ это время отношеніе между супругами на Дону краснорѣчиво говорятъ свидѣтельства писателей, разсказывавшихъ со-

словъ донскихъ старожиловъ, казацкія пѣсни, и на конецъ сохранившіяся у казаковъ до сихъ поръ преданія о старинномъ бытѣ. Такъ вицеадмиралъ Крейсъ въ своихъ разысканіяхъ о Донѣ и проч., поднесенныхъ царевичу Алексѣю Петровичу въ 1699 году, сообщаетъ, что „между прочими дозволенными ихъ вольностями есть особое употребляемое ими право въ осужденіяхъ къ смерти и власти надъ женами, коихъ они могутъ отъ себя отрѣшать, не давая въ томъ никакого отвѣта и безъ позыва къ суду“ (Отеч. Зап. 1824 года, № 4). А. Ригельманъ подробнѣе разсказываетъ объ отношеніи казаковъ былаго времени къ женщинѣ. „Когда стали имѣть женъ, говоритъ онъ, то имѣли сперва и волю. Если кому жена была уже не мила и неугодна или не надобна, ради какихъ нибудь причинъ, онъ ихъ мѣнять, продавать и даромъ отдавать могъ, водя по улицамъ и въ кругъ крича: „кому люба, кому надобна? она мнѣ гожа была, работяща и домовита, бери кому надобно!“ И если выищется кто оную взять, договаривались цѣною или какою мѣною, по случаю жъ и за попойку, отпуская ее изъ рукъ, отдавали. Когда же взять жены никто не выискивался, то такъ на волю отпускали“ (l. c. p. 9). Въ одной старинной казацкой пѣснѣ ясно выраженъ взглядъ описываемаго времени на женщину:

Собирались казаки други во единый кругъ;
Они стали межъ собою да все дуванъ дѣлить:
Какъ на первый-отъ пай они клали 500 руб.,
На другой-то пай они клали всю тысячу;
А на третій становили красну дѣвицу....
Какъ растужится, какъ расплачется добрый молодецъ
(которому досталась дѣвица):
Голова ль ты моя, головушка несчастливая,
Во бою то, во баталицѣ наипервая,
На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя!...
(Рус. Стар. Спб. 1824 г.).

Женщины, по словамъ Корниловича, обязаны были отдавать всегда первенство казакамъ и выказывать зна-

ки почтенія къ мужчинамъ, особенно если послѣдніе являлись въ военныхъ доспѣхахъ; такъ напр. если женщина встрѣчала вооруженнаго казака на узкихъ помостахъ грязной улицы, то она должна была сама сойти въ грязь, а ему уступить мѣсто прохода (1. с. р. 265).

Наказаніе жены мужемъ въ старину.

За проступки наказывали женъ весьма жестоко: за малые проступки—брань, побои, за большіе—„зимнее купанье на арканѣ въ проруби" (Корн.). „За продерзости, разсказываетъ Ригельманъ, за чужеложство и за иныя вины, связавъ руки и ноги и насыпавши за рубашку полныя пазухи песку, и зашивши оную, или съ камнемъ навязавши, въ воду метали и топили, а иногда убійственно мертвили, не опасаясь по своевольству своему за то какого взысканія". Особенно строги были наказанія женъ въ случаѣ ихъ невѣрности. Мнѣ разсказывалъ старецъ казакъ Евлампій Максимовичъ Кирѣевъ (Чернышев. ст.), что онъ слыхалъ отъ своего отца какъ въ старину казаки, по возвращеніи изъ похода, обращались съ женами въ томъ случаѣ, если онѣ „не соблюли честность": тѣ, „у кого сердце было погорячѣе", прямо снимали съ жены голову шашкой. Случалось, что такихъ казаковъ судили товарищи и вся станица и иныхъ наказывали, а другимъ это даромъ проходило, смотря по тому, какого поведенія была убитая жена. Другіе казаки вырѣзывали шашкой изъ спины жены ремни: рана либо заживала, либо влекла за собой смерть. Иные, раздѣвъ жену до-нага, привязывали на дворѣ и оставляли на съѣденіе комарамъ, или близь муравейника—на съѣденіе муравьевъ. Но казакъ обыкновенно не сразу наказывалъ жену, а старался поймать ее съ „блудодѣйникомъ" или прослѣдить за ея поведеніемъ.

Воззрѣнія современныхъ казаковъ на женщину.

Само собой разумѣется, что положеніе женщины, подобное только что описанному и продержавшееся болѣе двухъ вѣковъ, за все то время, когда женщина въ глазахъ казака была почти только невольницей, рабой, вещью, предметомъ купли—продажи и мѣны и объектомъ для изліянія своего дикаго гнѣва обладавшаго ею казака—

не могло способствовать образованію болѣе гуманныхъ взглядовъ и въ средѣ современныхъ казаковъ вообще на женщину и въ частности на жену.

„Отъ Бога такъ показано, говорили мнѣ казаки, чтобъ казаку старше бабы быть, а Господь знаетъ для чего попускаетъ; тутъ человѣку ужъ противиться нельзя“. Въ подтвержденіе этого они разсказывали легенду, содержаніе которой въ немногихъ словахъ слѣдующее. Разъ шли по землѣ апостолы Иванъ Богословъ и Петръ и увидали, что мужъ жену среди улицы жестоко билъ. Имъ стало жалко жену; они пожаловались Господу. А Господь сказалъ имъ въ отвѣтъ: нельзя иначе—такой уже между людьми обрядъ положенъ, чтобы мужъ надъ женой старшій былъ. А апостолы усумнились, что такъ то лучше. Тогда Господь сказалъ: посмотримъ; будь по вашему. Слово Господне, конечно, крѣпко и вотъ съ того времени та жена надъ своимъ мужемъ власть возъимѣла, заставила его хозяйство вести, а сама все время въ кабакѣ проводила. Вотъ приходятъ апостолы опять къ той хатѣ и просятъ ночлега. Мужъ пустилъ; а когда жена вернулась домой, то не только мужа стала нещадно бить за своевольство, а и самого Петра за волосы схватила и изъ хаты выволокла. Тогда апостолы вернулись къ Господу и разсказали, что въ той хатѣ и хозяйство идетъ вверхъ дномъ, и женка буянитъ. А Господь уже раньше зналъ все; онъ сказалъ имъ: не мудрите сами, ибо все ко благо людскому сдѣлано, а если бабамъ дать волю, то вся земля опустошится, потому что у нихъ сердце гораздо жесточѣе мужскаго“. Эту легенду я слышалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Донской области.

На хуторѣ Караичевѣ мнѣ разсказывали слѣдующую побасенку. Одинъ казакъ хотѣлъ посмотрѣть, что тогда будетъ, коли женщинамъ власть дать. Онъ пришелъ домой со станичнаго сбора, жена его спрашиваетъ: „что новаго?“ А онъ ей: да что новаго, намъ казакамъ слезы, а вамъ веселье.—„Какъ такъ?“—Да получили, говоритъ, грамату: приказъ вышелъ во всемъ васъ бабъ слушать.—А жена

то на это: „такъ, такъ... а что же это у насъ воды то въ хатѣ нѣтъ?! поди ка принеси, да поживѣй“. Мужъ пошелъ, принесъ. А жена ему опять: „а дрова-то гдѣ, ихъ то кто же носить станетъ!?“ Мужъ и дрова принесъ. А женка опять: „а изъ печки то, говоритъ, кому соръ выметать?! ступай ка пошевеливайся!“ Видитъ казакъ, что дѣло то плохо. Онъ пошелъ опять на майданъ. Пришелъ назадъ, жена его спрашиваетъ: „что новаго слышно?“ Да новаго то, говоритъ, вотъ что: опять намъ казакамъ надъ вами волю дали, дура ты баба. А она ему: „ахъ, миленькій, такъ и надо, а то ты ужь умаялся, прилечь бы тебѣ, да отдохнуть“. И нарочно вокругъ него устилается, да ласкается, чтобы тумака не получить. Вотъ онѣ каковы наши бабы то донскія“.—„Мы всѣ простоваты, какъ хохлы, такъ разсуждали казаки въ Чернышевской ст.: баба одного и боится — кулака; еслибъ Богъ мужчинскому полу силы не далъ, то всѣмъ бы намъ умирать пришлось“.

Отношенія между супругами по воззрѣніямъ казаковъ.

Мужъ, по воззрѣніямъ казаковъ, „глава и покровитель жены, какъ въ церкви при вѣнчаніи читается“; „мужъ яко на главѣ (храма) крестъ“; „глава, что въ церкви, то и я есть“; „не мужъ женой красенъ, а жена мужемъ“. Отношенія между мужемъ и женой, по словамъ казаковъ должны быть таковы: „жена должна сначала мужу покориться, а онъ ее—миловать“; „жена должна слушаться мужа, а онъ ее любить; но любить надо такъ, чтобъ жена этого не знала: пропащая твоя голова, когда узнаетъ жена—что ты ее любишь—не будетъ она кориться, все напротивъ будетъ дѣлать; а не знаетъ жена, что ты ее любишь, будетъ тебя бояться и слухать“. „Жену люби какъ душу, да труси какъ грушу: этого не забывай, чтобъ знала, что ты ей мужъ“.

„Учить мужа жена не смѣй, а совѣтовать можетъ. Но совѣтамъ жены не слѣдуетъ много поддаваться. Есть такіе, что безъ жены ни шагу, носа безъ жены утереть не съумѣетъ; это ужь плохой казакъ: добрую жену довольно три раза въ годъ слушать, а дурную одинъ

разъ, да если и разу не послушаешь и то бѣды не будетъ"; „не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ дома: какъ коня на уздѣ держать нужно, а отпустишь на волю, не поймаешь—самаго хозяина убьетъ, а въ руки не дастся; такъ и жена: самая благочестивая жена мужа 7 разъ на день обманетъ". И въ пѣснѣ поется:

Идѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Идѣ сестра плачетъ, тамъ колодезь,
А идѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.—
Вотъ какъ мать плачетъ, во вѣкъ до вѣку,
А сестра плачетъ, отъ года до году
А жена плачетъ, день до вечера (Сав., с. 143).

или такъ:

Гдѣ мать плакала, тамъ рѣка текла,
Гдѣ сестрица плакала, три колодца узрѣзь стоятъ,
Гдѣ жена молода плакала,
На томъ мѣстѣ чуть роса канула (Секретевъ, Д. О. В. 1875 г., № 81).

Жена и хорошая часто бываетъ легкомысленна, а потому „мужъ долженъ ее учить. Но бить надо за дѣло, съ умомъ бить нужно, а не безъ толку, а то и Господь не стерпитъ этого". „Добрую жену нужно учить втихомолку, а злую и на людяхъ не бѣда: не мало она тебѣ зла то надѣлаетъ!". „Удары хорошей женѣ—малые, а лучше совсѣмъ не ударять; а плохую жену за косу схвати да и хлещи вволю: и того ей мало". „Бей шубу теплѣй будетъ, бей жену—добрѣй будетъ". „Жена лихая—змѣя лютая; лучше же со змѣей жить, чѣмъ съ лихой женой: змѣя хоть свернется и голову спрячетъ, коли ты на нее замахнулся, а жена лихая прямо на тебя идетъ, ничего не боится". „Непокорливая жена даже если въ адъ попала, такъ и тамъ всѣхъ чертей поразогнала, даже бѣсамъ съ ней терпѣнья нѣтъ: вотъ до чего баба

довести можетъ; не даромъ говорятъ у насъ, что бабы собраны изъ гадючьихъ спинокъ“ *).

Вліяніе воззрѣній въ жизни.

Вліяніе этихъ взглядовъ разумѣется сказывается и въ жизни; такъ напр. въ церквахъ всѣ казачки стоятъ позади мужчинъ въ трапезной. Въ одной изъ низовыхъ ст. недавно былъ случай продажи мужемъ своей жены. Объ этомъ мнѣ сначала разсказывалъ въ Новочеркаскѣ, С. Ф. Номикосовъ, а затѣмъ почти тоже самое мнѣ довелось слышать въ Гниловской ст., Черкасскаго округа. Вѣроятно въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду одно и то же происшествіе. По словамъ Гниловскихъ казаковъ, дѣло было такъ. Два казака вмѣстѣ пили въ шинкѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: знаешь что? ты вѣдь свою жену не любишь, такъ продай мнѣ ее; а мнѣ твоя какъ разъ по сердцу пришлась. — „Такъ что жъ—бери, коли люба“.—А сколько просишь за нее?„ Да давай рублей сто“. Они сторговались и сдѣлали письменное условіе. На другой день мужъ проданной жены протрезвился и пошелъ объявить въ станичное правленіе и просить не допускать до сраму. А купившій жену казакъ не уступалъ и показывалъ письменное условіе. Дѣло кончилось тѣмъ, что власти приказали уничтожить условіе. Но ранѣе этого казакъ, купившій жену, пришелъ къ послѣдней въ хату и, объявивъ ей, что она продана, требовалъ, чтобы она немедленно послѣдовала за нимъ. Казачка до такой степени перепугалась, что захворала и слегла въ постель. Протрезвившись, казакъ-покупатель приходилъ къ ней нѣсколько разъ и, кланяясь въ ноги, просилъ прощенія. — Сообщая это въ интересахъ большей полноты свѣдѣній, я долженъ однако отмѣтить, что описанный случай, по моему мнѣнію, долженъ быть разсматриваемъ только какъ исключительный фактъ,

---

*) Все сказанное записано со словъ казаковъ разныхъ мѣстностей Области.

нисколько не характеризующій современный бытъ казаковъ *).

Положеніе казачки дѣйствительно бываетъ подчасъ весьма тягостно. Въ большой семьѣ ее тѣснятъ свекоръ, свекровь и невѣстки, въ малой семьѣ ей часто приходится выносить на своихъ плечахъ всю тягость полевыхъ работъ и вдобавокъ терпѣть всѣ проявленія дикаго нрава мужа. „У насъ даже такая поговорка есть, говорили казаки, что на сладкомъ зернѣ соловья ловятъ, а какъ поймаютъ — въ клѣтку сажаютъ; такъ и казакъ: покуда женихомъ, для невѣсты ничего не пожалѣетъ — и подарки даритъ, и гостинцы носитъ, а какъ оженится, палкой пойдетъ по спинѣ ее тузить“.

Дѣйствительное положеніе женщины въ казацкой семьѣ

Однако не слѣдуетъ преувеличивать эти тягости и не сгущать чрезъ мѣру краски мрачныхъ сторонъ казацкой семейной жизни. Не смотря на употребительныя до сихъ поръ въ средѣ казаковъ многочисленныя причитанія и голошенія о горькой участи женщины, которыя, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ разсматривать лишь, какъ переживанія старинныхъ обрядовъ, — я рѣшаюсь утверждать, послѣ личнаго наблюденія казацкаго быта, что положеніе женщины въ современной казацкой семьѣ, вообще говоря, не только не тягостно, но даже много сноснѣе и свободнѣе, чѣмъ напр. среди великорусскихъ крестьянъ. Подобнаго же взгляда держался и извѣстный

---

*) Пользуюсь случаемъ сообщить слѣдующее происшествіе, бывшее въ средѣ крестьянъ малороссовъ. Въ дер. Головинѣ, Васильевской волости, Славяносербскаго у., мужъ и жена, проживъ лѣтъ десять дружно, не имѣли дѣтей, не смотря на сильное желаніе. Мужъ, наконецъ, предложилъ женѣ: „дай, банъ, оцему“ — одному изъ его хорошихъ пріятелей — „може буде и до діла“. Дѣйствительно, баба родила мальчика, котораго оба крестьянина одинаково любили. Баба умерла черезъ 8 лѣтъ. Послѣ этого крестьяне поссорились другъ съ другомъ и при этомъ возникъ у нихъ споръ, у кого оставаться мальчику. Сходъ присудилъ мальчика законному мужу покойницы, мотивируя свое рѣшеніе такъ: „чій-бы бугай не стрибалъ, а телятко наше“. (со словъ Влад. Петр. Юшневскаго).

знатокъ донскаго края А. Савельевъ, (сбор. дон. нар. пѣс. С. П. Б. 1866 г., с. 45), на мнѣніе коего, уважаемое всѣмъ мѣстнымъ образованнымъ слоемъ общества, я и ссылаюсь, какъ на вполнѣ авторитетное.

Тяжелѣе положеніе казачки бываетъ въ большой семьѣ, въ ст. верховыхъ или если жена казака изъ крестьянокъ или если бракъ заключенъ неравный, при отсутствіи взаимной склонности супруговъ и т. п. Въ остальныхъ случаяхъ она пользуется относительно достаточной свободою.

Дѣло въ томъ, что воззрѣнія и симпатіи казаковъ должны уступать условіямъ и требованіямъ самой жизни, и особенности казацкаго быта наложили и тутъ свою печать. Въ самомъ дѣлѣ казачка, чуть не на другой же день послѣ своей свадьбы провожающая мужа на полевую службу въ далекій походъ, по необходимости становится самостоятельной и независимой. Въ теченіи цѣлыхъ годовъ этого невольнаго вдовства она пріобрѣтаетъ много опыта, ловкости, много „женскаго умѣнья тонко и хитро провести и одурачить тугаго на смѣтку сожителя.“ По возвращеніи же мужа, который часто за время полковой жизни отвыкаетъ отъ полевыхъ работъ, а въ замѣнъ этого пріобрѣтаетъ склонность къ бражничеству и ничегонедѣланію, — казачка своею дѣятельностью, своею опытностью въ хозяйственныхъ дѣлахъ заставляетъ мужа невольно уважать себя и завоевываетъ себѣ значеніе, равное съ нимъ, а часто и большее *). Не даромъ и въ пѣснѣ поется:

Какъ нонѣча куры поютъ кочетами,
Теперeча жены старше надъ мужьями. (Сав. с. 167.)

Такимъ образомъ, повторяю, помимо тѣхъ воззрѣній казаковъ на женъ, которыя приведены были выше, особыя условія казацкой жизни даютъ въ большинствѣ случаевъ женщинѣ на Дону возможность завоевать себѣ сносное по-

*) Г. Никулинъ говоря о казакахъ втораго округа, сообщаетъ даже слѣдующее: „жены имѣютъ власть надъ мужьями такую, что послѣднимъ приходится жаловаться въ судъ“. (Д. газ. 1875 г. №№ 81—87).

ложеніе въ семьѣ. „Вслѣдствіе такихъ то обстоятельствъ, говоритъ Савельевъ, между казачками много можно встрѣтить натуръ игреливыхъ, по удачному выраженію народныхъ пѣсенъ, т. е. энергическихъ, смѣлыхъ, которыя постоятъ за себя, не дадутся въ обиду и отомстятъ, если не силою, то хитростью. Натуры кроткія, слезливыя, эти безотвѣтныя жертвы тяжелаго семейнаго быта и не стараются выбиться изъ своего положенія... На ряду съ заунывными пѣснями о горькой участи жены поются цѣлыя сотни плясовыхъ пѣсень о томъ, какъ жена обманула, одурачила мужа или свекровь. Вотъ эти то пѣсни съ пляской и свистомъ, съ гопакомъ и трепакомъ, и выразили собою игреливыхъ женъ съ ожесточенной местью ко всѣмъ нравственнымъ оковамъ въ семейной средѣ." (l. c. p. 47).

„Согласная" казацкая семья представляетъ отрадное явленіе. „Жена съ мужемъ, а мужъ съ женой—совѣтъ благъ, говорятъ казаки; въ такой согласной семьѣ самъ Господь пребываетъ, и хозяйство идетъ хорошо." Жена здѣсь товарищъ мужа, а не слуга его, она раздѣляетъ съ нимъ труды, наставляетъ его, совѣтуетъ ему, сама словомъ и примѣромъ побуждаетъ ревностнѣе работать своего обыкновенно облѣнившагося во время полковой жизни супруга. Часто можно отъ казачки услыхать: „мой мужъ не дюже опытенъ,—недавно со службы вернулся; онъ спитъ себѣ, а я до базара встану корову подою, курень вымету, печку истоплю"... Казакъ называетъ жену по отчеству: Ивановна, Васильевна; или по имени: Марья (Машка); или же—„мать" (въ глаза), „жена" (въ гл. и заоч.), „хозяйка" (въ гл. и заоч.) „старуха" (въ гл. заоч.), „старуня" (въ гл.), „моя". Казачка называетъ мужа также по отчеству: Семенычъ, или по имени: Иванъ; отецъ (въ гл.), старикъ (въ гл. и заоч.); по отчеству или—„мой", „мужъ мой". Въ богатыхъ семьяхъ („гдѣ политика—хотятъ показать образованность") супруги другъ другу говорятъ вы.

Работаютъ супруги вмѣстѣ: „мужъ коситъ—жена подгребаетъ, мужъ жито скашиваетъ—жена снопы вяжетъ, а дома мать наваритъ за это время обѣдъ; а коли жена одна и нѣтъ у нея по дому помощницы, то она встанетъ по утру рано, подоитъ коровъ, сваритъ обѣдъ, замкнетъ на ключъ курень и поѣдетъ къ мужу въ поле. А то бываетъ и такъ: живутъ мужъ съ женой въ полѣ по нѣскольку дней, тамъ себѣ и пищу готовятъ.“ Впрочемъ въ низовыхъ станицахъ у зажиточныхъ казаковъ къ женамъ нерѣдко нанимаютъ прислугу. Но въ ст. верховыхъ, по словамъ казаковъ, „хоть и богатъ казакъ—все же жену не заставитъ сидѣть подъ окошечкомъ.“ Кромѣ полевыхъ работъ, предметомъ особыхъ заботъ казачки — домашнее хозяйство: „мужъ въ домашнемъ ничего не знаетъ, это женино дѣло, а домъ-то—дѣло большое!...“ Особенно много дѣла казачкѣ во время отсутствія мужа на службѣ. Вотъ что, напр. разсказываетъ г. Шкрыловъ о казачкахъ задонскихъ ст. Черкасскаго округа. Во время нахожденія мужа на службѣ, всѣ мужскія работы и обязанности по хозяйству исполняетъ оставшаяся дома жена; большинство изъ казачекъ сами орутъ землю, сѣютъ хлѣбъ, косятъ сѣно, производятъ рыболовство, и многія изъ нихъ занимаются даже мастерствомъ по устройству рыболовныхъ сѣтей и земледѣльческихъ орудій: поддѣлать изломавшуюся въ возу ось колеса и т. п. казачкѣ ничего не стоитъ. За такой трудъ, за „незабываніе мужа на чужой сторонѣ, за тихое и хорошее поведеніе“ казачекъ благодарятъ мужья въ письмахъ изъ полковъ и подарками, которые они привозятъ при возвращеніи со службы (индіановыя шали, платки, платья, ленты, серьги и пр.) (Д. О. В. 1876 г., № 44) *).

---

*) Вотъ какъ добрыя отношенія между супругами рисуются въ казацкихъ пѣсняхъ:

Но сплошь и рядомъ однако въ казацкомъ быту мужъ съ женой живутъ „несогласно", въ постоянныхъ ссорахъ. Относительно ссоръ между супругами вообще

Ссоры супруговъ.

1.

Черезъ рѣчушку, черезъ быструю
Тонка жердочка лежитъ,
По этой жердочкѣ, по этой тоненькой,
Милъ сердечный другъ ишелъ:
Обломилась жердочка, обломилась тонкая:
Мой миленькій потонулъ
Пришла Аннушка, пришла лапушка
Ко быстрой рѣчушкѣ.
Стала Аннушка, стала лапушка
Быструю рѣчушку проклинать:
Чтобъ тебя, чтобъ тебя, быстрая,
Хрящемъ—пескомъ заволокло
Стала Аннушка, стала лапушка
У быстрой рѣки спрашивати:
Каково тебѣ, рѣчушка, каково тебѣ, быстрая,
Подъ желтымъ пескомъ лежать?
Таково то Аннушкѣ, таково лапушкѣ
Безъ милаго друга жить. (Сав. с. 159).

2.

Кабы знала я, молода, вѣдала,
Не хотила бы по вѣкъ замужъ,
Не теряла бы свою золоту казну,
Не лила бы я себѣ золотой вѣнецъ,
А слила бы я себѣ золотыя крылышки,
Полетѣла бы я, млада, въ армію,
Сѣла бы я, млада, среди круга
Угадала бы я своего друга милаго.
На моемъ миломъ три примѣтушки:
Первая примѣтушка—кудри черныя,
Вторая примѣтушка—брови высокія,
Третья примѣтушка—глаза развеселые (ibid. стр. 154).

Во время отсутствія мужей въ полкахъ казачки гадаютъ о нихъ по мѣсяцу. Въ лунную ночь гадальщица глядитъ на ясный ликъ мѣсяца: „и мерещится ей что проходитъ черезъ мѣсяцъ весь казачій полкъ, казакъ по казаку, всѣ радостны и веселы... Позади только

мнѣ доводилось отъ самихъ казаковъ слышать слѣдующее: „мужъ съ женой часто дерутся, таковъ ужъ обрядъ у насъ: иной радъ бы не тронуть, да противъ волюшки тронетъ жену-то“, или „вотъ и въ пѣснѣ донской у насъ говорится тоже:

Братъ у сестры въ гостяхъ побывалъ.
Пошла сестра брата провожать
Черезъ три поля,
На четвертомъ полѣ остановилась,
Стала брату жалиться:
Вотъ меня вечоръ
Сильно мужъ мой билъ;
А братъ сестрѣ сталъ втолковывать:
А и гдѣ-же, сестра,
Мужья женъ не бьютъ,
Я вотъ самъ, сестра,
Свою жену побилъ.“ (запис. въ ст. Еланской *).

всего полка, что называется въ хвостѣ его, показывается ея желанный—пѣшій, усталый и черный, какъ запуха“... (l. c. p. 24).

„Добрая“ жена считаетъ своей обязанностью сохранять вѣрность даже не любому, но законному супругу. Вотъ какъ объ этомъ поется въ пѣснѣ:

3.

Молодецъ красну дѣвицу уговаривалъ:
Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя,
Что выдалъ тебя, дѣвицу, за вѣрнаго слугу;
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю стлать, со мною вмѣстѣ спать.
Что возговоритъ дѣвица доброму молодцу:
Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постелю стлать, со слугою вмѣстѣ спать (l. c. p. 145).

4.

Всѣ полки домой идутъ;
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой-то милой мнѣ письма не шлетъ, да и самъ нейдетъ.
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку:
Въ рубашечкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:

*) Сравн. Савел. „пѣсни“ № 29.

„И жены же у насъ задорны, сказывали казаки въ другихъ мѣстностяхъ: сами онѣ воюютъ съ мужьями; у ней иной разъ хоть и носъ въ крови, а все думаетъ: авось либо верхъ возьму“. (Верхнекурм. ст.).

До ссоръ между супругами обыкновенно никому нѣтъ дѣла: „ночь темная посудитъ и помиритъ—такъ ужъ у насъ по казачеству завелось“ (Караичев. хуторъ). „Чужой домъ—темная крыша“ (Чернышев. ст.). Отъ чрезмѣрнаго проявленія гнѣва мужей казачки ищутъ защиты у своихъ родныхъ, къ которымъ онѣ и уходятъ, если буйства мужа превысятъ ихъ терпѣніе, или же обращаются въ станичный судъ, хотя подобныя дѣла далеко не всегда доходятъ до разбирательства послѣдняго, кончаясь еще ранѣе миромъ. Дѣло въ томъ, что около станичной избы по праздникамъ, т. е. въ дни разбирательства дѣлъ, толпятся всегда казаки. Они-то и уговариваютъ поссорившихся супруговъ примириться. Въ хуторахъ ту же роль третейскихъ судей и примирителей играютъ старики-сосѣди и хуторской атаманъ. Но когда дѣло миромъ не удалось окончить, оно разбирается станичными судьями,

---

„Ты побань, Дуня, черную рубашечку
„Не въ быстрой рѣчкѣ, не въ колодцѣ.
„Ты побань, Дуня, своею горючею слезой!
„Ты высуши ее, Дуня, не на жердочкѣ, не на грубочкѣ,
„Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ,
„Выкатай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ! (l. c. p. 154).

5.

Ужъ я былъ молодецъ во семи клѣтяхъ,
А въ восьмую клѣть заглянулъ только,
А въ восьмой клѣти образа стоятъ
Образа стоятъ, свѣчи теплятся
Молодая вдова Богу молится:
Ты пошли, Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, громову стрѣлу,
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу:
Подыми моего друга милаго! (l. c. p. 153).

которые судятъ, „глядя по человѣку“. Когда отношенія между супругами черезъ мѣру обострились, то станичные судьи нерѣдко оттягиваютъ дѣло, „пока остынетъ казачье сердце“, а потомъ склоняютъ на миръ. Мировыя сдѣлки въ подобныхъ случаяхъ записываются (но не всегда) въ книгу при станичномъ правленіи: въ нихъ либо обѣ стороны даютъ письменно обѣщаніе не ссориться, либо одинъ мужъ обязывается не бить жену. Въ другихъ случаяхъ судъ просто приказываетъ мужу не бить жену, а женѣ слушаться мужа, или постановляетъ: „строго приказать обоимъ вести жизнь согласную, а отца обязать подпискою имѣть строже наблюденіе за ними“, или такъ: „внушить имъ на полномъ станичномъ обществѣ“ и т. п. Иногда мужъ наказывается арестомъ на 7 сутокъ или денежнымъ штрафомъ до 3-хъ рублей. Кромѣ того казачки жалуются и въ мировой судъ.

Однако буйный нравъ мужа и отсутствіе взаимной склонности супруговъ — какъ послѣдствіе насильственныхъ браковъ — суть главныя причины того, что нерѣдко положеніе казачки дѣлается невыносимымъ и въ казачьей семьѣ разыгрываются отвратительныя сцены грубыхъ насилій и жестокихъ расправъ, чинимыхъ казаками надъ своими женами, влекущія за собою въ лучшемъ случаѣ р а с х о д ъ супруговъ на отдѣльныя жительства, а нерѣдко кончающіеся даже умерщвленіемъ одного супруга другимъ.

Истязанія женъ казаками.

Часто „мужъ пьянствуетъ, развратничаетъ, тиранитъ бѣдную женщину, подвергаетъ всевозможнымъ истязаніямъ, пока не приводитъ ее въ могилу или же, истощивши всѣ силы развратной жизнью, самъ туда же не отправится“. (Д. О. В. 1875 г., № 17). За всякую, даже самую малую ошибку жена подвергается, со стороны свирѣпаго мужа, ударамъ казачьей нагайки. „Я знаю, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей быта—я знаю, какъ одинъ мужъ, схвативъ жену за волосы и положивъ голову ея между своихъ колѣнъ, билъ плетью до тѣхъ поръ, пока она не потеряла силъ и сознаніе и не пере-

стала кричать. Мужъ при этомъ не находился подъ вліяніемъ вина, онъ дѣлалъ свое дѣло съ полнымъ сознаніемъ и разсчетомъ, какъ педагогъ, наказывая ученика, ставитъ его въ уголъ. И не подумайте, что жена тяжко провинилась: вся вина ея была та, что она не съумѣла угодить свекрови, которая во время бичеванія ея невѣстки, сидѣла со своимъ старикомъ тутъ же подъ окномъ, и оба чуть не съ наслажденіемъ смотрѣли, какъ ихъ сынъ „училъ" жену свою. Я видѣлъ, какъ мужъ, побивши вдоволь свою жену въ комнатѣ среди бѣла дня и среди станицы, вывелъ ее на улицу и тутъ же началъ хлестать кнутомъ чуть не по обнаженному тѣлу, при чемъ окружавшая толпа казаковъ, смотря на эту картину, глупо острила, дѣлая свои замѣчанія объ обязанностяхъ женъ и мужей" (Д. О. В. 1874 г., № 37). Въ другомъ мѣстѣ является на судъ искалѣченная женщина—казачка „безъ слуха, до послѣдней степени изнеможенная—живой мертвецъ и объясняетъ, что она пришла къ такому поражающему упадку физическихъ силъ отъ истязаній мужа... Мужъ и на судѣ обращался съ женой дерзко, съ крикомъ и съ интонаціей, явно уничтожающей и унижающей, не смотря на неоднократныя замѣчанія предсѣдательствующаго, говорить тише и вѣжливѣй. Судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя съ послѣдствіями по 26 ст. ул. о нак. и сверхъ того подвергнуть его церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства. На другой день состоялась мировая сдѣлка: жена выговорила выгодныя средства къ жизни и отдѣльное жительство отъ него. Самъ законъ объ истязаніи очень растяжимъ, и большая часть подобныхъ дѣлъ оканчивается тѣмъ, что судъ признаетъ лишь побои и тогда остается несчастной женѣ обратиться въ мировой, станичный и волостной судъ, гдѣ дѣло въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ окончиться мѣсячнымъ или двухмѣсячнымъ арестомъ" (Д. О. В. 1880 г., № 69). Изъ ст. Каменской сообщали о нанесеніи Павломъ Павленковымъ женѣ смертныхъ побоевъ. „По показанію

свидѣтелей эти поврежденія были ужаснѣйшія. Не говоря уже о томъ, что покойница была вся синя отъ побоевъ,—по изслѣдованію врача, у ней оказалось изрядное количество переломанныхъ костей. Мотивъ преступленія въ сущности тотъ, что „жена моя и что хочу, то и дѣлаю съ ней" (Д. О. В. 1880 г., № 40). Одинъ возмутительный случай истязанія жены, бывшій въ ст. К—ой, сообщаетъ г. Н. Донецкій. Молодой казакъ, говоритъ онъ, „женился по приказанію своихъ родителей на молодой дѣвушкѣ, которая ему не нравилась. Онъ тиранилъ ее и когда ей стало нестерпимо, то она ушла тайно къ своему отцу. Но свекоръ и мужъ пришли за ней, привязали на бичеву и преспокойно потащили къ себѣ. Истощенная отъ потрясенія, она падаетъ на землю, но мучители волокутъ ее по землѣ. Нашелся добродѣтельный человѣкъ, отнялъ жертву, а ихъ отправилъ въ станичное правленіе. Одинъ изъ судей при разборѣ дѣла замѣтилъ: если бы ты была моя сноха, я бы тебѣ на одну ногу всталъ, а другую прочь оторвалъ, чтобы ты не могла бѣгать. Постановили водворить ее снова въ домъ мужа, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы онъ лучше обращался съ ней, а то „чего добраго—дѣло дойдетъ до высшаго суда, тогда вамъ будетъ плохо". (Д. О. В. 1875 г., № 17).

Можно было бы привести множество случаевъ, подобныхъ упомянутымъ, въ которыхъ казачка дѣлается жертвой дикаго нрава мужа. Не мало существуетъ и казацкихъ пѣсенъ, въ которыхъ описывается горькая участь жены. Вотъ примѣръ:

Мой миленькій ѣдетъ съ поля;
Привязалъ онъ коня за подворье,
А самъ зашелъ ко мнѣ, раздушечкѣ, въ гости.
Помолился правою рукою,
Поклонился буйной головою:
„Ты здорова, мое тѣло бѣло,
„Отчего ты на личико блѣдно?
„Или я тебя по личику ударилъ?"

— Ударилъ, разсукинъ сынъ, варваръ,
Ударилъ—здоровьице сбавилъ:
Я умру, я жива не буду;
Вырой ты мнѣ яму глубоку,
А гробницу сдѣлай дубовую.....
(Секретевъ Д. О. В. 1875 г., № 81).

Женщины „покорливыя“ или же обладающія характеромъ мягкимъ и слабымъ подчиняются безпрекословно своей горькой судьбѣ, подобно тому, какъ это выражено въ слѣдующей казацкой пѣснѣ:

Ой, тошно тому, кто не милъ кому,
А тошнѣй тому, кто любитъ кого:
Онъ не пуститъ сподъ сѣдла добра коня,
Изъ стременушки ножки не вынаетъ,
Онъ тихохонько рѣчи продолжаетъ:
„Чи спишь, мой другъ, то Господь съ тобой,
„А не спишь мой другъ, говори со мной!“
Рада бы мой другъ, говорить съ тобой,
Да немилый мужъ на рукѣ лежитъ.
„Отвернись, мой другъ, отъ нелюбаго,
„Я нелюбаго убью, какъ голубя.
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ съ нелюбымъ вѣкъ проживать,
А съ тобой, мой другъ, одну ночь ночевать,
И ту-то всю во страсти пролежать (Сав. с. 156).

Исходъ изъ своей тягостной участи такая казачка находитъ развѣ только въ самоубійствѣ (отравленіе), которое, по словамъ г. Краснова, встрѣчается въ казачьемъ быту нерѣдко (1. с. р. 425). За то натуры сильныя, энергичныя и „непокорливыя“ громко и смѣло заявляютъ свой протестъ противъ семейныхъ оковъ, связывающихъ ихъ, и нерѣдко измѣняютъ въ вѣрности мужу, обзаводятся любовникомъ и начинаютъ „гулять“. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ пѣснѣ:

Охъ ты, Дуня, Дуняша,
Зародилась несчастна,
Я не знаю, какъ же быть,
Какъ на свѣтѣ тебѣ жить:
Отецъ Дуню больно билъ,
Уму разуму училъ,

Да не выучилъ,
Только вымучилъ:
„Будь ты шельма не моя,
Сошлю тебя со двора,
Найду тебѣ жениха,
Я стараго старика —
Девяносто лѣтъ“.
Свѣта бѣлаго отстану,
Любить стараго не стану
Я такой грѣхъ сотворю,
Что стараго уморю:
Одна буду жить,
Молодыхъ любить.... (Сав. с. 169).

Измѣны супружеской вѣрности.

Измѣны супружеской вѣрности въ казацкомъ быту, вообще говоря, весьма не рѣдки. Долгая разлука мужа и жены, одно изъ неизбѣжныхъ условій военнаго быта казаковъ, способствуетъ этому; противъ искушенія не выдерживаетъ иногда и „добрая жена, любящая своего мужа“. Еще Самуилъ Георгъ Гмелинъ, путешествовавшій по Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка (1768—69 гг.) говорилъ: „тамошнія (т. е. казацкія) женщины, какъ сказываютъ, весьма склонны къ любовнымъ дѣламъ“ (изд. въ Спб. 1806 г., ч. I, стр. 260). „Измѣна жены мужу очень обыкновенное дѣло въ нашемъ казачьемъ быту, говоритъ одинъ изъ современныхъ изслѣдователей народнаго быта. Казакъ женится рано, также рано достается ему очередь на первую полевую службу. Молодайка не успѣла сжиться съ мужемъ и привыкнуть къ обстановкѣ его семьи и вдругъ обречена на невольное вдовство. Соблазна много“. (День 1863 г., № 49). Иногда безпомощность казачки при веденіи хозяйства въ отсутствіи мужа наталкиваетъ ее, по словамъ г. Шкрылова, на грѣхъ и заставляетъ ее измѣнять супружеской вѣрности: является ухаживатель со своими весьма не лишними услугами — сѣетъ ей хлѣбъ, бакчу, коситъ сѣно, пашетъ и т. п., за что она его и награждаетъ своимъ расположеніемъ (Д. О. В. 1876 г., № 50). И вотъ нерѣдко казаки, находясь далеко

отъ роднаго края въ полкахъ, получаютъ изъ дома письма, въ которыхъ либо родственники, либо знакомые сообщаютъ имъ о невѣрности ихъ жены. Въ подобномъ случаѣ жену по возвращеніи казака ожидаютъ вмѣсто гостинцевъ побои. Но часто жена, „научившись плутовать—научится и колдовать“ и ко времени возвращенія мужа съумѣетъ скрыть всякіе слѣды своихъ преступныхъ связей или же постарается отвести мужу глаза. Такъ напр., по словамъ пѣсни, возвратившемуся изъ похода казаку:

Начала то мать жалиться:
А жена твоя во распутъ пошла,
Во распутъ пошла, горька пьяница,
И зеленый садъ засушеный весь,
А широкій дворъ засореный весь,
Всѣ конюшеньки порастворены
И всѣ коники позаѣзжены... (Сав. l. c. p. 53).

Казакъ спрашиваетъ жену:

Идѣ, жена, кобыла?
— Я на гору проводила...
Идѣ, жена, корова?
— Я въ стадушку прогнала.
Идѣ, жена, скирдъ овса?
— Насходила тамъ гроза,
— Зажигала скирдъ овса.
Съ чего, жена, бѣлая?
— Мыломъ бѣло вымылась.
Съ чего, жена, румяна?
— Противъ жара стояла.... (l. c. p. 55).

Но въ другой пѣснѣ „лихая“ жена на вопросы мужа, не прибѣгая къ уловкамъ, прямо и дерзко отвѣчаетъ такъ:

Продала я кобылу —
Набрала я румяны;
Продала корову —
Набрала я бѣлилы;
Продала я скирдъ овса —
Набрала я струменту.

или:

И за всѣ то пять годовъ
Я любила русаковъ (ibid.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Задонскихъ ст. Черкасскаго округа, на супружескую невѣрность „вообще станичные жители смотрятъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ" (Д. О. В. 1876, № 44). Въ старину здѣсь, если узнавали о противузаконной любовной связи, то ловили виновныхъ, связывали затѣмъ рука съ рукой и водили по станицѣ съ барабаннымъ (въ жестяной казанъ) боемъ (ibid.). Существуетъ у казаковъ обычай въ наказаніе невѣрной жены—„не принять отъ нея поклона", что происходитъ публично. Когда возвращаются казаки со службы, то вся станица выходитъ ихъ встрѣчать за околицу. Жена, при приближеніи мужа, кланяется ему въ ноги, а онъ или поднимаетъ ее и цѣлуетъ, или, если узналъ, что она ему была не вѣрна, проходитъ мимо, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ее. За этимъ публичнымъ опозореніемъ слѣдуютъ побои, которые происходятъ уже въ куренѣ (со словъ С. Ф. Номикосова).

Зато въ другихъ мѣстностяхъ, какъ мнѣ довелось лично отъ казаковъ слышать, на грѣхи женъ за время отсутствія мужа смотрятъ болѣе снисходительно. Иной казакъ ограничивается лишь побоями, а затѣмъ прощаетъ жену, а другой даже и небольно бьетъ: „дѣлаетъ видъ только что бьетъ, чтобы родители не осудили" Даже если у жены есть незаконный ребенокъ, то вернувшійся казакъ принимаетъ его къ себѣ, какъ роднаго сына.

Иной разъ казакъ разсвирѣпѣетъ, наказывая невѣрную жену, тогда товарищи его по полку уговариваютъ его, напоминая, что вѣдь и онъ не былъ вѣренъ женѣ: „когда жена виновата, то мы, казаки, того болѣе" (зап. въ Верхнекурм. ст.). Казаки ст. Гниловской въ бесѣдѣ со мной такъ разсуждали: „конечно, и у насъ есть такіе, что женъ страшно бьютъ за невѣрность во время своей полевой службы; а мы думаемъ такъ—кто Богу не грѣ-

шенъ: зеленый виноградъ не сладокъ, молодой разумъ не крѣпокъ, нельзя сильно то за это наказывать". То же утверждаетъ и г. Сонинъ о казакахъ Донецкаго округа, говоря: что если жена въ отсутствіи мужа измѣнитъ ему, то при его возвращеніи она, не смотря на все собраніе народа, повергается передъ нимъ на колѣни, сознается въ проступкѣ и проситъ прощенія. Другіе при этомъ тоже упрашиваютъ казака, говоря: „что дѣлать, батюшка мой! люди молодые... Одинъ Богъ безъ грѣха, мы всѣ грѣшные... Одно здоровье выбьешь, а того, что было не воротишь!" Казакъ всегда въ этомъ случѣ прощаетъ жену и если даже она прижила дѣтей съ любовникомъ онъ признаетъ ихъ своими. А если жена постыдится и не осмѣлится выйти на встрѣчу мужа, то несчастную ожидаютъ нескончаемые побои и брань больше за то, что она не встрѣтила мужа, чѣмъ за то, что измѣнила ему (Моск. Вѣст. 1860, № 11—28). Если невѣрная жена прекращаетъ свои незаконныя связи вмѣстѣ съ возвращеніемъ казака, то обыкновенно все забывается, и супруги продолжаютъ жить дружно, но если незаконныя любовныя связи не оставляются во время, если казачка продолжаетъ измѣнять своему мужу, то добрыя отношенія прекращаются и въ семьѣ начинается раздоръ, сопровождаемый бранью и побоями. Ревнивые мужья ссорятся и съ другими казаками, которыхъ они подозрѣваютъ въ любовной связи съ своими женами. Изъ за женъ нерѣдко выходятъ между ними ожесточенныя драки (зап. въ Чернышевск. ст.).

Съ другой стороны и казаки не рѣдко измѣняютъ своимъ женамъ не только во время службы въ полку, но и дома въ своей станицѣ. Вообще вернувшійся съ похода казакъ, отвыкнувъ отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, часто, какъ было помянуто, становится семьѣ своей въ тягость, возлагая веденіе всего хозяйства исключительно на свою жену. Вотъ что объ этомъ сообщали сами казаки. Вернувшійся со службы казакъ, отправляясь на работу въ поле, садится въ телѣгу съ женой рядомъ—„бокъ о бокъ",

чтобы передъ своими станичниками показать свое согласіе; но, когда выѣдутъ въ поле, онъ разваливается и засыпаетъ, а жена должна сидѣть и править. Вернувшись съ поля, гдѣ онъ также немного сдѣлалъ, онъ „прищеголится" жена ему должна помазать голову масломъ. „Вотъ, скажутъ ему станичники: сейчасъ видно, что жена то хорошая—и посмотрѣть то любо на тебя—и голова вымазана, и самъ опрятенъ"... Потомъ онъ выходитъ на улицу или въ кабакъ, „выпьетъ по рюмочкѣ—по другой, съ сосѣдомъ или съ пріятелемъ побалакуетъ", а жена тѣмъ временемъ съ дѣтьми дома дожидается и хоть голодна, а не смѣетъ ранѣе его возвращенія пообѣдать. Казакъ возвращается домой сильно выпивши, начинаетъ бранить жену и даже бить... Ночью казаку захочется пить; онъ разбудитъ жену и велитъ ей принести воды. „Такъ она ему и выходитъ вѣковѣчной работницей" (зап. въ Луковской ст.). Мало того, казакъ не рѣдко заводитъ любовныя связи и проводитъ все время у своей „сударки".

Казачки очень ревнивы и мстятъ жестоко за невѣрность и самимъ мужьямъ и „разлучницамъ", „чужемужнимъ" женамъ, сманивающимъ ихъ супруговъ. Вотъ что, по этому поводу, поется въ пѣснѣ:

По зарѣ млада входила,
Зари млада не видала,
Все за милымъ замѣчала:
Гдѣ мой миленькій гуляетъ,
Съ дѣвками въ корогодѣ
И съ бабами молодыми,
Съ ребятами холостыми.
Какъ повыйду я, молоденька,
Своего мужа загоняти,
Красныхъ дѣвушекъ ругати.
Входила молода въ хату
Начала мужа ругати,
А дѣвокъ стыдити.
Какъ схвачу млада лопату,
Загоню я мужа въ хату;
Била мужа, волочила,

Въ помойницу намочила;
Изъ помойницы вытягала,
Плетью боки постебала. (Сав. с. 169).

„Да что же тебя молодца вечеръ поздно не было?“ спрашиваетъ въ пѣснѣ казака его полюбовница. А онъ отвѣчаетъ:

Съ худой женой у насъ побранушка была;
Да журила и бранила и тебя, другъ, и меня,
Называла тебя сукою, меня борзымъ кобелемъ (ibid).

Въ Задонскихъ ст. Черкасскаго округа, (а также и въ другихъ мѣстностяхъ) казачки въ конецъ разоряютъ мужнину любовницу: онѣ бьютъ ей въ домѣ окна, ломаютъ крыльца, подговариваютъ молодыхъ ребятъ, чтобы они поотрѣзали у всей ея скотины хвосты, или обмазали бы ей весь курень дегтемъ, или подъ темную ночь намяли бы ей бока „по молодецки“. (Д. О. В. 1876 г. № 44). Иная казачка даже покушается на жизнь своей соперницы. „Измучена я своимъ мужемъ и его полюбовницей, начала свой разсказъ одна подсудимая, и рѣшилась отомстить ей за свою горькую жизнь“. Далѣе она говорила о томъ, какъ на ея глазахъ мужъ находился открыто въ любовной связи съ сосѣдкой, надъ ней же издѣвался всячески, постоянно ругалъ ее, билъ и заставлялъ работать на свою любовницу. „Наконецъ они довели меня до того, говорила обвиняемая, что я и сама не знаю какъ рѣшилась поджечь ее“. (Д. О. В. 1881 г., № 60).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не рѣдко случается, что казакъ открыто любитъ чужую жену, а его жена въ свою очередь имѣетъ любовника. Это бываетъ всѣмъ извѣстно и зазорнымъ не считается; сами же супруги живутъ мирно другъ съ другомъ. (Моск. Вѣст. 1860 г. № 28). Но обыкновенно такого рода положеніе дѣлъ приводитъ къ полному разстройству семейнаго согласія. „Загулявшая жена, сказывали мнѣ казаки, плохая хозяйка: она все изъ дома повытащитъ; плохо коли ка-

закъ загулялъ, но сколько разъ плоше, если жена отъ хаты отбиваться станетъ". Въ пѣснѣ поется:

Я пашу, пашу, пашу,
Самъ на солнышко гляжу.
Какъ чужія жены
Къ мужьямъ въ поле идутъ
И обѣдать имъ несутъ,
А моя шельма жена
Ко мнѣ на поле не идетъ
И обѣдать не несетъ.
Запрягу я кобылушку
Да поѣду во лѣсокъ,
Да вырѣжу лозу дубовую
На свою шельму жену.
Пріѣзжаю ко двору
Она ходитъ по двору,
Разряженная, разукрашенная:
При красномъ сарафанѣ,
При кумачныхъ рукавахъ.
Такъ и брошу я лозу,
Поцѣлую я жену...
Ахъ и гдѣ жъ ты, жена, была,
Да и гдѣ ты гуляла?
— У сосѣда во бесѣдѣ,
— Крѣпку водочку пила,
— За тебя милый стаканъ,
— За хозяина другой,
— За себя я налила,
— Зацѣпилась—пролила.
Ой, спасибо тѣ, жена:
Не забыла про меня;
— Вотъ и какъ тебя забыть,
— Когда-бъ воля, когда-бъ двѣ,
— Продала бы тебя,
— Иль татарамъ отдала
— За куцаго кобеля (Сав. с. 59).

Расходы супруговъ порознь.

Часто несогласіе и ссоры супруговъ приводятъ къ тому, что они „расходятся порознь". Чаще жена убѣгаетъ отъ мужа къ родственникамъ или въ „чужіе люди". Случается и такъ, что казакъ покидаетъ свой домъ. Если жена ушла отъ мужа самовольно, то онъ можетъ

подать жалобу въ станичный судъ, который и присуждаетъ: „чтобъ она шла къ мужу своему", или „вручить ее мужу для совмѣстнаго жительства" и т. п. При этомъ не рѣдко жена подвергается еще въ наказаніе аресту дней на 6—7 (иногда съ пищей „въ уменьшенной порціи"). Родственники жены, если они служатъ причиной ссоръ между супругами и ухода жены отъ мужа также наказываются арестомъ (дней на 7), или денежными штрафами въ пользу мужа, напр.: судьи постановляютъ за каждый мѣсяцъ пребыванія жены у родственниковъ заплатить мужу по 3 рубля серебромъ.

За самовольный уходъ мужа отъ жены станичный судъ налагаетъ тѣ же наказанія; кромѣ того, казакъ обязывается, либо возвратиться къ женѣ, либо обезпечить ее матеріально,

Бываютъ и „расходы" по взаимному соглашенію супруговъ. Расходятся, не спрашиваясь суда или священника, а „самовластно"; но и самъ станичный судъ нерѣдко позволяетъ женѣ или мужу отойти на особое жительство. Въ этихъ случаяхъ дѣти (насколько мнѣ извѣстно) остаются при матери, а жена получаетъ право на матеріальное обезпеченіе отъ мужа.

Станичный судъ, соображаясь съ доходами мужа опредѣляетъ ту сумму денегъ (или паекъ лѣсной и сѣнокосный), которую послѣдній обязывается ежегодно выдавать женѣ. При этомъ совершаютъ письменныя условія, въ родѣ слѣдующаго:

Мировая сдѣлка.

1879 года, Іюня 20 дня, Чернышевскій станичный судъ. 1879 года, іюня 20 дня, я ниже подписавшійся Чернышевской станицы казакъ Матвѣй Ивановъ Волоцковъ, даю эту подписку первой женѣ моей по старообрядскому браку Татьянѣ Финогеновой Волоцковой, съ которою я въ настоящее время живу въ разводѣ, въ слѣдствіе того, что я оженился на другой, по случаю ея болѣзни, и нашимъ дѣтямъ—т. е. Татьяны и моимъ—Пимену 18 лѣтъ и Зоту 11 лѣтъ, въ томъ, что я уступаю имъ все мое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, теперь же, съ тѣмъ, чтобы болѣе они отъ меня ни-

какого для себя содержанія не потребовали; я же съ своей стороны обязываюсь не вмѣшиваться въ передаваемое мною имъ хозяйство и, словомъ, отказываюсь отъ правъ моихъ какъ на имущество, такъ и на всѣхъ ихъ въ качествѣ отца и мужа; въ томъ и подписуюсь казакъ М. В.

Относительно вопроса, какіе поводы считаются основательными для расхода, я точными свѣдѣніями не располагаю, кромѣ слѣдующаго. Въ случаѣ неспособности мужа къ брачному сожительству жены просятъ развода, „чтобы жить по христіански, а не во блудѣ". Въ такихъ случаяхъ — говорили казаки — „мужа осматриваютъ медики, а то и безъ нихъ обходятся". Въ Пятиизбянской ст. одинъ казакъ изъ раскольниковъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее. „Былъ у меня племянникъ, онъ съ измалѣтства не годился къ женѣ, потому что громомъ оглушенъ былъ. Все же женили мы его. Вотъ скоро жена жаловаться стала и хочетъ отъ него уйти. А работница она была хорошая, мы ее и просили остаться, а она и говоритъ: сами, говоритъ, посудите—противъ жару и камень лопается. Дѣлать нечего: сами видимъ, что баба справедливо говоритъ. Ну отпустилъ ее племянникъ отъ себя. Она вышла замужъ за другаго (по старому закону, а съ племянникомъ была вѣнчана въ православной церкви), а племянникъ пошелъ на службу. Пришелъ со службы домой да и говоритъ мнѣ: мнѣ, дядинька, жена теперь требуется. А ну, говорю, коли такъ—пойдемъ отбирать ее. Пришли, да и говоримъ: отдавай, молъ, жену то первому мужу—она теперь требуется. Тотъ то мужъ не постоялъ за ней, а было съ нимъ у ней трое дѣтей.— Теперь живутъ себѣ 16 вотъ ужъ лѣтъ ладно, только дѣтей съ нимъ она не родитъ".

Если мужъ сойдетъ съума, то жена обязывается оставаться при немъ и присматривать за нимъ: въ этомъ смыслѣ состоялось рѣшеніе Верхнекурмоярскаго станичнаго суда 23 октября 1879 года. Въ случаѣ выселенія мужа по приговору общества, жена можетъ просить объ оставленіи ея на мѣстѣ.

Что касается до вопроса: позволяется-ли разошедшимся супругамъ вступать въ новый бракъ, то мнѣ неоднократно доводилось слышать отъ казаковъ раскольниковъ, что сдѣлать это имъ „совѣсть воспрещаетъ". Но имѣются факты, говорящіе противуположное. Такъ во второмъ Донскомъ округѣ былъ слѣдующій случай. На станичный судъ пришли два мужа и одна жена. Одинъ изъ мужей 14 лѣтъ, женѣ же 20 лѣтъ. Отъ имени малолѣтняго мужа говоритъ отецъ, что невѣстка, „поживши полгода, уходомъ ушла, ну тогда ему ея и не надо было, а теперь онъ проситъ: батинька, давай мнѣ жену". Мальчикъ мужъ небольшаго роста, передъ своей рослой плотной и широкоплечей женой кажущійся ребенкомъ, въ свою очередь говоритъ: „будетъ тебѣ таскаться, пойдемъ жить". Здѣсь же рядомъ стоитъ бравый казакъ—гвардеецъ, указывая на котораго женщина говоритъ: „вотъ мой мужъ:—съ нимъ мы вѣнчались, съ нимъ и будемъ жить, а съ тобой мы не вѣнчаны, и я къ тебѣ не пойду, хоть сейчасъ петлю на шею—не пойду". Отецъ этой женщины началъ было настаивать, чтобъ она шла къ первому, опасаясь грѣха, и напоминалъ ей, какъ онъ ихъ благословлялъ и какъ вѣнчалъ попъ. Судьи предоставили сдѣлать выборъ самой женѣ, и она осталась при гвардейцѣ. Затѣмъ отецъ перваго мужа требовалъ отъ оставившей его какую-то бумагу, по которой сынъ опять-бы могъ жениться. (Д. газ. 1874 г., № 35).

Убійства между супругами.

Но не всегда супружескія распри имѣютъ свой исходъ въ расходѣ супруговъ порознь. Иногда накопившаяся злоба казачки на нелюбимаго мужа бываетъ столь велика, что вызываетъ въ ней желаніе отомстить за все перенесенное горе лишеніемъ его жизни. „Изъ статистическихъ данныхъ, говоритъ А. Савельевъ, мы узнаемъ, что въ казачьемъ сословіи изъ всѣхъ родовъ преступленій особенно часто повторяются убійства, совершаемыя въ большей части случаевъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій". (l. c. p. 60). „Убійство, разсказываетъ г. Тимощенковъ о Казанской ст., здѣсь случается сравнительно

рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ убиваетъ мужъ жену или жена мужа. Причиною убійства въ такомъ случаѣ бываетъ почти всегда не понятная и ничѣмъ не объяснимая ненависть и отвращеніе супруговъ одного къ другому", (l. c. p. 161). „Мужъ, говоритъ г. Шкрыловъ о Задон. стан. Черкасскаго округа, никогда не станетъ подговаривать свою любовницу на убійство жены, жена же, если сама не опоитъ ядомъ противнаго ей мужа, то уговоритъ своего „любаша" уходить мужа такъ, чтобы онъ переселился на тотъ свѣтъ". (Д. О. В. 1876 г., № 44). Въ 1873 году въ ст. Р—ской казачка пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, при помощи своего любовника, изрубила топоромъ мужа-старика, съ которымъ жила болѣе 30 лѣтъ. И всѣ 30 лѣтъ, какъ говорила она сама—не жила съ нимъ, а мучилась, потому что ее выдали за него родители противъ ея желанія, и она его ненавидѣла. (Д. О. В. 1875 № 17). Вотъ въ какой формѣ въ пѣсняхъ казацкихъ выразилась накипѣвшая злоба несчастной жены, рѣшившейся на убійство мужа:

Какъ жена мужа возненавидѣла,
Повела въ зеленый садъ да зарѣзала,
Да на яблонѣ и повѣсила...
Какъ жена мужа пріутѣшила,
Вострымъ ножечкомъ зарѣзала.
Какъ на востромъ ножу сердце встрепенулося,
А жена шельма усмѣхнулася,
Отнесла его въ холодный погребъ и кинула,
Дубовой доской его задвинула,
Бѣлымъ камушкомъ приставила.
Желтымъ песочкомъ присыпала. (Секрет. l. c.).

или такъ:

А я молода все догадлива была;
Веревочку сама свила,
А милому конецъ подала:
„Милый, потяни, душа радость, потяни.
Милый потянулъ
Старый ноги протянулъ;
Руками мотаетъ, будто чешется,
Зубы оскалилъ, будто дражнится,
Слюни распустилъ, будто бѣсится. (Сав. с. 62).

„Сколько, подобно этому, кровавыхъ семейныхъ драмъ, говоритъ А. Савельевъ, укрылось подъ незатѣйливою, казенно-однообразною формою уголовныхъ слѣдствiй.... Дѣло на лицо, и запишется: и сама де созналась въ своемъ звѣрскомъ злодѣянiи, и озаглавится: дѣло объ убiенiи въ смерть или дѣло о истязанiи казакомъ жены своей, отчего она будто бы умерла, или дѣло о побояхъ казака женѣ своей, отъ которыхъ она будто бы преждевременно родила незаконнорожденнаго дитя. А между тѣмъ подъ такими немудреными и вмѣстѣ остроумными заглавiями скрываются въ высшей степени поучительные факты. Въ одномъ дѣлѣ подсудимая сознается, что во время нахожденiя мужа на службѣ она завелась любовникомъ, что мужъ по возвращенiи домой, догадываясь о ея преступной связи, билъ и тиранилъ ее, что и довело ее до преступленiя. Въ другомъ дѣлѣ, казакъ, возвратившiйся со службы замѣчаетъ, что жена его ведетъ распутную жизнь поэтому рѣшается убить и себя и жену свою. Въ третьемъ—горемычная жена отравлена невзлюбившей ее свекровью. Въ четвертомъ — свекоръ батюшка, въ отсутствiи сына, склонялъ невѣстку на грѣховное дѣло. А часто и очень часто 16-лѣтняя жена, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества, вдругъ ни съ того, ни съ сего возненавидитъ своего сожителя, котораго до сего любила и уважала. Еще чаще мужу малолѣтку вдругъ опостылѣетъ нелюбая жена и въ припадкѣ ненависти, какъ нибудь невзначай, онъ убьетъ ее. Вотъ еще казакъ проситъ станичныхъ правителей, чтобъ они развели его съ женой измѣнницей, которая во время нахожденiя его на службѣ принесла ему незаконный плодъ. Зачастую бываетъ, что жена въ отсутствiи мужа вытравливаетъ свое незаконное бремя, какъ явную улику своей распутной жизни. Однимъ словомъ, если сгруппируемъ всѣ вышеизложенные факты, взятые изъ уголовныхъ дѣлъ за послѣднiя 10 лѣтъ (писано въ 1866 г.), то увидимъ, что, изъ 22-хъ случаевъ, 14 совершены были вслѣдствiе нарушенiя супружеской вѣрности и большей частью со

стороны жены во время нахожденія мужа на службѣ, а 8 по причинѣ необъяснимой, непонятной для слѣдователей ненависти между супругами. Въ послѣднихъ случаяхъ преступниками дѣлались по преимущественно не достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія". (1. с. р. 64).

Измѣненіе быта за послѣднее время.

За послѣднее время, по увѣренію самихъ казаковъ, власть ихъ надъ женами стала слабѣть. „Въ старинку матушку мужьямъ у насъ больше власти было противъ нынѣшняго", говорили казаки въ Пятиизбянской ст. „Нынче женъ бьютъ тоже, да все же меньше прежняго: нынче шибко-то бить женъ опасаются, потому, какъ нынѣ Царь солдатъ бить не приказалъ, такъ и женъ мужьямъ бить не велѣно" (зап. въ Чернышевск. ст.). Въ Кепинской ст. казаки говорили слѣдующее: „жены нынѣ часто не живутъ съ мужьями; въ этомъ виноваты мировые судьи. Избаловали мировые судьи нашихъ бабъ: а того не поймутъ эти мировые судьи, что баба дотолѣ и слухаетъ тебя, пока ты съ нею строгъ. Мы ли въ томъ виноваты, что ужъ такая порода у нашихъ бабъ. Можетъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ онѣ и другія, а у насъ на Дону все такія, что только держи вострѣе ухо" *).

На хуторѣ Караичевѣ казаки даже указывали время, съ котораго произошла перемѣна въ казачкахъ. „Когда мы въ 1854 года всѣ въ турецкую войну отозваны были, говорили они,—то всѣ казаки изъ станицы повышли, а иногородніе, хохлы и русскіе, воспользовались этимъ временемъ и всякія шашни съ нашими бабами позавели да такъ ихъ повыучили, что когда вернулись мы домой, то не узнали своихъ бабъ и много дивились: бѣлилами, румянами обзавелись, моды разныя у нихъ пошли, рѣчь такая бойкая... Какъ сейчасъ помню, племянникъ мой пришелъ домой со службы; смотритъ—идетъ баба набѣленная, нарумяненая, дюже разодѣтая, онъ и спрашиваетъ:

---

*) Болѣе подробные свѣдѣній объ отношеніи мѣстныхъ мировыхъ судей къ дѣламъ о ссорахъ супруговъ я не имѣю, а потому не берусь утверждать, на сколько справедливы эти слова станичниковъ.

маменька, какая это тетенька?—Да это твоя жена! А та ему въ ноги по обряду казацкому. А племянникъ то мой и говоритъ: да ты, говоритъ, красивѣе дѣвокъ въ самой Литвѣ или въ Питерѣ... И съ тѣхъ поръ все хуже стало. —Въ 1862 году я совсѣмъ со службы вернулся; гляжу: наши бабы всѣ водку пить стали въ кабакахъ! Правда, и теперь хорошая баба у насъ въ станицѣ одна въ кабакъ не пойдетъ, а зайдетъ туда развѣ только, чтобъ мужа вызвать, за то, если онъ скажетъ: „садись", конечно, ужъ противиться не станетъ"...

Имущественныя отношенія супруговъ. Имущественныя отношенія супруговъ регулируются у казаковъ правиломъ: „жена—хозяйка своего добра" или „бабье доброе отъ бабы не отходитъ, какъ отъ казака—конь съ сѣдломъ". Основанія имущества супруговъ полагаются при вступленіи ихъ въ бракъ—обыкновенно: 1) „кладкой", 2) „сундукомъ" и 3) „сыръ-каравайнымъ" (или просто „каравайнымъ"). Слово „приданое" обыкновенно не примѣняется къ названнымъ видамъ имущества, а имѣетъ самостоятельное значеніе. Лишь изрѣдка въ видѣнныхъ мною рѣшеніяхъ станичныхъ судовъ словомъ „приданое" замѣняется выраженіе „сундукъ" или „кладка".

«Сундукъ» и «постель». Обыкновенно жена приноситъ въ домъ мужа только „сундукъ".—Сюда входятъ разные предметы одежды и украшенія: шуба, платья, сарафаники (въ верхов. ст.), юбки, платки, перчатки, чулки, рубашки, кушаки, спальные пологи, полость; въ новѣйшее время: пальто, „дипломаты" и „шестокрылы" (привозимые изъ Москвы и покупаемые особенно охотно низовцами), штиблеты, зеркальцо, гребенка, щетка, иногда картинки стѣнныя, бѣлила проч., а также и разныя мелкія вещи, которыми при свадьбѣ во многихъ мѣстностяхъ одариваетъ невѣста женихову родню. Размѣры „сундука" зависятъ отъ степени благосостоянія семьи и отъ щедрости; стоимость его бываетъ отъ нѣсколькихъ рублей, до нѣсколько сотенъ. Кромѣ сундука не-

вѣста приноситъ съ собой постель съ одѣяломъ и подушками, а также и благословенную икону.

Всѣ предметы, составляющіе сундукъ, накопляются обыкновенно постепенно, главнымъ образомъ заботами матери. Какъ только начнетъ дочь подростать („ей еще лѣтъ десять только"), а мать уже начинаетъ „собирать сундукъ", т. е. понемногу заготовлять разныя вещи: напр. на ярмаркѣ купитъ платокъ или шаль или еще что нибудь, (иной разъ даже потихоньку отъ отца) и спрячетъ. Отецъ потомъ уже, когда дочь сосватаютъ, еще „помогаетъ чѣмъ нибудь": купитъ сережки, бусы, вообще изъ украшеній что нибудь. „Щепки" (т. е. самый ящикъ) покупаетъ также отецъ. Если нѣтъ родителей, то обязанность „справить дѣвушку къ вѣнцу" лежитъ на братьяхъ или вообще на старшихъ родственникахъ.

Но нерѣдко „сундукъ съ двухъ рукъ набирается", т. е. въ составленіи его участвуетъ, помимо невѣстиныхъ родителей, и жениховъ отецъ, по уговору.

Письменныхъ записей и условій при этомъ не бываетъ, сколько мнѣ извѣстно. Впрочемъ иногда сундукъ „принимаютъ по описи". Женихъ, по словамъ казаковъ многихъ мѣстностей, не вправѣ требовать „сундука", и если бы отецъ невѣстинъ, обѣщавъ сундукъ, обманулъ его, то и тогда бы онъ не нашелъ суда. Впрочемъ отецъ невѣстинъ и не обманетъ, потому что это дѣло чести.

„Сундукъ" привозятъ съ домъ жениха обыкновенно послѣ вѣнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его везутъ за невѣстой въ церковь, оставляя во время вѣнчанія на паперти. Постель же и подушки обыкновенно несутъ къ жениху еще наканунѣ свадьбы или за два дня до свадьбы—послѣ дѣвишника.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи обычаи разнообразятся по мѣстностямъ. При передачѣ сундука жениховой сторонѣ бываетъ обрядъ „выкупа", о которомъ уже было помянуто выше.

Сундукъ становится на видномъ мѣстѣ въ хатѣ; онъ также, какъ и постель, покрывается одѣяломъ; спитымъ

изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, съ наложенными въ нѣсколько рядовъ подушками (иногда до самаго потолка) и составляетъ предметъ украшенія казацкаго жилища. Во многихъ мѣстахъ казаки на такой парадной постели спятъ только по праздникамъ (со словъ С. Ф. Номикосова).

Все входящее въ составъ „сундука", какъ „принесенное женой съ собою," такъ и „справленное ей жениховыми родителями", поступаетъ прямо въ собственность жены, и она распоряжается имъ по собственному усмотрѣнію: „еслибы она пожелала продать или пропить все это, никтобы ей въ этомъ препятствовать не посмѣлъ". Но въ Малодѣльской ст. мнѣ сказывали, что если жена самовольно уходитъ отъ мужа, то сундукъ ея остается у послѣдняго и, хотя она пожалуется,—судьи, старики и правители оставляютъ такія жалобы безъ послѣдствія, „чтобы повадки не было". Но если вдова уходитъ изъ дома свекра, то послѣдній обязанъ выдать ей сундукъ.

Кладка.

Сами казаки говорятъ, что дочь выдать замужъ ничего имъ не стоитъ, а сына женить не въ примѣръ тяжелѣе: „разоряетъ дюже кладка и расходъ на угощеніе". „По нашему донскому обычаю—говорится въ одномъ изъ рѣшеній станичныхъ судовъ—во время просватанія въ замужество дѣвицы, имъ дается условная кладка, т. е. дарятъ безвозвратно, навсегда вещи или деньги на справку нужнаго для нихъ платья". (Нижнекурмоярск. ст. суд. книга за 1873 г. № 27). Значеніе кладки, по словамъ казаковъ,—помочь невѣстѣ при справкѣ къ свадьбѣ. Поэтому кладку иногда называютъ „помочь". Такъ въ ст. Гниловской казаки говорили, что если невѣста бѣдная, то ея родители просятъ у жениховыхъ помощи на справку рублей 50, 100 и болѣе. При этомъ бываютъ условія возвратить впослѣдствіи женихову отцу половину или иную часть выданной суммы.—Кладка состоитъ обыкновенно изъ денегъ и разныхъ предметовъ женской одежды, въ числѣ коихъ обыкновенно на-

ходится шуба, шелковая (или иная) матерія на платье, тулупъ, башмаки, штиблеты и т. п.

Подобную же „кладку“—по словамъ казаковъ—выговариваютъ и отъ невѣстина отца въ пользу жениха въ случаяхъ пріема послѣдняго въ семью тестя. Въ подобныхъ случаяхъ „кладка“ состоитъ: изъ пальто, шубы, брюкъ и проч. и деньгами рубл. 40 *).

Кладку даетъ отецъ или, если его нѣтъ,—старшій въ семьѣ жениха. Величина кладки зависитъ частію отъ степени благосостоянія семьи, частію же отъ уговора. Вообще говоря, за послѣднее время размѣръ ея, повидимому, увеличился, по крайней мѣрѣ мѣстами. Такъ въ ст. Ярыженской говорилъ мнѣ одинъ казакъ слѣдующее: „когда я старшаго сына женилъ, то отдалъ кладку въ 7 рублей, а средняго женилъ—15 рубл. далъ, а младшаго нынѣ вотъ сосваталъ, такъ 30 рубл. на столъ положилъ, потому нынѣ все дороже стало“.

Договоръ о кладкѣ обыкновенно бываетъ словесный. Нарушеніе его считается безчестнымъ и можетъ повлечь за собой разстройство свадьбы. Кладка выдается невѣстиной роднѣ либо при „рукобитіи“, либо на „сговорѣ“, либо когда пріѣдетъ женихъ за невѣстой предъ вѣнчаніемъ. Все выданное въ видѣ кладки поступаетъ въ собственность жены: „отъ нея не отходитъ“. Если жена уходитъ изъ дома свекра, то беретъ и кладку, потому что „зачѣмъ же она пойдетъ раздѣтая“. Однако если молодые вскорѣ послѣ свадьбы отходятъ на сторону отъ стариковъ, то отецъ мужа нерѣдко задерживаетъ вещи, данныя на кладку, мотивируя это тѣмъ, что молодые у него въ долгу и еще не отработали затраченнаго имъ на свадьбу. Станичные суды подобные споры рѣшаютъ разно:—либо становясь на сторону отца, либо отказывая послѣднему въ его претензіи—„все по усмо-

---

*) Что же касается до обязанности справить зятя пріемыша на службу, то насчетъ этого заключаютъ особый договоръ, по которому справка либо тестева, либо отцовская, или и того и другаго пополамъ.

трѣнію обстоятельствъ". Иногда станичный судъ рѣшаетъ подобный споръ такъ: „выдать часть отцу, а часть оставить у сына"

„Сыръ-каравайное" составляется изъ тѣхъ подарковъ, которые при разносѣ каравая дарятъ молодымъ ихъ родители и прочіе гости на обзаведеніе хозяйства: „кто парочку бычковъ, либо телушку, а коли нѣтъ достатка, козочку или овечку, а то—деньгами; накидываютъ денегъ рублей 25—50, да товара разнаго до самаго потолка". Родители жениха и невѣсты часто договариваются между собой о количествѣ подарковъ молодымъ „на каравай". «Каравайное».

Каравайное принадлежитъ обоимъ супругамъ совмѣстно и распоряжаются они имъ съ общаго совѣта.

Наконецъ „приданое", или „отцовское", или „награжденіе" есть все то, что отецъ даетъ за дочерью невѣстой помимо „сундука", постели и каравайнаго, какъ то: садъ, оливадъ, нѣсколько деревьевъ или кустовъ винограда въ своемъ саду, скотину, хату, деньги. Дѣлаютъ и письменныя записи о приданомъ, обыкновенно въ томъ случаѣ если много дается добра: это дѣлаютъ, чтобы въ случаѣ смерти дочери ея свекоръ или мужъ не утаили чего нибудь и не тѣснили наслѣдниковъ. „Приданымъ пользуются оба супруга, но жена сохраняетъ на него исключительное право собственности" (рѣшеніе Малодѣл. ст. суд. 1879, Января 4-ое). Въ случаѣ ухода своего отъ мужа она отбираетъ его отъ послѣдняго. За растрату приданаго жена въ правѣ жаловаться въ станичный судъ и мировому, и мужъ обязывается выплатить, ибо „онъ не имѣетъ права задерживать отцовское жены".—Но „приданое" бываетъ у казаковъ сравнительно рѣдко и только у богатыхъ; оно чаще встрѣчается въ низовыхъ станицахъ, гдѣ, по словамъ самихъ казаковъ, мѣстами дѣвушкѣ безъ приданаго даже труднѣе замужъ выдти, тогда какъ у верховыхъ казаковъ вездѣ дѣвушку охотно берутъ „лишь бы была хорошая работница". Такое же приданое приноситъ съ собой въ ст. Ка- Приданое.

занской круглая сирота, которой это имущество досталось отъ умершихъ родителей (Тим.).

Вотъ примѣръ записи о приданомъ:

1880 г., Февраля 25 дня, я, нижеподписавшійся, далъ настоящую росписку женѣ своей П. въ томъ, что взялъ я ее за себя въ замужество; имѣніе, которое принесла, а именно: садъ отцовскій, а въ немъ 10 грушевыхъ деревъ, лошадь съ упряжью, пару воловъ двухъ лѣтъ, корову съ телкомъ, телушку 1-го года, хлѣба пшеницы 30 мѣръ, 5 мѣръ жита, 2 мѣры ячменя, 2 мѣры проса, посуды разной: три чугуна: 1-й большаго размѣра, 2-й средняго и 3-й малаго; 2 сковороды и весь печной приборъ, боченокъ въ 6 ведръ, кадушка въ 6 ведръ, кадушка въ 1 мѣру, 12 курей, которое имѣніе принимаю все къ себѣ, *а по смерти моей, жена моя получаетъ свое имѣніе вышесказанное неумершее.* Въ томъ подписуюсь казакъ А.

Имущественныя сдѣлки между супругами.

Имущественныя сдѣлки между супругами въ обычаѣ, но они имѣютъ не одинаковое распространеніе въ различныхъ мѣстностяхъ Области.

Не рѣдко напр. между супругами бываютъ случаи д а р е н і я, к у п л и - п р о д а ж и. Казачка, выходя замужъ или принимая къ себѣ мужа, иногда даритъ или продаетъ ему часть имущества, „нажитаго“ въ первомъ бракѣ. Бываетъ и на оборотъ: жена у мужа напр. покупаетъ домъ съ пристроемъ. При этомъ не рѣдко совершается фиктивная сдѣлка: мужъ не получаетъ денегъ въ уплату за проданное имущество. Такой переводъ имущества на жену дѣлается казаками, занимающимися торговлей, чтобы на случай банкротства, имущество не было отобрано.

Въ ст. Пятиизбянской мнѣ довелось слышать слѣдующее. Была у одного казака женка — шаловливая баба, которая нѣсколько разъ отъ него бѣгала, но въ концѣ помирилась съ нимъ. Когда казакъ ушелъ на службу, родной ея отецъ купилъ ей домъ. Вернувшись со службы, казакъ сталъ ее звать къ себѣ въ хату опять вмѣстѣ жить, но она не соглашалась, а приглашала его въ свою очередь къ себѣ въ свой собственный домъ. Казакъ долженъ былъ наконецъ уступить. Но вмѣстѣ они про-

жили не долго: жена стала буянить и выгнала мужа изъ дому. Тогда добрые люди потихоньку научили казака: ты, говорятъ, Еремей Ивановичъ, купи домъ-то у жены— она тогда посмирнѣй будетъ. Казакъ пошелъ къ женѣ, помирился, приласкался и уговорилъ ее продать домъ ему. Совершили купчую, выдалъ казакъ женѣ деньги и съ тѣхъ поръ оба тихо и славно зажили: она то ему покоряется, и онъ то держится тверже, потому она и рада бы иной разъ уйти отъ мужа да жалко дома-то.

Въ станицахъ Ярыженской и Кепинской мнѣ собщали, что казаки, желающіе обезпечить на случай своей смерти свою второбрачную и бездѣтную жену отъ притѣсненій со стороны наслѣдниковъ, совершаютъ купчую крѣпость, „будто жена у него все купила и заплатила деньги", чего на самомъ дѣлѣ не было.

Бываютъ между супругами и займы (рѣш. Аннинск. ст. суд. 1871 г., января 2).

„Долгъ жены—говорили мнѣ въ ст. Гниловской— съ мужа взыскиваютъ, но она сама старается заплатить, да ей много-то и не повѣрятъ". „Женинъ долгъ—сообщали въ Малодѣльской ст. —взыскивается съ мужа, если живутъ вмѣстѣ; если жена бѣгаетъ, то она сама за все отвѣчаетъ".

За долги мужа жена не обязана платить. Но если эти долги сдѣланы на потребности семьи, то жена участвуетъ обыкновенно въ уплатѣ ихъ (запис. въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ).

Бываютъ между супругами сдѣлки, и подобныя слѣдующей:

1872 года, Апрѣля 21 дня, мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казакъ М. В. Цр. и вдова, казачья жена М. К., учинили настоящее условіе въ нижеслѣдующемъ:

1-е.

М. принимаетъ за себя въ супружество М. М. и имѣющееся у насъ имѣніе, по двѣ пары быковъ, 2 коровы и одна лошадь и 10 овецъ у каждаго, совокупляемъ въ одно имѣніе и какъ это имѣніе, такъ и могущее пріобрѣстся нами мы *не* должны считать своимъ совмѣстно.

2-е.

Имѣющіяся же у насъ дѣти, у М. дочь Кс., а у М. М. сынъ Е., дочери Ф. и А., послѣ смерти изъ насъ или М. и М. М. могущее остаться имѣніе должны дѣлить на двѣ равныя части.

3-е.

При выдачѣ въ замужество или Ф., или А., то они лишаются части изъ имѣнія.

4-е.

Е. и К. хотя и будутъ первый въ зятья, а послѣдняя въ замужество выданы, то эти двое послѣ смерти кого либо изъ насъ части не лишаются, а должны раздѣлить на двѣ равныя части.

5-е.

Выше поименованныя Ф. и А., хотя и не будутъ выданы въ замужество, но все таки должны пользоваться частію Е., могущею достаться ему отъ К.

и 6-е.

Условіе это обязуемся сохранить съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, въ чемъ подписуемся.

Наслѣдованіе между супругами.

По смерти *) мужа вдова при дѣтяхъ заступаетъ мѣсто умершаго, становясь полновластной хозяйкой. „Когда отецъ умираетъ, говоритъ г. Тимощенковъ, то, по установившемуся въ народѣ праву наслѣдованія, вся власть его въ отношеніи имущества, а также и каждаго изъ членовъ семьи всецѣло переходитъ къ матери. Дѣти же наслѣдуютъ имѣніе послѣ только смерти матери“ (l. c.). Если же дѣтей нѣтъ, то имущество мужа обыкновенно забираетъ отецъ, мать или братья покойнаго. Въ ст. Ярыженской и Малодѣльской мнѣ сообщали, что вдовѣ при этомъ выдѣляется изъ всего движимаго имущества $1/4$ часть. Въ иныхъ мѣстностяхъ сообщали что „жена бываетъ довольна тѣмъ, что дадутъ родственники мужа“. При „награжденіи“ бездѣтной вдовы родственники покойнаго принимаютъ въ соображеніе

*) Нижеслѣдующее не имѣлъ возможности подвергнуть болѣе строгой провѣркѣ.

то время, которое она прожила съ мужемъ. Такъ напр. Кепинскій ст. судъ 31 августа 1880 г. рѣшилъ: вдовѣ ничего не давать, такъ какъ она съ мужемъ жила всего 2 недѣли.

Вдовѣ предоставляется право оставаться „на мѣстѣ", т. е. жить въ хатѣ покойнаго мужа. Съ выходомъ снова замужъ она лишается этого права. Въ ст. Малодѣльской казаки мнѣ говорили, что такъ какъ второбрачная жена легко можетъ потерпѣть непріятность и притѣсненіе отъ пасынковъ, то мужъ при жизни своей строитъ ей особую хатку, въ которой она могла бы по смерти его спокойно жить, не опасаясь быть выгнанной пасынками. Выходя вторично замужъ, вдова лишается этой хатки: „съ мѣста не тронутъ, пока замужъ не вышла".

Точно также и бездѣтный вдовецъ получаетъ изъ ея имѣнія, „сколько дадутъ ея родственники". Во всякомъ случаѣ у мужа остается постель и благословенная икона покойной. Въ Ярыженской ст. сообщали, что мужу даютъ еще $^{1}/_{4}$ часть изъ женина сундука (и въ большой и въ малой семьѣ).

Если же покойная жена оставила дѣтей, то все ея имущество остается при мужѣ. Часто родственники покойной требуютъ, чтобы станичные правители сдѣлали подробную опись оставшемуся имуществу и обязали вдовца въ цѣлости сохранить его до совершеннолѣтія сиротъ.

Духовныя завѣщанія.

Нерѣдко казаки (обыкновенно вступивъ во второй бракъ) оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія, въ которыхъ все имущество отказываютъ женѣ, желая этимъ оградить ее отъ притѣсненій со стороны дѣтей перваго брака и родственниковъ своихъ. Точно также и казачки, имѣющія значительное приданое оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія въ пользу (второбрачнаго) мужа.

Вотъ примѣры подобныхъ завѣщаній:

1.

№ 49 Декабря 9-го дня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Я, нижеподписавшійся, Войска Донскаго, Маріинской станицы от-

ставной урядникъ Максимъ Ѳоминъ Болдыревъ приближаясь къ старости лѣтъ моихъ и воображая смертнаго часа, могущаго иногда постигнуть внезапно, но чтобы прахъ мой былъ покоенъ, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, я заблагоразсудилъ движимое и недвижимое имѣніе, трудами благопріобрѣтенное раздѣлить, слѣдующимъ порядкомъ; а) Домикъ покрытый тесомъ, состоящій въ самой станицѣ, базные пристрои, всю домашнюю утварь, наличный хлѣбъ, рогатый скотъ, лошадей и овецъ, сколько по смерти моей можетъ остаться, я опредѣляю второбрачной женѣ моей Василисѣ Денис. Болдыревой, такъ какъ все это имѣніе съ нею вдвоемъ съ 1864 г. пріобрѣтено собственными трудами, съ правомъ и продать по усмотрѣнію. А по смерти ея Василисы, что должно остаться можетъ поступить тому, кто ее при старости пропитаетъ и похоронитъ. б) Сосновую кухню тесомъ и деревянный амбаръ, крытый камышемъ я оставляю за собою и по смерти моей опредѣляю для поминовенія души передать церковнослужителямъ. в) Сынамъ моимъ большему Ивану и дѣтямъ его и меньшему Алексѣю (монаху теперь) и другимъ родственникамъ моимъ изъ этого имѣнія моего я ничего теперь не опредѣляю, потому что сыны удовлетворены мною надлежащими частями достаточно и данъ имъ обоимъ домъ, который они должны раздѣлить поровну, а если бы они вздумали искать что-нибудь отъ мачихи, то просьбы отъ нихъ не принимать и не будетъ на нихъ дано моего благословенія. г) Домашнее сіе завѣщаніе мое силу и дѣйствіе должно воспринять по смерти моей, а до того я распоряжаюсь нынѣ самъ. 1871 года ноября 28-го дня въ томъ и подписуюсь: къ сему домашнему духовному завѣщанію руку приложилъ Маріинской ст. урядникъ N. N.

Засвидѣтельствовалъ ст, Атам. N... N...

2.

№ 18, апрѣля 14. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Я рабъ Божій В. А. К. въ твердой памяти при своемъ умѣ признавая нужнымъ заблаговременно сдѣлать распредѣленіе по своему имуществу.

1871-го года, апрѣля 14-го дня, представляю росписку, данную мнѣ сыномъ моимъ А. В. К. 20-го марта 1862 года въ томъ, что сынъ мой А. получилъ отъ меня вполнѣ слѣдуемую отъ меня въ часть ему имѣнія, а теперь имѣющійся у меня благопріобрѣтенный мною домикъ о двухъ комнатахъ съ землянымъ поломъ, досчатая кухня, базиный пристрой, одна лошадь съ повозкою, двѣ коровы, одного года быкъ и 10-ть овецъ. Я опредѣляю вышесказанное имѣніе второбрачной женѣ своей Е. И. нынѣ К., съ которою вступилъ въ бракъ въ 1861 году, послѣ чего въ короткое время отдѣлился отъ меня вышесказанный сынъ мой А, которому часть изъ

имѣнія моего определена была ровная со мною, т. е. амбаръ пильный изъ брусьевъ, крытый камышемъ, три коровы, двѣ пары воловъ и 10 штукъ овецъ. Все прописанное имѣніе находится при хуторѣ Каргальскомъ Маріинской станицы. Прошу начальство и церковнослужителей Маріинской станицы утвердить мое законное и справедливое распредѣленіе по имѣнію моему, дабы послѣ смерти моей сынъ мой не касался къ имѣнію опредѣленной мною части второбрачной женѣ моей Е. Оригиналъ хранить при Маріинскомъ Правленіи, а копію и росписку сына моего выдать мнѣ на-руки. Въ Въ чемъ и подписуюсь: казакъ В. К. А. по неграмотности его подписалъ N...

Духовный отецъ завѣщателя священникъ...

Засвидѣтельствовалъ Ст. Ат...

Помощникъ его...

3.

1878 года, Февраля 15 дня, я нижеподписавшійся, Области Войска Донскаго, Нижне-Курмоярской станицы казакъ Тимофей К. П., въ здравомъ умѣ и твердой памяти, на случай могущей послѣдовать мнѣ *смерти*, дѣлаю слѣдующее *опредѣленіе* собственному моему благопріобрѣтенному имѣнію: все это, какъ-то: небольшой деревянный домикъ, состоящій въ Нижне-Курмоярской станицѣ, подлѣ домовъ крестьянина С. А., казака Е. Ф., съ дворовымъ пристроемъ, пару воловъ и пять овецъ и все прочее завѣщаю въ потомственное и безотчетное владѣніе и въ распоряженіе второбрачной женѣ моей Лук. С.; все это имѣніе стоитъ девяносто восемь руб. с. Прочее имѣніе, состоящее въ общемъ нашемъ съ женою владѣніи, какъ два молодыхъ садика, насажены женою моею Л., корова, мелкая скотина и свиньи, какъ пріобрѣтенныя ею Л., я завѣщать права не имѣю, внуки же мои, какъ надѣленные мною своевременно, вступаться въ завѣщаемое мною имѣніе права не имѣютъ.

4.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь! 1869 года, Ноября 28 дня, я, раба Божія, Войска Донскаго Гниловской ст. жена урядника Б., находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, заблагоразсудила учинить домашнее это духовное завѣщаніе собственному моему благопріобрѣтенному по покупкѣ имѣнію въ нижеслѣдующемъ: *первое*—домъ 3-хъоконный кирпичный, на таковомъ погребъ съ выходомъ, покрытый листовымъ желѣзомъ, флигель каменный, покрытый тесомъ и рубленая изъ барочныхъ пластинъ торговая лавка съ дворовымъ мѣстомъ, въ длину 18 и ширину 15 саж., опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе законному мужу моему А. М. Б. и родному сыну нашему М., съ тѣмъ, чтобы мужъ мой А. М. сына на-

шего воспиталъ до 20-лѣтняго возраста и потомъ половинную часть завѣщаннаго мною имѣнія полностью передалъ сыну нашему М. Въ случаѣ же смерти сына до совершеннолѣтія, то имѣніе это должно поступить въ полное распоряженіе мужа моего А. М.; другихъ же родственниковъ и наслѣдниковъ моихъ ближнихъ и дальнихъ отъ владѣнія и исковъ означеннаго имѣнія моего навсегда устраняю, отъ коихъ бумагъ въ присутственныхъ мѣстахъ по сему предмету не принимать. *Второе*. Завѣщанное мною имѣніе находится Войска Д. въ ст. Гниловской по смежности съ дворовыми мѣстами: съ сѣверной стороны урядника С. К., съ южной П. К., съ западной вдовы К. *Третье*. Завѣщанному мною имѣнію, по чистой совѣсти, цѣну опредѣляю пять тысячъ рубл. сер. *Четвертое*. Завѣщаніе это должно имѣть законную силу и дѣйствіе какъ при жизни, такъ и послѣ смерти моей, въ чемъ подписуюсь (слѣдуетъ подпись). Домашнее это духовное завѣщаніе со словъ завѣщательницы писалъ Гниловской ст. казакъ Е. Что дѣйствительно завѣщаніе это учинено Б. въ здравомъ умѣ и твердой памяти и подписано въ присутствіи нашемъ своеручно ею, и мы въ томъ свидѣтельствуемъ собственноручнымъ нашимъ подписомъ (слѣдуютъ подписи 5 свидѣтелей, священника, станичнаго атамана. Въ концѣ приложена церковная печать).

Отношенія родителей и дѣтей.

Дѣти, по понятіямъ казаковъ,—признакъ „благословенія Господня надъ семьей“. Радость, которую испытываетъ казакъ при рожденіи дѣтей, ясно выразилась въ одной пѣснѣ, въ которой казакъ отказывается убить свою нелюбимую жену, только потому, что она ему принесла сына. Когда его любовница, говоритъ ему:

Давно тебѣ, молодецъ, я говаривала:
Убей ты свою ревнивую жену,
Ты возьми меня, красну дѣвицу.
— Ты душа моя, красна дѣвица,
Не рѣчь ты мнѣ говоришь:
Мнѣ съ тобою, красна дѣвица, одинъ вечеръ проводить,
Съ ревнивою женою цѣлый вѣкъ вѣковать:
Ревнивая жена мнѣ радость принесла,
Радость принесла, сына родила (Сав., с. 152)

Неимѣніе дѣтей почитается за Божіе наказаніе. Такъ въ одной изъ верховыхъ стан. казаки утверждали, что ихъ попадьѣ Богъ дѣтей не даетъ въ наказаніе за то, что она уговариваетъ своего мужа вымогать у станич-

никовъ большія платы за требы. Сыновья въ однихъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ, въ глазахъ казаковъ, имѣютъ, повидимому, большее значеніе, чѣмъ дочери: „дочерь кормить для людей, а сына кормить для себя“. За то въ иныхъ мѣстахъ (напр. во многихъ верховыхъ ст.) казаки прямо заявляли, что сынамъ они никакого предпочтенія не отдаютъ, ибо дѣвушка тоже приноситъ пользу: за нее можно взять во дворъ зятя.

Власть родителей въ особенности отца надъ дѣтьми, по воззрѣніямъ казаковъ, почти неограниченна: „дитя мое,—воля моя“. „Власть отца отъ Бога и по подобію Божію: одинъ отецъ всего свѣта—Богъ, Онъ всему хозяинъ; такъ и отецъ въ семьѣ“. „Все равно что Господь, то и отецъ: Господь сотворилъ насъ, а отъ насъ дѣти“. Въ другихъ мѣстностяхъ говорили такъ: „отецъ въ дому какъ Авраамъ въ раю: Авраамъ въ раю первый, и отецъ въ дому первый есть“. Власть отца.

„Отецъ, по словамъ казаковъ, выше матери стоитъ: отецъ властитель и хозяинъ, какъ Богъ надъ всѣмъ свѣтомъ, а мать только мѣхоноша: вынашиваетъ только ребенка, а родитъ то его отецъ, кровь то его, потому и власти ему больше“. Власть матери.

Поэтому и благословеніе отцовское „старше материнскаго и проклятіе отцовское грознѣе“. Но „и мать,—великъ человѣкъ: во страстяхъ родила, грудью кормила; по смерти отца она его мѣсто заступаетъ“.

Въ прежнее время власть казака надъ дѣтьми была столь велика, что родившагося ребенка онъ могъ по своему усмотрѣнію оставить въ живыхъ, либо умертвить. По воззрѣніямъ современныхъ казаковъ, „въ жизни и смерти дѣтей родитель не властенъ: онъ не смѣетъ отнять жизнь, которую даровалъ Богъ“. Поэтому и вытравливаніе плода, особенно когда послѣдній уже выросъ, считается тяжкимъ грѣхомъ, хотя и совершается сплошь и рядомъ казачками. Вотъ что напр. сообщаетъ г. Тимощенковъ изъ ст. Казанской. „Дѣтоубійство распространено здѣсь, говорятъ, въ высшей

степени. Положительныхъ доказательствъ на это нельзя однако имѣть, потому что очень рѣдко это преступленіе дѣлается извѣстнымъ и бываетъ наказуемо по закону; но о распространеніи его свидѣтельствуютъ священники, которымъ виновныя открываются на духу. Совершается оно всегда казачками, мужья которыхъ на службѣ и причиной его всегда бываетъ чувство стыда и страха наказанія отъ мужа. Убиваютъ дѣтей еще въ утробѣ матери. Для изгнанія ребенка мать прежде всего употребляетъ механическія средства или обращается къ какой-нибудь свѣдующей женщинѣ, очень часто къ своей родной матери, и та сообщаетъ ей секретъ, какого добыть зелья, какъ его приготовить, какъ принять. Наставить дочь въ такомъ случаѣ и избавить ее отъ позора на всю жизнь мать не сочтетъ ни преступленіемъ, ни грѣхомъ; даже не подумаетъ и покаяться священнику" (l. c. p., 162).

Но отецъ имѣетъ право признать или не признать своимъ новорожденнаго ребенка. Онъ властенъ сейчасъ же послѣ рожденія или же впослѣдствіи отдать его „въ дѣтища" въ чужую семью и прекратить съ нимъ всякую связь. Нерѣдко бѣдные казаки „продаютъ" (по выраженію бесѣдовавшихъ со мною казаковъ) богатымъ своихъ дѣтей.

Точно также казакъ отецъ, имѣетъ право отдать дѣтей въ наемъ, въ работники, лишить наслѣдства, прогнать отъ себя. Вообще, „отецъ, по словамъ самихъ казаковъ, что хотитъ изъ дѣтей выгадываетъ". Такъ нерѣдко казакъ: подрядясь на какую либо работу (напр. хлѣбъ возить), вмѣсто себя посылаетъ сына или же, задолжавъ кому нибудь, за уплату долга посылаетъ сына въ работники къ заимодавцу.

Обязанности родителей.

На обязанности родителей лежитъ: вскормить, вспоить, воспитать „въ страхѣ Божіемъ" („молитвы выучить", „научить, что означаетъ воскресенье") и пріучить къ хозяйству. Въ Новониколаевской ст., согласно сообщенію г. Н. Донецкаго: дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и

дѣвочекъ, станичники стараются научить читать и писать. Большое образованіе для мальчиковъ считается излишнимъ и отдается предпочтеніе знанію разныхъ ремеслъ и хозяйства; дѣвочкамъ же напротивъ... (Д. О. В. 1875 г., № 17). Когда же выростутъ дѣти, родители обязаны „довести ихъ до дѣла", т. е. сына женить, дочь выдать замужъ. Кромѣ того, на обязанности отца непремѣнно лежитъ „справить сына на Государеву службу", т. е. дать ему обмундированіе, коня и пр., на это имѣетъ право даже выгнанный изъ семьи сынъ. Пока дѣти малы, то, по словамъ казаковъ, мать имѣетъ о всѣхъ одинаковое попеченіе. Она даже больше отца для дѣтей имѣетъ значеніе: „малый больше къ матери лѣзетъ". Но когда дѣти подростутъ, то мать болѣе заботится о дочеряхъ, а сынъ—„батюшкинъ сынокъ". „Иногда лайка (брань) идетъ между мужемъ и женой изъ за дѣтей: мать нападаетъ на сыновъ, а отецъ ей въ отвѣтъ: „да и твои то дѣвки хороши что-ль": отецъ знаетъ, что дочь чужой человѣкъ".

Значеніе отца и матери.

Дочерямъ мать нерѣдко украдкой отъ мужа покупаетъ платки и платья и проч. въ „сундукъ". И послѣ выхода дочери замужъ мать нерѣдко продолжаетъ нѣжно заботиться о ней: часто она и замужнимъ дочерямъ отдаетъ послѣдніе свои платки и платья, говоря: „а мнѣ старикъ еще купитъ". Подросшая дочь—невѣста обыкновенно составляетъ, особенно въ болѣе зажиточныхъ казацкихъ семьяхъ, предметъ особыхъ заботъ матери: „она больше высиживаетъ дома", работая на себя (конечно, если есть кому замѣнить ее). При гостяхъ ее выдвигаютъ на видное мѣсто, чтобы на нее обращали вниманіе. Мать заботится о ея внѣшней красотѣ, причемъ, „не брезгуетъ ни бѣлилами, ни румянами", а также старается предохранить ее отъ загара *). Вслѣдствіе

*) Молодыя казачки очень боятся загара, и чтобы предохранить себя отъ палящихъ лучей южнаго солнца, онѣ, отправляясь въ степь въ низовыхъ ст., плотно окутываютъ полотенцемъ все лицо и голову,

всѣхъ этихъ заботъ жизнь дѣвушки казачки въ родимой семьѣ бываетъ настолько хороша, что оставляетъ въ ней и по выходѣ замужъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Вотъ какъ это выразилось въ пѣснѣ:

Я у батюшки, у матушки
Одна дочка была,
Въ своей волѣ росла,
Свою волю я нашла:
Я безъ пива, безъ вина
Одинъ часикъ не была,
Я безъ рыбки ѣсть не сяду,
Безъ калачика не ѣмъ... (Секретевъ 1. с.).

О сыновьяхъ больше заботится отецъ: онъ понемногу пріучаетъ ихъ къ верховой ѣздѣ и къ полевой работѣ, прикупаетъ вещи, необходимыя на службѣ, „справитъ то сѣдло, то стремена, то недоуздокъ—все это понемногу копится". Но и мать не забываетъ сыновей въ своихъ заботахъ, и часто на молодаго казака мать имѣетъ болѣе вліянія, и онъ ее болѣе любитъ, чѣмъ отца. Эти нѣжныя заботы матери о сынѣ нашли себѣ отголосокъ и въ донской народной поэзіи: въ казацкихъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ рисуется въ привлекательныхъ чертахъ нѣжный образъ матери, то провожающей казака въ далекій походъ, то встрѣчающей его, то мучимой злыми предчувствіями несчастной судьбы сына, то оплакивающей его гибель, то молящейся за него.

Какъ никто то молодца провожать не идетъ,
Провожала его родная матушка,
Провожала, ублажала, слезно плакала... (Сав. с. 148).

или:

Какъ во садикѣ во зеленомъ не кукушечка тамъ кукуетъ,
Въ теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ,
По единому, по родному, тяжелехонько вздыхаетъ,
Ты, чадо мое мило, ты почто, мое чадушко, состарился...
(Сав. с. 147).

оставляя лишь небольшую щелочку для глазъ; а въ верховыхъ ст., отправляясь на работу, казачки смазываютъ все лицо какимъ нибудь жирнымъ веществомъ, сверхъ котораго посыпаютъ дорожную пыль или золу, вслѣдствіе чего на лицѣ образуется довольно плотный слой, чрезъ который не проникаютъ солнечные лучи.

Въ другой пѣснѣ о тяжело раненомъ казакѣ говорится такъ:

Онъ идетъ удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючею онъ слезою обливается,
Какъ никто то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка...
(ibid. p. 142).

Казакъ, умирающій на дальней сторонѣ, посылаетъ коня къ матери:

Прибѣги же ты, конь, къ моему ко двору,
Копытомъ ударь у вереюшки,
Тогда выйдетъ къ тебѣ вдова старая,
Вдова старая, мать родная моя,
Ты скажи: онъ жениться захотѣлъ,
Обнимаетъ поле чистое теперь (l. c. p. 22).

Наказаніе дѣтей родителями.

Родители въ правѣ за ослушаніе наказывать дѣтей. При воспитаніи дѣтей казаки часто руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что „спина дѣло наживное: плетка поубавитъ тѣла, такъ наживешь новаго“,—а потому часто пускаютъ въ ходъ „жестокіе бои“. „Если ребенка не трогать, сказывали казаки, не наказывать за шалости, то онъ выйдетъ неукъ: нужно, чтобы онъ во всемъ родителей слушалъ, а коли добромъ не слухаетъ, то и посѣчь можно“. Еще не въ столь давнее время, согласно разсказамъ самихъ казаковъ, въ ихъ средѣ весьма былъ распространенъ слѣдующій способъ наказанія даже взрослыхъ сыновей: непослушнаго сына отецъ привязывалъ на базу, къ плугу, или къ телѣгѣ, и затѣмъ билъ его возжами по спинѣ. При наказаніи дѣтей мать проявляетъ бо́льшую нѣжность и мягкость: она заступается за дѣтей и старается смягчить гнѣвъ отца: „отецъ хотя и укоряетъ ее—ты, молъ, мать, сама не праведница, сама потакаешь своимъ дѣтямъ, а напослѣдяхъ все же ее послушаетъ“. Вотъ какова любовь матери къ дѣтямъ, говорили казаки. Былъ у насъ на хуторѣ такой случай: сынъ прибилъ мать, и она пошла къ поселковому атаману съ жалобой. Тотъ съ нимъ хотѣлъ было толкомъ расправиться—

розгами наказать (тогда еще можно было), а мать то сама же заступилась, потому не снесло этого материно сердце (зап. на Караичевѣ хуторѣ). „Сердце то материнское помягче отцовскаго: хочетъ вдарить, а сама уже тужитъ, что размахнулась“ (зап. въ Пятиизб. ст.).

Обязанности дѣтей.

Дѣтямъ вмѣняется въ обязанность почитать родителей: „отца и мать уважать нужно—на томъ свѣтѣ пригодится“. (Маріин. ст.). Почитаніе и внѣшнимъ образомъ проявляется: такъ напр. при разставаніи и при новой встрѣчѣ съ родителями дѣти кланяются имъ въ ноги, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казаки стоятъ передъ родителями, пока они не велятъ сѣсть (Сенюткинъ, l. c.). Дѣти не должны предпринимать ничего безъ родительскаго благословенія; въ старости они должны ихъ успокоить, допоить, докормить до смерти, а послѣ смерти поминать, хотя бы только въ теченіе сорока дней. Впрочемъ затраты на поминъ души обыкновенно предусмотрѣны самими родителями. Для этого они продаютъ часть имущества, а деньги опредѣляютъ по смерти отдать либо попу, либо въ церковь.

Родительское благословеніе и проклятіе.

„Тяжелый грѣхъ съ родителями ссориться, худо это — отца не почелъ, значитъ, и Бога не почелъ“ (Малодѣл. ст.). „Но Господь и это проститъ, коли они до заката солнышка простятся“ (Черныш. ст.). Дѣти же, постоянно неуважающія родителей, „а не только что сгоряча“, будутъ наказаны тѣмъ, что на томъ свѣтѣ съ родителями не увидятся: отецъ, мать, быть можетъ, хоть въ рай-то и не попадутъ, за то будутъ по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь близь рая находиться, а ужъ сынъ-то неуважливый непремѣнно въ пекло угодитъ. На этомъ свѣтѣ непокорныя дѣти наказываются лишеніемъ родительскаго благословенія. Отеческое же благословеніе — „великое дѣло, что безъ него въ мірѣ человѣкъ? ни за что пропадетъ— все хозяйство пойдетъ не ладно, и будетъ онъ ни тепелъ, ни холоденъ“ (Кепинск. ст.). Это дѣти очень хорошо знаютъ, а потому даже ушедшіе отъ отца безъ благословенія, образумившись, приходятъ и въ ногахъ у отца

ползаютъ: дай, молъ, мнѣ, батюшка, мое благословеніе, или: простите и дайте благословеніе, а то совѣсть мучитъ; такъ-то иной по многу лѣтъ бѣгаетъ, пока отецъ не проститъ (зап. въ Гнилов. ст.).

Въ крайнихъ случаяхъ родители проклинаютъ дѣтей. „Выгонитъ отецъ сына изъ дому съ однимъ крестомъ тѣльнымъ и скажетъ: „вейся, какъ въ полѣ вихорь", и мать скажетъ: „чтобъ тебѣ труситься, какъ горькая осина трусится";—вотъ и пропалъ человѣкъ".

Материнское проклятіе не такъ страшно, какъ отцовское: „не даромъ у насъ и говорится, что мать криводушница—скажетъ слово въ сердцахъ, а потомъ жалко станетъ сама же отмаливат начнетъ, и Господь проститъ. А какъ отецъ что сказалъ—аминь слово: тутъ и конецъ—и радъ бы, да не воротишь. Какъ сказалъ отецъ, такъ тому и быть: Господь уже не будетъ послѣ этого еще судить" (со словъ казака Кирѣева, въ Черныш. ст.).

Наказаніе дѣтей въ ст. судахъ.

Если съ непочтительными дѣтьми родители не справятся своими средствами, то жалуются въ станичный судъ. Судьи либо склоняютъ поссорившихся на миръ, либо постановляютъ: „сдѣлать внушеніе" или наказать арестомъ на 3, 4, 5, 7 сутокъ, или денежнымъ штрафомъ (1—2 руб.). Вотъ примѣръ мировой сказки:

1882 года, іюня 14 дня, я нижеподписавшійся обязуюсь ни словомъ, ни дѣйствіемъ не наносить оскорбленій моей родной матери Маріи Карповой, а равно ея дочерямъ дѣвицамъ, а моимъ сестрамъ, вести себя кротко по отношенію къ моей родительницѣ и моимъ сестрамъ, если же я, послѣ этого обязательства моего, причиню какое-либо оскорбленіе, и мать моя, принесшая вторичное заявленіе въ Станичный Судъ на меня, покоряюсь ея волѣ и опредѣленію по ея усмотрѣнію и по приговору Пятиизбянскаго Станичнаго Суда, по закону уложенія о наказаніяхъ въ силу 1592 статьи; обязательство это я, по мѣрѣ силъ моихъ, долженъ исполнить свято и ненарушимо, не доводя ни до какихъ мать мою жалобъ на меня, въ томъ и подписуюсь въ присутствіи Станичныхъ судей. Казакъ Александръ Евсѣевъ. Притомъ находились и во свидѣтельство подписуемся урядникъ Филиппъ Бирюковъ, урядникъ Максимъ Поповъ.

За отказъ кормить родителей судъ присуждаетъ давать средства пропитанія, напр.: помѣсячно — каждый

сынъ обязанъ давать 1 пудъ 32 ф. муки и проч., или погодно по 25 руб. и т. п., или же отдѣлить часть имѣнія на обезпеченіе родителей и т. д. Въ одной изъ низовыхъ ст. сыновья отказывались принять вдову-мать потому только, что они не были самостоятельными хозяевами: одинъ зависѣлъ отъ бабки, другой отъ тестя, и станичный судъ обязалъ ихъ содержать мать помѣсячно (Д. О. В.).

Имущество дѣтей.

Что касается семейныхъ работъ, то сыновья неотдѣленные работаютъ сообща съ отцемъ и „всякую копѣечку несутъ отцу". Дурной сынъ однако нерѣдко воруетъ потихоньку. Но у сына есть и свое имущество. Это вопервыхъ—„справа" (конь, сѣдло, стремена, мундиръ) на царскую службу; во-вторыхъ—все добытое имъ на войнѣ, „нажитое на службѣ" и „пріобрѣтенное на сторонѣ". Казаки привозятъ съ похода деньги: случается, что отецъ забираетъ ихъ, но ст. судъ, по жалобѣ сына, постановляетъ отдать ихъ обратно (насколько мнѣ извѣстно). Случается такъ, что вернувшійся съ похода сынъ покупаетъ на нажитыя во время службы деньги 2—3 пары быковъ: „отецъ не воспрещаетъ, а радуется этому". На ярмарку они гонятъ быковъ вмѣстѣ съ отцемъ, а продаютъ каждый отдѣльно (зап. въ Пятиизб. ст.). Такъ на хуторѣ Евсѣевомъ былъ такой случай: казакъ Сергѣй Павловъ имѣлъ 15 паръ воловъ, а сынъ его 2 пары; гоняли они ихъ съ отцомъ вмѣстѣ, а дѣлили такъ, что отецъ получилъ 15 долей, а сынъ 2 доли. Такъ изъ году въ годъ разживались, пока наконецъ сынъ не сравнялся съ отцемъ. Молодые казаки ходятъ иногда на заработки (извозъ, кузнечество), а прибыль обыкновенно приносятъ отцу: „онъ уже не растратитъ даромъ". Болѣе мелкіе заработки въ праздничное или свободное отъ работы время сыновья въ однихъ мѣстностяхъ оставляютъ себѣ, въ другихъ же—отдаютъ отцу. Такъ напр. во многихъ мѣстностяхъ молодые казаки, получавшіе отъ меня плату за снятіе копій съ рѣшеній станичныхъ судовъ, относили деньги къ отцу.

Гдѣ заработокъ идетъ въ пользу сына, тамъ отецъ даже проситъ взаймы у неотдѣленнаго сына.—Въ третьихъ—„каравайное“, „даровочное“ тоже принадлежитъ сыну вмѣстѣ съ его женой. Въ четвертыхъ—приданое и вообще имущество покойной матери принадлежитъ дѣтямъ, подъ названіемъ сиротскаго. Если дѣдъ подаритъ внуку скотину („прежде часто дѣды дарили внукамъ строевыхъ коней къ службѣ“. Малодѣльск. ст.) и т. п., то, пока внукъ не отдѣлился отъ отца своего, послѣдній пользуется этимъ даровочнымъ, а затѣмъ обязанъ выдать сыну. Въ окрестностяхъ Пятиизб. ст. мнѣ говорили, что завѣщать внуку дѣдъ „черезъ отца“ ничего не можетъ. Внукъ можетъ дѣдовское получить лишь послѣ отца. Но на хуторѣ Караичевѣ сообщали, что завѣщанное дѣдомъ не можетъ отнять отецъ.

За долги неотдѣленнаго сына обыкновенно платитъ отецъ, коли сыну нечѣмъ расплатиться, но „за то потомъ и расправляется съ нимъ своимъ судомъ“.

Родительская власть въ верховыхъ и низовыхъ станицахъ въ былое время и нынѣ.

Говоря объ отношеніяхъ родителей и дѣтей на Дону необходимо отмѣтить слѣдующее. Во 1-хъ, въ былое время, какъ помянуто, власть родительская была несравненно сильнѣй и неограниченнѣй, чѣмъ нынѣ; во 2-хъ, въ верховыхъ ст. она и понынѣ суровѣй, чѣмъ въ низовыхъ. Вотъ что по этому поводу разсказываетъ г. Мих. Сенюткинъ. „Родители пользуются у верховцевъ величайшимъ уваженіемъ... Почтенные отцы семействъ выслушиваютъ и исполняютъ съ покорностью всѣ даже прихотливыя желанія своихъ престарѣлыхъ родителей, предсмертныя слова ихъ имѣютъ часто силу духовныхъ завѣщаній, по формѣ составленныхъ. Родители для верховцевъ почти то же, что святые. Нѣтъ письма въ которомъ бы казакъ не испросилъ у нихъ заочнаго благословенія, на вѣки нерушимаго; нѣтъ важнаго случая на войнѣ, гдѣ бы онъ не считалъ себя спасеннымъ ихъ святыми родительскими молитвами. Бывали у верховцевъ примѣры поразительнаго величія родительской власти...

Такъ не въ слишкомъ давніе годы одна хоперская женщина за обыкновенный проступокъ противъ нравственности собственноручно наказала палкой своего богатыря сына, генерала Лощ—на, и когда онъ вскричалъ: „помилуйте, матушка, вспомните, что я генералъ“—спокойно отвѣчала: „не генерала бью, а сына!“

„Правда, что въ нынѣшнее время родительская власть у верховцевъ замѣтно ослабѣла противъ прежняго, но она все еще несравненно сильнѣе, чѣмъ у низовыхъ казаковъ, гдѣ часто родители остаются безсильными передъ самыми капризными прихотями своихъ дѣтей“. („Донцы“. М. 1866 г., ч. II, с. 126—127).

Еще въ очень недавнее время власть отца не ограничивалась у казаковъ даже уходомъ сына на службу или отдѣленіемъ его на особое жительство, такъ какъ „отецъ властенъ въ сынахъ своихъ до скончанія вѣка“. Часто казаки, выдѣливъ сыновьямъ извѣстную часть имѣнія, затѣмъ снова отнимали его за непочтеніе сыновей.

„Прежде у насъ, говорили казаки Кепинской ст., отецъ сына разъ до трехъ разорялъ; отдѣлитъ бывало отецъ сына, только что онъ разживется, а старикъ поссорится съ нимъ, да и отыметъ все назадъ; нынѣ этого нельзя“. Но въ настоящее время многіе старики не считаютъ преступленіемъ расправиться и съ отдѣленнымъ сыномъ по своему. Такъ одинъ казакъ въ Малодѣльской ст. со слезами разсказывалъ мнѣ слѣдующее: сына своего онъ, хотя и неохотно, отдѣлилъ отъ себя и далъ ему часть имущества, а сынъ, вмѣсто благодарности, пришелъ, да и унесъ безъ спроса 150 р. денегъ. „Я, говорилъ казакъ, пришелъ къ нему со стариками и съ полицейскимъ и говорю: сынъ, отопри сундукъ. Онъ не отпираетъ. Я говорю: братцы, да что же это? ужели жъ я не воленъ въ своемъ имуществѣ — сынъ вѣдь мой и все его мое. Взялъ я топоръ, да и разбилъ сундукъ: въ деньгахъ оказалось недостача, тогда я еще кое какія вещи отобралъ.

Тутъ и старики были и полиція наша станичная была— ничего же они мнѣ не сказали, видно по закону дѣлалъ. А сынъ пошелъ къ мировому жаловаться и теперь слышно съ меня взыскивать будутъ за самоуправство. А какое же тутъ самоуправство"?!...

Обыкновенно нынѣ сынъ дѣлается независимымъ и самостоятельнымъ съ выдѣломъ на особое жительство. Но бываетъ въ этомъ случаѣ, по словамъ казаковъ такъ: „если отецъ отважный и сильный, то онъ держитъ сына въ рукахъ, даже когда тотъ въ отдѣлѣ живетъ, а если сынъ отважный, то рано начинаетъ своею волею жить" (зап. въ нѣсколькихъ верхов. ст.).

И надъ дочерью, вышедшею замужъ, отецъ, по увѣренію самихъ казаковъ, сохраняетъ свою власть въ томъ смыслѣ, что можетъ ее наказывать за проступки. „Дочь даже выданная на сторону должна слушаться отца. Отецъ ее часто учитъ. Если услышитъ, что она худо себя ведетъ тамъ въ семьѣ мужа, то онъ приходитъ туда и увѣщеваетъ ее, а то и за косу отдеретъ, либо за щеки пощипетъ. А то дожидается, когда она сама къ нему придетъ въ гости, тутъ онъ ее и проучитъ". (Зап. въ Малод. ст.).

Власть родителей среди казаковъ и по сей день нерѣдко бываетъ весьма суровою. Вотъ что напр. говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей народныхъ нравовъ: „Я знаю богобоязненныхъ родителей, строго соблюдающихъ посты, усердныхъ къ храму Божію и которые при этомъ, вслѣдствіе особеннаго пониманія своихъ отношеній къ дѣтямъ и къ невѣсткамъ, довели своими жестокостями своихъ трехъ сыновей и ихъ женъ до того, что тѣ, не имѣя силъ болѣе терпѣть и выносить страданія, вмѣстѣ съ дѣтьми въ количествѣ 15 душъ явились въ станичное правленіе просить защиты отъ своихъ кровныхъ родителей... Станичное правленіе не можетъ въ этомъ случаѣ оказать помощь уже потому, что не имѣетъ на это законныхъ основаній, да кромѣ того сами станичныя власти въ большинствѣ держатся тѣхъ же

взглядовъ, какъ и прочіе станичники: вмѣшиваться въ семейныя дѣла другимъ нѣтъ никакого резона, а препятствовать „ученію и даже противузаконно". (Д. О. В. 1874 г., № 37).

Но вѣдь покуда общественное мнѣніе самихъ казаковъ —сосѣдей и одностаничниковъ одобряетъ ту степень, въ которой проявляется родительская власть, отъ станичныхъ судей нельзя и требовать такихъ рѣшеній, которыя противорѣчили бы ихъ собственному убѣжденію. За то, всякій разъ, когда проявленіе власти со стороны родителей переходитъ границу одобряемаго общественнымъ мнѣніемъ—обиженныя дѣти находятъ себѣ защиту и у станичныхъ судей, и у сосѣдей. Если дѣйствительно положеніе дѣтей (такъ сказывали мнѣ казаки), то онѣ жалуются, атаману и старикамъ. Тогда послѣдніе совѣтуютъ раздѣлиться; напр. если отецъ буйствуетъ, пьянствуетъ, расточаетъ имущество, а сыновья хорошей жизни, то старики и атаманъ сначала увѣщеваютъ отца исправиться, а если это останется безуспѣшнымъ, то атаманъ созываетъ стариковъ „больше изъ родственниковъ" и принуждаетъ силой къ раздѣлу: „самъ, молъ, нѐ умѣлъ честью раздѣлить, такъ мы велимъ" (зап. въ Малод. ст. и друг.). Но на сколько распространено это обыкновеніе общины вмѣшиваться въ дѣла семейныя мнѣ неизвѣстно. Вообще, насколько я успѣлъ замѣтить, вліяніе общины на семейный бытъ у казаковъ проявляется въ значительно меньшей степени, чѣмъ напр. у великорусскихъ крестьянъ. Что же касается до станичнаго суда, то онъ расточителей семейнаго имущества подвергаетъ выговору и увѣщеванію, а потомъ, въ случаѣ неуспѣшности, наказываетъ арестомъ болѣе или менѣе продолжительнымъ (иногда на пищѣ въ уменьшенной порціи) или же приказываетъ учинить семейный раздѣлъ.

Но годъ отъ году слабѣетъ родительская власть въ казацкомъ быту, а идея личности пробивается все болѣе наружу въ средѣ верховцевъ, какъ и у низовцевъ. На всемъ пространствѣ Области мнѣ приходилось слышать

жалобы стариковъ на неповиновеніе со стороны родныхъ дѣтей. „Сильно ослабѣла наша власть, говорили старики: теперь къ примѣру идетъ сынъ въ кабакъ, отецъ зоветъ его домой, а онъ его срамно ругаетъ, отца то своего!...“ „Родительское благословеніе нынѣ тоже дюже не почитается: я, молъ, и безъ него человѣкъ“. Нерѣдко нынѣ сыновья бить отцовъ стали и за бороды таскать: „воспитываешь, няньчаешь сына то, а онъ на послѣдяхъ тебя же схватитъ за грудки да объ земь“...

Въ ст. Малодѣльской, въ которую мнѣ случилось пріѣхать въ праздникъ, почему все населеніе было въ сборѣ, казаки собрались на майданъ и послали ко мнѣ атамана съ просьбой выйти къ нимъ. Передъ зданіемъ станичнаго правленія меня ожидала толпа стариковъ. Обнаживъ свои сѣдыя головы, они мнѣ стали жаловаться, что „съ молодежью ладить не стало возможно“, что „совсѣмъ отъ рукъ отбились сыновья“, что „отъ сыновей нынѣ одно огорченье бываетъ, ласковаго слова не услышишь отъ нихъ, покорности отцу никогда не окажутъ теперь“, что „нынѣ къ выростку и то подступиться не моги: сейчасъ мировымъ стращаетъ, скажетъ отцу: ты что здѣсь хозяйничаешь, аль у мироваго не былъ, такъ побываешь, погоди!...“ „Да мы въ наше время и помышлять не смѣли, чтобы старшаго ослушаться“... „Много тутъ и мировые судьи погрѣшили“... Старцы просили меня пособить имъ добрымъ совѣтомъ. Многіе плакали. „Нѣтъ, говорили они, помутился нашъ тихій Донъ, все вверхъ дномъ пошло. Горько намъ стало при концѣ жизни: ужь и дѣти перестали уважать насъ“...

Это былъ протестъ стараго казачества противъ нарождающихся новыхъ бытовыхъ условій.

Большая казачья семья.

Какъ уже было выше сказано, помимо малыхъ семей, которыя преобладаютъ, существуютъ, главнымъ образомъ въ сѣверныхъ округахъ, и такъ наз. „б о л ь ш і я с е м ь и“.

Всего чаще большая семья держится пока живъ отецъ, а послѣ смерти его обыкновенно всѣ порознь расходятся. Даже еще при жизни отца сыновья отдѣляются одинъ за другимъ. Случается однако, что и братья послѣ смерти родителей живутъ вмѣстѣ. Однако, иногда большая семья и у казаковъ бываетъ очень велика: число членовъ ея доходитъ до 30—40 душъ. „Въ такихъ семьяхъ есть и внуки женатые". Большая семья помѣщается либо подъ однимъ кровомъ, либо въ разныхъ хатахъ; бываетъ и такъ, что часть членовъ живетъ въ станицѣ, а остальная часть на хуторѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они сохраняютъ тѣсную между собою связь посредствомъ общаго подчиненія волѣ „старшаго" или „хозяина". Въ казацкой семьѣ большака называютъ „хозяиномъ" (если онъ отецъ или дѣдъ), „старшимъ" (если онъ братъ или дядя), „старшимъ братомъ"; остальные члены — „меньшіе братья", „внуки", „большая" (старшая сноха), „меньшая сноха". Другъ друга снохи называютъ „сношельницами".

Старшій. Глава такой семьи одинъ, обыкновенно отецъ или дѣдъ, рѣже старшій братъ, очень рѣдко дядя. Старшій „самъ собою", т. е. въ силу своего старшинства, дѣлается хозяиномъ, а не избирается. По смерти хозяина власть переходитъ къ его женѣ, которая имѣетъ власть и при жизни мужа, но ограниченную. Впрочемъ благоразумная вдова обыкновенно отстраняетъ себя отъ старшинства; братья дѣлятся, а она остается при младшемъ. По смерти матери, власть переходитъ къ старшему брату (Д. О. В. 1876, № 55). Въ ст. Казанской, если старшаго сына нѣтъ, а есть его вдова, то завѣдыванье хозяйствомъ передается ей и слѣдующему сыну. Сноха распоряжается въ такомъ случаѣ домашнимъ хозяйствомъ, а сынъ всѣмъ тѣмъ, что въ полѣ, на базу и на гумнѣ. (Тим.). И въ другихъ мѣстностяхъ говорили мнѣ, что вдова старшаго брата и при новомъ хозяинѣ сохраняетъ свое почетное положеніе и ее, какъ старшую сноху, всѣхъ болѣе слушаютъ.

Хозяинъ обязанъ завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ; въ особенности же на его попеченіи лежатъ полевыя работы. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онѣ совершались во время и исправно; онъ раздаетъ приказанія; онъ получаетъ доходы и хранитъ семейную казну. Старшій посылаетъ нерѣдко младшихъ членовъ семьи на сторону, на заработки; когда не было желѣзныхъ дорогъ, многіе часто „въ ходцу хаживали": снаряжали по 2—6 паръ воловъ и отправлялись извозничать, подряжались товары или соль возить. По возвращеніи же домой, они отдавали отчетъ во всемъ старшему. Передъ покупкой чего нибудь болѣе цѣннаго старшій совѣтуется съ остальными членами. Обыкновенно передъ отъѣздомъ на базаръ или на ярмарку или въ окружную станицу онъ обращается ко всѣмъ со словами: „Говорите, что кому нужно", и обсудивъ, дѣйствительно ли необходима требуемая вещь, онъ рѣшаетъ, купить ли ее или нѣтъ. Вообще говоря, хозяинъ-отецъ или дѣдъ болѣе свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ старшій братъ. Онъ, напримѣръ, покупаетъ на ярмаркѣ, что вздумаетъ, привозитъ любимой внучкѣ гостинцу и т. п., никого не спросясь.

Семейный совѣтъ.

Дѣла болѣе важныя рѣшаются съ общаго совѣта. Особаго возраста не требуется для участія въ немъ: недоросли могутъ говорить рядомъ со взрослыми, женщины наряду съ мущинами; мнѣніе всякаго уважается коли оно разумно.

Хозяинъ творитъ также домашній судъ и расправу. Онъ разбираетъ ссоры между членами семьи, дѣлаетъ выговоры и увѣщеванія, виновнаго наказываетъ. Самое обыкновенное наказаніе побои „по старинкѣ"—„за чубъ отодрать или по щекѣ ударить, или „плеткой постегать". — „Прежде и въ этомъ отношеніи былъ большій просторъ: нынѣ черезъ эту расправу старшаго часто выходятъ ссоры. Меньшій заступается за роднаго сына, нагрубитъ старшему: „не смѣй, молъ, моего сына бить—самъ съумѣю расправиться, мое вѣдь дитя; не хочу съ вами

жить — отдѣлите меня“... „Прежде, разсказывали старики, у хозяина больше было власти... Помногу бабъ въ одной хатѣ живало и ссориться не смѣли: свекоръ крѣпко ихъ держалъ, а нынѣ чуть свекоръ трошки побилъ кого — сейчасъ къ мировому тянутъ“. „Надъ членами семьи, живущими отдѣльными домами, по словамъ г. Тимощенкова, власть старшаго, отца или матери бываетъ такая же какъ и надъ живущими въ одномъ домѣ. Отецъ или мать не только вникаютъ во всѣ домашнія дѣла наказываютъ ихъ въ случаѣ оплошности, но даже могутъ брать у нихъ изъ имѣнія, что имъ угодно или идти къ нимъ жить“ (l. c.). Бываетъ, что отецъ или мать устраняютъ себя отъ хозяйства и передаютъ все въ распоряженіе сына, хотя и въ этомъ случаѣ послѣдній не распоряжается самостоятельно, а всегда съ совѣта отца или матери и можетъ быть во всякое время лишенъ своей власти (ibid.). Иногда, передавая распоряженіе хозяйствомъ сыну, казакъ выдаетъ ему письменную довѣренность, которая свидѣтельствуется въ станичномъ правленіи. Вотъ примѣръ подобнаго акта:

1880 г., іюля 10 дня. Любезный сынъ В. Е., по старости лѣтъ и весьма слабому здоровью, я лично не могу распоряжаться всѣми моими хозяйственными дѣлами, почему уполномочиваю Васъ распоряжаться всѣмъ имѣніемъ моимъ въ стан. Ярыженской и хуторѣ Калиновомъ, какъ недвижимымъ, такъ и движимымъ, для чего довѣряю вамъ снимать и сдавать въ аренду землю на время по вашему усмотрѣнію, распахивать ее и дѣлать посѣвы, производить уборку хлѣба и сѣнокошеніе, посредствомъ найма, посредствомъ членовъ моего семейства, получать и уплачивать арендныя деньги, продавать скотъ и собранный хлѣбъ на удовлетвореніе семейныхъ потребностей и въ случаѣ надобности заготовлять все необходимое по хозяйству покупкою, а при недостаткѣ экономическихъ средствъ, предоставляю право кредитованія, т. е. брать отъ имени моего деньги и выдавать долговыя обязательства въ суммѣ, которая будетъ потребна для пополненія семейныхъ нуждъ, словомъ, довѣряю завѣдывать всѣмъ моимъ хозяйствомъ, какъ бы лично. Независимо сего поручаю Вамъ веденіе всѣхъ моихъ гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ учрежденіямъ, для чего и довѣряю предъявлять иски, отвѣчать по предъявленнымъ ко мнѣ, подавать просьбы, заявленія и другаго названія бумаги и документы, участвовать въ словесномъ состязаніи

на судѣ, заявлять всякаго рода отводы и споры о подлогѣ актовъ и давать отвѣты по такимъ отводамъ и спорамъ, просить объ обезпеченіи исковъ и предварительномъ исполненіи, выслушивать рѣшенія и частныя опредѣленія, обжаловывать ихъ подачею апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ и объясненій въ Мировые Съѣзды, равно ходатайствовать въ гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судебн. учрежд. Кромѣ того уполномочиваю васъ получать откуда слѣдовать будетъ копіи, справки и документы, а также исполнительные листы и взысканныя по нимъ деньги. Данныя вамъ полномочія Вы можете передовѣрить другому лицу. Во всемъ, что вы или вашъ повѣренный сдѣлаетъ законно, я вамъ вѣрю спорить и прекословить не буду,

Коли самъ хозяинъ ведетъ себя дурно и растрачиваетъ хозяйство, то его не смѣняютъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а обыкновенно начинаютъ расходиться порознь (особенно, если жили вмѣстѣ братья по смерти отца). Впрочемъ бываетъ и такъ, что за отца начинаетъ хозяйничать старшій братъ, „коли еще терпѣть можно". Обыкновенно такое состояніе длится не долго, пойдутъ раздоры, влекущіе за собою раздѣлъ.

Женщины въ большой семьѣ подчинены свекрови или старшей, большой снохѣ—которая распоряжается ими въ домашнихъ работахъ. Старшая изъ женщинъ беретъ на свое попеченіе домашній обиходъ и въ это дѣло ея хозяинъ мало вмѣшивается. Она распредѣляетъ между снохами работу, опредѣляетъ, какую пищу варить, раздаетъ шерсть для пряжи (послѣднее вмѣстѣ съ хозяиномъ); она же распредѣляетъ очередь между снохами для отправленія обязанностей стряпухи. Въ большой семьѣ бываетъ либо „недѣльная стряпуха", либо ежедневная, либо полугодичная; послѣдняя въ тѣхъ случаяхъ, когда часть семьи живетъ на хуторѣ, а часть въ станицѣ. Старики обыкновенно живутъ на хуторѣ, одна изъ снохъ полгода живетъ при нихъ, у ней тутъ обыкновенно больше работы. Потомъ она замѣняется сношельницей, а сама отпускается въ станицу: „хотя и здѣсь есть работа, но все же станичное житье, по словамъ казаковъ, какъ то лучше:

Женщины въ большой семьѣ

здѣсь и почету больше и удовольствія". Сама старшая сноха освобождается отъ нѣкоторыхъ работъ, особенно если въ семьѣ много женщинъ. Напр. если она значительно старше другихъ сношельницъ или если у ней есть дочь, то она уже не исполняетъ обязанности стряпухи. Со старшей снохой прежде всѣхъ совѣтуется и старшій въ дѣлахъ домашнихъ и хозяйственныхъ. Но на полѣ „не ея дѣло: тутъ всѣмъ командуетъ хозяинъ". Если же онъ самъ не ѣдетъ въ поле или находится въ другомъ мѣстѣ, то онъ даетъ лишь общее направленіе работамъ, говоря: а въ остальномъ блюдите сами, чтобы было хорошо—и тогда всѣмъ заправляетъ сноха. Старшая же сноха наблюдаетъ и за поведеніемъ сношельницъ: младшихъ снохъ, коихъ мужья на службѣ, она увѣщеваетъ вести себя „аккуратно", чтобы мужъ не побилъ ихъ по возвращеніи. При этомъ она пугаетъ ихъ примѣрами, бывшими въ прежнее время или въ сосѣднихъ станицахъ и хуторахъ—какъ такой то казакъ билъ жену да еще при людяхъ, билъ до того, что жена старухой сдѣлалась, или, что такая то казачка оглохла отъ побоевъ мужа и т. п. Она увѣщеваетъ сношельницу „стерпѣть" до возвращенія мужа или уже если согрѣшить то такъ, чтобы люди не узнали. Если же ея увѣщеванія не помогаютъ, то она жалуется старшему: Ивановна (напр.) баловаться, молъ, начала... Важную роль оказываетъ старшая изъ женщинъ, равно какъ и вообще всѣ женщины въ казацкой семьѣ въ дѣлахъ религіозныхъ и обрядовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ имъ подчиняется и самъ хозяинъ. „Какъ семейный бытъ такъ и религіозныя убѣжденія въ семьѣ, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей народнаго быта, направляются казачками... Казачки самыя надежныя защитницы старины, преданія, прадѣдовскаго обычая. На службѣ молись себѣ щепотью, а дома отмолишься за то большимъ крестомъ—даетъ наставленіе мать раскольница, провожая сына на службу" (День 1862 г., № 26). Такъ долгое время ревнительницы древляго благочестія не могли помириться съ распространявшимся обычаемъ

пить чай: указывая на самоваръ, онѣ говорили: —„вотъ желтый бѣсъ на столъ влѣзъ“ (Сав. l. c.). Въ Пятиизбянской ст. мнѣ разсказывали, что женщины въ раскольничьихъ семьяхъ, ревностно соблюдающія старину, сажаютъ молодыхъ казаковъ, пришедшихъ съ похода, по прошествіи первыхъ часовъ свиданія „на эпитимію“, чтобы они очистились отъ той грязи и мерзости, которая „яко копоть налегла на нихъ“ за время ихъ сожитія съ церковными въ полкахъ, гдѣ они и табакъ курили, и изъ одной съ ними чашки ѣли, и малымъ крестомъ крестились. Только послѣ такого очищенія, продолжающагося иногда—если вѣрить разсказамъ казаковъ—по нѣскольку дней, въ теченіи коихъ они отдѣляются вполнѣ отъ прочихъ членовъ семьи, ихъ допускаютъ къ женамъ и къ общенію съ прочими семейными.

Старухи-бабушки играютъ важную роль въ казачьей семьѣ: мужъ на службѣ, жена на работѣ и поэтому воспитаніе молодаго поколѣнія, внуковъ, ихъ нравственныя и религіозныя убѣжденія, домашній порядокъ и хозяйство все это лежитъ на рукахъ бабушки, и оттого то она и пользуется большимъ авторитетомъ въ семейныхъ дѣлахъ (День l. c.).

Положеніе снохъ въ такой большой семьѣ очень часто бываетъ весьма тягостно. Здѣсь то преимущественно казачка и бываетъ „для мужа вѣковѣчная работница, свекрови безотвѣтная послушница, свекру-батюшкѣ утѣшница, а всѣмъ добрымъ людямъ куковница“. Здѣсь женщина должна считаться не только съ прихотями своего мужа, но и съ волей всѣхъ его родственниковъ, и недовольство на нее этихъ послѣднихъ даетъ поводъ къ ссорамъ съ мужемъ. Первымъ поводомъ раздоровъ, говоритъ г. Ермоловъ, нерѣдко является мать свекровь. Она за незнаніе обычныхъ семейныхъ порядковъ, подвергаетъ молодую женщину брани; она не желаетъ указать ей порядокъ, какъ вести семейныя дѣла, а наговариваетъ своему сыну... Что должна дѣлать молодая женщина, только что привезенная въ домъ своего повели-

теля? Она часто даже не знаетъ, за что подвергается побоямъ... Родители лишь однимъ утѣшаютъ себя и своихъ дѣтей: небось жива будетъ! и мы такіе были; пусть знаетъ, что надъ нею есть мужъ"... (Д. О. В. 1875 г. № 70). На сноху возлагаются самыя разнообразныя обязанности. Она должна по выраженію пѣсни:

Свекору постелюшку стлать,
Свекрухѣ въ головѣ поискать,
Деверю коня добра сѣдлать,
А золовкѣ русу косу плесть, (День, 1863 г. № 49)...
А четвертая заботушка—мужъ удалая головушка...

А между тѣмъ: свекруха лиха, лиха неласкова, непривѣтлива; она велитъ сыну плеточку купить, да молоду жену учить (День, ibid.)... И вотъ

Невѣстушка капустушку сажаетъ, сажаетъ,
Поливаетъ и всю семьюшку проклинаетъ...

и восклицаетъ въ отчаяніи:

Ой, молодость, молодость,
Дѣвичья красота!
Не чаяла, молодость,
Измыкати тебя.
Измыкала молодость
Чужа дальня сторона:
Отецъ мать не свои,
А чужіе люди,
Не разгадливые. (Секретевъ).

Дочь вдова, „водворенная" или „водворка", т. е. за которую во дворъ былъ принятъ зять считается „старше" сестеръ дѣвушекъ и снохъ и больше почитается, ибо „у ней съ братами равная часть" (зап. въ ст. Малод.). Дочь вдова, выданная на сторону, но по смерти мужа вновь возвратившаяся въ семью, становится „младше" снохъ, ее положеніе бываетъ нерѣдко тягостно, ей приходится унижаться передъ женами братьевъ (зап. въ Пятиизб. ст.).

Въ экономическомъ быту семейства, по словамъ г. Тимощенкова, бываетъ двоякій порядокъ. Въ нѣкоторыхъ

семействахъ мужъ (отецъ, старшій въ семействѣ) завѣдуетъ всѣми частями прихода и расхода безъ исключенія; въ другихъ же часть доходныхъ статей, именно овечью шерсть, масло, молоко, щетину, пухъ и перья онъ уступаетъ женѣ своей (свекрови) со снохами, но за это ничего не покупаетъ имъ кромѣ обуви, иногда даже съ ихъ не взрослыми и не работающими еще на домъ дѣтьми. Хозяйка уступленными ей продуктами, бабьимъ своимъ хозяйствомъ распоряжается двояко. Иногда она все это продаетъ и на вырученныя деньги покупаетъ, что нужно себѣ, снохамъ и ихъ дѣтямъ; а большею частью она продаетъ только масло, молоко, пухъ и перья, шерсть же дѣлитъ между снохами поровну, при чемъ и на себя беретъ часть. Во время зимы шерсть прядутъ, ткутъ сукно, которое продаютъ затѣмъ гдѣ нибудь на ярмаркѣ. Деньги, вырученныя такимъ образомъ (суконныя деньги) женщины употребляютъ по своей волѣ. Случается, что свекровь дѣлитъ между снохами деньги, вырученныя отъ продажи всѣхъ другихъ продуктовъ, отдавая ихъ въ распоряженіе каждой снохѣ. Но это бываетъ очень рѣдко. Большею частью свекровь сама ведетъ имъ расходъ. Если въ семьѣ, въ которой заведенъ такой порядокъ, умретъ отецъ, и мать, сдѣлавшись старшею въ семействѣ, станетъ распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ, то она все таки ведетъ дѣла по прежнему: отдѣльно ведетъ счетъ приходу и расходу общему, домовому и бабьему, т. е. деньгамъ шерстянымъ масляномъ и прочимъ. (Тим. I. с.). Во многихъ мѣстахъ сѣверныхъ округовъ казаки сообщали мнѣ, что прежде въ большихъ семьяхъ женщины сами справляли каждая своему мужу и одежду и обувку, но что этотъ порядокъ повлекъ за собой злоупотребленія: каждая изъ женщинъ старалась украсть либо курицу, либо пшеницу, либо что-нибудь другое изъ домашнихъ запасовъ; тайно продавала украденное на сторонѣ, а на вырученныя деньги шила себѣ или мужу обновку. Поэтому нынѣ и бѣлье, и одежду, и обувку во многихъ мѣстахъ стали поку-

Хозяйственныя дѣла.

пать. Старшій закупаетъ на ярмаркѣ по куску холста и ситца, и отъ этого куска всякій членъ семьи рѣжетъ себѣ сколько ему требуется (съ согласія старшаго). Бываетъ и такъ: членъ семьи заявляетъ старшему, что ему то-то нужно, а тотъ покупаетъ. Сами себя обшиваютъ бабы, по словамъ казаковъ, только въ бѣдныхъ хуторахъ и станицахъ, въ прочихъ же все покупное. Матеріалъ для пряжи тканья раздаетъ женщинамъ старшая сноха или свекровь „паюшками", со словами: на вотъ тебѣ съ мужемъ. Даютъ не по ровной части, но той женщинѣ больше, у которой больше дѣтей. Старшая сноха получаетъ наравнѣ съ остальными сношельницами. Остатокъ своего паюшка женщина можетъ спрятать въ свой сундукъ и продать въ свою пользу. Въ Ярыженской ст., по словамъ казаковъ, одежду и обувь даетъ старшій, но рубашку мужу должна шить сноха.

Женское добро. Каждая изъ сношельницъ имѣетъ и свое имущество, состоящее изъ „сундука" и пр. Имущество это неприкосновенно для остальныхъ. Въ минуты крайней нужды старшій обращается къ снохѣ съ просьбой: „дай, молъ, Ивановна, намъ на наши нужды, какъ оправимся, отдадимъ тебѣ опять: лучше у тебя взять, чѣмъ по чужимъ людямъ ходить кланяться". Взятое такимъ образомъ взаймы должно быть возвращено, иначе сноха получаетъ право жаловаться въ станичный судъ. Скотъ, который снохи принесли съ собой въ видѣ „каравайнаго" или приданаго, числится за ними, а приплодъ его идетъ въ семью. (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Дѣвушки также имѣютъ свое имущество. Бѣдные казаки нерѣдко посылаютъ дочерей въ работницы къ богатымъ *). Дѣвушку выводятъ на базаръ и тутъ договариваются относительно работы и вознагражденія. Обыкновенно отдаютъ въ наймы въ свою же станицу, и рѣдко дальше. Все или часть того, что дѣвушка заработаетъ,

---

*) Записано въ верховыхъ станицахъ.

идетъ ей „на справу". Такая дѣвушка получаетъ, по словамъ казаковъ, общее уваженіе: тотъ, другой хозяинъ ее похвалитъ, сказавъ:—она у меня жила, скромная, работница и хотя она и бѣдной семьи, но справная (т. е. съ приданымъ), и дѣвушка получаетъ возможность скорѣе выйти замужъ. Особое дѣвичье имущество составляется и изъ заработаннаго дѣвушкой въ праздничные дни. Нерѣдко дѣвушки въ праздникъ подряжаются убирать сѣно и т. п., а вырученныя деньги онѣ копятъ, или приготовляютъ приданое.

Старыя дѣвушки.

Въ семьяхъ казаковъ раскольниковъ (относительно православныхъ—не знаю) встрѣчаются дѣвушки, не вышедшія замужъ и проводящія время въ молитвѣ; ихъ приглашаютъ читать канонъ, псалтирь. Плата, получаемая ими за это, поступаетъ въ ихъ личное распоряженіе. Иногда на базу имъ строятъ особую хижку, „чтобы имъ никто не мѣшалъ молиться". Но такая дѣвушка не отдѣляется отъ семьи: она наблюдаетъ за курами, исправляетъ нѣкоторыя работы. Она обѣдаетъ обыкновенно со всѣми вмѣстѣ.

Соединенія въ одно хозяйство лицъ неродственныхъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о „большой" семьѣ, въ составъ которой входятъ лица родственныя другъ съ другомъ, но кромѣ этого въ казацкомъ быту бываютъ соединенія въ одну семью людей другъ другу постороннихъ. „Зажиточный, но одинокій или малосемейный человѣкъ, говоритъ г. Тимощенковъ, принимаетъ къ себѣ какое нибудь бѣдное, не имѣющее никакой собственности семейство изъ граждань (т. е. казаковъ) или иногороднихъ (обыкновенно мужа съ женой и съ дѣтьми) и заключаетъ съ ними условіе такого рода: жить имъ у него и работать 10 лѣтъ (иногда 15—20 лѣтъ) и за это получить домъ съ чуланомъ, весь необходимый дворовый пристрой и третью или четвертую часть изъ всего движимаго имущества (разумѣется—скотъ, возы и пр.). Это въ народѣ называется пристать или принять на года" (l. c. p. 179).

Въ случаяхъ такихъ соединеній въ одну семью совершаются иногда и письменныя условія. Вотъ примѣръ:

1871 г. Іюля 25 дня. Мы, ниже подписавшіеся, даемъ сію росписку казачкѣ Е. Д. въ томъ, что мы взяли у ней пару быковъ, корову съ подтелкомъ и 10 овецъ, за что мы обязуемся поить, кормить и одѣвать ее съ воспитанникомъ ее М. по смерть; въ чемъ и подписуемся (изъ архива Ярыженской ст.).

Стремленія къ семейнымъ дѣлежамъ.

Но чѣмъ южнѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются среди казаковъ „большія" семьи, а въ самыхъ южныхъ ст. и хуторахъ ихъ почти нѣтъ вовсе. Такъ напр. въ Черкасскомъ округѣ „трудно встрѣтить 5—6 семействъ, въ которыхъ жили бы вмѣстѣ съ родителями 2, 3 женатыхъ сына, какъ это бывало въ прежнія времена" (Д. О. В. 1876 г., № 50).

Низовые казаки предпочитаютъ, хотя скромный, да свой уголъ, чѣмъ довольство, да въ большой семьѣ. Молодой казакъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы отдѣлиться отъ родной семьи. Во время своей полевой службы онъ старается накопить побольше денегъ, чтобы по возвращеніи на родину тотчасъ же имѣть возможность зажить своимъ хозяйствомъ.

Поводы.

Обыкновенными поводами къ раздѣлу служатъ: нежеланіе работать на меньшихъ братьевъ и сестеръ, ссоры между невѣстками и снохачество.

Снохачество.

Снохачество среди казаковъ настолько обыденно и заурядно особенно въ сѣверныхъ округахъ и болѣе среди раскольниковъ, что на него смотрятъ снисходительно и сквозь пальцы, лишь бы снохачъ не слишкомъ явно выказывалъ себя.

Казаки, желая пояснить насколько распространено у нихъ снохачество, разсказывали мнѣ въ шутку въ нѣсколькихъ мѣстахъ одну и ту же легенду, содержаніе которой слѣдующее. Въ одной станицѣ поднимали новый колоколъ. Но какъ ни старались станичники—не могли его втащить на колокольню. Выискался тутъ какой-то иногородній и крикнулъ станичникамъ: „эй, люди добрые, это Господь по тяжкимъ грѣхамъ вашимъ усердіе ваше не принимаетъ—отойдите прочь всѣ, кто

съ невѣстками живетъ!“ И прочь отошла вся станица.

Женивъ своего сына возможно раньше, казакъ пользуется сначала его молодостью, а затѣмъ продолжительнымъ отсутствіемъ изъ дому по службѣ и завязываетъ въ это время съ его женой любовную связь. Старовѣры снохачи часто женятъ, какъ было упомянуто, своихъ сыновей лѣтъ 13 или 14 на дѣвушкахъ лѣтъ 20 и старше подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть въ домѣ работницу, причемъ въ жены выбираютъ, конечно, такую, которая имъ самимъ нравится. Такимъ образомъ выходитъ, что жена не для сына нужна, а для отца. (Д. О. В. 1873., № 13). Вниманіе хозяина и данная имъ полная свобода щекочутъ самолюбіе невѣстки, которая не рѣдко бываетъ въ то же время и младшая изъ сношельницъ. Это побуждаетъ ее еще больше склоняться на преступную связь (l. c.). Такимъ образомъ и полагается начало семейной драмѣ, которая разыгрывается по возвращеніи сына со службы, когда между нимъ и отцомъ порождается страшная непріязнь, влекущая за собой отвратительныя сцены. Сынъ старается поймать отца на мѣстѣ и, заставъ его, кричитъ: „куда ты лѣзешь, аль жены у тебя нѣтъ? а мать то моя нѣшто не жена тебѣ: къ ней и ступай!“ *) и т. д.

---

*) Въ ст. Чернышевской урядникъ Скобелевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій случай, бывшій не такъ давно. Казаку призналась жена, что свекоръ склоняетъ ее на грѣхъ съ нимъ. Сначала казакъ не повѣрилъ, но прослѣдивъ за отцемъ и убѣдившись въ справедливости словъ жены, сталъ ее ревновать. Наконецъ онъ предложилъ женѣ доказать ему, что все это дѣлается противъ ея собственной воли. Для этого polliceri aem coegit, se, quum occasio oblata esset, penem socero abscisuram esse. Sed quum id perficere vellet penemque cultro vulnerasset, exanimis facta est. Tum socer, valde perterritus, equum conscendit et in proximam coloniam, ubi medicum esse sciebat, pergit; maritus magno risu abeuntem patrem prosecutus est, ipsa autem socrus, quum omnia quae evenerant, cognovisset, nurum objurgans, o crudelissima, inquit, mulierum, in totam vitam miserrimam me reddere poteras...

Семейный ладъ въ такихъ случаяхъ прекращается. Вотъ что напр. разсказывалъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей народной жизни. „Марія Борисова, красивая и энергическая женщина, что выражается на ея увядшемъ отъ скитальческой жизни лицѣ, находилась въ любовной связи съ своимъ свекромъ Павл. Борисовымъ. По ея словамъ, она нѣсколько разъ говорила свекрови и мужу о томъ, что свекоръ ухаживаетъ за ней и не даетъ ей покою своими приставаніями; но не говоря уже о свекрови, которая не вѣрила ей, и мужъ не обращалъ на это никакого вниманія, тоже не вѣря ей. Въ результатѣ получилось сначала насиліе, а потомъ преступная связь. По показанію на судѣ свекрови, съ этого момента никому житья въ домѣ не стало. Старикъ гонитъ изъ дому ее и всѣхъ дѣтей своихъ, а о томъ сынѣ, съ женой котораго онъ находился въ связи и говорить нечего, такъ что жить ему дома не стало никакой возможности, и онъ отправился скитаться по бѣлу свѣту, въ качествѣ бобыля, и до сихъ поръ скитается. Жена же его, бросивши свекра, ушла тоже изъ дому и ведетъ ту же скитальческую жизнь, какъ и мужъ". (Д. О. В. 1880, № 69).

Не всегда однако бываетъ подобный конецъ. Не рѣдко снохачество служитъ поводомъ къ убійству снохача, совершаемому либо женой его, либо роднымъ сыномъ. (Д. О. В. 1873, № 13).

Болѣе смирныя жены—по словамъ казаковъ—замѣчая преступную склонность мужа къ снохѣ, стараются дѣлать видъ, что ничего не знаютъ, потому что „горю не пособишь бранью и крикомъ". Одна старуха казачка разсказывала мнѣ слѣдующую побасенку, которой она желала охарактеризовать отношеніе самихъ снохачей къ своимъ продѣлкамъ и къ своимъ законнымъ женамъ. „Охъ ужъ мужья наши, говорила казачка,—Богъ имъ судья... Вотъ, къ примѣру: приходитъ казакъ къ женѣ. Гдѣ былъ?—„Гдѣ былъ—мое дѣло".—А у насъ новость есть: невѣстка забеременѣла.—„А! ну, это ея дѣло".—

Да, говорятъ, забеременѣла то отъ тебя.—„А это мое дѣло“.—Ахъ, ты, старый хрѣнъ: да я тебѣ глаза за это выцарапаю, ѣсть тебѣ не дамъ.—„Ну, это ужъ твое дѣло“.—Да тебя стараго, грѣшника, Господь терпѣть не будетъ.—„А это Его дѣло—ты ужъ не мѣшайся“... Заплакала жена—ничѣмъ его лютаго нельзя пронять, лучше ужъ и не тревожить саму себя“...

Между условіями, поддерживающими снохачество въ казацкомъ быту, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ранніе браки казаковъ, при чемъ жены бываютъ сплошь и рядомъ значительно старше мужей. Вслѣдствіе этого жена состарится въ то время, когда казакъ сохраняетъ еще полную свѣжесть и силу. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: вся молодость казака, какъ извѣстно, проходитъ въ непрерывныхъ трудахъ, частью далеко отъ дома на Государевой службѣ и въ походахъ, частью же на полевыхъ работахъ. Годамъ къ пятидесяти, когда казакъ успѣетъ создать семьѣ извѣстное благосостояніе, онъ начинаетъ „жить на себя“, и, доставляя себѣ больше покоя и разныя удовольствія, вообще желаетъ насладиться жизнью. А къ тому времени жена его уже окончательно состарится, что и заставляетъ его останавливать свое вниманіе на молодыхъ невѣсткахъ *).

---

*) Быть можетъ, этимъ же самымъ можно объяснить и другой видъ кровосмѣшенія, который встрѣчается кое гдѣ среди казаковъ, а именно—любовную связь казаковъ съ родной дочерью или внучкою? Такъ, въ Нижнекурмоярской ст. мнѣ разсказывали слѣдующій случай. На одномъ изъ хуторовъ родной отецъ имѣлъ подобную связь съ родной дочерью—дѣвушкой. Онъ ей дарилъ всегда подарки, привозилъ гостинцы, ревновалъ ее къ парнямъ, и всякій разъ, какъ къ ней сватался женихъ, онъ отказывалъ ему, пока наконецъ дочь не призналась матери, что отецъ растлилъ ее, отправившись съ нею ловить раковъ и подошедъ къ ней сзади, въ то время, когда она нагибалась надъ водой.

Быть можетъ, указанная причина порождаетъ и встрѣчающееся между старыми казаками скотоложство, (причемъ суккубомъ служитъ свинья). Сами казаки приписывали это сладострастію стариковъ.

Причины семейных дѣлежей.

Отъ поводовъ къ семейнымъ раздѣламъ слѣдуетъ отличать причины ихъ. Значительную въ этомъ дѣлѣ роль играетъ, по моему, стремленіе казаковъ къ личной самостоятельности, болѣе развитая въ нихъ идея личности, что составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ казаковъ. Казаки сами хорошо понимаютъ разницу своего семейнаго быта и быта великорусскихъ крестьянъ: они сами мнѣ говорили, что семейныя связи у нихъ, казаковъ, „послабѣе"—какъ только какая нибудь ссора вышла, сейчасъ врознь расходятся. Можно думать, что всѣ казаки, даже старцы, повидимому, убѣждены въ необходимости рано или поздно отдѣлить сыновей и желаютъ ихъ удержать при себѣ до тѣхъ только поръ, пока не накопятъ достаточно имущества, чтобы послѣ раздѣла никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды. Такъ напр., во многихъ ст. я встрѣчалъ казаковъ, которые занимали себѣ пространства пустопорожней земли, огораживали ихъ и разводили затѣмъ сады. Такихъ садовъ у каждаго было по нѣскольку. Они приготовляли это къ будущимъ семейнымъ дѣлежамъ: чтобы каждому изъ ихъ сыновей и внуковъ достался отдѣльный садъ. Даже въ такихъ семьяхъ, гдѣ одинъ лишь сынъ, нерѣдко бываетъ, что, при извѣстномъ возрастѣ его, старикъ отецъ предоставляетъ въ его распоряженіе все имущество, а самъ строитъ себѣ на дворѣ близь хаты шалашъ, по мѣстному выраженію, „хижку" и поселяется тутъ, чтобы не мѣшать молодому поколѣнію.

Нынѣ старики и на Дону, какъ и въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи, жалуются на стремленіе молодежи къ отдѣламъ, потому что, за послѣднее время сыновья стали отсаживаться отъ родителей или самовольно, или слишкомъ рано. Только женитъ казакъ сына, а онъ уже намѣревается отдѣлиться. Часто отецъ не пускаетъ его, тогда сынъ отходитъ безъ благословенія и безъ всякаго надѣла со стороны отца. Онъ претерпѣваетъ страшную нужду и лишенія, часто бываетъ вынужденъ вновь соединиться съ родительской семьей и

все таки, при первой же возможности, отдѣляется снова. Сами казаки въ разговорахъ со мной, какъ на причину, побуждающую къ семейнымъ дѣлежамъ, указывали на это развитіе идеи личности. „Не одни бабы причиной раздѣла—говорили мнѣ они—но и хмѣльный напитокъ и буйный нравъ, а главное, что всякій хочетъ хозяиномъ быть“. „Это и справедливо—кто объ этомъ говоритъ: вѣдь надо ему быть когда нибудь хозяиномъ, да только нынче имъ времени то выжидать стало дюже тяжело. И какъ потомъ живутъ то худо: вѣдь кошки изъ подъ стола выманить нечѣмъ бываетъ, а все таки образумиться не хотятъ!“ „Самый раздѣлъ не противенъ Богу: раздѣлиться можно, да во время“. „Гордость обуяла, вольность пошла, народъ другой сталъ, ничего то съ нимъ не подѣлаешь: хоть и сами видятъ, что у отдѣленныхъ ни въ полѣ, ни въ домѣ спорыньи нѣту, а все не въ прокъ идетъ; — говорятъ себѣ: „горе не принять, добра не видать“... Все это доводилось мнѣ слышать изъ устъ самихъ казаковъ самыхъ различныхъ мѣстностей Области.

Кромѣ сказаннаго, еще одна изъ причинъ, по которой казаки столь стремятся выходить на свои хлѣба или на своекошество, есть, по увѣренію г. Шкрылова, „желаніе воспользоваться установленной закономъ льготой для тѣхъ казаковъ, за выходомъ которыхъ на службу въ семействѣ не остается взрослаго работника“ (Д. О. В. 1876 г., № 50). Наконецъ сами казаки указывали мнѣ еще одно обстоятельство, способствующее семейнымъ дѣлежамъ — раздѣленіе общинной земли на паи. Прежде, говорили они, раздѣлы значительно были рѣже, потому что земля не была подѣлена, и все хозяйство тогда отцомъ держалось: онъ могъ выгнать сына и ничего ему не дать. А нынче сыну все равно, что съ отцомъ жить, что одному: все равно у него свой собственный пай, и пахатный, и луговой, и лѣсной. Такимъ образомъ онъ при живности съ отцомъ уже отдѣленъ отъ него. Вотъ ему и все равно гдѣ жить-то, а потому

лишь только съ отцомъ не поладилъ, сейчасъ врознь— самъ, молъ, хочу хозяиномъ быть.

Самовольное выдѣленіе изъ семьи безъ благословенія родителей называется у казаковъ „отходомъ" или „уходомъ"; выдѣлъ сыну при жизни отца части имущества— „отдѣломъ" (отдѣлить, отсадить на особое хозяйство); общій семейный дѣлежъ носитъ названіе „раздѣла"; раздѣлъ братьевъ часто называется „родовымъ раздѣломъ".

Самовольный уходъ.

Холостые казаки никогда, сколько мнѣ извѣстно, не отходятъ отъ семьи, ибо „одному идти въ люди все равно какъ въ темный лѣсъ". Но женившись, казаки часто, не долго дожидаясь, уходятъ изъ родительской семьи. За самовольный уходъ непочтительнаго сына отецъ обыкновенно ничего не даетъ; на это онъ имѣетъ право, и общественное мнѣніе на его сторонѣ. „Непочтительный сынъ, говорили казаки, беретъ жену за руку и уходитъ съ однимъ крестомъ плотоноснымъ". Сынъ почтительный, посовѣтовавшись сначала съ женой, приходитъ къ родителямъ и проситъ благословенія: „батюшка, матушка, благословите насъ на особое хозяйство". Иногда отецъ скажетъ: „сиди, а то ничего не дамъ". Сынъ посердится,

Отдѣлъ сына.

но останется, а чрезъ полгода или черезъ годъ снова повторитъ просьбу". Тогда „погрустятъ, поплачутъ всѣ вмѣстѣ; потомъ отецъ сниметъ со стѣны образъ и благословитъ сына: вотъ тебѣ святая икона, ей молись, помни Бога и насъ не забывай, живи честно, чтобы намъ черезъ тебя позора не было — не даромъ говорится, что сынъ по отцу родится". Потомъ казакъ начинаетъ надѣлять (награждать) сына разными предметами домашняго обихода (чашку, ложку, чугунъ, горшокъ) и земледѣльческими орудіями (плугъ, коса и т. д.). Размѣръ „награжденія" зависитъ отъ воли родителей и отъ степени ихъ благосостоянія. Наконецъ сынъ кланяется родителямъ въ ноги и „идетъ прочь". Во многихъ мѣстностяхъ, отдѣляя сыновей, казаки служатъ предварительно въ церкви молебенъ и даютъ отходящимъ хлѣбъ соль.

Раздѣлъ при жизни отца.

Обыкновенно казаки отсаживаютъ сыновей не всѣхъ сразу, а одного за другимъ черезъ годъ, черезъ два и болѣе. Но бываетъ, что еще при жизни отца происходитъ общій раздѣлъ. Тогда все движимое имущество и скотина раздѣляется „по кучамъ“. Отецъ воленъ дать при раздѣлѣ какую ему угодно часть сыну: если онъ однимъ изъ сыновей не доволенъ, то даетъ ему меньше, чѣмъ другимъ, но обыкновенно части бываютъ „единоравныя“. Разложивъ все на кучи, отецъ спрашиваетъ сыновей: ну что, дѣтки, всѣ ли части равны. Дѣти отвѣчаютъ: мы довольны, батюшка — равны всѣ части, или же: „нѣтъ, батюшка, вотъ этотъ быкъ какъ будто получше будетъ, перегони его вонъ въ ту кучу“ и т. п. Бываетъ и такъ, что для уравненія частей прикладываютъ и деньги. Затѣмъ отецъ трясетъ жребій (палочки съ разными мѣтами) въ шапкѣ и сыновья вынимаютъ по очереди: „у насъ, говорили казаки, всегда въ этомъ дѣлѣ жребій дѣйствуетъ, какъ святые отцы по жребію шли“. Бываетъ распредѣленіе частей и безъ жребія: отецъ самъ раздаетъ ихъ по своему усмотрѣнію или „по заслугамъ сыновей“. Сынъ, недовольный полученнымъ при раздѣлѣ, кидается отцу въ ноги и проситъ прибавить.

Недвижимое имущество отецъ распредѣляетъ по своему усмотрѣнію: одному сыну даетъ курень, другому— амбаръ, третьему, вмѣсто того,—деньги. Если хата, такъ построена, что въ ней двѣ самостоятельныя части, соединенныя сѣнями, то ее дѣлятъ“ по концамъ“, т. е. отдаютъ одну половину одному сыну, другую другому. Часто отецъ по смерти своей старухи строитъ себѣ на базу хижку, а хату отдаетъ кому нибудь изъ сыновъ—младшему или любимому, за что остальнымъ дается въ „прикладку“ больше скота и другихъ вещей. Бываетъ и такъ, что жребій кидаютъ кому оставаться на мѣстѣ. Но больше, по словамъ казаковъ — „хотя закона такого нѣтъ, чтобы домъ шелъ меньшому, но все какъ то случается, что онъ ему достается“. Дворовыя строенія, амбаръ и пр. дѣлятъ либо по жребію, либо по взаимному согласію („на

любкахъ"). Случается однако, что отецъ, раздѣляя хату съ сыномъ, ломаетъ ее и затѣмъ дѣлитъ всѣ бревна поровну. Такъ въ Пятиизб. ст. мнѣ говорили, что на одномъ изъ хуторовъ атаманъ съ своимъ отцемъ раздѣлился такимъ способомъ: весь курень они по бревнушкамъ раскидали, а потомъ каждый изъ нихъ особый домъ себѣ сталъ строить, а пока строились—оба на базу въ шалашахъ жили; старую печь оставилъ себѣ отецъ, а сыну за это деньгами выплатилъ. Сады дѣлятъ обыкновенно по количеству деревъ „на пай", при чемъ наблюдаютъ и качество деревъ: вмѣсто одного стараго дерева даютъ нѣсколько молодыхъ. Потомъ разгораживаютъ садъ плетнями по количеству паевъ, и каждый ухаживаетъ за своей частью особо. Лѣсной паекъ въ тѣхъ станицахъ, гдѣ лѣсъ подѣленъ на долгій срокъ (лѣтъ на 17) отецъ, по словамъ казаковъ, оставляетъ себѣ, предназначая его послѣ смерти тому, кто его докормилъ. На сколько это обыкновеніе однако повсемѣстно—не знаю. Хлѣбъ дѣлятъ обыкновенно по ѣдокамъ, по душамъ уравнительно: у кого больше дѣтей, тому больше и хлѣба. Скотъ дѣлится такъ: за одного стараго быка двѣ скотины поможе и т. п. Для уплаты долговъ отецъ при раздѣлѣ отставляетъ въ сторону часть имущества, стоимость котораго равняется суммѣ долга: напр., имѣя долгу на 100 р., казакъ спрашиваетъ сыновей, сколько изъ наличной скотины покрываютъ, по ихъ мнѣнію, означенную сумму; тогда это число не поступаетъ въ раздѣлъ.

Себѣ отецъ также оставляетъ единоравную съ сыновьями часть, но иногда, особенно если онъ старъ, онъ оставляетъ себѣ значительно меньше. Случается, что отецъ ничего себѣ не оставляетъ, и сыновья содержатъ его поочередно: поживетъ отецъ мѣсяцъ или годъ у одного сына, потомъ идетъ къ другому. Впрочемъ нынѣ, по словамъ казаковъ, это бываетъ рѣдко: „теперь дѣти поотвадились—по міру отцовъ то пускаютъ"... Отецъ, не оставившій себѣ ничего, работаетъ на семью наравнѣ съ другими, но изъ заработаннаго оставляетъ себѣ часть,

„чтобы послѣ смерти было на что похоронить и помянуть“.

По окончанiи дѣлежа сыновья нерѣдко даютъ росписки въ полученiи своей части, которыя и записываются въ книгу при станичномъ правленiи. Вотъ примѣръ:

1871 г. декабря 27 дня. Я, нижеподписавшiйся, даю сiю росписку родному отцу своему казаку К. Н. въ томъ, что прежде полученной мною отъ него части изъ имѣнiя я еще получилъ къ оной лошадь, телушку 2-хъ лѣтъ и 8 овецъ, въ чемъ остаюсь доволенъ и другаго имѣнiя отъ него, К. и наслѣдниковъ его искать не буду, въ чемъ и подписуюсь.

Бываетъ нерѣдко, что внукъ отходитъ на сторону тогда, какъ отецъ его остается съ дѣдомъ. Случается и такъ: внукъ съ дѣдомъ остается, а отецъ отходитъ. Сынъ не захотѣлъ жить съ отцомъ и скажетъ: я уйду отъ тебя. А отецъ ему скажетъ: ступай себѣ, а внука я не пущу (или „я у тебя сына отберу“) онъ и получитъ твою долю. Точно такъ же и внучка остается при дѣдѣ послѣ отхода отца. Дѣдъ ее обыкновенно „водворяетъ“, т. е. принимаетъ за нее зятя въ домъ, и она получаетъ „часть“.

Часть, которую себѣ оставилъ отецъ при раздѣлѣ съ сыновьями онъ можетъ завѣщать передъ смертью кому захочетъ. Если же онъ распоряженiя никакого не сдѣлалъ, то она идетъ тому, кто его докормилъ, а остальныя дѣти на нее никакого права не имѣютъ и требовать раздѣла такого имущества считается даже за тяжкiй грѣхъ. (Тим.). Но въ другихъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что сыны эту отцовскую часть дѣлятъ поровну, если отецъ не оставилъ распоряженiя. Да и распоряженiя, дѣлаемыя отцомъ словесно, не всегда нынѣ исполняются дѣтьми и если на эту „часточку“ нѣтъ письменнаго духовнаго завѣщанiя, сыновья не рѣдко подымаютъ споръ и требуютъ „законнаго раздѣла“.

Распоряженiя на случай смерти.

На случай смерти казаки дѣлаютъ распоряженiя обыкновенно словесныя. Старикъ отецъ, чувствуя приближенiе смерти, приглашаетъ въ свой курень свидѣтелей

2, 3, 4 и болѣе родственниковъ и сосѣдей-стариковъ и въ ихъ присутствіи распредѣляетъ дѣтямъ имущество по своему усмотрѣнію. Такое распоряженіе имѣетъ силу духовнаго завѣщанія и признается станичными судами. Точно также и мать передъ смертью распредѣляетъ свое имущество: „такому-то сыну такую то вещь, а такую то—другому; а остальное всѣмъ поровну“ или „а остальное тебѣ, старикъ“. Неисполненіе предсмертной воли родителей считается тяжкимъ грѣхомъ: „это значитъ не давать покоя родителямъ въ гробѣ и тревожить ихъ кости“. (Тим.) Иногда родители заранѣе проклинаютъ того, кто станетъ послѣ ихъ смерти спорить. Но въ послѣднее время, по свидѣтельству самихъ казаковъ, стали часто не соблюдать это правило; нынѣ не рѣдко, по смерти родителей, дѣти заводятъ споры и судебныя дѣла по наущенію различныхъ свѣдущихъ людей. Поэтому казаки нынѣ стали чаще дѣлать письменныя завѣщанія. Но и до сихъ поръ эти послѣднія сравнительно рѣдки. Казаки учиняютъ ихъ въ такихъ лишь случаяхъ когда опасаются раздоровъ въ семьѣ, либо оспориванія своихъ распоряженій со стороны родственниковъ. Обыкновенно казаки, желая наградить свою вторую жену и обезпечить ее отъ притѣсненій пасынковъ (т. е. своихъ родныхъ дѣтей), оставляютъ въ пользу ея завѣщаніе. Оставляются духовныя завѣщанія если опасаются притѣсненій неотдѣленныхъ дѣтей со стороны отдѣленныхъ, или въ томъ случаѣ, если казакъ хочетъ наградить пасынка и опасается притѣсненія послѣдняго со стороны кровныхъ своихъ дѣтей, или въ случаѣ намѣренія лишить наслѣдства непочтительнаго сына. Такія духовныя завѣщанія свидѣтельствуются въ станичномъ правленіи или записываются въ находящуюся при ономъ книгу актовъ. Чаще всего онѣ скрѣпляются подписью атамана, помощника его и писаря, а также и духовнаго отца завѣщателя. Вотъ примѣръ подобныхъ духовныхъ завѣщаній:

Духовныя завѣщанія письменныя.

I.

Апрѣля 12-го. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь. 1871 года, апрѣля 12-го дня, я нижеподписавшаяся признала нужнымъ, на случай смерти своей сдѣлать распоряженіе по своему имѣнію. Симъ объявляю, что, въ случаѣ возвращенія моего по непредвидѣннымъ причинамъ въ войсковые предѣлы изъ путешествія, нижеписанное имѣніе, состоящее въ Маріинской ст., завѣщаю домашнюю абселюцію съ базнымъ пристроемъ и древеснымъ садомъ, также плановымъ мѣстомъ продать, и вырученныя деньги—половинную часть на поминъ меня, а другую половину раздѣлить поровну между родными дѣтьми моими, сыномъ Иваномъ и дочерьми Праск. и Мар.—Закромъ изъ досокъ въ хлѣбникѣ опредѣляю сыну Ив., кобылу двухъ лѣтъ рыжую назначаю внуку Василію, кобылу сѣрую продать и вырученныя деньги обратить на поминъ меня или отдать въ натурѣ священно-церковно-служителямъ, а жеребка изъ подъ ней опредѣляю дочери Прасковьѣ, корову рябую, при мнѣ бывшую, также продать, и деньги вырученныя обратить на поминъ, а телка изъ подъ ней, телушку отдать дочери Мар., корову рябую, находящуюся у сына Ивана, которая въ замѣнъ моей, отданной имъ за строеваго коня вдовѣ казачьей женѣ Аннѣ Пивар. еще не возвращена, отдать дочери Прасков., а телушку изъ подъ ней внучкѣ Акулинѣ. Домъ же, въ которомъ я проживала, принадлежащій по раздѣлу имѣнія—дочери моей Прасковьѣ. Душеприкащикомъ же моимъ, на случай смерти, назначаю роднаго брата моего есаула И. Ич., котораго прошу употребить изъ числа 30 мѣръ пшеницы половинное количество на поминъ натурою, а остальную часть продать также на поминъ. Затѣмъ всю домашнюю принадлежность, которая въ наличности окажется, распредѣлить между дѣтьми моими сыномъ Иваномъ и дочерьми Прасковьей и Марьей.

Въ удостовѣреніе сего подписуюсь собственноручно съ присовокупленіемъ, что завѣщаніе это составлено мною въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Завѣщательница сего Маріинской ст. вдова, казачья жена А. Ф. Иванкова.

Засвидѣтельствовалъ ст. атаманъ....

Помощникъ.

II.

1880 года, марта 20 дня. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь.

Азъ, рабъ Божій О. В. Д. чисто отставной казакъ М. Д., нынѣ находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, заблагоразсудилъ въ имѣніи своемъ, благопріобрѣтенномъ, написать духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ:

1.

Состоящее у меня нынѣ въ наличности имѣніе въ станицѣ Ярыженской, движимое и не движимое, а именно: хата съ чуланомъ и огорожею, роща разной породы деревъ, рогатаго скота — пару быковъ и двѣ коровы, я таковое имущество опредѣляю въ наслѣдство, по смерти моей, родному сыну своему нынѣ живущему при мнѣ казаку П. Д. съ дѣтьми его, а до того имуществомъ своимъ я имѣю распоряжаться самъ, съ тѣмъ, чтобы названный сынъ мой, какъ теперь, равно и послѣ, словомъ, до окончанія моей жизни, покоилъ бы меня, какъ и надлежитъ по закону, а по смерти помянулъ христіанскимъ порядкомъ.

2.

Другимъ же какимъ-либо наслѣдникамъ, буде таковые окажутся по смерти моей, имущества въ наслѣдство никакого не назначаю, какъ напримѣръ, живущая отдѣльно отъ меня сноха и жена покойнаго сына моего Е., П. С., которая, по уходу отъ меня, подлежащую долю свою съ дѣтьми и моими внуками получила сполна. Въ томъ и подписуюся казакъ М. Д.

III.

1871 г. декабря 19 дня. О. В. Д. Ярыженской станицы чистоотставной казакъ Д. П., нынѣ находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти заблагоразсудилъ написать духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ:

1.

Состоящее нынѣ у меня въ наличности имущество благопріобрѣтенное недвижимое, а именно: въ станицѣ Ярыженской протяжной домъ о двухъ комнатахъ, съ чуланомъ и кладовою, и амбаръ съ дворовою огорожею въ хуторѣ Алпатовомъ протяжной домъ о двухъ комнатахъ, чуланомъ и кладовою и амбаръ съ дворовой огорожею; два сада заключающіеся изъ вишни, яблонь, вербъ и другихъ произрастеній; 26 штукъ рогатаго скота; 5 лошадей и шестьдесятъ пять овецъ, словомъ, все, что останется по смерти моей, я, какъ проживши съ второбрачной женою своею Ф. А. и пасынкомъ, а ея роднымъ сыномъ, казакомъ Г. Ф. Д. болѣе 30 лѣтъ и оставаясь довольнымъ почтительности ихъ ко мнѣ и впредь надѣясь быть довольнымъ, опредѣляю имущество таковое по смерти моей во владѣніе названной второбрачной *женѣ* своей съ пасынкомъ Г. и дѣтьми его.

2.

Родная дочь моя П. М. живущая отдѣльно отъ меня по замужеству, какъ награжденная мною, не должна въ завѣщанное по первому пункту имѣніе мое вступаться, а равно и другимъ какимъ-либо наслѣдникамъ, буде таковые окажутся по смерти моей, имущества впослѣдствіи ихъ ничего не опредѣляю.

3.

Завѣщанному, значущемуся въ первомъ пунктѣ, цѣну не назначаю.

4.

Завѣщаніе это должно имѣть силу и дѣйствіе по смерти моей, а до того всѣмъ имѣніемъ я распоряжаюсь самъ.

Къ сему духовному завѣщанію завѣщатель казакъ Д. П., а за неграмотностью его подписали...

IV.

1880 г., октября 29 дня, О. В. Д. вдова, казачья жена М. З. въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти учинила сіе духовное *завѣщаніе* въ томъ, что мужъ мой казакъ С. З. умеръ въ 1876 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ коего остались у насъ два сына, казаки С. и П. З., отъ которыхъ я при раздѣлѣ общаго движимаго и недвижимаго имѣнія получила въ хуторѣ избу съ трехстѣннымъ чуланомъ и всею домашнею огорожею, изъ скота: три коровы и 3 пары воловъ, десять овецъ и другую домашнюю рухлядь; по сему достояніе это, по закону, сдѣлалось для меня благопріобрѣтеннымъ, и я имѣю право распоряжаться имъ по собственному моему усмотрѣнію, а потому опредѣляю оное въ вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему П. С. З., съ дѣтьми, сыну же С. съ дѣтьми его въ поясненное мое имѣніе ни по какому случаю не вступаться съ искомъ, ибо я *лишаю* его участія въ ономъ, собственно *за непочтеніе меня;* а если онъ послѣ чаянія вступится искомъ и начнетъ форменно дѣло, то прошу въ судебныя и правительственныя мѣста не давать ему суда и не полагать наслѣдственнаго удовлетворенія. Завѣщаніе это имѣетъ воспринять силу свою со дня смерти моей, а до того я сама распоряжаюсь имѣніемъ моимъ, доставшимся на мою часть. Завѣщаніе это, со словъ завѣщательницы З., писалъ урядникъ Аннинской станицы Т. Л. Къ сему завѣщанію вдовы казачки М. З. свидѣтели...

V.

Луганской станицы, поселка Верхней Ольховой, 1883 года, Генваря 28 дня. Вручаю своему внуку Зиновею Сухаревскому и женѣ моей Прасковьѣ Сухаревской все свое имѣніе, движимое и недвижимое. По смерти моей раздѣлить пополамъ; женѣ моей—хата въ станицѣ, внуку моему Зиновею Сухаревскому одна пара быковъ и корова, и по двѣ овцы; амбаръ на поминъ моей души, а мельница тоже, кто похоронитъ меня, тому и мельница, а лошадь продать и раздѣлить деньги пополамъ женѣ моей Прасковьѣ и внуку Зиновею, а быковъ должны поконаться, кому какіе достанутся. Для похороненія моего 7-мь серебряныхъ цѣлковыхъ и 2 (два) золотыхъ.

При томъ были свидѣтели: Урядникъ Никифоръ Крестьяновъ. Иванъ Романовъ. Казакъ Ф. Гавриловъ, а по неграмотству его изъ рукоданной просьбы подписали... Засвидѣтельствовали Полицейскій, Поселковый атаманъ *).

Иногда назначаются душеприкащики изъ ближайшихъ родственниковъ. Въ Казанской ст. душеприкащики назначаются только тогда, когда умирающіе „состоятъ кому нибудь должными, или желаютъ сдѣлать вкладъ въ церковь или монастырь, а между тѣмъ на наслѣдниковъ своихъ не надѣются. Въ такомъ случаѣ, опредѣляется имущество, которое душеприкащики должны про-

---

*) 1871 года, декабря 27-го дня, Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, села Васильева, временно обязанный *крестьянинъ* Ив. Дмитріевъ Бочеровъ, проживая въ Маріинской Станицѣ и, будучи въ здравомъ умѣ и памяти, заблаговразсудилъ сдѣлать сіе домашнее завѣщаніе въ томъ, что 1-е, я имѣю у себя трехъ сыновъ, большаго Іосифа Иванова, средняго Василія и меньшаго Александра, изъ нихъ какъ первый Іосифъ назадъ тому годовъ десять оженился и взялъ жену себѣ Авдотью Петрову изъ богатаго дома, съ большимъ приданымъ, у котораго были наличныя деньги въ немаломъ количествѣ, и этотъ сынъ Іосифъ, будучи обезпеченъ содержаніемъ своимъ, устранился отъ имѣнія на особое жительство болѣе пяти лѣтъ и распоряжается своимъ имѣніемъ, то я не опредѣляю ему Іосифу, ничего, изъ своего имущества, находящагося въ Маріинской станицѣ, по жительству моему въ оной, и долженъ быть доволенъ тѣмъ имѣніемъ женинымъ, которое у него съ женою имѣется, именно жилой домъ, въ которомъ онъ жительствуетъ, вся абселюція, рогатый скотъ и лошади, нынѣ находящіяся въ его распоряженіи. Что же только останется по смерти моей, имѣніе и все продовольствіе въ вѣчное и потомственное владѣніе женѣ моей Аннѣ Петровой съ остальными двумя сыновьями В—мъ и А—мъ. Двѣ замужнія дочери Авдотья Абросимова и Марья Галиц. должны оставаться довольными тѣмъ, что имъ предоставлено мною при выдачѣ въ замужество. Таковое распоряженіе мое должно быть у наслѣдниковъ моихъ отнюдь не нарушимое. Къ сему домашнему завѣщанію Ив. Д. Бочеровъ руку приложилъ.

Засвидѣтельствовалъ ст. атам...

Помощникъ...

Писарь...

дать и деньги употребить по назначенію. Если бываютъ при этомъ остатки, то они отдаются наслѣдникамъ" (Тим.).

Раздѣлъ матери съ сыновьями.

По смерти отца его мѣсто заступаетъ мать. Мать, по словамъ казаковъ, можетъ, подобно отцу, отказать дѣтямъ въ раздѣлѣ. „Насъ было 4 брата при матери, говорилъ мнѣ одинъ казакъ Гниловской ст.—она намъ не дала раздѣла; тогда мы на своемъ же дворѣ стали понемногу устраивать свое хозяйство". Но обыкновенно вдова, во избѣжаніе семейныхъ ссоръ, предпочитаетъ подѣлить сыновей. Если при дѣлежѣ явится затрудненіе, то она проситъ атамана и стариковъ въ свидѣтели. Но посторонніе въ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ не всегда. Нерѣдко при такомъ раздѣлѣ оставляютъ часть имущества на поминъ души умершаго родителя, если онъ самъ не позаботился объ этомъ. Остальное имѣніе мать дѣлитъ на равныя доли, которыя и распредѣляетъ между дѣтьми, оставляя и себѣ равную долю. Иногда себѣ мать оставляетъ меньшую часть, а иная мать ничего себѣ не оставляетъ. Такъ напр.: въ Нижнекурмоярской ст. одна казачка, вдова, пожелала подѣлить двухъ сыновей: „я, говоритъ, въ преклонныхъ ужь лѣтахъ, а вы молоды еще, живите своимъ хозяйствомъ". Потомъ повела дѣтей на базъ, загнала туда всю скотину, раздѣлила ее на двѣ части, привела стариковъ и кинула жребій. „Себѣ она щепки не оставила". Когда сыновья получили доли, то она сказала: „а меня кто возьметъ?" Оба сына кинулись ей въ ноги и начали просить каждый къ себѣ. Она согласилась идти къ старшему. Если мать ничего не оставляетъ себѣ при раздѣлѣ, то сыновья обыкновенно кормятъ ее поочередно; если же мать оставила себѣ часть, то она переселяется къ которому нибудь изъ сыновей, чаще къ меньшому, по словамъ казаковъ: „у меньшихъ болѣе уважаютъ, потому что дѣти у нихъ еще малы, и они могутъ болѣе помочь старикамъ". Кто докормилъ мать до смерти, тотъ и получаетъ доставшуюся ей при раздѣлѣ долю.

Раздѣлъ между братьями.

Отъ этихъ дѣлежей отличаются раздѣлы между братьями. По смерти родителей братья у казаковъ живутъ нераздѣльно весьма рѣдко. Пока не раздѣлились, хозяиномъ считается старшій братъ. Но онъ, во первыхъ, не можетъ, подобно отцу, воспрепятствовать желанію остальныхъ братьевъ раздѣлиться; во вторыхъ, при дѣлежѣ онъ обязанъ, не руководствуясь личными соображеніями, дать всѣмъ поровну, „ибо братья имѣютъ равное право на родительское имущество"; въ третьихъ, братья чаще дѣлятся при свидѣтеляхъ—поселковомъ атаманѣ и старикахъ. Задумавъ дѣлиться, братья загоняютъ скотину на базъ; приглашаютъ означенныхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей, „чтобы видѣли какъ подѣлились и чтобы никто не могъ жаловаться, что его обидѣли. На уплату долговъ оставляютъ часть имущества или же „прикидываютъ" старшему брату на его долю скотину, или хлѣба, а онъ уже самъ расплачивается. Кромѣ этого нерѣдко отдѣляется часть изъ общаго имущества на поминъ души покойнаго родителя. Все же остальное дѣлится „до послѣдней палки, чтобы не сурожничали между собой". Бываетъ и предварительная оцѣнка имущества. Распредѣливъ все имущество на равныя доли, трясутъ жребій въ шапкѣ, а атаманъ вынимаетъ. Затѣмъ составляютъ „раздѣльный актъ" и наконецъ угощаютъ свидѣтелей водкой. „Иной разъ весь хуторъ сбѣжится смотрѣть на раздѣлъ, но это изъ любопытства только". Иногда братья, подѣлившись, оставляютъ въ общемъ пользованіи мельницу или садъ.

Больше затрудненія, по словамъ казаковъ, бываетъ при раздѣлахъ „сведеныхъ" братьевъ. Мачиха-вдова клонитъ въ сторону дѣтей своихъ противъ дѣтей отъ перваго брака покойнаго; начинаются ссоры, и дѣло доходитъ до суда. Во избѣжаніе подобныхъ несогласій, казаки обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія. Въ Казанской ст., по словамъ г. Тимощенкова, „совершенно равное участіе въ имуществѣ, оставшемся по смерти родителей, имѣютъ

только братья и сестры единокровные, т. е. происходящіе отъ одного отца; братья же и сестры хотя и единоутробные, но происходящіе отъ разныхъ отцовъ, т. е. сведеные послѣ смерти родителей, каждый получаетъ часть только изъ того имущества, которое осталось отъ его роднаго отца. Дѣти, приведенныя матерью къ отчиму, если у нихъ отцовскаго имѣнія не было, ничего не получаютъ; если мать ихъ вмѣстѣ съ ними принесла въ домъ и ихъ отцовское имущество, то это имущество онѣ получаютъ сполна". (l. c. p. 170). Въ Луганской ст. „дѣти перваго брака отца на имѣніе его послѣ смерти имѣютъ больше права передъ дѣтьми жены умершаго втораго брака. Поэтому дѣти отца выдѣляютъ мачихѣ съ дѣтьми ихъ отца меньшую долю изъ общаго имѣнія" (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Доля женщинъ при семейныхъ дѣлежахъ.

Что касается участія казачекъ-дѣвушекъ въ раздѣлахъ, то я встрѣтилъ два начала. Въ однихъ мѣстахъ мнѣ говорили, что сестры дѣвушки получаютъ равную часть съ братьями, и въ этомъ смыслѣ рѣшали дѣла нѣкоторые изъ станичныхъ судовъ. Въ другихъ мѣстахъ казаки утверждали, что сестра-дѣвушка получаетъ лишь то, что дадутъ ей братья на справу къ свадьбѣ, „тѣмъ и бываетъ довольна". На Поповомъ хуторѣ былъ слѣдующій случай: по смерти одного казака осталась вдова, три сына и дочь дѣвушка. При раздѣлѣ ихъ имѣніе было распредѣлено на 5 долей: сыновьямъ по полной долѣ, матери также полную долю, а послѣднюю долю раздѣлили пополамъ: одну половину дали дочери, а другую половину положили „на умершую душу", т. е. на поминъ души усопшаго. Иногда на долю того изъ братьевъ, при которомъ остается жить сестра дѣвушка, остальные „прикидываютъ" лишнее. Если остаются только дочери, то онѣ дѣлятъ все имущество родительское поровну. Единственная дочь дѣвушка получаетъ все имѣніе. Тогда она обыкновенно принимаетъ во дворъ къ себѣ мужа. Сестра, вышедшая ранѣе смерти родителей замужъ на сторону, въ раздѣлѣ братьевъ не участвуетъ: „свою

долю она получила уже при справѣ (сундукъ, каравайное)". Сестра вдова, водворка, получаетъ равную часть съ братьями: „чтобы дѣтей не поморила". Бездѣтная водворка получаетъ, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, равную часть съ братьями. Зато въ другихъ мѣстностяхъ мнѣ говорили такъ: бездѣтная водворка получаетъ отъ братьевъ $1/4$ часть, $1/3$ часть, либо „чѣмъ благословитъ отецъ при смерти", либо „что дадутъ братья". Свекоръ, отдѣляя сноху вдову при дѣтяхъ, даетъ ей часть своего умершаго сына (ея мужа), иногда сразу все, иногда обѣщая, при достиженіи совершеннолѣтія внука, дать еще строеваго коня съ сѣдломъ на Государеву службу. Если вдова сноха бездѣтная, то иногда, особенно если она долго жила въ семьѣ свекора, послѣдній ей „прикидываетъ за прожитое время". При выдѣлѣ снохи также нерѣдко приглашаютъ свидѣтелей, „чтобы сироты послѣ не могли сказать, что были задѣлены" (Тим.).

Доля зятя, усыновленнаго, сироты и пр.

Зять пріемышъ получаетъ обыкновенно ту часть, на которую онъ условился при пріемѣ (подробнѣе выше). Желающій отойти отъ стариковъ ранѣе постановленнаго въ условіи времени получаетъ либо очень малую часть, либо довольствуется приданымъ своей жены. При отдѣленіи зятя принимается во вниманіе и число годовъ, которые онъ проработалъ на тестя. Имущество, принесенное зятемъ въ семью тестя, или же нажитое имъ во время походовъ и т. п., возвращается ему при отдѣлѣ сполна.

Сирота внукъ получаетъ пай отцовскій. Точно также отцовскій пай получаетъ и сирота племянникъ. „Принятые въ дѣтища", т. е. усыновленные обоего пола, получаютъ равную часть съ кровными дѣтьми.

„Вскормленникъ", т. е. воспитанникъ, получаетъ смотря по уговору: либо только справу на службу и къ свадьбѣ, либо еще часть изъ имущества. Вскормленникъ, долго жившій въ семьѣ, получаетъ равную часть съ сыновьями. На хуторѣ Поповомъ былъ такой раздѣлъ. Казакъ,

имѣвшій трехъ сыновей и одного пріемыша, раздѣлилъ имущество на 4 части, изъ коихъ три онъ отдалъ сыновьямъ (поровну), а одну половину четвертой части взялъ себѣ, другую же половину отдалъ вскормленнику. Имущество, принесенное воспитанникомъ съ собой, въ раздѣлъ не поступаетъ.

Раздѣльные акты.

При семейныхъ дѣлежахъ совершаются часто „раздѣльные акты", которые записываются въ книгу при станичномъ правленіи. Въ нихъ отдѣленные даютъ росписку въ томъ, что свою часть они получили и остались довольны. За неграмотныхъ расписываются посторонніе по ихъ просьбѣ. Затѣмъ эти акты скрѣпляются подписью атамана и свидѣтелей. Иногда въ раздѣльныхъ актахъ указана и та сумма штрафа (100—200 р.), который обязуется уплатить нарушившій это условіе или возбудившій искъ. Вотъ примѣры раздѣльныхъ актовъ:

1.

1880 г., марта 9. Мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казачка П. М. и племянники ея М., Н., Ф. 1-й, Ф. 2-й и С. написали настоящій актъ въ томъ, что по смерти дѣда нашего, а тетки отца, мы имущество его раздѣлили между собою въ слѣдующемъ порядкѣ: тетка М. получила на долю свою хату съ полукорридоромъ и кровать, М. горницу съ тремя стѣнами, половина корридора и поземельное мѣсто въ самой станицѣ, Ф. 1-й—амбаръ, И. особеннымъ имуществомъ ублаготворенъ, а Ф. 2-й получитъ на долю свою отъ М. и тетки П. съ каждаго по 5 руб., всего 10 руб., каковыя деньги они обязаны заплатить къ Троицѣ сего года. Раздѣломъ вышеобъясненнымъ мы остались довольны, такъ что мы послѣ сего иска изъ насъ, такъ и наслѣдниковъ, между себя простирать не должны, а таковой обязаны соблюсти свято. Въ томъ и подписуемся.

2.

1872 года, Февраля 9 дня, Чернышевскій станичный судъ. Чернышевской станицы вдова, казачья жена А. А. П., съ сыномъ своимъ, казакомъ Е. К. П., въ присутствіи станичнаго суда, по обоюдному съ обѣихъ сторонъ согласію, раздѣлили состоящее въ станицѣ Чернышевской имущество, оставшееся по смерти первой мужа, а послѣдняго отца, казака К. П., слѣдующимъ образомъ:

1-е. Первой А. П. поступаетъ: домъ сосноваго лѣса, крытый соломою, о трехъ теплыхъ комнатахъ, съ комнаткою, чуланомъ и

крыльцомъ, съ половиною плановаго мѣста, кухня лѣтняя изъ глины, сарай, крытый соломой, двѣ пары старыхъ воловъ, корова съ телкомъ, двѣ лошади, пятнадцать овецъ, воловой возъ, конная повозка, и 35 четвериковъ пшеницы.

2-е. Послѣднему Е. П. поступаетъ глиняный домикъ, крытый соломою, о двухъ теплыхъ комнатахъ, съ половиною плановаго мѣста, кухня плетневая, погребъ, катухъ овечій, катухъ плетневой, базной пристрой, три молодыхъ пары воловъ, телушка 3-хъ лѣтъ, двѣ лошади, четырнадцать овецъ съ козами, два воловыхъ воза, молотильный камень, плугъ и тридцать пять четвериковъ пшеницы.

3-е. Значущійся въ 1-мъ пунктѣ домъ съ пристроемъ вдовы, казачей жены А. П., въ случаѣ смерти ея, долженъ быть раздѣленъ по ровной части между сынами ея, казаками: отдѣляемомъ нынѣ Е. К. П. и отдѣленнымъ еще прежде сего Я. К. П. Движимое же имѣніе, какое будетъ въ наличности, должно быть употреблено на поминъ ея.

3.

Сентября 19-го дня, я ниже сего подписуюсь въ присутствіи станичнаго правленія въ томъ, что я послѣ смерти мужа моего Павла Ив. Манкотова отъ свекра своего и покойнаго мужа отца Ив. Артемьева Манкотова изъ вырученныхъ денегъ за проданные моимъ свекромъ дома и мельницы мужа моего въ законную часть мнѣ деньгами теперь всего двадцать руб. къ прежде полученному одной 2-хъ лѣтней телушки и домашней нѣкоторой рухляди, послѣ чего остаюсь вполнѣ довольною и исковъ больше никакихъ имѣть не буду. Въ чемъ и подписуюсь вдова Агаф. М. Манкотова.

Засвидѣтельствовали: атаманъ NN. Писарь NN.

4.

1871 года, Ноября 28 дня, Чернышевскій станичный судъ. Слушали мировую сдѣлку слѣдующаго содержанія. Мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Чернышевской станицы, вдова, казачья жена, Елисавета С. и казакъ Л. С. въ томъ, что оставшееся по смерти первой мужа второбрачнаго, а послѣдняго роднаго отца, казака Ф, С. нецѣнное имущество, на основаніи религіознаго закона, Л. во владѣніи оставить все, какъ-то: деревянный домикъ и ветхій при ономъ пристрой, древесный садокъ съ колодцемъ. Мачихѣ моей Е. я, Л., отдалъ собственный мой деревянный домикъ безъ пристроя. Въ замѣнъ всего вышепрописаннаго въ сей мировой сдѣлкѣ имущества мебель, имѣющаяся въ тѣхъ домикахъ, поступаетъ въ пользу: изъ отцовскаго Е., а изъ Л.—Л. Мировая сія сдѣлка во исполненіе должна быть приведена съ 1 декабря сего 1871 года. Просимъ Чернышевскій станичный судъ принять сію мировую сдѣлку, для записанія въ книгу суда, и выдать оную намъ съ постановленіемъ своимъ,

для безспорнаго владѣнія имуществомъ. Буде же изъ насъ обозначенный раздѣлъ кто-либо вздумаетъ опровергать или не исполнитъ условленнаго, съ того взыскать въ пользу обиженнаго *сто руб. сер.* Къ сей мировой сдѣлкѣ руки приложили: казачья жена Е. П. С., а вмѣсто ея, неграмотной, съ личной просьбы, подписалъ казакъ Ф. А.; казакъ Л. Ф. С., а вмѣсто его, неграмотнаго, съ личной просьбы, подписалъ урядникъ Л. С.

При миротворствѣ С — ыхъ находились и во свидѣтельство подписали: Чернышевскаго станичнаго суда судья Л. К. С. Постановлено: вдова казачья жена Е. П. и казакъ Л. Ф. С. имущество, оставшееся по смерти первой мужа, а послѣдняго отца, казака Ф. С., между собою раздѣлили безъ судебной процессіи. По записаніи ихъ мировой сдѣлки въ книгу суда выдать имъ для безспорнаго ихъ быта, оригинальную сдѣлку съ постановленіемъ суда; дѣло почислить рѣшенымъ.

5.

1878 года, Апрѣля 24 дня, поселка Фролова, вдова, жена казака, Ф. Т. Ф. и казаки А. С., Е. В. Ф. заключили сей между собою *раздѣльный актъ* въ томъ, что первая изъ насъ, раздѣлила съ послѣдними движимое имѣніе. Я, вдова Ф. Ф., получила отъ пасынковъ своихъ вышесказанныхъ: домикъ небольшаго размѣра съ потолкомъ и сосновымъ поломъ, двѣ долевыхъ скамьи, кровать, столъ одинъ, сарай плетневой съ крючьями, одну вербу на корыто. Я, Ф. Ф., имѣніе это получила вполнѣ добровольно и иска по имѣнію, какъ движимому и недвижимому, никогда и нигдѣ и ни въ какихъ судебныхъ учрежденіяхъ иска вчинать не буду, въ томъ и подписуемся: вдова, жена казака, Февронія Ф., а по неграмотству ея, съ личной просьбы, подписалъ казакъ Григорій Поганцовъ.

6.

Удовлетворительная подписка. 1879 года, Мая 9 дня, я ниже сего подписавшійся Войска Донскаго служилый казакъ И. И. М. Нижне-Курмоярской станицы, хутора Протопопскаго, даю сію росписку *родной своей матери,* вдовѣ, урядничьей женѣ А. В., и родному *брату*, уряднику С. И. М., въ томъ, что при добровольномъ съ обѣихъ сторонъ *отдѣлѣ* матерью и братомъ меня при отдачѣ его въ зятья за казачью дочь П. К. на особое жительство я получаю данное ими мнѣ имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ отдѣломъ и отдѣленіемъ въ селеніяхъ я остаюсь вполнѣ доволенъ. Поэтому наслѣдники послѣ смерти моей не должны имѣть препирательство, въ чемъ бы таковое не состояло. Однимъ словомъ, оставшееся имѣніе у матери и брата должно поступить сейчасъ же въ полное распоряженіе брата С.; въ томъ и вообще подписуюсь казакъ И. М.; при

этомъ были: казакъ Д. Ч., а по неграмотству его, по просьбѣ, подписалъ урядникъ К. К.

Я, согласно съ этою роспискою, имѣніе уступаю сыну С. Вдова, урядника жена А. М., а по неграмотству ея, по просьбѣ ея, подписалъ урядникъ И. И. К.

7.

1873 года, февраля 13 дня. Мы, нижеподписавшіеся, уряд. Ѳ. Т., казакъ Г. А. И., вдова казака М. А. Б., жена казака М. А. Б. и жена уряд. А. А. М., получили послѣ смерти отца казака А. Ф. И., въ наслѣдство: деревянный домъ, крытый тесомъ, домъ небольшой и амбаръ деревянный, крытый сѣномъ, и девять штукъ рогатаго скота. Имѣнію этому, кромѣ скота, мы опредѣлили цѣну четыреста одиннадцать руб. сер., и, поговоря между собою, раздѣлили полюбовно такимъ образомъ: все строеніе это мы уступили Г., а онъ удовлетворилъ изъ опредѣленной за оную цѣну законными частями Ѳ. и Т. по 115 руб., а М., М. и Ал. по двадцать два руб. каждой; изъ рогатаго скота, М., М. и Ал. 3 штуки, а Ѳ. Т. и Гр. 6 штукъ. Раздѣлъ сей ни намъ, ни наслѣдникамъ нашимъ никогда и не почему не измѣнять, о передѣлѣ нигдѣ не просить и по оному судебныхъ дѣлъ не заводить, а исполнятъ оный въ точномъ его смыслѣ; въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ, нарушившихъ по какимъ либо причинамъ сіе условіе, обязанъ вознаградить 200 руб. каждаго изъ всѣхъ тѣхъ, кто сохранитъ въ точности обозначенныя въ семъ полюбовномъ нашемъ раздѣлѣ условія. Имѣніе это никому не продано и въ спорѣ ни съ кѣмъ не состоитъ. Цѣну означенному имѣнію по совѣсти опредѣляемъ въ 495 руб. сер.; къ сей раздѣльной запискѣ казачья жена М. А. Б., урядникъ Ѳ. А. И., урядникъ Т. Ис., казачья жена М. Б., казакъ Гр. А. И., жена урядника А. А. М., а вмѣсто ея не грамотной, съ рукоданной просьбы, подписалъ урядникъ И. М. У сей раздѣльной записки свидѣтелями были и руки приложили: войсковой старшина И. С. Л., есаулъ В. М., сотникъ Ст. М., урядникъ А. К., унтеръ-офицеръ С. М., казакъ В. М. За все отцовское движимое и недвижимое имѣніе я съ брата своего Гр. наличными деньгами получилъ, иска самъ имѣть не буду и наслѣдники тоже. Урядникъ П. И.

8.

1871 года, января 15 дня, я, нижеподписавшійся, Области В. Донскаго, Маріинской станицы отставной казакъ Алексѣй Иван. Болдыревъ составилъ сію раздѣльную запись вслѣдствіе отдѣльныхъ и не отдѣльныхъ дѣтей моихъ, родившихся отъ перваго и втораго браковъ, нижеслѣдующему благопріобрѣтенному движимому и недвижимому моему имѣнію, состоящему въ юрту Маріинской станицы и опредѣленному въ вѣчное и потомственное владѣніе, именно стар-

шему и отдѣльному сыну Алексѣю пару воловъ, телушку 2-хъ лѣтъ, коня для службы и трехъ овецъ на сумму 92 рубля; младшему сыну Петру, водворенному на жительство къ отставному казаку той же станицы Стефану Шмакову, одного вола, корову, коня 3-хъ лѣтъ и три овцы на сумму 91 руб.; малолѣтнимъ дочерямъ, живущимъ при мнѣ: Ольгѣ 10 лѣтъ—пару воловъ, кобылицу и трехъ овецъ на сумму 61 руб. Евдокіи 5 лѣтъ—пару воловъ, кобылицу и трехъ овецъ на сумму 51 руб., и кромѣ того, для двухъ дочерей этихъ одну корову въ 15 руб., а остальное имѣніе, состоящее изъ деревяннаго дома, досчатой кухни, двухъ садовъ древесваго и винограднаго, одного вола, двухъ кобылицъ, 14 овецъ, также абселюціею и другими домашними вещами движимыми, всего на сумму въ 190 руб. оставляю для пропитанія себя съ женою и воспитанія двухъ малолѣтнихъ дочерей моихъ Ольги и Евдокіи. Амбаръ же, построенный въ прошломъ 1870 г. есть сиротскій, поставленный на деньги, въ количествѣ 100 р., принадлежащія падчерицамъ моимъ Екатеринѣ и Домнѣ Моисѣевымъ Болдыревымъ, а потому онъ въ настоящую раздѣльную запись не входитъ. Запись эту на основаніи полож. въ Донской области, обязанъ предъявить въ Маріинское станичное правленіе и засвидѣтельствовать установленнымъ порядкомъ. Къ сей записи казакъ А. Б. руку приложилъ.

Засвидѣтельствовалъ станичный атаманъ. Ст. печать.

9.

№ 7. Января 23-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, казакъ В. В. М. и зять его урядникъ К. И. П. заключили сіе условіе между собою въ томъ, что купленный нами деревянный домъ, крытый тесомъ, подъ № 6-мъ, при домѣ досчатый амбаръ, крытый тесомъ, досчатая кухня, крытая сѣномъ, базный пристрой и вокругъ дома досчатая огорожа; все это вышеприписанное куплено у хорунжаго П. К. А., за цѣну 435 руб. сер. Все это вышесказанное мы между собою согласились, по желанію нашему, раздѣлить пополамъ, и изъ насъ первый казакъ В. В. М. опредѣляетъ часть свою въ вѣчное владѣніе родному внуку своему И., а зять его родному сыну, который остался отъ покойной его родной дочери, В. П.; мѣсто же, на которомъ стоитъ домъ съ пристроемъ, должно принадлежать послѣднему, уряднику К. П. Домъ же, а также и всю принадлежность, чтобы безъ свѣдѣнія обоюднаго ничьяго между собою согласія, а также и внука его М., а зятя его сына, будучи достигнувшаго совершенныхъ лѣтъ, не имѣлъ права продавать. Въ домѣ же послѣдній П. имѣетъ полное право проживать до тѣхъ поръ, пока потребуется необходимая надобность въ житіи сына его И. Условіе это мы по единодушному согласію нашему заключаемъ свято и ненарушимо; въ томъ и подписуемся казакъ:

В. В. М., а по безграмотству его подписалъ казакъ Г. Т. и урядникъ К. И. П. своеручно.

А что подписано на четвертой страницѣ, не имѣлъ права продавать, тому вѣрить.

При этомъ находились, засвидѣтельствовали и подписали урядники Р. Е. и Ш.

Засвидѣтельств. Стан. Атаманъ.

Станичн. писарь.

10.

1880 г., іюня 18-го дня, я, нижеподписавшаяся, Филоновской станицы каз. Н., по второму мужу П., дала эту росписку бывшему свекору и деверьямъ, Ярыженской станицы казакамъ Н. С., М. Н., Г. Н., К., въ томъ, что подлежащую мнѣ часть изъ имѣнія за прожитое время въ домѣ К. и часть имѣнія сиротъ моихъ, малолѣтнихъ дѣтей С. и Е., именно: пара воловъ 90 руб., телушка 15 руб., шесть овецъ 18 руб., повозка на ходу 3 руб., каковымъ имуществомъ, т. е. выдѣломъ, осталась довольна, почему исковъ ни въ какихъ судебныхъ учрежденіяхъ къ К. равно не должны простирать и вышеназванныя дѣти С. и Е., въ томъ подписуюсь.

Отдѣленный на особое хозяйство облюбовываетъ себѣ новое мѣсто подъ „абселюцію" близь хутора, или станицы. Такъ какъ земли еще много, то во многихъ мѣстахъ занимаютъ пространство безпрепятственно, гдѣ угодно.

Случается, что подѣлившіеся снова сходятся. „Тягостно станетъ сыновьямъ въ отдѣлѣ жить и опять въ кучу сойдутся. Придетъ сынъ къ отцу и скажетъ: прими меня, батюшка, потому что я еще молодъ по хозяйству, а ты будь надо мною старшій". Но сыновья обыкновенно не живутъ по долгу съ отцомъ и на этотъ разъ.

Въ казацкомъ быту выкупъ родовыхъ имѣній извѣстенъ, „такъ что еще при жизни отца отдѣленные сыны его съ покупателями имѣній заводятъ судебные процессы и въ имѣніяхъ отца, благопріобрѣтенныхъ имъ еще при жизни и послѣ смерти пріобрѣтателя, сыны заявляютъ право на выкупъ". (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Опека. Сироты остаются на попеченіи оставшагося въ живыхъ супруга. Такимъ образомъ отецъ или мать явля-

ются естественными опекунами. На ихъ попеченіе возлагается какъ сама личность, такъ и имущество сиротъ. При этомъ часто родственники умершаго супруга просятъ станичное правленіе составить опись сиротскому имуществу, напр. „сундуку“ матери, чтобъ этимъ оградить имущество отъ растраты со стороны оставшагося въ живыхъ супруга. Станичное правленіе дѣлаетъ обыкновенно опись всему имуществу и хранитъ ее въ архивѣ до совершеннолѣтія сиротъ: или же опись остается у опекуна. Но естественные опекуны, отецъ или мать, могутъ быть замѣнены другими по рѣшенію общества. Это бываетъ въ случаѣ пьянства или безпорядочной жизни отца или матери сиротъ.

Когда останутся круглыя сироты, то обыкновенно установленіе опеки происходитъ въ такомъ порядкѣ: „какъ только въ семействѣ останутся безъ призрѣнія малолѣтнія сироты, то станичное правленіе или собравшееся общество, если это въ поселкѣ, призываетъ близкихъ родственниковъ и предлагаетъ имъ взять на воспитаніе сиротъ, а также и ихъ имущество“. (Тим. I. с. р. 175). Если же родственниковъ не найдется, то въ опекуны назначаютъ кого-нибудь изъ постороннихъ. Когда казакъ отказывается принять на себя эту обязанность, то его упрашиваютъ, говоря: „не себѣ, молъ, въ честь, такъ Богу въ честь дѣлаешь это“. Все движимое изъ имущества сиротъ (напр. скотъ, хлѣбъ и пр.) продается и обращается въ деньги или же принимается опекуномъ по описи, засвидѣтельствованной въ станичномъ правленіи, вмѣстѣ съ дѣтьми. Недвижимое имущество и земля сиротская часто сдаются въ аренду; сиротскія деньги отдаются частнымъ лицамъ въ ростъ, или кладутся въ банкъ (напр. въ банкъ въ Ростовѣ на Дону). Иногда, для большей вѣрности, сиротскія деньги отдаются въ ростъ самимъ станичнымъ правленіямъ. Вещи, могущія отъ времени испортиться (напр. одежда), описываютъ и, отдавая опекуну на храненіе, нерѣдко на случай порчи, заранѣе опредѣляютъ ту сумму, которую онъ будетъ

Опекунъ.

обязанъ выдать сиротамъ въ вознагражденіе. Бѣднымъ сиротамъ помогаетъ общество, съ общихъ силъ давая пособіе тому, кто ихъ принялъ на воспитаніе.

Его обязанности.

На обязанность опекуна возлагается сохранить сиротское имущество въ цѣлости и, по достиженіи совершеннолѣтія, возвратить имъ все сполна. Иногда опекунъ обязуется воспитывать его, какъ о родномъ заботиться о немъ, „не имѣть его въ домашнемъ быту праздношатающимся", „по домашнимъ работамъ его въ пользу никакую не употреблять, для него не полезную". Вотъ примѣръ особаго условія, въ которомъ изложены обязанности опекуна:

№ 31. Іюня 22-го, 1871 г. Обязательство. Нижеподписавшаяся Маріинской ст. вдова Прасковья Ивановна Хохлачева даю сію подписку роднымъ: свекру моему Данилѣ и свекрови Александрѣ Хохлачевой въ томъ, что я прошу и принимаю роднаго сына своего, а ихъ внука, сироту Андрея Ильина Хохлачева, 6-ти лѣтъ, родившагося въ 1866 году, котораго я отъ свекра и свекрови принимаю на собственное воспитаніе, какъ родная пещись о немъ: 1) содержать его Андрея съ семи лѣтъ въ приходскихъ и окружныхъ училищахъ непремѣнно, а расходъ на воспитаніе имѣть собственнокоштнымъ, не истребывая отъ свекра и свекрови части, принадлежащей ему отцовской до возраста его, а по совершеннолѣтіи, онъ, Андрей, долженъ требовать отъ кого слѣдуетъ вполнѣ свою отцовскую часть, нынѣ которая не получена, а до возраста требовать какъ частно, такъ черезъ начальство не буду и на содержаніе его въ наукахъ. Наконецъ не имѣть его въ домашнемъ быту праздношатающимся, по домашнимъ работамъ въ пользу никакую не употреблять, для него не полезную; почему тогда родные дѣдъ и бабка, вышеобъясненные Хохлачевы, имѣютъ полное право через начальство взять отъ меня моего сына, а ихъ внука Андрея, за отступленіе мое, данное по закону, и по возвращеніи отъ меня къ нимъ, воспитывать также въ училищахъ, непраздно на работы употреблять. Опись же имѣнію умершаго мужа должна имѣться у меня. Въ чемъ и подписуемся со стороны вдовы М. И. Х., а по безграмотству ея, росписался казакъ NN.
Засвидѣтельствовалъ станич. атаманъ Хох.
Помощникъ N.
Писарь N.

Особаго вознагражденія опекуну изъ имущества сиротъ не бываетъ. Но обязанности опекуновъ казаками

отбываются „за внутреннюю службу“. Строгаго и бдительнаго контроля надъ опекунами, какъ кажется, тоже обыкновенно не бываетъ. Опекунъ обязанъ самимъ сиротамъ представить отчетъ по достиженіи ихъ совершеннолѣтія. Впрочемъ мнѣ извѣстно, что если общество замѣчаетъ недобросовѣстность въ исполненіи опекуномъ своихъ обязанностей, то смѣняетъ его и заставляетъ уплатить убытки, причиненные сиротамъ. А въ ст. Нижнекурмояр. мнѣ сообщали, что станичное правленіе контролируетъ опекуна. Послѣдній обязуется здѣсь вести приходорасходную книгу, куда записываютъ: „сколько исхарчилъ на опекаемыхъ въ годъ“, затѣмъ онъ представляетъ отчетъ *). „Опека или попечительство, говоритъ г. Тимощенковъ, устраивается иногда и надъ цѣлыми семействами, именно когда отецъ на службѣ, а дома остается одна мать съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми и терпитъ нужду, или по недостаточному состоянію своему или вслѣдствіе какого-либо разоренія. Опека въ такомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что общество назначаетъ къ семейству на годъ кого-либо изъ отставныхъ внутренней службы гражданъ. Назначенный такимъ образомъ находится при нуждающемся семействѣ за службу и долженъ управлять имуществомъ семейства какъ хозяинъ. На другой годъ назначается другой попечитель. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока отецъ семейства возвратится со службы. Большею частью эти годовые попечители не находятся сами при порученныхъ ихъ попеченію семействахъ: или нанимаютъ за себя кого-либо, или уплачиваютъ семейству такую сумму денегъ, какую оно согласится взять взамѣнъ ихъ личныхъ пособій“ (l. c. p. 175.). Но это ничто иное какъ примѣненіе правилъ объ опекѣ въ казачьихъ войскахъ X т. св. зак. кн. I, ст. 332—340.

---

*) Провѣрить эти свѣдѣнія не могъ.

Способы пріобрѣтенія собственности.

Кромѣ наслѣдства, собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая, пріобрѣтается путемъ завладѣнія, находки, даренія, мѣны и купли - продажи.

Завладѣніе.

Что касается завладѣнія пустопорожнимъ мѣстомъ, то въ прежнее время, при обиліи земель и при рѣдкости населенія, оно встрѣчалось на Дону сплошь и рядомъ. Нынѣ всякій казакъ въ юрту своей станицы можетъ съ согласія общества (которое однако часто бываетъ лишь молчаливое) занимать подъ оливады и сады любое мѣсто на пространствѣ той земли, которая не засѣвается и не поступаетъ подъ сѣнокосъ. Въ этомъ случаѣ руководствуются правиломъ — „огородилъ мѣсто, вотъ и твое: никто не вступится". Сады эти могутъ быть переданы по наслѣдству, проданы, обмѣнены *).

Находка.

Посредствомъ находки пріобрѣтаются различныя вещи — одежда, деньги, животныя и пр. Если найдутъ двое, такъ говорили мнѣ казаки и, пока, одинъ потянется поднимать вещь, другой успѣетъ крикнуть: „чуръ пополамъ", то находку дѣлятъ поровну. Если другой увидитъ вещь уже въ рукахъ товарища, то онъ на нее не имѣетъ права, „ибо нашелъ не онъ", но обыкновенно и въ этомъ случаѣ другой получаетъ часть, чтобы онъ согласился скрыть находку. Дѣло въ томъ, что нашедшій обязанъ предъявить находку прежде присвоенія ея себѣ. Вещи найденныя вывѣшиваются троекратно въ праздничный день при станичной избѣ или на базарѣ или же при церкви. Хозяинъ найденной вещи можетъ ее взять обратно и вознагражденія, сколько мнѣ извѣстно, не платить. Но иногда онъ угощаетъ нашедшаго. Находку утаиваютъ часто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо говорили: если кто заявитъ о находкѣ, сѣчь надо, потому что глупъ. „Утайка, по словамъ г. Тимо-

*) Подробнѣе было сказано выше.

щенкова, считается дурнымъ дѣломъ, но какъ воровство не преслѣдуется. Потерявшій хотя и знаетъ у кого находится его вещь, но если нашедшій не объявляетъ о ней, то онъ и не добивается ея полученія: потерявши не горюй, а нашедши не радуйся, говорится въ народѣ" (1. с. р. 177). Въ Маріинской ст. казаки говорили мнѣ такъ: „находку присубриваютъ, а угадалъ—такъ возьми". Что касается приблуднаго и найденнаго скота, то поступаютъ, согласно правиламъ, установленнымъ правительствомъ на этотъ случай: „нашедшій долженъ объявить объ этомъ станичному правленію, которое доноситъ куда слѣдуетъ и публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе. Если въ теченіе полугода хозяинъ найденнаго скота не отыщется, то скотъ продается съ аукціона при станичномъ правленіи, и одна треть вырученной суммы отдается нашедшему, а двѣ трети обращаются въ пользу казны" (1. с.).

Кладъ.

Что касается вырытія кладовъ, то тутъ, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствуетъ слѣдующее правило. Казаки признаютъ за отрывшимъ кладъ безспорное на него право, на чьей бы землѣ онъ не былъ найденъ. Искать клады можно гдѣ угодно, подъ условіемъ не причинять убытковъ владѣльцу земли. Но если кладоисканіе сопряжено съ значительными земляными работами, то ищущій обязанъ получить согласіе владѣющаго даннымъ участкомъ. Относительно вознагражденія хозяина земли, я не встрѣтилъ точныхъ правилъ: „все смотря по уговору". Затраты дѣлаетъ самъ кладоискатель. Случается, что кладъ ищутъ нѣсколько человѣкъ съ условіемъ раздѣлить его поровну. Желающій рыть кладъ на юртовой землѣ долженъ спросить у станичнаго общества позволеніе. Но это рѣдко дѣлается, да и вообще клады обыкновенно роются тайно, частью изъ желанія завладѣть всѣмъ кладомъ, частью же изъ боязни отвѣтственности передъ властями *).

---

*) Все это сообщаю со словъ самихъ казаковъ; провѣрить эти свѣдѣнія не имѣлъ случая.

Дареніе. Дареніе весьма распространено въ казацкомъ быту. Этимъ способомъ пріобрѣтается обыкновенно имущество движимое: предметы одежды и скотъ. Но бываетъ дареніе и недвижимое (садъ, оливадъ, хата и пр.). При дареніи дома въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершаютъ „купчую", т. е. дарственную запись (зап. въ Кепинск. ст.).

Подарки дарятъ на родинахъ (у богатыхъ), на крестинахъ и на свадьбахъ: женихъ невѣсту даритъ на смотринахъ (деньги, и пр.), на рукобитіи (деньги, штиблеты и пр.). Родственники жениха и невѣсты и гости дарятъ главнымъ образомъ при разносѣ каравая. Цѣнность и количество подарковъ въ послѣднемъ случаѣ служатъ, какъ сказано, даже предметомъ особаго условія между жениховыми и невѣстиными родителями. Подарки дарятъ и при справѣ казаковъ на Государеву службу: часто дѣдъ даритъ казаку строеваго коня, а при проводахъ казака на службу родственники, а иногда и посторонніе, дарятъ ему деньги на дорогу. Возвращаясь со службы, казакъ „непремѣнно приноситъ всѣмъ своимъ роднымъ подарки, состоящіе обыкновенно изъ кафтановъ, фуражекъ, сапогъ, платковъ и пр. Чѣмъ больше подарковъ и чѣмъ они лучше, тѣмъ больше чести служивому; напротивъ бѣдность гостинцевъ или совершенное ихъ отсутствіе навлекаетъ на него всеобщее презрѣніе. Очень часто достаточные родители, узнавъ заблаговременно, что сынъ ихъ идетъ со службы въ такой бѣдности, что ему не на что даже купить гостинцевъ, чтобы избавить его отъ стыда и позора, посылаютъ ему для этого деньги или даютъ ихъ ему, встрѣтивъ его на дорогѣ, чтобы онъ могъ сдѣлать нужныя закупки на роспускномъ мѣстѣ" (Тим.). Среди общей встрѣчи, по словамъ г. Никулина, любопытные, особенно женщины, слѣдятъ за каждымъ возвратившимся со службы казакомъ и по вьюку на лошади опредѣляютъ богатство, нажитое на службѣ. При входѣ же въ хату служиваго, сосѣди сбѣгаются толпой „полюбопыт-

ствовать“, такъ какъ послѣ обычной встрѣчи съ родными казакъ „обязанъ въ присутствіи стороннихъ одарить ихъ подарками, состоящими изъ фуражекъ, шапокъ, платковъ, колпаковъ и пр.“ (l. с.).

При постройки хаты дѣлаются „маточные подарки“ плотникамъ (Тим. l. с. р. 180).

Касательно мѣны и купли-продажи я не располагаю точными свѣдѣніями. Мнѣ извѣстно только, что обмѣнъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ въ средѣ казаковъ весьма распространенъ. Мѣняются конями, волами, домашней птицей и пр.; мѣняются паями (особенно часто „травяными“), садами, виноградниками, оливадами. Въ ст. Малодѣльской мнѣ разсказывали, что сюда, равно какъ и въ иныя станицы, время отъ времени привозятъ иногородніе торгаши чашки, котлы, ведра, иконы и проч. товары и обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ. Казакъ, желающій купить напр. чашку насыпаетъ въ нее „до верху“ хлѣба и передаетъ торгашу, который, высыпавъ хлѣбъ къ себѣ въ телѣгу, чашку отдаетъ станичнику. Въ Казанской ст. иконы мѣняютъ на хлѣбъ, „красный“ товаръ тоже на хлѣбъ, а также и на щетину, перья, пухъ, овечьи кожи и проч.; деревянныя чашки и ложки—на кошекъ, сандалъ—на куриныя яйца и куръ; горшки, ленъ, деготь и сухую рыбу—на хлѣбъ. Количество хлѣба во всѣхъ этихъ мѣнахъ опредѣляется какимъ нибудь кузовомъ или сумкой. Обѣ эти мѣры бываютъ устроены очень хитро: вышина ихъ или длина очень малая, тогда какъ ширина пропорціонально очень велика (l. с. р. 180). Мѣна, купля.

Въ ст. Раздорской и др. всѣ привозимые торгашами предметы казаки вымѣниваютъ на виноградъ.

Вотъ примѣры письменныхъ актовъ мѣны:

1.

1880 года, марта 25-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казаки А. С. и С. П., заключили настоящую сдѣлку въ

томъ, что мы замѣнялись *земляными надѣлами* въ юрту здѣшней станицы на слѣдующихъ условіямъ: изъ насъ А. С. отдаетъ свой пай П. въ двухъ мѣстахъ въ выгонѣ самой станицы и на суходолѣ, а отъ П. получаетъ полный пай дѣловой земли въ ольховомъ баракѣ. Въ томъ и подписуемся: казаки....

2.

1880 года, генваря 25-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Нижне-Курмоярской станицы казакъ В. К. и казачья жена М. Б. заключили сіе условіе въ нижеслѣдующемъ: изъ насъ первый К. промѣнялъ *одинъ пай* изъ всего общественнаго довольствія, принадлежащій зятю его казаку Г. П., Нижне-Курмоярской станицы казачкѣ М. Б. за одинъ же пай, принадлежащій сиротамъ умершаго казака Баклановской станицы Ѳ. А. съ тѣмъ, чтобы Г. П. довольствовался паемъ сиротъ А., всѣмъ въ Баклановской станицѣ, какъ-то: покосомъ, лѣсомъ, пашнями и прочее, а сироты умершаго казака А. должны довольствоваться такъ же всѣмъ преимуществомъ въ станицѣ Нижне-Курмоярской. Казакъ В. К. и казачка Н. Б., а по неграмотству ихъ росписался казакъ Ѳ. Л.

3.

1871 года, мая 7-го дня. Я, нижеподписавшійся, Ярыженской станицы казакъ А. Ф., даю сію росписку родному отцу своему казаку С. Ф. въ томъ, что подлежащій мнѣ изъ имѣнія *строевой конь* я вмѣсто него получаю отъ него корову съ телкомъ и лошадь съ упряжью, въ чемъ и подписуюсь.

Примѣры письменныхъ актовъ при к у п л ѣ - п р о д а ж ѣ:

1.

Августа 12-го, 1871 года. *Купчая крѣпость*. Войска Донскаго 2-го военнаго отдѣла, 1-го гражданскаго округа, Маріинской станицы отставной казакъ Андрей Ивановъ Золотовъ и Константиновской ст. урядникъ Иванъ Андр. Золотовъ же заключили сію купчую въ томъ, что изъ насъ первый Андрей продалъ послѣднему родному сыну своему Ивану *виноградный садъ*, состоящій въ урочищѣ Ямѣ, между садовъ урядн. Ив. Ив—ва и казака Стеф. Фролова, въ количествѣ ста двадцати пяти кустовъ, деревянный домикъ, состоящій въ станицѣ Маріинской съ базными пристроями, двѣ коровы, цѣною за 400 руб. Деньги эти изъ насъ Иваномъ отданы, а Андреемъ получены всѣ полностію. Къ вышеобъясненному имѣнію моему, т. е. Андреемъ проданному урядннку Золотову изъ наслѣдниковъ моихъ дочерей урядницы Маріи Ивановой и вдовы урядницы Дарьи Бол-

дыревой никто не долженъ опасаться, если бы коснулись и стали утруждать присутственныя мѣста, то въ такомъ случаѣ прошу оныя жалобы отъ нихъ не принимать и удовлетворенія по онымъ не дѣлать; а дочери мои за нарушеніе сего лишаются моего родительскаго благословенія. Къ сей купчей крѣпости руку приложили казакъ Андр. Золотовъ и урядникъ Ив. Золотовъ.

Засвидѣтельствовалъ ст. атаманъ N.

2.

1878 года, іюня 2-го дня. Я, ниже сего подписавшаяся, Нижне-Курмоярской станицы вдова, казачья жена, Александра В. Ч., даю эту купчую росписку одной со мною станицы войсковому старшинѣ А. М. Б. въ томъ, что я сего числа продала ему Б. пріобрѣтенный своими трудами, послѣ смерти мужа своего, древесный и фруктовый *садъ*, состоящій при станицѣ близь берега стараго Дона, противъ сада казака Ѳ. Е., цѣною за пятьдесятъ руб. и деньги сполна получила. Садъ этотъ мною никому не проданъ и не заложенъ, за что я, въ случаѣ этого, отвѣчаю предъ судомъ по закону. Вдова урядничья жена А. Ч., а по неграмотству ея, съ рукоданной просьбы, подписалъ урядникъ Г. Н. При покупкѣ находились: казакъ С. Б. и А. Б.

3.

№ 19. 1871 года, 14-го апрѣля, я, нижеподписавшійся, даю сію росписку одной со мною Маріинской станицы хутора Каргальскаго г-ну есаулу Ильѣ Родіонову въ томъ, что я ему, Р., продалъ свой благопріобрѣтенный *садъ древесный*, въ урочищѣ Ерловомъ Курганѣ, цѣною за 46 руб.; деньги съ Р. получилъ всѣ сполна. Въ чемъ даю Р. мою подписку: казакъ Василій Андр. Карцевъ, а по неграмотству подписалъ М. Н.

Засвидѣтельствовалъ станичный ататанъ О.

Помощникъ Н.

Способами укрѣпленія вещныхъ правъ служатъ рубежи, межи и клейма. Установленіе рубежей происходитъ разными способами. Такъ, когда еще земля не была обмежевана и юрты не были нарѣзаны, а земля вся была войсковая и занимать ее можно было, гдѣ угодно, то казакъ, облюбовавъ себѣ мѣсто подводилъ къ его границамъ своего малолѣтняго сына и больно сѣкъ его тутъ, чтобы помнилъ границу: „это на его же пользу дѣлалось — по смерти отца онъ уже хорошо зналъ границы Знаки собственности.

своего наслѣдства“. (Зап. въ Малод. и Кеп. ст.). Или же размежеваніе происходило такъ, какъ описываетъ г. Тимощенковъ (говоря о Казанской ст.). „Граждане, сошедшись съ гражданами другихъ пограничныхъ ст., согласились на счетъ межъ и поставили грани. Для того, чтобы онѣ лучше помнились въ народѣ, граждане собрали всѣхъ взрослыхъ мальчиковъ, какъ изъ своей, такъ и изъ всѣхъ другихъ станицъ, водили ихъ толпою по межѣ и сѣкли розгами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли грани. Какъ кого высѣкутъ, такъ и пустятъ бѣжать домой. Дѣлая это, они надѣялись, что каждый мальчикъ до старости будетъ помнить то мѣсто, гдѣ онъ былъ сѣченъ“ (l. c. p. 145). Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали мнѣ, что и пастуховъ въ прежніе годы сѣкли на границахъ, дабы они помнили ихъ и не гоняли скотину, куда не слѣдуетъ. Кромѣ того гранями между юртами служили какія либо урочища, каменныя бабы на курганахъ и т. п. Впослѣдствіи юрты были разграничены казенными землемѣрами, причемъ послѣдніе вырывали въ степи яму и насыпали туда уголья. Нынѣ границами между двумя смежными юртами служатъ двѣ борозды. Пахатная земля въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ „уравнительный“ раздѣлъ прежде всего раздѣлена на „полосы“ (столбы), которыя разграничены другъ отъ друга бороздой; отдѣльные же паи внутри этихъ полосъ отмѣчены на бороздѣ: „отъ пая до пая—двѣ ямки“. При раздѣлѣ травяныхъ паиковъ каждый казакъ границу своей доли окашиваетъ или отмѣчаетъ прутьями съ привязаннымъ клокомъ сѣна. Лѣсные паики другъ отъ друга отдѣлены произвольными знаками, которые дѣлаются на деревьяхъ. Сады и оливады разныхъ хозяевъ отдѣляются другъ отъ друга плетнями, заборами и канавками. Границы и межи считаются неприкосновенными. Какихъ либо особыхъ знаковъ собственности на недвижимомъ имуществѣ, подобныхъ тѣмъ, которые напр. кладутъ на своихъ поляхъ крестьяне великорусскихъ губерній (Псковской, Московской, Воронежской и др.), у казаковъ я не встрѣчалъ.

На движимомъ имуществѣ накладываются особые знаки собственности — клейма. На рогатомъ скотѣ, на птицахъ, на арбузахъ и пр. они называются „мѣтами", „примѣтами", на лошадяхъ — „тавромъ". Мѣты накладываются либо на рогахъ, либо на ушахъ; птицамъ мѣтятъ ногти и перепонку. Тавро лошадямъ кладутъ на ляшку или же мѣтятъ уши. Арбузы и дыни мѣтятся либо хозяиномъ бакчи, либо сторожемъ („пастухомъ"). Послѣдній отмѣчаетъ такимъ образомъ лучшіе арбузы, которые онъ по договору и получаетъ себѣ въ вознагражденіе. „Мѣты" же кладутся на заступахъ, на плугахъ, на вилахъ, овчинахъ, отдаваемыхъ въ выдѣлку и прочихъ предметахъ болѣе или менѣе цѣнныхъ. Нерѣдко клейма бываютъ „скрытыя" или „секретныя". Такъ напр. кладутъ свое тавро подъ гривой или имѣютъ „потайныя мѣты", т. е. примѣчаютъ что нибудь въ предметѣ, что не замѣтно для другихъ. Или же наконецъ кладутъ мѣту на незамѣтномъ мѣстѣ, напр. „подъ ушкомъ" у плуга, втыкаютъ въ овчину конскій волосъ или щетину, которая и остается въ ней, не смотря ни на какую выдѣлку. Мѣты и тавры состоятъ обыкновенно изъ произвольныхъ знаковъ — крестиковъ, кружечковъ, палочекъ, или же изъ начальныхъ буквъ имени домохозяина. Мѣту имѣетъ только домохозяинъ. При отдѣлѣ отъ своего отца казакъ прибавляетъ къ отцовскому клейму какое либо свое „отличіе" или „отмѣтку". Мѣты и клейма не имѣютъ однако у казаковъ того значенія, какое свойственно имъ въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ (Архангельской, Вятской и др.), гдѣ они служатъ и знаками собственности, и знаками происхожденія. Прилагаю рисунки клеймъ, видѣнныхъ мною у казаковъ. Клейма.

При продажѣ скотины измѣняютъ мѣты, прибавляя къ прежнему знаку или крестикъ, или палочку, или лишній надрѣзъ. Но когда мѣту измѣнить трудно, то ее оставляютъ въ прежнемъ видѣ, а доказательствомъ правильности владѣнія являются свидѣтельскія показанія или письменные акты. При мѣнѣ также „перетавриваютъ",

или измѣняютъ мѣту; при залогѣ мѣта остается, сколько мнѣ извѣстно, безъ измѣненія.

Мѣты служатъ часто доказательствомъ на судѣ. Случается, что конокрадъ „подмѣчиваетъ" лошадей и прочій скотъ. За искаженіе знаковъ собственности станичный судъ наказываетъ арестомъ дней на 7 и денежнымъ штрафомъ.

Отношенія между сосѣдями.

Нѣкоторое ограниченіе правъ собственника въ интересахъ сосѣдей встрѣчается и въ казацкомъ быту. Никто не имѣетъ права занимать даже пустопорожняго мѣста, какъ-бы мало оно не было, если этимъ онъ стѣсняетъ сосѣдей, прежде занятія сидѣвшихъ близъ этого мѣста. Каждый долженъ остерегаться причинять какой-либо ущербъ своему сосѣду. Поэтому прежде всего во избѣжаніе нанесенія сосѣду убытковъ (напр. чтобы не врывался скотъ), онъ долженъ огородить плетнемъ свое владѣніе. При постановкѣ плетня или забора сосѣдъ не долженъ нарушать границы и не захватывать своими постройками сосѣдской земли. Плетни и заборы часто сосѣди строятъ пополамъ: половину на счетъ одного, а половину на счетъ другаго. Плетнемъ огораживаются лишь дворовыя мѣста, сады, оливады, огороды; „пайки" не огораживаютъ. Никто не имѣетъ права предпринимать на своей землѣ ничего такого, что можетъ вреднымъ образомъ отозваться на владѣніи сосѣда; такъ напр. никто не смѣетъ проводить воду, если она грозитъ затопить землю сосѣда или повредить его постройкѣ, подмыть амбаръ и т. д. Съ другой стороны нельзя зарывать или уничтожать канаву, если сосѣдъ вырылъ ее для осушки своихъ владѣній. Въ одномъ изъ станичныхъ судовъ разбирался такой случай: одинъ сосѣдъ зарылъ канаву другаго для огражденія своей скотины, которая нѣсколько разъ тонула въ ней. Судъ рѣшилъ канаву оставить, а владѣльца ея обязалъ поставить пле-

Къ стран. 163

„Мѣты" на рогахъ у скота.

I X IIIXX Θ ξ.X.

„оникъ" „ключъ"

ƐP M M (X

„Тавры" на лошадяхъ.

3 Я I П H Ш

„Мѣты" на арбузахъ и дыняхъ

IV O ⊗ X

X Ш И.П.

на вилахъ: Λ M

„Мѣты" на ушахъ у скота.

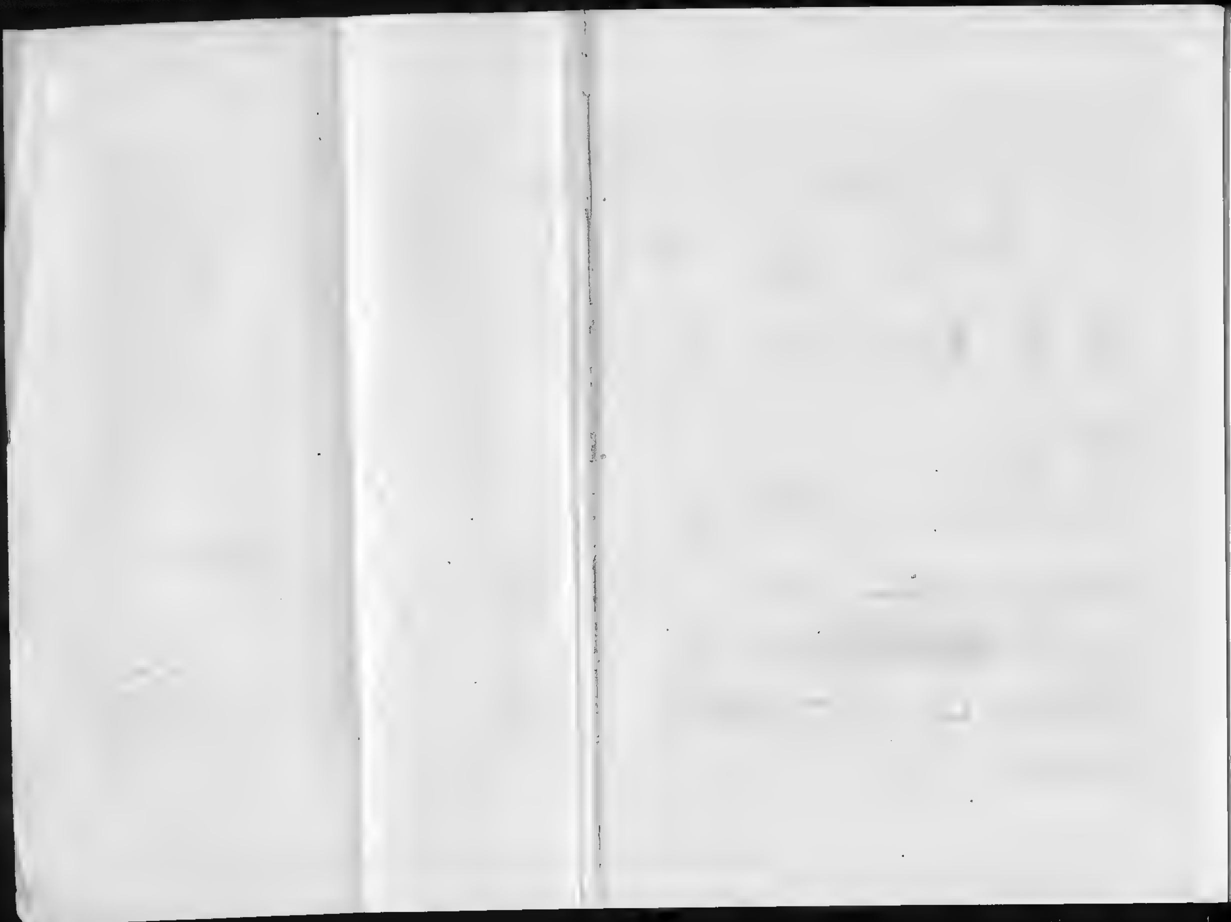
„распоръ" „два распора" „иверень" „подрѣзъ"

„подрѣзъ сверху и снизу" „заступъ" „скосъ" „чапля"

„иверень сверху и снизу" „щель" „щель среди уха"

На лапкахъ у птицъ.

„полотенце порото" „отъ кобылки порото" „отъ поля порото"

тень, который ограждалъ бы скотъ сосѣда отъ воды. Нельзя рыть яму напр. для погреба, хотя бы и на своей землѣ, но по близости къ сосѣдскому участку, если это почему либо не удобно для сосѣда. Нельзя отводить въ особые резервуары, устроенные на собственныхъ участкахъ, воду изъ общаго съ сосѣдями источника, если черезъ это послѣдніе лишаются воды. Сосѣдъ не смѣетъ прорубать дверь изъ своего дома или амбара, или сарая во дворъ къ сосѣду безъ согласія послѣдняго. Что касается до права сосѣда срубить вѣтви сосѣдскаго дерева, если онѣ мѣшаютъ, то подобныхъ случаевъ въ дѣлахъ станичныхъ судовъ я не встрѣчалъ. Но казаки въ Маріинской ст. мнѣ говорили, что сосѣдъ въ правѣ требовать отрѣзанья вѣтвей на сколько онѣ мѣшаютъ, но самовольно обрѣзать ихъ не смѣетъ. Въ ст. Нижнекурмоярской говорили такъ: „вѣтви терпимъ, ибо у насъ просторно“. Если плодовое дерево въ саду одного изъ сосѣдей пустило отростокъ въ садъ другаго, то этотъ отростокъ принадлежитъ тому, на чьей землѣ онъ появился и плодами его пользуется тотъ, въ чьемъ саду онъ выросъ, ибо „нельзя же сосѣду приходить ко мнѣ въ садъ обрывать плоды“. Но строптивые, сильные и богатые сосѣди иногда, по словамъ казаковъ, изъявляютъ претензію на такіе отростки — вырываютъ ихъ и пересаживаютъ къ себѣ, или же даже огораживаютъ ихъ плетнемъ своимъ, распространяя послѣдній на сосѣдскую землю (зап. въ Маріинской ст. и др.). Въ ст. Нижнекурмоярской казаки говорили: „если отростокъ того стоитъ, то разбираютъ по корнямъ. Но плодами дерева, корни котораго въ моемъ саду, а вѣтви перевѣсились къ сосѣду, пользуюсь я (часто напр. виноградъ перевѣшивается черезъ плетень къ сосѣду)“.

Безъ позволенія сосѣда никто не смѣетъ ни входить въ предѣлы его владѣнія, ни прогонять черезъ него скотъ. Нельзя бросать соръ на участокъ сосѣда; золу кидать даже близь плетня сосѣда не позволяется.

Сосѣдъ въ правѣ требовать отъ сосѣда прохода, проѣзда и прогона для скота, если нѣтъ другаго пути. Для прохода и скотопрогона, станичными и хуторскими обществами опредѣляются пути: дороги, улицы, переулки. Всякій обязанъ, если требуется, дать отъ своего участка достаточное количество земли для устройства этихъ путей. Никто не имѣетъ права воспрепятствовать сосѣду пользоваться этими путями, застраивать и загораживать ихъ. Даже пустопорожнее мѣсто нельзя занимать, если этимъ стѣснишь доступъ къ водопою. Застроившій или загородившій путь обязанъ снести постройки и возстановить путь въ первоначальномъ видѣ. Позволяется съ согласія общества закрыть путь, если онъ никому не нуженъ, или если существуетъ иной, который можетъ замѣнить его, или если желающій загородить его обязуется провести новый путь не менѣе удобный для сосѣдей. Если кто нибудь отказывается снести свою возведенную на непоказанномъ мѣстѣ городьбу, то станичное правленіе нанимаетъ на его счетъ рабочихъ, которые и разоряютъ ее; иногда еще такой строптивый наказывается штрафомъ. Въ искахъ о вознагражденіи за убытки, причиненные сломкой неправильно построенной городьбы, стан. суды отказываютъ.

Кромѣ того, каждый обязанъ дать сосѣдямъ, не имѣющимъ доступъ къ улицѣ, извѣстную полосу своей земли для проведенія путей прохода и прогона скота на пастбище и къ водопою, а также „соблюдать, чтобы прогонное мѣсто не было тѣсно“ (Елан. стан. суд. 1881 г., іюня 26). Далѣе, владѣлецъ обязанъ дать возможность прохода и проѣзда черезъ свои земли къ владѣніямъ другихъ, если инаго пути нѣтъ. Такъ напр. Кепинскій станичный судъ 4-го іюля 1882 г., постановилъ отдѣлить отъ поземельнаго мѣста казака А. И. $1^1/_2$ саж. земли въ ширину и 15 саж. въ длину, чтобы былъ проѣздъ казаку З. О. въ его садъ для поливки и на гумно или (въ другомъ случаѣ) къ дому.

Что касается колодцевъ, то въ казацкихъ ст., кромѣ принадлежащихъ общинѣ, встрѣчаются и вырытые частными лицами. Пользоваться ими сосѣдямъ обыкновенно не воспрещается (такъ сообщали мнѣ въ нѣсколькихъ станицахъ), если вода нужна для питья: „другъ другу пособляютъ въ этомъ случаѣ потому, что часто сосѣдъ, хотя и рядомъ роетъ, получаетъ соленую воду—почему и грѣшно тутъ не пособить"; „коли ладно сосѣди живутъ, то позволяютъ воду брать, не требуя ихъ участія въ очисткѣ колодца, а коли вражда вышла—сейчасъ запрещаютъ ходить къ себѣ за водой". „Конечно, пользующійся отъ сосѣда водой, при поправкѣ колодца пособитъ ему изъ совѣсти. Но скотъ поить изъ такихъ колодцевъ не даютъ: его гоняютъ на общій водопой.

По словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Въ чужихъ лѣсахъ, принадлежащихъ инымъ станицахъ—согласно сообщенію казаковъ ст. Кепинской—не воспрещается „охотничать". Но ягоды собирать не дозволяется, ибо онѣ идутъ въ пользу станичниковъ (см. выше.). Что касается рыбной ловли въ чужихъ водахъ, то казаки сообщали мнѣ, что прежде она допускалась всюду: „народъ былъ проще и выгоды своей не понималъ" нынѣ же обыкновенно въ текучихъ водахъ дозволяютъ ловить рыбу безпрепятственно, озерами же и прудами пользуется сама община (см. выше.).

Что касается пользованія чужой движимой собственностью, то прежде, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, допускалось брать у кого-нибудь изъ одностаничниковъ лошадей, когда проѣзжалъ кто нибудь изъ начальства, если не было свободныхъ на станціи. Нынѣ въ случаѣ пожара въ станицѣ всякій можетъ взять первую попавшуюся лошадь и скакать въ поле къ находящимся тамъ станичникамъ для оповѣщенія ихъ о бѣдѣ: „тутъ это дѣлается въ общую пользу".

Устройство хозяйственныхъ дѣлъ въ казацкихъ общинахъ.

Нерѣдко нѣсколько казаковъ „складываются" и покупаютъ сообща бугая, которымъ пользуются и остальные станичники, вознаграждая хозяевъ бугая либо сѣнокосными пайками, либо льготами по „внутренней службѣ", либо деньгами изъ "общественной суммы".

Бугай.

Иногда бугая пріобрѣтаетъ одинъ казакъ (изъ зажиточныхъ казаковъ) и предоставляетъ его въ распоряженіе своихъ станичниковъ, за что при раздѣлѣ сѣнокосовъ онъ получаетъ лишній противъ остальныхъ пай. Нерѣдко бугая покупаютъ на общественныя деньги и въ теченіи зимы кормятъ также на общественный счетъ—сѣномъ, которое заготовляется станичниками для плодовыхъ жеребцовъ. Въ иныхъ мѣстахъ бугай—вольный: „у кого нибудь изъ хозяевъ есть бугай, имъ всѣ и пользуются даромъ; онъ и въ другіе табуны ходитъ—все это по простецки. Купили разъ нѣсколько хозяевъ гуртомъ (т. е. сообща) бугая, да не поладили между собой и опять продали (зап. въ Аннинск. ст.)".

Плодовыхъ барановъ держатъ обыкновенно сами хозяева стадъ, полагая одного барана на извѣстное количество овецъ. Въ Малодѣльской ст. говорили: „есть у тебя 5 овецъ—давай барана, а то и въ стадо не пустятъ".

Стада.

Въ каждомъ казачьемъ поселеніи обыкновенно бываетъ по нѣсколько стадъ одного и того же рода скота. Жители одной улицы или одного конца поселенія сгоняютъ свой скотъ въ одно стадо. Стада пасутся въ разныхъ мѣстахъ юрта. Коровы дойныя и рабочіе быки пасутся близъ поселенія; гулевой скотъ—на толокѣ „подальше"; овечій „кайдалъ" („атара")—на другой толокѣ; коннаплодовый табунъ (изъ станичныхъ матокъ и войсковыхъ жеребцовъ)—отдѣльно; строевой табунъ (кони служилыхъ казаковъ) опять отдѣльно и т. д.

Вольно пасти скотъ по всей степи, въ предѣлахъ ст. юрта дозволяется только послѣ снятія хлѣба и сѣна. Круглый годъ оставлять скотину безъ присмотра не

позволяютъ: „какъ только заповѣдятъ луга—говорили казаки—хозяева обязываются пускать скотъ въ стада, чтобы не было потравы“.

Пастухи.

Каждую весну, для присмотра за скотомъ, обыкновенно нанимаютъ пастуховъ. Пока пастухъ еще не приисканъ, равно какъ и осенью, когда срокъ договора съ пастухомъ уже оконченъ, а „зимы еще нѣтъ“, казаки пасутъ скотъ по очереди сами.

Иногда сосѣди соглашаются вовсе не нанимать пастуха, а пасти скотъ поочередно своей улицей. Каждый въ такихъ случаяхъ пасетъ стадо поденно, независимо отъ числа имѣющагося у него скота („имѣющій 2 скотины пасетъ одинъ день, имѣющій 30 скотинъ—также одинъ день“). Такъ караулятъ лошадей хуторяне; напр. въ Верхнекурмоярскомъ юртѣ поселковый атаманъ объявляетъ, „какая семья, въ какое время должна соблюдать караулъ“. Хуторяне конаются, и кому достанется конецъ палки, съ хаты того и начинаютъ считать очередь. Отъ каждой семьи посылаютъ стеречь лошадей либо старика, либо старуху, оставляя болѣе молодыхъ членовъ семьи для домашнихъ работъ.

Пастуха (кайдальщика, атарщика, табунщика, овчара, овечьяго пастуха, коровьяго пастуха и т. п.) нанимаютъ обыкновенно съ марта, апрѣля или начала мая (смотря по погодѣ) вплоть до поздней осени (8—14 ноября). Въ пастухи нанимаются либо свои же станичники (изъ бѣдныхъ), либо „иногородніе“, либо калмыки. Условія при наймѣ пастуховъ бываютъ различныя. Иногда въ одной и той же станицѣ одинъ изъ пастуховъ получаетъ больше, другой меньше. Я встрѣчалъ въ различныхъ мѣстностяхъ слѣдующее. Пастухъ получаетъ плату либо съ каждой скотины особо, напр. съ коровы по 10 коп. и по 6 фунтовъ хлѣба, или по 15—20 коп. и по гарнцу хлѣба и т. п., либо онъ „нанимается оптомъ“, т. е. опредѣляетъ то количество скота, которое онъ берется устеречь, и выговариваетъ себѣ извѣстную плату (рубл. 30, 50 и болѣе) въ лѣто. Сумма эта

потомъ раскладывается „уравнительно“ на всѣхъ хозяевъ, скотъ которыхъ пасется въ станицѣ. Въ тѣхъ станицахъ, гдѣ скота много, бываетъ и такъ: нанимаютъ пастуха себѣ всякій казакъ, обладающій большими стадами отдѣльно, а потомъ уже самъ отъ себя принимаетъ въ стада скотину своихъ сосѣдей, получая отъ нихъ плату въ свою пользу.

Въ хуторахъ весьма нерѣдко пастухъ, кромѣ платы, получаетъ отъ хозяевъ скотины еще харчи поочереди, напр.: „съ каждыхъ пяти скотинъ—день кормить“; или же такъ: „со скотины обѣдъ и ночевка поочереди“; либо — „со скотины деньги, обѣдъ и ночевка, одежда и обувь“. Если такой чередъ въ одно лѣто не кончится, то продолжается на слѣдующій годъ.

Плату („пaства“) пастуху платятъ частью при заключеніи договора (обыкновенно словеснаго, сколько извѣстно мнѣ), въ задатокъ „на первый случай“, „на обувь“ — рублей 10, 15. Остальное же отдаютъ осенью.

Каждое утро часть хозяевъ, которые живутъ ближе „къ плацу“ (площади), выгоняютъ сюда свой скотъ. Сюда приходитъ пастухъ и прогоняетъ скотину вдоль улицы, хлопая время отъ времени кнутомъ. Тогда и остальные хозяева, живущіе въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, услыхавъ, пригоняютъ свою скотину къ мимо проходящему стаду. — Вечеромъ пастухъ пригоняетъ стадо лишь къ поселенію, а по базамъ скотина расходится уже сама (зап. въ Кепинск. ст. и др.)

Пастухъ отвѣчаетъ за пропажу скотины. При наймѣ пастуха обусловливаются относительно того, какую цѣну будутъ взыскивать съ пастуха въ случаѣ пропажи, напр.: за корову—5 р., за быка—15 р., за овцу—1 р., за ягненка—50 к. и т. п. Цѣны эти въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаковы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что пастухъ не отвѣчаетъ за пропавшую скотину, такъ какъ „трудно соблюсти—воровъ много“.

Пастухъ не рѣдко отъ себя нанимаетъ подпасковъ (руб. за 5—7—10—15 въ лѣто). Мнѣ неизвѣстно, чтобы

подпасокъ получалъ еще отъ станичниковъ вознагражденіе.

Когда выгоняютъ скотину весной въ первый разъ въ степь, во многихъ мѣстностяхъ станичники приносятъ пастухамъ пироги, сало, яйца и пр. Когда попъ весной съ иконами выходитъ въ поле служить молебенъ, то къ нему пригоняютъ и стада, которыя онъ окропляетъ святой водой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ ст. Раздорской на Медвѣдицѣ, атарщики на (зимнихъ) святкахъ обходятъ дворы хозяевъ. Войдя въ хату, толпа атарщиковъ, по словамъ г. Вѣтрова, останавливается у дверей, а верховодъ съ торбой овса, висящею на веревкѣ черезъ плечо, бросаетъ горсть овса въ передній уголъ къ образамъ, потомъ по сторонамъ по всей комнатѣ. Съ каждымъ взмахомъ руки онъ приговариваетъ одинъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

На коня,—
На кобылу,
На сивую гриву,
На волнистый хвостъ,
На стопу блиновъ,
На бутылку водки,
На мѣру пшеницы,
На букатку мяса,
На рубль денегъ и пр.

Хозяинъ сажаетъ тогда атарщиковъ за столъ, угощаетъ ихъ водкой, кладетъ имъ въ суму „букатку" мяса и пирогъ и наконецъ даетъ имъ еще по 15 коп. съ лошади (Д. О. В. 1880, № 61).

Конно плодовый табунъ сторожатъ (сколько мнѣ извѣстно) казаки „приготовительнаго разряда" за службу или же—табунщики за жалованье, которое имъ выдается изъ т. н. табуннаго капитала, составляемаго изъ вносовъ неспособныхъ къ полевой службѣ.

Строевой табунъ стерегутъ вольно-наемные табунщики („атарщики") за вознагражденіе, величина коего зависитъ отъ уговора.

„Овечій табунъ“ („кайдалъ“) стережетъ наемный чабанъ, за извѣстную плату съ овцы.

„Свиной пастухъ“ нанимается (напр.) въ Кепинской ст. по 50 коп. (въ другихъ по 30 коп. и т. п.) отъ свиньи. За поросенка, родившагося лѣтомъ—20 коп., за поросенка, родившагося зимой—30 коп. Но въ стадо гоняютъ свиней не всѣ станичники, такъ какъ дозволяется свиней пускать и безъ особаго присмотра.

Телята ходятъ либо безъ пастуха близь займищъ и кустарниковъ, либо сгоняются въ особый „телячій табунъ“.

Станичники, имѣющіе по многу гусей соглашаются стеречь ихъ сообща. Для этого они посылаютъ по очереди (поденно) своихъ малолѣтнихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, присматривать за согнанными въ одно мѣсто гусями.

Сторожъ бакчей.

Для наблюденія за бакчами станичники нанимаютъ особаго сторожа—„пастуха“, полагая ему плату съ сажени по 3—5 коп. или съ загона (въ 3—4—5—10 саж.)—25—50 коп. и т. п. Кромѣ этого, „пастухъ“ имѣетъ право выбрать себѣ по лучшему арбузу (дынѣ) съ загона. На такіе арбузы онъ налагаетъ свою мѣту и оставляетъ ихъ на корню, пока они не созрѣютъ.

Лѣсные сторожа.

Обязанности лѣсныхъ сторожей исполняются (насколько мнѣ извѣстно) обыкновенно самими казаками „за внутреннюю службу“, или же въ лѣсные сторожа назначаютъ казаковъ, неспособныхъ къ службѣ, освобождая ихъ отъ платы въ табунный капиталъ. Такъ напр. въ ст. Малодѣльской сторожатъ лѣсъ 6 человѣкъ. Во время полевыхъ работъ они чередуются между собой, а осенью на подмогу имъ прибавляютъ изъ числа отбывающихъ внутреннюю службу еще нѣсколько человѣкъ.

Подобнымъ же способомъ караулятъ и луга отъ потравы (зап. въ Ярыженск. ст.), опредѣляютъ сторожа при церкви и при хлѣбномъ магазинѣ.

Для производства общественныхъ работъ (поправки дорогъ, мостовъ, гатей, городьбы, чистки колодцевъ и пр.) станичники составляютъ изъ себя десятки съ десятниками во главѣ, или же исполняютъ ихъ улицами. По мѣрѣ необходимости атаманъ назначаетъ одинъ или два десятка для исполненія той или другой работы. „Есаулецъ“ („полицейскій“) соблюдаетъ, чтобы десятки работали по очереди и чтобы никому не было обидно. Атаманъ, въ случаѣ надобности въ какой либо работѣ, обращается къ есаульцу: „наряди-ка на такую-то работу столько-то десятковъ“. Есаулецъ сообщаетъ десятникамъ, а эти послѣдніе отводятъ свои десятки въ указанное мѣсто. Десятники обязаны слѣдить за исправностью работъ. Общественныя работы.

Въ Аннинской ст. всѣ общ. работы справляются казаками, составляющими изъ себя десятки, по очереди. Станица раздѣлена на 4 „квартала“, во всякомъ кварталѣ есть свой особый „квартальный“. Въ случаѣ необходимости работы, атаманъ сообщаетъ квартальному, а послѣдній оповѣщаетъ жителей своего квартала. Если работа не велика, то квартальный наряжаетъ человѣкъ 2-хъ, 3-хъ; большія работы исполняются улицами: „этотъ разъ идетъ одна улица, слѣдующій разъ—другая и т. д., тутъ все дѣлается по соглашенію и безъ помѣхи, потому что никого не обижаютъ“...

Въ ст. Малодѣльской 24 гати. „Вотъ и вытрясаютъ (жребіемъ) десятокъ, которому какая гать достанется“. Иногда на одну гать посылаютъ 2—3 десятка, а на большія—по 7 десятковъ. „Какъ вытрясутъ, такъ этотъ десятокъ и обязанъ во все лѣто блюсти свою гать“. Распредѣляютъ десятки весной, когда пройдетъ полая вода. Десятки обязаны: „хворостъ добыть, дровъ нарубить, привезти на мѣсто, положить, протоптать“... Раздѣляютъ весь этотъ трудъ десятки между собою уже по собственному усмотрѣнію и соглашенію. Гати.

Въ иныхъ мѣстностяхъ общественныя работы распредѣляются по хуторамъ: одинъ хуторъ исполняетъ одну

работу, другой—другую; при этомъ однако жители станицы, нерѣдко стараются большую часть работъ свалить на хуторянъ (зап. въ Верхнекурмоярск. ст.).

Весьма нерѣдко часть общественныхъ работъ производится живущими при станицахъ иногородними, которые также составляютъ для этой цѣли изъ себя десятки. Такъ напр. станичники соглашаются не брать съ иногороднихъ платы на паромѣ, заставляя ихъ за это исправлять одну изъ гатей и т. п.

Неявившагося на обществ. работы заставляютъ платить штрафъ (обыкновенно водкой) въ пользу членовъ его десятка.

Мосты. Для поправки большихъ мостовъ покупаютъ матеріалъ на станичныя деньги, а для исполненія работы нанимаютъ плотниковъ либо заставляютъ „иногороднихъ“, живущихъ при станицахъ. Нерѣдко мосты сдаются общинами въ аренду, равно какъ и большія скотопрогонныя дороги.

Перевозъ. Перевозъ и паромъ либо сдаютъ въ аренду, либо завѣдуютъ ими сами станичники. Въ послѣднемъ случаѣ назначаются въ перевозчики изъ числа казаковъ отбывающихъ „сидѣночную повинность“.

Городьба. Станичныя огорожи, напр. плетень вокругъ могилища (кладбища), или поддерживаютъ (какъ мнѣ довелось наблюдать въ нѣсколькихъ мѣстахъ) десятками же: „смѣряютъ, сколько всего саженей и по сколько саженей приходится на десятокъ; такъ каждый десятокъ и вѣдаетъ свою часть“.

Городьба вокругъ база, куда на зиму пригоняются жеребцы коннозаводоваго табуна, въ однихъ станицахъ поддерживается десятками станичниковъ, въ другихъ поручается для поправки какому нибудь подрядчику. Въ послѣднемъ случаѣ назначаются торги. Сумма для уплаты подрядчику раскладывается „уравнительно“ между всѣми станичниками. Такъ въ ст. Малодѣльской пришлось не болѣе 30 коп. на душу.

Сѣно для станичныхъ жеребцовъ косятъ и свозятъ сами станичники, либо десятками, либо хуторами: (при чемъ одинъ хуторъ заготовляетъ сѣно, тогда какъ другіе хутора исполняютъ иныя работы). Нерѣдко сѣно это казаки косятъ всей станицей вмѣстѣ съ хуторами. Весь участокъ, отведенный подъ этотъ сѣнокосъ, раздѣляютъ на части по числу десятковъ и затѣмъ каждый десятокъ выкашиваетъ свою часть. Внутри отдѣльныхъ десятковъ казаки условливаются кому косить, кому складывать въ стога. Бываетъ и такъ: жители станицы косятъ сѣно, а хуторяне складываютъ его въ стога и т. п.

Заготовленіе сѣна для станичныхъ жеребцовъ.

Общественные магазины содержатся и поправляются такъ же общиной. Матеріалъ покупаетъ станичное правленіе, а работу исполняютъ станицы десятками или же поручаютъ подрядчику.

Магазины.

Общественныя мельницы, гдѣ онѣ существуютъ, нерѣдко сдаются въ аренду. Такъ въ ст. Аннинской, мельница отдана въ аренду, при чемъ общество обязалось само чинить плотину, а стѣны и крышу поправлять обязанъ арендаторъ. Арендаторъ здѣсь платитъ станицѣ ежегодно только 30 рубл. сер., такъ какъ „общество пожалѣло его“.

Мельницы.

Отопленіе церкви, станичнаго правленія, сторожки у хлѣбнаго магазина, а иногда и школы, лежитъ также на обязанности общины. Для этой цѣли въ однихъ станицахъ (напр. въ Аннинской) оставляютъ въ одномъ изъ станичныхъ озеръ камышъ, который употребляютъ на топливо, и который казаки косятъ сообща, десятками: „одна половина коситъ, другая—свозитъ на мѣсто“. Въ другихъ станицахъ (напр. въ Маріинской), на станичномъ сборѣ, дѣлаютъ раскладку, по скольку плитъ „кизеку“ съ пая обязаны станичники представить въ правленіе. Затѣмъ „выростки“, по приказанію атамана, ѣздятъ съ подводами по дворамъ и собираютъ кизекъ. Въ станицахъ, въ юртахъ коихъ много лѣсу, церкви, правленіе и пр. отапливаютъ дровами.

Отопленіе церкви, правленія и проч.

Ямская гоньба.

Ямская гоньба содержится также общинами. Для этого общество на сходѣ нанимаетъ „почтаря“ (изъ казаковъ и изъ иногороднихъ), который берется содержать лошадей и повозки за извѣстную плату, которую либо взимаютъ обыкновенно съ казаковъ „подлежащихъ“ (съ выростковъ до присяги и съ казаковъ, отбывающихъ внутреннюю службу) „по раскладкѣ“, либо берутъ изъ „станичной суммы“ (получаемой отъ различныхъ доходныхъ статей общины). Нерѣдко хутора не нанимаютъ особаго почтаря, а отбываютъ „почтовую повинность“ натурой: „понедѣльно тройка съ пая, или по лошади на недѣлю“ и т. п.

Въѣзжая квартира.

Содержаніе въѣзжей квартиры для чиновниковъ также возлагается на общину, которая и нанимаетъ для этого помѣщеніе у кого нибудь изъ жителей поселенія (казаковъ или иногороднихъ).

Проходящихъ чрезъ общину арестантовъ полагается кормить поочереди всѣмъ. Есаулецъ заботится о томъ, чтобы соблюдался чередъ (зап. въ Аннинск. ст.). Въ другихъ станицахъ продовольствіе арестантамъ покупается на общественную сумму“.

Починка и украшеніе церквей.

Починка церквей и украшеніе ихъ производится на средства, скопленныя усердіемъ станичниковъ. Иногда храмы отдѣлываются иждивеніемъ отдѣльныхъ богатыхъ казаковъ, „усердствующихъ къ храму Божію“ (напр. въ ст. Малодѣл.). Обыкновенно же для этой цѣли собирается со станичниковъ добровольныя приношенія— хлѣбъ, жито, полотно и пр. Собранное продается затѣмъ съ публичнаго торга. Въ однихъ станицахъ (напр. въ Маріинской и др.) сборъ добровольныхъ пожертвованій на храмъ производится самимъ церковнымъ старостой. Онъ обходитъ дворы станичниковъ съ книжкой, въ которую записываетъ, что собственно пожертвовано: „кто даетъ муку, кто денегъ“... Сборъ этотъ производится осенью, когда у всѣхъ есть въ изобиліи и припасы и деньги. По мѣрѣ надобности подобные сборы повторяются до двухъ, до трехъ разъ въ годъ.

Жертвы на Божій храмъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ сами станичники приносятъ пожертвованія. Такъ въ ст. Митякинской въ воскресенье, около 20 октября, называемое „кормное воскресенье" съѣзжается много прихожанъ съ жертвами на храмъ. „До начала литургіи—сообщаетъ очевидецъ—прихожанинъ приносилъ и ссыпалъ въ оградѣ передъ входомъ въ западныя двери церкви по одной мѣркѣ пшеницы. По окончаніи же литургіи надъ ссыпаннымъ хлѣбомъ духовенство отслужило благодарственный молебенъ. Это уже третье воскресенье хлѣбнаго сбора, котораго оказалось до 400 мѣръ пшеницы. Хлѣбъ продается, и деньги, получаемыя за него, употребляются на украшеніе храма" (Д. О. В. 1874, № 87). Въ ст. Ярыженской внутри церковной ограды поставленъ столбъ. Приходя въ воскресенье къ обѣднѣ, казаки приносятъ съ собой „жертву"—барана, гуся, курицу, а иные — даже корову или быка. Никто обыкновенно не знаетъ отъ кого приношеніе. По окончаніи литургіи выходитъ церковный староста и, увидавъ приношеніе, предлагаетъ прихожанамъ купить его и станичники „часто по усердію даютъ больше настоящей цѣны". Деньги, полученныя отъ продажи принесеннаго, употребляются на украшеніе храма. Подобныя приношенія бываютъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ теченіи круглаго года.

Въ ст. Аннинской 14 августа 1883 года ставили на главы храма и колокольни новые кресты. Оба креста, заново позолоченные были передъ обѣдней выставлены при входѣ въ западныя двери церкви. Рядомъ съ крестами поставленъ былъ столъ. Проходя мимо, казаки и казачки прежде, чѣмъ войти въ церковь, клали на столъ свои приношенія: кто кусокъ холста, кто нитки, кто платокъ, рушникъ, восковую свѣчу, деньги (мѣдныя и серебряныя), курицу и т. п. По окончаніи обѣдни вышелъ изъ храма священникъ въ полномъ облаченіи и окропилъ кресты святой водой. Послѣ этого казаки начали обматывать кресты жертвеннымъ холстомъ, рушниками, ситцевыми платками и нитками. Когда наконецъ оба креста плотно были окутаны, къ нимъ привязали ве-

ревки и стали осторожно поднимать на верхъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ творили крестное знаменіе, говоря: „Господи благослови“... Когда кресты были подняты на крыши, то находившіеся тамъ рабочіе, сняли опять все навязанное на кресты и затѣмъ водрузили ихъ. Все пожертвованное станичниками въ этотъ день поступило въ пользу четырехъ рабочихъ, поправлявшихъ крышу и ставившихъ кресты. Обыкновенно—какъ пояснили мнѣ казаки—изъ пожертвованнаго въ подобныхъ случаяхъ рабочіе получають только $^1/_3$ или $^1/_2$; остальная же часть идетъ на храмъ. Но на этотъ разъ распорядились иначе, потому что повздорили съ попомъ.

Иногда, въ случаѣ крупной починки въ храмѣ и при недостаточности добровольныхъ пожертвованій, казаки постанавливаютъ приговоръ на сходѣ — сдѣлать сборъ и т. д. съ каждаго станичника. Въ Аннинской ст. мнѣ сообщали, что деньги въ подобныхъ случаяхъ взимаютъ съ души мужскаго, равно какъ и женскаго пола, такъ какъ „церковь всякой душѣ нужна: въ ней крестился, въ ней и отпѣтъ“... Въ Евтеревской ст. общество сдавало часть станичной земли въ аренду, чтобы на вырученныя деньги отстроить церковь. Въ Аксайской ст. также станичный сборъ „предложилъ лучшую сотню травы не пускать въ дѣлежъ, а отдать съ торговъ желающимъ, и деньги обратить на церковь. Предложеніе это было принято очень сочувственно громаднымъ большинствомъ станичниковъ, но, къ сожалѣнію, явились и такіе, которымъ предложеніе это пришлось не по сердцу. Они возбудили споръ, длившійся болѣе двухъ часовъ. Въ рядахъ недовольныхъ преимущественно были мѣстные кулаки, скупающіе у бѣдняковъ травяные паи за безцѣнокъ. Имъ очень хотѣлось заполучить въ свои руки самую лучшую траву путемъ покупки паевъ у отдѣльныхъ казаковъ. Думали-гадали станичники и пришли къ заключенію поставить церковь на ряду со всѣми лицами, имѣющими право на пай, и рѣшить дѣло жребіемъ. Къ

счастію на долю церкви досталась прекрасная сотня паевъ, давшая около 500 руб. доходу" (Д. О. В. 1881 г., № 76).

Уборка церкви казачками.

Мыть и убирать церковь станичную или хуторскую (въ нѣкоторыхъ большихъ хуторахъ есть свои церкви) лежитъ на обязанности казачекъ — женщинъ и дѣвушекъ. Церковь „банятъ" подъ большіе праздники: подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, къ Троицыну, къ Спасову дню или когда ожидаютъ Преосвященнаго и т. п. Подъ Рождество же только посыпаютъ полъ снѣгомъ и потомъ метутъ. Работа эта всегда исполняется лишь по усердію, по желанію. Священникъ только объявитъ за нѣсколько дней, что „нужно храмъ почистить — не найдутся ли желающія". Потомъ онъ уговаривается съ казачками о днѣ и часѣ, въ который имъ удобнѣе исполнить работу. Въ назначенное время раздается звонъ церковнаго колокола и казачки начинаютъ собираться. Обыкновенно „бываетъ три звона". Послѣ третьяго звона начинается работа, во время которой присутствуетъ дьяконъ и староста. Въ алтарѣ мыть полъ допускаютъ только дѣвушекъ, но онѣ не смѣютъ дотрогиваться до престола и жертвенника: за этимъ слѣдитъ дьяконъ (зап. въ ст. Еланской) *).

---

*) Казаки вообще набожны. Поэтому и церкви ихъ хорошо справлены и богато украшены: нерѣдко можно встрѣтить иконы въ серебряныхъ окладахъ и жертвенники и аналои, украшенные пожертвованными „индіановыми" и „персидскими" шалями.

Старики, войдя въ храмъ, творятъ крестное знаменіе и кланяются на всѣ четыре стороны. Молодежь послѣдняго обычая, сколько мнѣ приходилось замѣчать, нынѣ не соблюдаетъ. Но почти всѣ приносятъ свѣчи „Богу въ жертву". Чтобы не мѣшать службѣ ходьбой по церкви, они передаютъ ихъ одинъ другому, пока стоящіе ближе всѣхъ къ подсвѣчнику не затеплятъ ихъ передъ иконой. Порядокъ и тишина во время богослуженія замѣчательные. Вошедъ въ храмъ, всякій становится на свое мѣсто (при чемъ старшій по лѣтамъ и чину становятся всегда впереди всѣхъ); здороваться во время службы со знакомыми и разговаривать не въ обычаѣ. Казачки, ведущія своихъ дѣтей къ при-

Плата священникамъ за требы.

Священники, кромѣ достающихся на ихъ долю земляныхъ паевъ и вознагражденія при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ, получаютъ еще доходы, напр. при общественныхъ молебнахъ, бывающихъ обыкновенно весной. Священникъ съ иконой обходитъ поля по просьбѣ общины. Обходъ полей продолжается дня два или три. За это община даетъ священнику травяной пай. Кромѣ того, всякій хозяинъ, приглашающій священника на свой участокъ, прибавляетъ особую плату либо плодами своихъ полей, либо деньгами (зап. въ ст. Малодѣл.). Въ Аннинской ст. священникъ поладился съ казаками такъ: съ 20 дворовъ 18 барановъ, съ 15 дворовъ 5 барановъ. Подобные молебны бываютъ въ случаѣ засухи или при появленіи саранчи.

По своему усердію казаки нерѣдко приносятъ священнику барановъ и пр., „чтобы онъ на проскомидіи поминалъ ихъ родителей". Священникъ беретъ принесенное въ свою пользу, но за то каждую недѣлю покупаетъ

частію также соблюдаютъ порядокъ: они не толпятся кучей передъ Царскими дверями, а подходятъ по очереди одна за другой съ правой стороны амвона и, причастивъ ребенка, отходятъ назадъ съ лѣвой стороны (сообщаю все это лишь о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ самому это довелось видѣть).

Но священниковъ, вообще говоря, мало любятъ, „потому — дюже сребролюбивы они". Желая характеризовать свой взглядъ на духовенство, казаки въ Верхнекурмоярской ст. разсказывали мнѣ слѣдующее: Шли разъ по берегу рѣчки два бѣса и видятъ: стоитъ поперекъ рѣчки рыболовный снарядъ. Никогда до тѣхъ поръ не видали бѣсы этого, а потому остановились и удивляются.—Одинъ бѣсъ говоритъ: „это, говоритъ, должно быть изъ рѣчки илъ вычищаютъ". Подняли онъ снарядъ изъ воды, глядитъ: тамъ ничего нѣтъ. Поставили они опять на мѣсто въ воду и снарядъ опять надулся. Вынули изъ воды—а снарядъ опять отощалъ. Думали, думали бѣсы: чтобы это такое было. Наконецъ, одинъ изъ нихъ догадался: «да это, говоритъ, попово пузо — стоитъ надувшись, а ближе поглядишь, такъ тебѣ совсѣмъ пустымъ оно покажется—вотъ и валятъ, валятъ туда православные, а оно, знай себѣ, прибавки проситъ; и такъ безъ конца"....

просфору и „вынувъ ее“, послѣ обѣдни отдаетъ казаку, принесшему жертву.

Кромѣ того, для поминовенія умершихъ родственниковъ казаки ставятъ въ церкви „канонъ по умершимъ“ Для этого они покупаютъ круглыя деревянныя кубышки, такъ назыв. „каноницы“, различной величины, (смотря по степени благосостоянія и усердія казака). Ихъ наполняютъ медомъ (въ сотахъ), закрываютъ плотно крышкой а сверху прикрѣпляютъ восковую свѣчу. Всѣ такія каноницы уставляются на особомъ столѣ въ церкви: при каждой кладется записочка съ именами покойниковъ. Священникъ въ „родительскую недѣлю“ служитъ у этого стола панихиду, а затѣмъ открываетъ каноницы и выгребаетъ изъ нихъ медъ въ свою пользу.

За панихиду казаки приносятъ священнику связку бубликовъ или деньги. Все это видѣно и слышано мною во многихъ станицахъ.

Просвирня.

Въ просвирни выбирается общиной обыкновенно бѣдная вдова или старая дѣвушка. Въ случаѣ отказа выбранной на сборѣ идутъ къ другой. Просвирнѣ полагается либо денежное вознагражденіе отъ общины, при чемъ дрова она покупаетъ на свой счетъ, либо топливо полагается отъ станицы. Станичники приносятъ просвирнѣ муку, и она приготовляетъ изъ нея къ воскресенью просфоры, а остатокъ беретъ въ свою пользу. Просвирня въ Маріинской ст. сама обходитъ дворы жителей, собирая муку. Въ ст. Ярыженской ктиторъ изъ пожертвованнаго на церковь выдѣляетъ часть въ пользу просвирни. Въ ст. Малодѣльской каждую осень „довѣренные“ отъ общества объѣзжаютъ дворы для сбора: „одинъ даетъ пшеницы мѣру, другой ведерушко, а иной и цѣлый мѣшокъ—какъ кто поусердствуетъ“. Затѣмъ собранное продаютъ передъ стан. правленіемъ, а на вырученныя деньги покупаютъ „крупчатки муки“ на просфоры. Когда мука вся израсходуется, то объѣзжаютъ еще разъ всѣ дворы станичниковъ. Прежде здѣсь просвирня жалованья отъ общества не получала, а сопро-

вождала она священника, когда онъ съ крестомъ приходъ обходилъ, причемъ станичники ей по усердію дарили: „кто муки, а кто стаканъ соли, воткнувъ туда грошъ; иной же дастъ семакъ, или пятакъ“ и т. п. *).

Общественная помощь бѣднымъ станичникамъ.

Отъ общественныхъ повинностей станичники освобождаютъ не рѣдко тѣхъ, которымъ тяжело справляться съ хозяйствомъ либо по болѣзни, либо вслѣдствіе временнаго растройства хозяйства отъ пожара, падежа скота и т. п. Освобождаютъ по усмотрѣнію общества на одинъ годъ и болѣе (менѣе). Погорѣвшему иногда даютъ и лѣсу на постройку хаты. Въ случаѣ крайней бѣдности иногда помогаютъ и изъ общественной суммы.

Казаку, не имѣющему средствъ справиться къ службѣ, также помогаетъ община. „Если у казака, наряженнаго на службу, не на что купить коня или аммуницію, то поселковый атаманъ прежде объявленія объ этомъ станичному правленію идетъ по достаточнымъ жителямъ своего поселка и предлагаетъ имъ пособить согражданину, кто чѣмъ можетъ. Охотники оказать пособіе всегда найдутся: одинъ даритъ какую нибудь нужную вещь—сѣдло, шашку, подсумокъ, уздечку и пр., другой даетъ что-нибудь деньгами“ (Тим. 1. с. р. 176). Если же собранное не достаточно, то поселковый атаманъ объявляетъ станичному правленію, и оно справляетъ все, чего не достаетъ, на станичный счетъ съ тѣмъ, чтобы употребленныя на это деньги были вычтены изъ жалованья казака и возвращены станицѣ (ibid).

Въ нѣкоторыхъ станицахъ (напр. въ Гниловской) оставляется часть рыбныхъ угодій для вспомоществованія бѣднымъ вдовамъ (подробнѣе сказано выше).

Неисправныхъ въ общественныхъ повинностяхъ сначала увѣщеваютъ, а въ случаѣ неуспѣха „грабятъ“, т. е. отбираютъ часть имущества и продаютъ съ торговъ (зап. въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ).

---

*) Все это, какъ и остальное, записано со словъ самихъ станичниковъ.

Иногда казацкія общины арендуютъ землю. Станицы, а также и отдѣльные хутора арендуютъ участки войсковой земли. Взявши землю въ аренду, община раздѣляетъ ее между отдѣльными хозяевами: „кто сколько десятинъ пожелаетъ взять, за столько и платитъ по раскладкѣ“. Деньги каждый казакъ отдаетъ атаману, а последній передаетъ въ войско (зап. на хуторѣ Караичевѣ и въ Малодѣл. ст.). Общественныя аренды.

Весьма не рѣдко и сами общины часть своихъ довольствій отдаютъ въ аренду съ цѣлью образованія „общественной суммы“ „на станичныя надобности“ или для починки церквей (Евтеревск. ст.), или для оказанія помощи бѣднякамъ (Гниловск.) и т. п. Подобные общественные участки берутъ въ аренду либо свои же общинники, либо иногородніе.

Вѣдѣніе всѣхъ этихъ общественныхъ дѣлъ изстари находилось въ рукахъ всѣхъ станичниковъ. О старинномъ казацкомъ порядкѣ распоряженія станичными дѣлами я разскажу, придерживаясь главнымъ образомъ прекрасной статьи г. Тимощенкова, такъ какъ сообщенные мнѣ въ разныхъ мѣстахъ Области отрывками разсказы стариковъ о быломъ, вполнѣ сходны съ тѣмъ, что онъ сообщаетъ о ст. Казанской. „Все, говоритъ г. Тимощенковъ, зависѣло отъ воли всего общества. Но „безъ столба и заборъ не стоитъ, безъ перевясла и вѣникъ разсыпается“, говорили граждане и потому для уряда и распоряженія общественными дѣлами, они избирали изъ среды своей атамана и есаула. Атаманъ былъ главное лицо, есаулъ же его помощникъ. Живя дома въ своемъ городѣ, станица избирала атамана и есаула станичныхъ; отправляясь въ походъ противъ непріятеля,—походныхъ; для какой либо встрѣчи, напр. пословъ русскаго царя, зимовой станицы съ царскимъ жалованьемъ — встрѣч- Старинный казацкій кругъ и станичныя власти.

ныхъ; для звѣринаго и рыбнаго промысла—ватажныхъ, и пр. Станичный атаманъ и есаулъ избирались на годовой терминъ, а всѣ прочіе до окончанія предпріятія. Принимая власть отъ общества (круга) для извѣстной цѣли, атаманъ дѣлался полновластнымъ, самымъ неограниченнымъ повелителемъ какъ избравшихъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые послѣ вступали въ избравшее ихъ общество. Во всей силѣ власть атамана высказывалась особенно во время походовъ противъ непріятеля. Тутъ жизнь и смерть каждаго подчиненнаго находилась въ рукахъ атамана. Вообще принципъ подчиненія власти былъ таковъ, что кругъ, избирая атамана, говорилъ ему: „куда ты глазомъ кинешь, туда мы кинемъ головы свои". Впрочемъ атаманъ, хотя „напереди стоялъ, урядъ держалъ", но былъ вполнѣ отвѣтственъ передъ обществомъ временныхъ своихъ подчиненныхъ. За оплошность и нанесеніе вреда общественному дѣлу онъ могъ по окончаніи предпріятія быть подвергнутъ суду, какъ всякій другой гражданинъ". (l. c. p. 140). Въ Чернышевской ст. старики говорили мнѣ, что русскіе офицеры, сталкиваясь съ казаками въ старину, дивились, глядя какъ послѣдніе наказывали за проступки розгами своихъ же собственныхъ атамановъ, бывшихъ своихъ начальниковъ, а во время дѣла подчинялись имъ безпрекословно.

Выборъ станичнаго атамана въ старину.

Вотъ какъ, по словамъ Евлампія Котельникова, происходилъ въ старину выборъ станичнаго атамана: „когда старый атаманъ отходилъ, то на общемъ сборѣ въ кругу, положивши свою насѣку, онъ спрашивалъ атамановъ молодцовъ, кому поручатъ они сдѣлать докладъ,—что означало предложить вопросъ на обсужденіе всего сбора. Право доклада принадлежало не каждому, и самъ атаманъ безъ согласія подписныхъ стариковъ, которые въ извѣстномъ числѣ избирались въ качествѣ судей, не могъ сдѣлать доклада, почему сложилась поговорка: „атаманъ не воленъ и въ докладѣ". Назначенный докладчикъ предлагалъ сбору выбрать новаго атамана; провозглашенный принималъ изъ рукъ докладчика ата-

манскую насѣку, и старшіе изъ казаковъ, въ знакъ поздравленія, прикрывали его своими шапками" (Сав. „Трехсотлѣтіе В. Д." С. П. Б. 1870 г., с. 106). Въ знакъ своей власти, атаманы и есаулы имѣли насѣки. Атаманская насѣка была аршина въ 2 вышины съ верхнимъ концомъ, облитымъ оловомъ или свинцомъ. Насѣка же у есаула состояла изъ ровной палки аршинка въ 3 вышиной (Тим.). Изъ актовъ Тишанской, Верхнекурмоярской ст. и др. видно, что въ старину избирались ежегодно вмѣстѣ съ атаманомъ для веденія общественныхъ дѣлъ, суда, расправы и пр. почтенные казаки, которые назывались станичными стариками. Съ первой половины XVIII вѣка ихъ просто стали называть стариками подписными. Обязанность стариковъ или судей была участвовать съ атаманомъ въ управленіи, быть его совѣтниками и помощниками. Число ихъ было не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ; (съ 1835 г.— не болѣе 2-хъ), иногда же къ нимъ добавляли помощника. Есаулъ всегда былъ одинъ; на его обязанности лежало приводить въ исполненіе распоряженія станичнаго атамана (Д. О. В. 1873 г., № 47). Дѣла, превышающія власть атамана, рѣшались на собраніи общины, а дѣла, превышающія власть общины, отсылались въ Войско (ibid.). Старики.

Всѣ общественныя дѣла станицы обсуждались въ кругу. Тутъ же творились судъ и расправа надъ виновными. Кругъ собирался всегда на площади между станичной избой, часовней или церковью. Мѣсто это называлось майданомъ (Тим.). Въ воскресенье или праздникъ атаманъ, вышедши изъ церкви, приглашалъ казаковъ на сборъ. Или же ранѣе онъ посылалъ есаула дѣлать „закличку". Есаулъ съ насѣкой въ рукѣ, шелъ по станицѣ и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, снявъ шапку, протяжнымъ голосомъ кричалъ: „атаманы молодцы, сходитесь на майданъ, ради станичнаго дѣла, или же—войсковую грамату слушать" (Д. О. В. 1873 г., № 47). Когда кругу предстояло обсуждать очень важное и спѣшное дѣло, напр. о принятіи мѣръ противъ показа- Кругъ.

вшагося ввиду станицы непріятеля, о немедленномъ выступленіи въ походъ на помощь Войску, или какой нибудь станицѣ и т. п., то есаулъ сзывалъ въ него станичниковъ съ развѣвающейся хоругвіею въ рукахъ (Тим). Если же правители узнавали о приближеніи непріятеля, а станичники находились на полевыхъ работахъ, то вѣстовой скакалъ съ хоругвіею въ поле и извѣщалъ этимъ работавшихъ объ опасности. Не говоря часто никому ни слова, онъ проносился только по полю и съ такою же быстротой, возвращался обратно въ городокъ. Граждане понимали, въ чемъ тутъ дѣло, и спѣшили принять мѣры къ своему спасенію (ibid).

Въ собранный кругъ выносились всегда изъ церкви или часовни хоругви и образа Спаса и Николы (Красновъ, „Рус. Рѣчь" l. c.), и онъ считался мѣстомъ священнымъ, почему казаки и стояли въ немъ безъ шапокъ. Къ участію въ кругѣ не допускались казаки порочные или пенные, которыхъ община однако прощала, если имъ удавалось отличиться храбростію въ какомъ-либо трудномъ дѣлѣ (Соколовскій l. c. p. 213). Атаманъ дѣлалъ доклады, предлагалъ кругу для обсужденія дѣла, а есаулъ слѣдилъ за порядкомъ (Тим.). Передъ всякимъ докладомъ есаулъ, по знаку атамана, возглашалъ громкимъ и протяжнымъ голосомъ: „помолчи, честная станица, помолчи"! Когда все утихало, атаманъ,

Есаулъ.

держа насѣку передъ собою, начиналъ докладъ каждый разъ воззваніемъ къ общинѣ „честная станица" (Д. О. В. 1873, № 47). За нарушеніе приличія и оскорбленіе святости круга каждый изъ станичниковъ тутъ же наказывался есаульскимъ жезломъ или атаманской насѣкой (Тим.).

Съ теченіемъ времени этотъ порядокъ измѣнился. „Названіе есаула сократилось въ есаульца; поселковые приказные называются нынѣ хуторскими атаманами и только званіе станичнаго атамана сохранилось неизмѣнно".

Нынѣшніе сборы (сходы) станичные и хуторскіе.

Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ и нынѣ собираются сборы или сходы въ станицахъ и хуторахъ. Они вѣдаютъ вопросы о раздѣлахъ и передѣлахъ юртовыхъ до-

вольствій, выбираютъ должностныхъ лицъ, постановляютъ приговоры объ исключеніи изъ общины вредныхъ обывателей и о пріемѣ новыхъ членовъ, дѣлаютъ постановленіе объ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ и т. п. На семейный бытъ нынѣшніе казацкіе сходы мало оказываютъ (сколько мнѣ извѣстно) вліянія: „чужой домъ, темная крыша". Но казацкимъ сходамъ предоставлено право высказывать свое мнѣніе о лицахъ, просящихъ льготы отъ полевой службы по семейному и имущественному положенію (Д. О. В. 1882 г., № 22). Собираются сборы и по предписанію высшей окружной администраціи. На станичныхъ сходахъ участвуютъ казаки хозяева самой станицы и всѣхъ прилежащихъ хуторовъ. Кромѣ того, бываютъ малые сборы одной только станицы или одного хутора для рѣшенія мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, напр. для распредѣленія общественныхъ работъ между общинниками, либо для найма пастуха и пр. Наконецъ въ свободное отъ работъ время, обыкновенно въ праздники, казаки собираются около станичной избы и толкуютъ о своихъ дѣлахъ общихъ и частныхъ. Такія собранія лишены всякаго оффиціальнаго характера: „это просто семейный разговоръ", но они способствуютъ сложенію такого или инаго общественнаго мнѣнія и въ этомъ смыслѣ имѣютъ значеніе, когда на очередь поставлены важные общественные вопросы, напр. объ „уравнительномъ" раздѣлѣ земли.

Мѣсто и время собраній.

Станичные сборы въ теплое время года собираются на площади передъ станичной избой, которая называется и понынѣ майданомъ. Зимой сборы бываютъ въ станичной избѣ. Для этого въ станицахъ устроены обширныя сборныя горницы, отъ „станичнаго правленія" отдѣленныя обыкновенно сѣнями. Въ стѣнахъ такой сборни вырублены огромныя окна, рамы изъ которыхъ во время схода выставляются для освѣженія воздуха. О созывѣ станичнаго сбора дѣлаетъ распоряженіе станичный атаманъ. Сборъ стараются созвать въ такое время, когда болѣе или менѣе всѣ свободны, поэтому обыкновенно бываютъ сборы по

праздникамъ, и чаще осенью, чѣмъ весной, и вообще когда казаки свободнѣе отъ работъ. Атаманъ посылаетъ „есаульца“ или, что тоже, полицейскаго, дѣлать „закличку“. Въ станицѣ закличка бываетъ или наканунѣ сбора, причемъ есаулецъ ходитъ съ вечера по станицѣ и кричитъ: господа, честная станица, завтра будетъ станичный сборъ, не расходитесь и не разъѣзжайтесь (зап. въ Маріинской ст.); или же закличка производится по утру въ тотъ же день; есаулецъ ходитъ по станицѣ и кричитъ: господа, честное общество, пожалуйте на станичный сходъ. Въ хутора станичный атаманъ пишетъ „приказы“ (повѣстки) къ поселковымъ атаманамъ, въ которыхъ говорится о времени сбора и о предметахъ, назначенныхъ для обсужденія. Поселковый же атаманъ оповѣщаетъ каждый дворъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, напр. въ Тишанской, въ весьма экстренныхъ случаяхъ, во время полевыхъ работъ, посылается, по старинному обычаю и нынѣ по полямъ нарочный казакъ со станичнымъ знаменемъ, и всѣ казаки, завидѣвъ его, бросаютъ работы и спѣшатъ въ станицу. (Д. О. В. 1873 г., № 47).

На сборъ идетъ съ дома одинъ изъ взрослыхъ мужчинъ, обыкновенно самъ хозяинъ или же кто-нибудь изъ сыновей или братьевъ. Право голоса имѣетъ онъ одинъ. Остальные члены семьи могутъ присутствовать на сходѣ и слушать, но голоса подавать не имѣютъ права. Если хозяйничаетъ мать вдова, то на сборъ ходитъ обыкновенно старшій сынъ. Случается, что казакъ посылаетъ свою жену на сходъ, послушать, почемъ напр. наймутъ пастуха и пр. Являются на сборъ женщины и для того, чтобы поклониться обществу и попросить какую-нибудь милость. Предсѣдательствуетъ на станичномъ сходѣ станичный атаманъ. Часто онъ предварительно составляетъ списокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, и предлагаетъ ихъ обществу одинъ за другимъ. Выслушавъ атамана, казаки начинаютъ вдругъ говорить всѣ сразу; слышится страшный шумъ, въ которомъ разобрать ничего нельзя: „шумна казачья рѣчь, какъ вода, когда прорва-

Обсужденіе дѣлъ.

лась плотина“. Говорятъ всѣ и старые, и молодые, безъ всякой очереди, всѣ заразъ. Наконецъ, когда атаману покажется, что предложенный вопросъ достаточно обсужденъ, онъ заставляетъ есаульца звонить въ колокольчикъ; тишина возстановляется не скоро. Чаще сами казаки, увидавъ, что вопросы они обсудили, начинаютъ кричать: „будетъ, молчите, довольно ужъ...“ Рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ. Для рѣшенія вопросовъ болѣе важныхъ, указанныхъ въ 68 ст. „Положенія“ 1870 г., требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ всѣхъ, имѣющихъ голосъ. Атаманъ предлагаетъ согласнымъ и несогласнымъ раздѣлиться на двѣ группы и потомъ уже считаетъ голоса. Когда рѣшеніе постановлено, казаки молвятъ: „ну, въ часъ добрый“—и переходятъ затѣмъ къ обсужденію слѣдующаго вопроса. Въ концѣ составляется общественный приговоръ, который подтверждается подписями собравшихся.

Рѣшеніе.

Во всѣхъ посѣщенныхъ мною станицахъ мнѣ приходилось слышать жалобы на то, что сходы собираются весьма медленно и трудно, ибо сами казаки идутъ на нихъ не охотно. Не рѣдко случается, говоритъ г. Ермоловъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не можетъ составиться станичнаго схода съ законнымъ количествомъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Вслѣдствіе подобныхъ причинъ, выходятъ нерѣдко пререканія между пріѣзжающими на сборъ гражданами и станичными правителями; почему нѣкоторыя станичныя правленія намѣренно или уменьшаютъ въ отчетахъ своихъ количество домохозяевъ или рѣшаютъ дѣла съ незаконнымъ количествомъ гражданъ и потомъ разными способами собираютъ законное число подписей. (Д. О. В. 1882 г., № 7). Такъ не рѣдко, по словамъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ юртахъ по спискамъ право голоса имѣютъ 1500 человѣкъ, а на сборъ являются лишь 400 (зап. въ Черныш. ст.). Причиной неявки станичниковъ выставляется главнымъ образомъ дальность разстоянія и слишкомъ малый интересъ къ дѣлу. „Слово гнать на сборъ — говоритъ

Недостатки сходовъ.

другой наблюдатель казацкаго быта — имѣетъ у насъ настоящій свой смыслъ. Дѣйствительно, приходится выгонять людей на сходы, потому что всякій уклоняется отъ поѣздокъ на нихъ, довольно обременительныхъ. Ѣхать въ станицу верстъ за 35 и болѣе не всякому охота, а станица то (станичное правленіе) наша въ самомъ юго-западномъ углу юрта. Встрѣчаешь станичника, ѣдущаго со станичнаго схода, и спрашиваешь: „а что, станичникъ, было на сходѣ?“ Станичникъ махнетъ рукою, пошлетъ сходъ этотъ ко всѣмъ... и скажетъ: „не составился сходъ, положили на слѣдующее воскресенье — ишь какъ теперь стало: перекличку сдѣлалъ атаманъ и говоритъ 1200 голосовъ, а 300 не достаетъ; и вотъ проѣздилъ два дня напрасно“... При этомъ станичникъ плюнетъ и поѣдетъ. И этакъ случается очень часто; рѣдко когда сходъ составится въ одинъ разъ“ (Каз. вѣстн. 1882 года, № 3). Это обстоятельство навело нѣкоторыхъ на мысль предложить такую мѣру: на станичный сборъ посылать съ хуторовъ по одному депутату отъ каждыхъ десяти дворовъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій сходъ былъ выбираемъ новый депутатъ. Послѣднія газетныя извѣстія сообщаютъ однако о недовольствѣ казаковъ и этой мѣрой. Такъ изъ Хоперскаго округа пишутъ, что „новый законъ о составѣ станичныхъ сходовъ и о порядкѣ разрѣшенія подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ — по станицамъ мѣстною окружною администраціею по прежнему встрѣчается не сочувственно. Какъ станичныя, такъ и хуторскія общества по прежнему рѣшительно отказываются приступить къ выбору своихъ представителей (одного съ 10 дворовъ). Какой оборотъ въ виду этого приметъ все дѣло, пока еще неизвѣстно, ибо лица, на обязанности которыхъ лежитъ не легкая задача ввести законъ въ силу съ 1-го іюля, направляютъ, повидимому, всѣ усилія къ тому чтобы преждевременными мѣрами не обострить положенія и не усилить этимъ недовѣріе казаковъ къ предполагаемой реформѣ“ (Рус. Вѣд. 1884 г. № 175).

Безпорядки. Много жалуются казаки и на безпорядокъ во время

самихъ собраній. Атаманы и писаря жалуются, что на сходахъ ихъ мало слушаютъ и мѣшаютъ правильно вести обсужденіе дѣлъ. Простые казаки жалуются на то, что нынѣ мало стали почитать старшихъ. „Прежде, говорили они, старикамъ всегда давали право высказывать свое мнѣніе впередъ остальныхъ — ихъ всѣ съ почтеніемъ слушали. Нынѣ же у кого голосъ сильнѣй, тотъ и на сборѣ первый. Молодежь тѣснитъ совсѣмъ стариковъ такъ, что тѣ иной разъ посмотрятъ, посмотрятъ, да и отойдутъ къ сторонкѣ. Безобразія много тутъ творится"... Одинъ очевидецъ сообщаетъ слѣдующее. „Кто лично не присутствовалъ на сходахъ станицъ подобныхъ Луганской, тотъ и не представляетъ себѣ этой картины, подобной какой то бурной, гнусной, стихійной силѣ. Волостной сходъ— это ничтожное подобіе. Намъ приходилось бывать на волостныхъ и очень часто на станичныхъ сходахъ и когда сравнимъ, то разница ужасная. Волостные сходы представляютъ меньшую единицу и потому меньше на нихъ шума и безполезнаго крика; отличительная же черта станичныхъ сходовъ—страшная давка, до невѣроятности безобразный крикъ и шумъ. Побывши на сходѣ, будешь цѣлую недѣлю чувствовать головную боль, а то, пожалуй,—сходъ отзовется и на бокахъ... А до чего станичники ораторствуютъ на сходѣ—это можно судить потому, что большинство изъ нихъ (ораторовъ) надолго остаются совершенно безгласными! Не разъ намъ приходилось бывать на сходахъ Луганской ст. Представьте себѣ болѣе 1000 народа, скученнаго до невозможности и кричащаго изо всѣхъ силъ. Если атаманъ сдѣлаетъ докладъ сходу о чемъ нибудь интересномъ для станичниковъ, то тутъ такой подымается шумъ и крикъ, что хоть затыкай уши и уходи! Кричатъ всѣ, а суть то предложеннаго вопроса или доклада понимаютъ только вблизи стоящіе ораторы—самые бойцы; и вотъ что эти ораторы кричатъ, тому остальные вторятъ, даже въ ущербъ дѣлу или своимъ интересамъ. Сходы въ теплое время года еще не такъ даютъ себя чувствовать; а вотъ зимой невыносимо:

тутъ уже страдаютъ и ребра—тѣснота ужасная... 9-го января сего года былъ въ станицѣ сходъ, морозъ стоялъ сильный, а народъ послѣ обѣда, собравшись на сходъ почти до вечера протолкался на площади (въ правленіи невозможно было помѣститься). Вечеромъ, когда уже много разъѣхалось по домамъ, то и тогда не возможно было всѣмъ вмѣститься. Стекла оконъ своимъ звономъ возвѣщали, что народу биткомъ набито". (Каз. вѣст. 1883 г., № 31).

Часто хитрые эксплуататоры умѣютъ склонить на свою сторону общество и потомъ всевозможными средствами съ ихъ же общественнаго согласія вытягиваютъ у нихъ послѣдніе соки (Д. О. В. 1882, № 7). Больше всѣхъ— сообщали мнѣ казаки въ разныхъ мѣстностяхъ—говорятъ на сборахъ „чиновники" и офицеры, живущіе въ станицахъ, но къ словамъ ихъ относятся съ большой осторожностью, такъ какъ замѣтили, что они часто говорятъ не въ интересахъ общества. Приходилось мнѣ слыхать жалобы и на то, что больше всего даютъ себѣ чувствовать на сборахъ крикуны, отъ которыхъ можно ожидать даже и оскорбленія. „Дѣйствительно, говоритъ г. Ермоловъ, въ силу своихъ традицій, казакъ хорошо понимаетъ свое право на сходѣ и пользуется этимъ правомъ безъ ограниченія, даже сплошь и рядомъ въ ущербъ законности и порядка. Такъ въ нѣкоторыхъ станицахъ случается изгнаніе гражданъ со схода, за то только, что они осмѣливаются проводить какую нибудь новую мысль, несогласную съ убѣжденіемъ большинства крикуновъ... Ивановъ напр. кричитъ изъ толпы: „Захарова долой со схода!" Достаточно повторить это требованіе хотя одному изъ толпы, какъ сосѣдъ Захарова, Разухабовъ, подъ предлогомъ яко-бы исполненія желанія схода, беретъ Захарова за руку и указываетъ на дверь" (Д. О. В. 1882, № 7)...

Впрочемъ и личность самого атамана, равно какъ и способность его руководить собраніемъ играетъ значительную роль на сборахъ.

Мнѣ указывали на атамана Воинова въ ст. Ермаковской, который будто бы такъ умѣетъ руководить сборомъ, что не смотря на присутствіе толпы человѣкъ въ 500 царитъ тишина и полный порядокъ. Всякій, желающій высказать свое мнѣніе, имѣетъ здѣсь полную возможность, потому что атаманъ, сдѣлавъ докладъ, предлагаетъ всякому желающему говорить поочередно. Тогда изъ толпы выдѣляются поочередно, одинъ за другимъ, станичники и, подойдя къ столу, оборачиваются къ толпѣ и высказываютъ свое мнѣніе *).

Выборъ должностныхъ лицъ: атамана и проч.

Особенно бурны бываютъ сборы для выбора должностныхъ лицъ и станичныхъ правителей. Атаманъ нынѣ выбирается на три года. По истеченіи этого срока приступаютъ къ новымъ выборамъ. Въ атаманы, по словамъ казаковъ, стараются выбрать грамотнаго, хотя избираются и изъ неграмотныхъ (напр. въ Евтеревской ст.), рачительнаго въ хозяйствѣ, при томъ человѣка „сильнаго“, имѣющаго въ станицѣ вѣсъ. Нерѣдко выбираютъ и изъ офицеровъ, живущихъ въ станицѣ, такъ напр. въ Верхнекурмоярмск. ст. атаманитъ есаулъ, въ Еланской ст. — маіоръ, въ Преображенской ст. — сотникъ и т. д.

Но сплошь и рядомъ въ атаманы попадаютъ лица не достойныя. Дѣло въ томъ, что желающихъ быть выбранными въ атаманы очень много и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ интригамъ, подкупамъ, составляя себѣ партію изъ бѣдныхъ казаковъ, которые потомъ на сборѣ тянутъ ихъ сторону. Обыкновенно еще за долго до выборовъ они стараются подкупить расположеніе избирателей ласковымъ обхожденіемъ, приглашеніемъ къ себѣ въ гости и т. п. Къ бѣднымъ они сами идутъ въ гости, показывая что желаютъ съ ними водить хлѣбъ-соль. Кромѣ этого желающій попасть въ атаманы подыскиваетъ надежнаго человѣка и вручаетъ ему деньги, а послѣдній уже заботится о при-

---

*) Самъ я не былъ въ этой станицѣ.

влечении посредствомъ угощенія возможно больше голосовъ. Интриги и подкупы ведутся нерѣдко довольно открыто. Такъ въ одной станицѣ передъ выборами составилось шесть партій, имѣвшихъ свои сборныя мѣста въ шести различныхъ кабакахъ. Засѣданія въ кабакахъ происходили подъ предсѣдательствомъ агентовъ тѣхъ казаковъ, которые желали быть выбранными въ атаманы Эти агенты поручали своимъ подручнымъ стоять у дверей кабаковъ и зазывать всякаго идущаго мимо. Увидя проходящаго мимо казака, привратникъ проситъ войти въ кабакъ и выпить за здоровье такого-то. Угощеніе бываетъ обильное: не жалѣютъ ничего, всякій можетъ требовать что ему угодно: однимъ подаютъ водку, другимъ вино (да еще закупоренное). Для закуски пригоняютъ цѣлыхъ барановъ; тутъ же рѣжутъ ихъ и жарятъ (Д. О. В. 1873, № 47).

Интриги и подкупы.

Вплоть до самыхъ выборовъ кабаки, по словамъ казаковъ, „стонутъ" отъ пѣнія и плясокъ. „Нашъ старый атаманъ—разсказываетъ одинъ изъ станичныхъ жителей—сначала не набиралъ партій, думая, что угодилъ обществу, такъ его и безъ всякой подмазки оставятъ. Но вотъ въ одинъ вечеръ является въ станичное правленіе одинъ ходокъ по этимъ дѣламъ, почему-то называемый министромъ. Войдя въ присутствіе и отвѣсивъ поклонъ, онъ сначала помялся, оглядѣлся во всѣ стороны, боясь какъ бы его кто не подслушалъ, потомъ заговорилъ вкрадчивымъ голосомъ: позвольте, В—діе, сообщить вамъ кое что по секрету.

— А съ чѣмъ новенькимъ вы къ намъ пожаловали? спросилъ хозяинъ.

— Видите ли что. Вы вѣдь не можете остаться опять атаманомъ: NN и N не на шутку вѣдь взялись: они поятъ свои шайки весьма усердно въ кабакахъ; только и говорятъ, да что говорятъ—даже кричатъ: стараго атамана долой.

— Да какъ же намъ поступить, спрашиваетъ атаманъ?

— Чтобы поправить это дѣло не мѣшаетъ и вамъ набрать людей, чтобы они при случаѣ могли за васъ постоять и если вы поручите мнѣ это дѣло, то я чудесно его исполню.

— Какъ же вы сдѣлаете это?

— Я похожу по всѣмъ кабакамъ и вытащу оттуда нѣкоторыхъ и изъ нихъ образую свою партію. Только нужны деньги: на первый случай хотя красненькую, безъ этого нельзя!

Атаманъ со вздохомъ досталъ красненькую и отдалъ.

— В—діе! да напишите записку кабатчику, чтобы онъ при случаѣ ведерка два водки отпустилъ, да не мѣшало бы написать содержателю гостинницы: можетъ кому потребуется закусить.

Атаманъ сдѣлалъ и это (Д. О. В. 1873 г., № 47)...

Наступаетъ наконецъ время выборовъ. Старый атаманъ слагаетъ свое званіе. Мѣсто его на сходѣ заступаетъ кто-нибудь изъ почтенныхъ станичниковъ и ведетъ собраніе. „Партіи", отстаивая каждая своего кандидата, спорятъ ожесточенно другъ съ другомъ, при чемъ иногда доходятъ до драки: „каждый доказываетъ превосходство своего кандидата пинками".

И при самомъ производствѣ выборовъ не рѣдко бываютъ неправильности. Особенно часты они были вскорѣ по введеніи „Положенія" 1870 г. Не привыкши къ употребленію шаровъ, часто одни и тѣ же избиратели подходили къ урнѣ „разовъ по пяти" и клали шары на одного и того же кандидата, а иные шары сыпали въ урну цѣлыми горстями (Д. О. В. 1873 г., № 11). Когда же послѣ долгихъ хлопотъ и споровъ выберутъ „кандидатовъ", то нерѣдко трудно бываетъ заставить станичниковъ баллотировать каждаго изъ нихъ отдѣльно. „Мы его не хотимъ!" кричатъ казаки противной партіи и не подходятъ къ урнѣ даже для того, чтобы положить черный шаръ, опасаясь, какъ бы не попасть въ просакъ (зап. въ Чернышевск. ст.). Когда же выберутъ наконецъ новаго атамана, то „пойдутъ поздравленія, обниманія,

угощенія — глядишь весь народъ уже и разошелся по кабакамъ и подписи на приговоръ собираются съ огромнымъ трудомъ".

Въ знакъ атаманскаго достоинства выбранному вручается „насѣка" — посохъ или трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Новый станичный атаманъ старается подобрать себѣ весь составъ станичнаго правленія: помощника, казначея, писаря, а также поселковыхъ атамановъ. Относительно послѣднихъ, люди близко знакомые съ донскимъ краемъ утверждаютъ, что безошибочно можно судить о составѣ станичнаго правленія по дѣйствіямъ поселковаго атамана, ибо — онъ креатура атамана станичнаго. Исключенія рѣдки. Поэтому поселковые атаманы,какъ помощники станичнаго правленія являются весьма разнохарактерными дѣятелями поселковаго общества (Д. О. В. 1873 г., № 11).

Злоупотребленія должностныхъ лицъ.

Казаки весьма часто разочаровываются въ лицахъ ими самими же выбранныхъ. Это нисколько не удивительно, если вспомнить, что выборы происходятъ не рѣдко „подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ весьма видную роль играетъ вино, обильно предлагавшееся избирателямъ", какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ мѣстная оффиціальная газета (Д. О. В. 1873 г. № 50). И дѣйствительно въ немногихъ лишь изъ посѣщенныхъ мною станицъ и хуторовъ я слышалъ похвальные отзывы о правителяхъ. Въ большинствѣ же случаевъ казаки жаловались на ихъ взяточничество, пьянство, несправедливость, кумовство и пр. Въ оправданіе своей ошибки при выборахъ казаки обыкновенно приводили то обстоятельство, что ранѣе полученія должности данная личность „не выказывала наружу своего нрава".

Говорятъ, что характеръ отношенія атамана къ своему дѣлу во многомъ зависитъ отъ того, получаетъ ли онъ отъ общества жалованье, а также и отъ размѣровъ этого послѣдняго. Во многихъ станицахъ атаманы и прочіе должностныя лица получаютъ весьма незначительное вознагражденіе, почему отъ нихъ и требовать нельзя радѣ-

нія къ общественнымъ интересамъ. Иногда жалованье опредѣляется обществомъ, но по нѣскольку лѣтъ не дается (Д. О. В. 1873 г., № 11). Чаще жалованье станичнымъ атаманамъ опредѣляется въ нѣсколько сотъ рублей въ годъ. Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ казаковъ такія рѣчи: „какое хочешь жалованье давай, а взятки и могарычи все брать будутъ, потому такая ужъ на Дону повадка пошла; ничѣмъ ты ее не вытравишь — безъ могарычей нѣтъ у донца и рѣчей". Бываетъ, что атаманамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ вмѣсто денежнаго вознагражденія общество даетъ нѣсколько сѣнокосныхъ паевъ или степныхъ озеръ въ исключительное пользованіе. Случается не рѣдко вознагражденіе казаками. Въ распоряженіе должностнаго лица общество отдаетъ 2-хъ, 3-хъ и болѣе казаковъ изъ числа отбывающихъ сидѣночную повинность. Онъ имѣетъ право заставить ихъ работать на себя. Но чаще такіе казаки платятъ ему деньгами и освобождаются отъ несенія повинности натурой. Такимъ способомъ вознаграждаются напр. атаманы 5 хуторовъ при Тепикинской ст. Случается, что общественныя должности исполняются безъ всякаго особаго вознагражденія „за внутреннюю службу".

Казацкіе народные суды.

Судъ въ былое время также всецѣло находился въ рукахъ казацкихъ общинъ. Дѣла маловажныя, какъ-то ссоры и драки, вѣдали старики. „Случалось ли въ бесѣдахъ ссора, разсказываетъ Корниловичъ, старики тотчасъ мирили ее или заставляли обидчика поутру идти въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе". Вообще всѣ казаки, а особенно живущіе въ верховыхъ станицахъ, ставили себѣ въ обязан-

ность мирить всякія ссоры и даже тяжбы (1. с. р. 275).

Въ былое время.

Если поссорившіеся не помирились добровольно по увѣщеванію стариковъ и сосѣдей, которые являлись только третейскими судьями, то дѣло шло на разбирательство въ станичномъ кругу, который вѣдалъ дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя *). Порядокъ судопроизводства въ старинномъ казацкомъ кругу, согласно описанію г. Ти-

Судъ станичнаго круга.

мощенкова, былъ слѣдующій: „Въ случаѣ какого-либо иска, истецъ являлся въ кругъ и объявлялъ свою жалобу словесно. Кругъ требовалъ на лицо отвѣтчика, допрашивалъ его и постановлялъ свое рѣшеніе. Рѣшеніе это исполнялось въ ту же минуту. Если совершалось уголовное преступленіе, то въ кругъ являлось или лицо пострадавшее или выступали 2, 3 и болѣе постороннихъ обвинителей, объявляли о преступленіи, излагали всѣ его обстоятельства и дѣлали свое заключеніе. Кругъ призывалъ обвиняемаго и, сдѣлавъ ему допросъ, приговаривалъ къ наказанію. Когда о преступленіи, до объявленія его въ кругу, узнавалъ атаманъ, то онъ производилъ о томъ словесный розыскъ и потомъ предлагалъ его на обсужденіе кругу, при чемъ сообщалъ свое мнѣніе о мѣрѣ наказанія преступнику. Кругъ разсматривалъ дѣло, повѣрялъ его спросомъ свидѣтелей и обвиняемаго и пола-

Судъ Войсковаго круга.

галъ свое рѣшеніе“. (1. с. р. 156). Дѣла, превышавшія компетентность станичныхъ круговъ, рѣшались въ Войсковомъ кругу въ Черкаскѣ. Но прежде, чѣмъ перенести туда дѣло, казаки опять таки старались помирить враждующія стороны. Для этого атаманъ и старики нерѣдко сами кланялись въ ноги тяжущимся съ просьбой помириться и не ѣздить на судъ въ Черкаскъ (Рус. Стар. 1824 г., с. 275). Если же враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное Войско на судъ; „но часто

*) Впослѣдствіи кромѣ тѣхъ, за которыя преступникъ подлежалъ смертной казни.

на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собой разговоръ и забывали о своей враждѣ... Атаманъ и старики встрѣчали ихъ и поздравляли ихъ съ миромъ" (ibid). „Въ маѣ, разсказываетъ Корниловичъ, главное Войско разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло казаковъ. Для сего атаманъ со всѣми старшинами, составлявшими правительство, извѣстное въ народѣ подъ именемъ „всевеликаго Войска Донскаго", выходили за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бывающими въ семъ мѣсяцѣ разливами Дона и тамъ, разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ просьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ тяжущихся къ соглашенію на общую правду, т. е. на рѣшеніе какого-нибудь старожила, который, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу" (l. c.).

Постепенно это право казацкаго круга на производство суда было ограничено. Положеніемъ 1835 г. къ компетентности суда въ кругу были отнесены лишь слѣдующія дѣла: о неповиновеніи дѣтей родителямъ и оскорбленіи ихъ, о ссорахъ въ семействѣ и съ сосѣдями, о лѣности, пьянствѣ, буйствѣ, распутствѣ, кражѣ на сумму не свыше 20-ти р. сер., о потравѣ чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіи сада и т. п. (Тим.). Наказанія опредѣлены были слѣдующія: тѣлесныя, денежный штрафъ, арестъ и другія исправительныя. Болѣе важныя дѣла поступали на разбирательство или въ сыскное, или въ судное окружное начальство (ibid). Въ сыскныя же начальства могли переносить свои дѣла и недовольные рѣшеніемъ станицы (Сав. трехсл. с. 106). Однако такое ограниченіе „на практикѣ не принималось во вниманіе, и долгое время дѣло шло по прежнему порядку". Причинами этого, по словамъ г. Тимощенкова, было во 1-хъ то, „что станич-

«Положеніе» 1835 года.

ное правленіе считало важнымъ уголовнымъ преступленіемъ въ то время одно только убійство, о которомъ и доносило сыскному начальнику", а во 2-хъ то, что „каждый изъ гражданъ считалъ болѣе для себя выгоднымъ судиться станичнымъ какъ бы семейнымъ судомъ, нежели имѣть дѣло въ сыскномъ и судномъ начальствѣ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ всякое дѣло тянулось всегда очень долго и стоило при этомъ дорого". (l. c.).

Станичный судъ по Положенію 1870 г.

Новое положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ, утвержденное въ Эмсѣ $^{13}/_{25}$ мая 1870 г., совершенно отнимаетъ у станичнаго сбора старинное право суда. Съ этого времени на Дону появляется новое учрежденіе—„станичный судъ", который устраивается въ каждой станицѣ по образцу крестьянскихъ волостныхъ судовъ. Станичному суду, говорится въ новомъ положеніи, подвѣдомственны какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица податнаго сословія, отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Лица, пользующіяся особыми правами состояній, противъ коихъ совершены лицами, подвѣдомственными станичному суду, проступки, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдуемыя имъ удовлетворенія въ станичномъ судѣ или въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ (прим. 1 къ ст. 38). Станичный судъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между подвѣдомственными ему лицами, цѣною до 100 р. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ имущества, этимъ лицамъ причиненные, когда цѣна убытка или ущерба не превышаетъ 100 р. (ст. 35). Кромѣ этого, вѣдѣнію станичнаго суда принадлежатъ всѣ споры и тяжбы безъ ограниченія цѣны иска, если тяжущіяся стороны предо-

ставятъ ихъ рѣшенію станичнаго суда (ст. 37). Станичный судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію подвѣдомственныхъ ему лицъ за маловажные проступки, когда оные совершены въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла противъ лицъ подвѣдомственныхъ станичному же суду и безъ участія лицъ пользующихся особыми правами состоянія, а также когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ обыватели принадлежащіе къ другой станицѣ, то виновныхъ приговариваетъ къ наказанію судъ той станицы, въ предѣлахъ коей проступокъ совершенъ (ст. 38). При разсмотрѣніи тяжебнаго дѣла въ станичномъ судѣ, судьи должны стараться склонить стороны къ примиренію, если же стороны на мировую сдѣлку не пойдутъ, то судъ обязанъ рѣшать дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ станичномъ судѣ сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту (ст. 44).

Кромѣ этого установленнаго закономъ 1870 г. станичнаго суда въ казачьемъ быту существуютъ еще нѣсколько видовъ народныхъ судовъ, о которыхъ я упомяну въ немногихъ словахъ, прежде чѣмъ перейду къ описанію производства дѣлъ въ станичномъ судѣ. Неоффиціальные народные суды.

Какъ переживаніе и отголосокъ старины сохранился по сей день и въ казачьемъ быту с а м о с у д ъ. Обычай самосуда примѣняется у казаковъ преимущественно по отношенію къ ворамъ и конокрадамъ. Самосуды производятся или самими потерпѣвшими лицами, или членами ихъ общины. Расправы эти бываютъ необыкновенно суровы. Такъ, одно поселковое общество заподозрило своего же хуторянина и его жену въ кражѣ лошади и принудило позвать виновныхъ на допросъ. „День клонился къ вечеру; къ подозрѣваемому въ кражѣ, въ сопровожденіи трехъ казаковъ, отправился приказный (по- Самосудъ.

селк. атам.). Въ темнотѣ сумерокъ онъ постучался въ окно, и когда получилъ отвѣтъ, что хозяинъ дома,— скомандовалъ казакамъ: „лѣзте", и въ дверь посыпались удары. Дверь не устояла, запоръ былъ отбитъ, и въ домъ ворвалась стража. Хозяинъ приготовился уже спать и лежалъ на кровати. Стража, не сказавши ему ни слова, не объяснивши своего прихода, бросилась на лежавшаго хозяина и, взявши его за руки и за ноги, ударила объ землю, послѣ чего посыпались удары. Жена кинулась защищать мужа, но одинъ изъ казаковъ схватилъ ее за волосы и потащилъ на дворъ. Баба не вытерпѣла, схватила казака за бороду, и открылся рукопашный бой... Наконецъ жертвы подозрѣнія были приведены на сходъ. Время подвигалось къ полуночи, и поселковый ареопагъ готовился къ слушанію и разбору дѣла. Но признанія не добились: раздраженные мужъ и жена отвѣчали дерзко. Это оскорбило атамана, и онъ велѣлъ связать ихъ и, продержавъ ихъ такъ съ полчаса, отпустилъ. Общество же равнодушно разошлось" (Д. О. В. 1873 г., № 18). Въ другой станицѣ было убито два вора, причемъ, по словамъ корреспондета, „народная эта расправа до того аккуратно исполнена, что совершенно не открыто слѣдовъ къ подозрѣнію". Одинъ изъ убитыхъ былъ нѣсколько дней живъ, съ пробитою острымъ орудіемъ головою. Но кто его ранилъ, при дознаніи не открыто". Онъ на утро того дня, наканунѣ котораго въ ночь на него напали убійцы, найденъ былъ женою въ огородѣ, лежащимъ безъ чувствъ, съ мѣшкомъ садовыхъ яблокъ, почему и догадывались, что нападеніе на него сдѣлано хозяиномъ сада. Другой воръ былъ найденъ на берегу рѣчки, лежащимъ вверхъ лицомъ съ распростертыми руками и до того изувѣченный, что никто его не могъ признать; даже отецъ и жена его съ трудомъ узнали по одеждѣ. Голова была вся изуродована, руки поизрѣзаны, грудь разбита, а ребра всѣ поизломаны. Объ убитыхъ никто не сожалѣетъ, а напротивъ всѣ радуются, причемъ многіе убѣждены, что и на остальныхъ воровъ

убійство это повліяетъ страхомъ". И дѣйствительно, прибавляетъ корреспондентъ, одинъ казакъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заставить воровъ пригнать назадъ украденную лошадь. На хуторскомъ сходѣ онъ заявилъ, что если лошадь ему не пригонятъ обратно, то онъ убьетъ того вора, котораго подозрѣваетъ. И на другой день лошадь оказалась на выгонѣ около двора этого казака (Д. О. В. 1875 г. № 86). И мнѣ неоднократно доводилось слышать отъ самихъ казаковъ о безчеловѣчныхъ подчасъ случаяхъ самосуда надъ ворами и конокрадами. Такъ, въ одной станицѣ, всѣ знали одного иногородняго за конокрада, но уличить не могли, поэтому, наконецъ, нѣсколько казаковъ подстерегли его въ степи и, снявъ сапоги, стали бить по пяткамъ палками изъ таволги, послѣ чего онъ былъ долго боленъ, и вынужденъ по сей день ходить на костыляхъ. Въ виду подобныхъ случаевъ, какъ совершенно справедливо замѣчается въ одной передовой статьѣ Д. Областныхъ Вѣдомостей, „ворамъ не судъ законный страшенъ, а самосудъ общества, ибо прежде, чѣмъ его доведутъ до суда—озлобленные потерпѣвшіе вдоволь натѣшатся надъ его тѣломъ. Тутъ пускаются въ ходъ и кнуты, и кулаки, и здоровенныя палки; иной воръ, послѣ общественнаго возмездія, хирѣетъ, хирѣетъ, да такъ и въ могилу сойдетъ. Не разъ приходилось выслушивать скорбныя исповѣди завзятыхъ конокрадовъ, и не разъ они говорили такъ: „Сибирь!.. Сибирь не страшна—вѣдь и тамъ люди живутъ; не страшна и тюрьма... А вотъ прежде, чѣмъ я до васъ дошелъ, такъ точно натерпѣлся муки". И тутъ пойдетъ перечень такихъ ужасовъ, что у свѣжаго человѣка волосъ дыбомъ встаетъ. И вѣдь что всего хуже: частнымъ путемъ всегда узнаешь многое, а оффиціально раскроешь дѣло развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ отъ того-то большинство воровъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать объ истязаніяхъ; другіе ограничиваются указаніемъ на побои вскользь" (Д. О. В. 1880 г., № 39).

Судъ общины.

Судебныхъ сборовъ „оффиціальныхъ“, конечно, нынѣ уже не бываетъ, но существуютъ ли еще подобные сборы неоффиціально, если не въ станицахъ, то въ хуторахъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Однако можно думать, что они или существуютъ еще кое гдѣ или же по крайней мѣрѣ казаки, по своимъ воззрѣніямъ, не находятъ ихъ лишними. Такъ напр. въ одной мѣстности, согласно сообщенію г. Никулина, случилось небольшое воровство. „Заподозрили двухъ казаковъ; такъ какъ они не сознавались, то все общество и рѣшило своимъ судомъ высѣчь ихъ для примѣра прочимъ. Нарѣзали палокъ, положили бѣдняковъ только не безъ борьбы. Совсѣмъ уже приступили было къ дѣлу, да нашелся одинъ благомыслящій казакъ, оттолкнулъ съ розгами людей и объяснилъ имъ, что за это они могутъ отвѣчать. Тѣмъ дѣло и кончилось“ (Д. Ѳ. В. 1874 г., № 39). На воскресныхъ и праздничныхъ собраніяхъ передъ станичнымъ правленіемъ, упомянутыхъ выше, собравшіеся часто оказываютъ добрую услугу поссорившимся станичникамъ, направляющимся въ судъ для разбирательства своего дѣла. Прежде чѣмъ эти послѣдніе дойдутъ до суда, имъ приходится пробираться сквозь собравшуюся толпу. Собравшіеся казаки, узнавъ въ чемъ дѣло, стараются помирить поссорившихся и нерѣдко достигаютъ этого.

Судъ поселковаго атамана и стариковъ.

Кромѣ того казаки, живущіе на хуторахъ, поссорившись между собою, прежде чѣмъ ѣхать въ станицу съ жалобой, часто прибѣгаютъ къ суду поселковаго атамана и стариковъ. Въ такихъ случаяхъ, сказывали мнѣ казаки нѣкоторыхъ мѣстностей, — сначала миритъ поселковый атаманъ, а въ случаѣ неуспѣха сзываетъ стариковъ (зап. въ Кепин. ст. и нѣсколькихъ другихъ). Такимъ способомъ рѣшаются, сколько мнѣ извѣстно, дѣла о потравѣ, о дракѣ, о ссорахъ между супругами и т. п. Горячо сердце казацкое, говаривали мнѣ станичники — быстро вспыхнетъ гнѣвъ, но быстро и проходитъ; „на насъ дивуются иногородніе — чудной, говорятъ,

народъ вы казаки: сегодня вы другъ другу бороды повырвете, фонарей подъ глаза наставите, а завтра, глядишь, вы уже опять обнявшись идете"... Бываетъ и такъ, помирятъ двухъ подравшихся казаковъ, пойдутъ они пить могарычъ—выпьютъ лишнюю рюмку и снова подерутся. Сберутся къ нимъ ихъ судьи, закричатъ имъ: что же это вы, да вѣдь мы васъ сейчасъ мирили, и разведутъ ихъ въ стороны и не допустятъ другъ къ другу, пока они не протрезвятся (зап. въ Гниловск. ст.). Если поселковому атаману и старикамъ помирить поссорившихся не удастся, то дѣло переходитъ въ стан. судъ.

Судъ станичнаго атамана.

Точно такъ же и атаману станичному приходится иногда единолично разбирать споры между казаками. Часто послѣдніе подаютъ жалобы не въ судъ, а къ атаману. Онъ прочтетъ или выслушаетъ жалобу, разберетъ все дѣло и старается затѣмъ склонить тяжущихся къ миру: „все самъ и рѣшитъ по семейному"; или же посылаетъ къ поселковому атаману съ просьбой „помирить ихъ какъ нибудь".—Во время праздника или ярмарки молодые казаки, подравшись другъ съ другомъ, нерѣдко приходятъ также къ атаману съ жалобой. Такъ какъ причиной подобныхъ дракъ весьма нерѣдко бываетъ ревность къ станичнику, съ которымъ жена была въ связи во время пребыванія казака на службѣ, то атаманъ, уговаривая соперниковъ помириться, утѣшаетъ обиженнаго такъ: „ну, что жъ дѣлать, вѣдь самъ знаешь, что по дѣломъ битъ, самъ вѣдь съ его женой грѣшилъ... Ну, вотъ какъ на службу и самъ сходишь, тогда твой чередъ придетъ бить то" (зап. въ Чернышевск. ст.).

Судъ третейскій.

Суды третейскіе (которые въ нѣкоторыхъ низовыхъ ст. казаки называли „медіаторскими") въ томъ видѣ, какъ они установлены ст. 48 и 49 „Положенія" 1870 г. примѣняются, повидимому, рѣдко. Впрочемъ свѣдѣнія о нихъ, находящіяся въ моемъ распоряженіи, крайне скудны. Казаки сообщали мнѣ только, что третейскій судъ примѣняется „по согласію сторонъ" и что „рѣше-

нія записываются въ книгу“. При просмотрѣ станичныхъ архивовъ, я встрѣчалъ кое гдѣ, среди рѣшеній станичныхъ судовъ, протоколы, озаглавленные: „рѣшеніе третейскаго суда“, но отъ прочихъ ничѣмъ не отличавшіеся. Въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что собирался разъ третейскій судъ, но не состоялся, потому что „то одинъ судья не приходилъ, то другой, такъ и бросили дѣло“. Въ ст. Аксайской мнѣ говорили, что здѣсь бываютъ третейскіе суды, преимущественно для рѣшенія споровъ по торговымъ дѣламъ, „когда счета нужно разбирать“.

Суды «спеціальные», «экстренные».

Наконецъ суды „спеціальные“ (сравн. Пахманъ. „Обычное право“ I, с. 387) и „экстренные“ (сравн. Скоробогатый „Устр. крест. судовъ“. М. 1880 г., с. 24) бываютъ и среди казаковъ.

Такъ въ рыболовныхъ ватагахъ атаману принадлежитъ судъ надъ забродчиками; атаманъ „шаекъ“, которыя ходятъ со знаменемъ на масляницѣ (подробности ниже), такъ же творитъ судъ и расправу, въ случаѣ буйства и безчинства одного изъ членовъ шайки; дружко на свадьбахъ также имѣетъ право суда и расправы; всѣ обязаны его слушать: во многихъ мѣстахъ казаки заявляли, что когда „свадьба налажена“, то выбираютъ дружка и кладутъ завѣтъ, чтобы въ случаѣ ссоры или какого либо неудовольствія или же драки за все время свадебныхъ пиршествъ дѣло не доводить до суда, а поручать разбирательство дружкѣ, и во всемъ его слушаться. Во всѣхъ подобныхъ судахъ главную роль играетъ штрафъ водкой въ пользу потерпѣвшаго и его товарищей, хотя случается, что „строптиваго и непокорливаго и побьютъ немного“.

Станичный судъ.

Для составленія суда станичнаго, согласно Положенію 1870 г., избираютъ ежегодно на станичномъ сходѣ отъ 4-хъ до 12-ти судей, причемъ присутствіе суда должно состоять не менѣе, какъ изъ 3-хъ судей (ст. 31). Въ станичные судьи вообще казаки идутъ весьма неохотно; поэтому во многихъ станицахъ на эту должность смотрятъ, какъ на одну изъ общественныхъ по-

винностей и отбываютъ ее по очереди всѣ, „чтобы никому обидно не было". При этомъ богатые казаки стараются откупиться или представить свидѣтельство о болѣзни, которое однако сборомъ не всегда признается уважительнымъ, или же просто просятъ общество „помиловать ихъ". Но въ другихъ станицахъ судей дѣйствительно выбираютъ на станичномъ сборѣ, причемъ въ однихъ мѣстахъ производится баллотировка посредствомъ шаровъ, а въ другихъ мѣстахъ судей выбираютъ „голосами". Послѣднее происходитъ такъ: станичный атаманъ спрашиваетъ сборъ: „кого желаете въ судьи?" Въ отвѣтъ станица выкрикиваетъ разныя имена, а атаманъ записываетъ ихъ. Когда наберется достаточное число, то онъ „вычитываетъ ихъ". „Ну—скажетъ атаманъ, прочитавъ списокъ,—довольны ли?"—„Въ часъ добрый", отвѣчаетъ станица, или же: „такого то замѣнить такимъ то" (зап. въ Маріин. ст. и др.). Въ Гниловской ст. хотя и выбираютъ судей шарами, но при выборѣ ихъ „стараются уравнить, чтобы всѣмъ пришлось отбыть судейскую должность: богатый ли, бѣдный ли—выборъ одинъ, а то тягостно будетъ, коли не всѣхъ выбирать". Въ другихъ ст., напр. въ Евтеревской, казаки сообщали, что въ судьи стараются выбирать богатыхъ, „потому, что у бѣдныхъ дѣлается разстройство въ хозяйствѣ отъ судейской должности"; а такъ какъ богатые казаки больше по хуторамъ, то въ судьи и выбираютъ больше изъ хуторскихъ.

Выборъ судей.

Число судей также не вездѣ одинаково: въ однихъ станицахъ ихъ только четверо (Евтер.), въ другихъ,—пятеро (Елан.), въ третьихъ—двѣнадцать и т. п. Сроки, въ теченіи коихъ судьи дѣйствительно исполняютъ свою судейскую должность, точно также разнообразятся. Въ нѣкоторыхъ ст. (тамъ гдѣ число судей ограничено до 4-хъ) они исполняютъ свою обязанность круглый годъ. Въ другихъ ст. установлены „смѣны". Такъ въ станицѣ Старочеркасской, по словамъ казаковъ, установлены 3 смѣны судей черезъ каждые четыре мѣсяца; въ Ниж-

Число станич. судей.

некурмоярской стан. 12 судей распредѣлены „на три трети, по четыре судьи на каждую“ и т. п.

Вознагражденіе судьямъ.

Что касается вознагражденія судьямъ, то въ нѣкоторыхъ станицахъ оно совсѣмъ не полагается, такъ какъ судейская должность отбывается за „внутреннюю службу“. Въ другихъ станицахъ вознагражденіе хотя и дается, но оно въ большинствѣ случаевъ крайне незначительно. Вознагражденіе это бываетъ либо денежное, либо „станичными травяными пайками“, либо „казаками“ (подроб. сказано выше). Такъ въ ст. Еланской каждый судья получаетъ по 5 травяныхъ паевъ, а судья, исполняющій обязанность письмоводителя—6 паевъ; въ Чернышевской ст. по 50 р.; въ Устьмедвѣдицкой—по 1 травяному паю, который даетъ около 20 р. въ годъ; въ Кепинской ст.—по 25 р. въ годъ, а судья исправляющій должность письмоводителя,—30 р. въ годъ; въ Гниловской ст. каждому судьѣ по 20 р. и 10 травяныхъ паевъ на всѣхъ двѣнадцать судей въ годъ. Въ ст. Евтеревской судьи отъ 1871 до 1876 г. жалованья не получали вовсе: о вознагражденіи судьямъ станица и слышать не хотѣла. Съ 1877 г. по 1880 г. общество постановило наконецъ, чтобы судьямъ позволено было брать съ каждой просьбы по 25 к. сер. Платилъ обыкновенно истецъ, но они требовали и съ отвѣтчика. Этимъ судьи были довольны; они имѣли даже возможность отъ себя нанимать писаря, въ которомъ они крайне нуждались, вслѣдствіе своей неграмотности. Но начальство запретило эти поборы. Нынѣ судьи въ Евтеревской ст. получаютъ по 25 р. въ годъ. Этого жалованья имъ мало, но общество, не смотря на ихъ просьбы, не желаетъ имъ прибавлять. Въ ст. Чернышевской казаки точно также выражали желаніе установить плату судьямъ съ каждой жалобы по 1 рублю, но „опасаются начальства“.

Станичный судъ собирается въ однихъ мѣстахъ каждое воскресенье, въ другихъ черезъ двѣ недѣли. Вообще говоря, засѣданія чаще зимой, ранней весной и осенью, чѣмъ лѣтомъ, когда всѣ заняты работой въ полѣ. Судьи

обыкновенно собираются по окончаніи литургіи и послѣ обѣда. Засѣдаютъ иногда до самого вечера, такъ какъ разбирается по нѣскольку дѣлъ къ ряду. Мѣсто собранія станичнаго суда обыкновенно въ станичной избѣ, гдѣ помѣщается и станичное правленіе. Изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною станицъ только въ Нижнекурмоярской станичный судъ собирается въ отдѣльномъ отъ станичнаго правленія зданіи, которое общество нанимаетъ у частнаго лица. Судъ засѣдаетъ обыкновенно въ отдѣльной „камерѣ". Помѣщеніе это въ однихъ станицахъ крайне тѣсно и грязно, въ другихъ, напротивъ того, оно даже роскошно. Такъ напр. въ ст. Ярыженской засѣданіе ст. суда происходитъ въ просторной горницѣ, вдоль стѣнъ которой поставлены широкія лавки для слушателей. Сами стѣны украшены портретами членовъ царской фамиліи, большимъ портретомъ Ермака, покорителя Сибири, исполненнымъ масляными красками, нѣсколькими портретами прежнихъ наказныхъ атамановъ. Въ переднемъ углу поставлены цѣлымъ рядомъ образа, большею частью въ серебряныхъ окладахъ; подъ этими образами стоитъ столъ, за которымъ сидятъ судьи. Такія же украшенія судейской комнаты я встрѣтилъ въ ст. Евтеревской, Аннинской и др. Болѣе скромный видъ имѣетъ „камера" напр. въ Чернышевской ст.; особенно тѣсно и грязно помѣщеніе для суда (изъ всѣхъ мною видѣнныхъ) въ ст. Маріинской и Старочеркасской. Мѣсто собранія станич. суда.

Судьи обыкновенно сидятъ за столомъ поставленнымъ въ переднемъ углу. Въ однихъ станицахъ столъ этотъ покрывается сукномъ краснымъ или чернымъ или зеленымъ; въ другихъ онъ остается ни чѣмъ не покрытымъ. Въ Евтеревской ст. судьи помѣщаются на особомъ возвышенномъ мѣстѣ, обнесенномъ деревянной рѣшеткой. Писарь обыкновенно сидитъ за однимъ столомъ съ судьями; и только въ немногихъ изъ посѣщенныхъ мною станицъ онъ сидитъ отдѣльно отъ судей. Засѣданія ст. суда посѣщаются въ однихъ мѣстностяхъ очень ревностно посторонними, въ другихъ же посѣти-

телей бываетъ крайне мало. Засѣдаютъ обыкновенно трое судей, часто четверо иногда и пятеро. Предсѣдателя не выбираютъ, но обыкновенно засѣданіемъ руководитъ старшій или наиболѣе опытный и смѣтливый изъ судей. Для веденія протоколовъ засѣданія въ большинствѣ ст. есть особый „судейскій писарь“, который исполняетъ должность по найму либо отъ станицы, либо отъ самихъ судей. Въ иныхъ ст. обязанность писаря исполняется кѣмъ-нибудь изъ судей.

Поводы къ начатію судебныхъ разбирательствъ.

Судебное разбирательство въ станичномъ судѣ можетъ быть начато по слѣдующимъ извѣстнымъ мнѣ поводамъ. Во 1-хъ по собственному объявленію; такъ напр., уличивши кого-нибудь въ воровствѣ, станичники иногда заставляютъ его идти самому въ судъ и объявить, что онъ воръ, угрожая въ противномъ случаѣ избить его; во 2-хъ, по сообщенію должностныхъ лицъ (атамана, помощника и др.); въ 3-хъ, по жалобѣ одностаничниковъ и сосѣдей обвиняемаго, такъ напр., вынудивъ у вора признаніе, однообщинники идутъ въ судъ съ жалобой на него; въ 4-хъ, по жалобамъ самихъ потерпѣвшихъ отъ правонарушенія; въ 5-хъ, обвиненіе возбуждается и самимъ судомъ, такъ напр. чернышевскій ст. судъ іюля 9, 1873 г. опредѣлилъ Анну С. за пьянство и развратъ, въ примѣръ другимъ, подвергнуть аресту на 7 дней при станичномъ правленіи, „такъ какъ подобныя личности, кромѣ физическихъ поврежденій, могутъ принести еще матеріальный недостатокъ въ карманѣ, что оправдываютъ неоднократные примѣры“.

«Объявленіе».

Потерпѣвшій обиду или ущербъ приноситъ въ судъ жалобу, которую онъ излагаетъ или словесно, или въ письменномъ „объявленіи“. Письменныя жалобы изготовляются грамотными и опытными въ этомъ дѣлѣ людьми за извѣстную плату или за могарычъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ самъ очередной судья или писарь составляютъ письменную жалобу по просьбѣ истца. Въ подобномъ „объявленіи“ излагаются всѣ обстоятельства дѣла и заявляется въ концѣ желаніе истца, напр. денежное возна-

гражденіе за обиду, или возстановленіе своихъ правъ, или вознагражденіе за понесенный убытокъ и т. п. Иногда истецъ проситъ ст. судъ только „разсудить ихъ", „поступить съ обидчикомъ по закону", „поступить по совѣсти" и т. п. Вотъ примѣры такихъ „объявленій".

I.

Въ Евтеревскій ст. судъ.
Казачьей жены Софьи Рыковой

Объявленіе.

По рѣшенію сего суда, казачка здѣшней станицы Аксинья У. признана наслѣдницей на имущество умершей матери моей Агрипины У.; не воображая этого, я, какъ единственная дочь и наслѣдница на сказанное имущество, сдѣлала расходы: на похороны и на поминъ Агрипины У. 35 р. сер. Въ настоящее же время Аксинья У. заявила свои права на наслѣдство и судомъ она въ томъ признана, я же какъ ужъ являюсь теперь въ томъ лицомъ постороннимъ, то и не обязана принимать расходъ этотъ на свой счетъ, а потому покорнѣйше прошу ст. судъ присудить съ признанной наслѣдницы въ пользу мою вышеописанныя издержки 35 р. и оными меня удовлетворить на томъ основаніи, что она получаетъ наслѣдственное имущество.

Ноября 1 дня, 1878 г.

Просительница Софья Р., а по неграмотству ея подписалъ унтеръ-офицеръ Палѣевъ.

II.

Въ Пятиизбянскій ст. судъ

урядницы Д. П.

Объявленіе.

Не знаю, за что и по какому праву мѣщанинъ Е. зашелъ ко мнѣ на дворъ и хотѣлъ было побить окна, что я сомнѣваюсь было разбито окно въ этотъ же разъ, схватилъ меня за груди и толкалъ кулакомъ, обруги-

валъ всячески, чего я не заслуживаю. Въ свидѣтели выставляю казака И. Н., казачку Е. Л., почему прошу судъ вызвать отвѣтчика и свидѣтелей моихъ и приказать удовлетворить меня, какъ за побой, такъ и за оскорбленіе, 40 руб. сер. Къ сему объявленію подписуюсь урядница Д. П., а по неграмотству ея росписался урядникъ К. М.

III.

Въ Верхнекурмоярскій ст. судъ.

Казака К.

Объявленіе.

3 сего февраля ѣхалъ я съ хутора съ казачками Н. и М. и въѣхали мы въ проулокъ, гдѣ догналъ насъ, неизвѣстно откуда взявшись, урядникъ Т. Когда мы выѣхали на улицу, Т. догналъ меня и сѣлъ со мной на сани. Проѣзжая немного его дворъ, не знаю съ какого поводу кинулся, ухватилъ меня за шапку и, схватя шапку, кинулся бѣжать къ себѣ домой, куда я и бросился за нимъ и ухватился за свою шапку и говорю ему: за что ты снялъ съ меня шапку; онъ мнѣ только и сказалъ: „а ты такой-то“. Ну, я вырвалъ у него свою шапку и пошелъ къ своей лошади. Онъ опять кинулся и ухватилъ меня еще крѣпче за шапку и зашумѣлъ своей женѣ, которая выскочила изъ дому. У меня былъ топоръ за поясомъ. Она выхватила у меня топоръ изъ за пояса по приказанію его; а я зашумѣлъ: караулъ. Они оба кинулись къ себѣ въ домъ, а шапку я вырвалъ и пошелъ къ своей лошади и засвидѣтельствовалъ вышеупомянутыми женщинами, которыя могутъ разсказать всю мою обиду. Покорнѣйше прошу оный судъ вызвать урядника Т. съ женою и допросить его, за что онъ меня такъ обижалъ и сдѣлалъ денной грабежъ: вырвалъ у меня топоръ и унесъ къ себѣ въ домъ; а мнѣ прошу приказать за мою обиду удовлетворить 25 р. сер. и еще прошу приказать возвратить мой топоръ заразъ же, ибо я живу за родителями—чего мнѣ приказано, то я

обязанъ исполнять, и прошу вызвать моихъ свидѣтелей казачекъ Н. и М. Къ сему объявленію казакъ К.

Весьма нерѣдко въ одномъ и томъ же объявленіи соединяются разнообразныя требованія, изъ коихъ одно относится къ уголовнымъ наказаніямъ, а другое ко взысканіямъ гражданскимъ.

Жалобы эти подаются въ станичное правленіе, гдѣ ихъ принимаетъ либо дежурный судья, либо писарь, дѣлая сверху отмѣтку, какого числа жалоба поступила. Иногда жалобы приносятся въ курень одного изъ судей, который либо принимаетъ жалобу, либо отсылаетъ въ станицу. Послѣднее обыкновенно дѣлается казаками, живущими въ одномъ съ судьей хуторѣ. Нерѣдко жалобы подаются станичному атаману, который обыкновенно передаетъ ихъ судьямъ.

Вызовъ тяжущихся и свидѣтелей.

Получивъ жалобу или объявленіе, судъ дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ тяжущихся и свидѣтелей. Вызовъ дѣлается посредствомъ повѣстокъ, которыя на хутора посылаются съ нарочнымъ изъ станичнаго правленія къ поселковому атаману, а онъ уже разноситъ ихъ къ вызываемымъ лицамъ. Въ другихъ мѣстахъ поселковый атаманъ на словахъ говоритъ, кому явиться.

Случается, что на судъ является, вмѣсто отвѣтчика, отецъ его или даже дядя, если онъ живетъ вмѣстѣ съ нимъ. При разборѣ дѣла, въ которомъ участвуютъ выростки, часто, вмѣсто послѣднихъ, на судѣ говорятъ ихъ родители. „Прежде, говорили казаки, часто являлись на судъ и сторонніе по довѣренности, но нынѣ они устраняются“ (провѣрить не могъ). Иногда жалуются всей семьей, особенно въ дѣлахъ о раздѣлахъ и наслѣдствѣ: „тутъ такая брань идетъ, такой шумъ, что и сказать невозможно; и жены приходятъ на судъ, а женщины между собой гораздо болѣе ругаются, чѣмъ казаки; иной разъ старшему то и слова вымолвить не дадутъ: либо сынъ, либо братъ, а то и жена всѣмъ дѣломъ заправляетъ, кто посмѣлѣе да подрачливѣе“.

Неявка.

Неявка истца обыкновенно служитъ доказатель-

ствомъ, что онъ прекращаетъ свой искъ. Но иногда первая неявка истца влечетъ за собою откладываніе дѣла до слѣдующаго засѣданія, а въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что „иной разъ посылаютъ, посылаютъ судьи объявленія то, а они, глядишь, давно ужъ помирились и ходятъ себѣ обнявшись другъ съ другомъ“... Неявка отвѣтчика, случающаяся сплошь и рядомъ, влечетъ за собою штрафъ для послѣдняго и отсрочку дѣла до слѣдующаго засѣданія. Но часто, даже въ случаѣ неявки отвѣтчика, явившіеся свидѣтели допрашиваются судьями и освобождаются отъ своихъ обязанностей. Но это, сколько мнѣ извѣстно, принято не вездѣ. Неявка свидѣтелей имѣетъ тѣ же послѣдствія, какъ и неявка отвѣтчика. Въ свидѣтели, вообще говоря, казаки идутъ неохотно, частью „по причинѣ дальняго разстоянія“, частью потому, что „черезъ это можно нажить себѣ врага“. Поэтому и неявка свидѣтелей, какъ и неявка отвѣтчика, встрѣчается весьма нерѣдко. Пользуясь слабостью станичной, хуторской полицейской власти, казаки часто и послѣ семи повѣстокъ не являются на судъ. Штрафы хотя и налагаются, но взыскиваются туго. Если неявившійся живетъ въ той же станицѣ или не такъ далеко, то на судъ его приводятъ силой черезъ есаульца и помощника атамана. Иногда выведенные изъ терпѣнья судьи, послѣ многократныхъ повѣстокъ, постановляютъ наконецъ заочное рѣшеніе, но пользы обыкновенно въ этомъ мало, ибо казаки хорошо знаютъ, что такого рода дѣйствіе судей служитъ однимъ изъ поводовъ къ кассаціи ихъ рѣшенія въ съѣздѣ мировыхъ судей. Что касается вознагражденія свидѣтелей, то, насколько мнѣ извѣстно, оно имъ не полагается, но обыкновенно каждая изъ сторонъ угощаетъ своихъ свидѣтелей.

Отводъ.

Отводъ судей допускается. Онъ совершается по желанію одной изъ сторонъ. Поводы къ отводамъ судей мнѣ извѣстны слѣдующіе: родство, какъ кровное, такъ и свойство, такъ и кумовство, дружба, заявленіе одной изъ сторонъ, что такой-то судья находится съ нимъ во враж-

дѣ. Отведеннаго судью замѣщаетъ запасный. Объ отводѣ свидѣтелей у меня точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Разбирательство.

Судебныя разбирательства происходятъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Судьи садятся за столъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предварительно сотворивъ крестное знаменіе и сказавъ „благослови Господи") и вызываютъ истца, отвѣтчика и свидѣтелей. Если всѣ на лицо, то писарь или одинъ изъ судей читаетъ жалобу, затѣмъ спрашиваетъ отвѣтчика, что онъ можетъ сказать по поводу обвиненія. Отвѣтчикъ, съ трудомъ дослушавши спокойно жалобу до конца, начинаетъ говорить съ живостью свое оправданіе и излагать обстоятельства дѣла по своему. Рѣчь его перебивается замѣтками, вскриками и возраженіями противника. Стороны вступаютъ въ пренія другъ съ другомъ. Ихъ перебиваютъ судьи, которые также говорятъ въ перемежку, не выжидая другъ друга. Наконецъ въ спорѣ принимаютъ участія всѣ собравшіеся зрители. Слѣдствіемъ всего этого получается страшный шумъ и кажущійся безпорядокъ. „Особенно съ бабами чистое горе судиться: крику столько, что въ ушахъ зазвенитъ". Тутъ же представляются различныя судебныя доказательства, допрашиваютъ свидѣтелей и т. д. Все это происходитъ безъ всякаго особенно опредѣленнаго порядка.

Склоненіе на миръ.

Наконецъ судьи спрашиваютъ не желаютъ ли спорящіе помириться. Въ нѣкоторыхъ ст. судахъ это приглашеніе къ миру дѣлалось какъ то вскользь, какъ бы только ради соблюденія формальности. За то въ другихъ мѣстностяхъ судьи старались помирить во что бы то ни стало; они употребляли при этомъ все свое краснорѣчіе, горячились, вскакивали съ мѣста, употребляли въ ходъ ласкательныя и укорительныя слова и, въ случаѣ неуспѣха, съ досады плевали въ сторону, говоря: „тьфу, чтобъ тебя... ишь ты какой горделивый" и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ судьи, выйдя изъ за стола и подойдя къ несговорчивому, ласкаютъ его, треплютъ по плечу, склоняя на миръ. Иной разъ

судьи, послѣ продолжительныхъ и неуспѣшныхъ стараній помирить стороны отсылаютъ ихъ изъ судейской комнаты, говоря: „ступайте туда, поговорите между собой на волѣ—можетъ и сойдетесь на чемъ“. Примиреніе допускается по всѣмъ дѣламъ. Особенно часто оно бываетъ въ дѣлахъ о дракѣ, объ оскорбленіи дѣйствіемъ, такъ какъ это случается обыкновенно въ пьяномъ видѣ, въ семейныхъ ссорахъ, спорахъ между супругами и т. п. Въ нѣкоторыхъ ст. сообщали, что большинство дѣлъ кончается миромъ. „Мы, говорили казаки, народъ не злобивый: гнѣвъ прошелъ мы и на миръ охотно идемъ и это хорошо, потому мы развязываемъ на землѣ и сами будемъ развязаны на небѣ—такъ по закону Божію“. Когда рѣшатъ кончить дѣло миромъ, то обидчикъ обыкновенно говоритъ: „ну, прости меня“, и кланяется ему въ ноги здѣсь же передъ судьями; потомъ и истецъ кланяется ему въ ноги же. Затѣмъ благодарятъ оба судей и по окончаніи засѣданія пьютъ вмѣстѣ съ послѣдними могарычъ. Водка при этомъ обыкновенно общая („съ носа“) истца и отвѣтчика. Но иногда при заключеніи самой мировой сдѣлки договариваются (на словахъ) чье должно быть угощеніе. Покончивъ дѣло миромъ, ст. судъ заставляетъ либо истца дѣлать надпись на оборотной сторонѣ „объявленія“: „помирился де такой-то, съ такимъ-то, на томъ то“ или „съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ то-то“. Затѣмъ такое объявленіе поступаетъ на храненіе въ станичный архивъ. Или же писарь записываетъ въ книгу все дѣло, прибавляя въ концѣ: „кончено миромъ“, „добровольно помирились на томъ-то“, „помирились по христіанскому долгу“. Не рѣдко стороны заключаютъ между собой отдѣльную „мировую сказку“ или „мировую сдѣлку“, которая подписывается обѣими сторонами и судьями и поступаетъ на храненіе при станичномъ правленіи. Иногда мировая сказка составляется уже послѣ постановленія приговора судомъ. При этомъ условіе, на которомъ она заключается не рѣдко противорѣчитъ рѣшенію судей. Вотъ примѣръ мировыхъ сказокъ:

Мировая сдѣлка.

1.

Мировая сказка.

1877 года, генваря 8-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Алексѣевской станицы вдова казачья жена А. Ч. и казакъ П. Г. написали сіе въ слѣдующемъ: по иску, вчатому первою изъ насъ въ Алексѣевскомъ станичномъ судѣ въ 11 день декабря прошлаго 1876 года съ Г. *о взятой у меня самовольно съ гумна соломы* одинъ возъ и изъ стога сѣна одинъ возъ — и хотя рѣшеніемъ Алексѣевскаго станичнаго суда присуждено въ удовлетвореніе меня 4 рубля; но мы, поговоривъ между собою по доброй совѣсти, я нынѣ приговоренные въ удовлетвореніе меня 4 руб. съ Г. получать не желаю и болѣе искать нигдѣ не буду. А также и я, Г., оставаясь недовольнымъ рѣшеніемъ Алексѣевскаго станичнаго суда за № 110-мъ по сему дѣлу, переносить дѣло на аппелляцію оставляю навсегда, согласно миролюбивой между нами съ тещею А. Ч. сдѣлки; въ томъ и удостовѣряемъ сіе нашимъ подписомъ. Къ сей сказкѣ вдова казачья жена А. Ч., а за неграмотную съ рукоданія подписалъ казакъ Е. П.; казакъ П. Г. своеручно.

При написаніи сей сказки находились и во свидѣтельство подписались: судья Алексѣевскаго станичнаго суда урядникъ Д. С., а за неграмотнаго съ личной просьбы и за себя подписалъ урядникъ А. П.

2.

1881 года, ноября 28-го. Чернышевскій станичный судъ, хутора Трухина урядникъ И. А. и казачка В. Е., по предложенію станичнаго суда, заключили между собою мировую сдѣлку эту въ томъ, что Е. за оскорбленіе жены А. обязывается по первому требованію отработать ему что нибудь на одинъ руб., если-же того не выполнитъ, то должна уплатить неустойку два руб., и деньги эти станичный атаманъ долженъ выручить посредствомъ продажи чего либо изъ нераздѣльнаго съ мужемъ ея имущества.

3.

1871 года, декабря 6-го дня. Чернышевскій станичный судъ слушалъ мировую сдѣлку слѣдующаго содержанія. Мы, нижеподписавшіеся, Чернышевской станицы казакъ Е. А. Л. и казачья жена А. И. Л. въ томъ, что мы по раскольнической сектѣ сошлись и жили вмѣстѣ семь лѣтъ, потомъ изъ насъ А. И. оставила расколъ, поступила въ православную вѣру, а Е. Л. остался въ расколѣ. Затѣмъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, я А. бракомъ сочеталась съ православнымъ казакомъ Т. М. Л. въ православной церкви. Оставшуюся у меня, принадлежащую Е. Л., корову я продала

за 10 руб. сер. Я. Л., получивъ означенные *десять* р. сер., остался доволенъ и больше претензіи никакой не имѣю за имущество какъ къ А., такъ и къ матери ея. Просимъ Чернышевскій станичный судъ принять и записать въ книгу и возвратить оную изъ насъ казачьей женѣ А. Л. Постановлено: по записаніи сей мировой сдѣлки въ книгу, судъ признаетъ споръ Л. съ Л. и за имущество прекращеннымъ. Въ дѣла, касающіяся до христіанской религіи и раскола, не вмѣшиваться, о чемъ имъ и объявить, съ возвращеніемъ сей мировой сдѣлки Л.

4.

Мировая сдѣлка.

1882 года, іюля 25-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Тепикинской станицы казакъ Г. П. и Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, Колтовской волости, крестьянинъ Я. А. Т. написали настоящую мировую сдѣлку въ нижеслѣдующемъ: по заведенному нашему дѣлу въ Тепикинскомъ ст. судѣ *о порчѣ овчинъ*, мы съ обоюднаго нашего согласія добровольно помирились, съ тѣмъ, чтобы по суду и безъ суда одинъ отъ другаго искать ничего не будемъ, въ чемъ и подписуемся; мировую же эту сдѣлку поручаемъ на всегдашнее храненіе Тепикинскому станичному суду, а также и рѣшеніе онаго суда, состоявшееся 20-го ноября 1881 года, № 20, опровергаемъ безъ послѣдствія, въ чемъ и подписуемся казакъ Г. П. и крестьянинъ Я. Т.

Засвидѣтельствовали станичные судьи казакъ А. Неушнинъ, С. Червоновъ, а за нихъ и за себя, съ приложеніемъ судейской печати, подписался урядникъ А. Боковъ.

5.

1878 года, января 23-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Етеревской станицы казаки: Н. Ф. и П. А. написали сію мировую въ томъ, что по заведенному нами дѣлу въ Етеревскомъ станичномъ судѣ о искѣ А. съ Ф. имѣнія своего, Ф. отдаетъ ему пару быковъ, одну корову съ телкомъ, съ лѣтошнимъ, пять овецъ-матокъ и пять молодыхъ, а всѣхъ 10 и еще пять будущихъ предъидущею весною (?) ягнятъ, коня съ сѣдломъ, шинель сапоги, шашку, башлыкъ.

Судебныя доказательства.

Если тяжущихся помирить не удастся, то судьи не рѣдко еще разъ переспрашиваютъ и истца, и отвѣтчика, и свидѣтелей, а также тщательно обсуждаютъ всѣ прочія судебныя доказательства, прежде чѣмъ постановить окончательное рѣшеніе.

Что касается судебныхъ доказательствъ, то во первыхъ собственное признаніе имѣетъ доказательную силу. Обыкновенно сами судьи приглашаютъ обвиняемаго сознаться. Искреннее и чистосердечное признаніе служитъ не рѣдко поводомъ къ смягченію наказанія. Часто обвиняемые пользуются этимъ, чтобы „обвести" судей. Удается это однако не всегда, ибо судьи обыкновенно „видятъ человѣка", знаютъ его прежнюю жизнь, а потому не легко поддаются обману. Я помню, какъ въ Верхнекурмоярскомъ ст. судѣ одинъ мельникъ изъ иногородныхъ, обвинявшійся въ нанесеніи побоевъ казаку, съ видимымъ смиреніемъ раскаявался въ своей винѣ и указывалъ лишь на то, что въ пьяномъ видѣ онъ ничего не помнилъ, но не расположилъ этимъ судей, которые знали его вообще за человѣка дурнаго.

Признаніе.

Чтобы сами судьи прибѣгали къ насильственнымъ дѣйствіямъ, ради вынужденія признанія у обвиняемаго, я не слыхалъ; за то въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ сообщали, что сами станичники, заподозрѣвъ казака въ кражѣ и т. п., зазываютъ въ кабакъ или къ себѣ въ гости и тутъ начинаютъ его бить, пока онъ не признается. Тогда они сами идутъ въ судъ и объявляютъ, что слышали отъ него самого признаніе, или же заставляютъ его самого идти къ судьямъ съ признаніемъ.

Свидѣтели.

Свидѣтельскія показанія играютъ на ст. судѣ весьма важную роль. Свидѣтелями бываютъ лица обоего пола, какъ посторонніе, такъ и родственники. Такъ напр. принимаютъ свидѣтельскія показанія отца за и противъ дѣтей (мнѣ извѣстны такія случаи), братьевъ, супруговъ и, наоборотъ, дозволяется дѣтямъ свидѣтельствовать за и противъ родителей. Самъ я присутствовалъ при допросѣ одного сына въ дѣлѣ по обвиненію матери его въ нанесеніи сосѣдкѣ побоевъ (въ Верхнекурмоярской ст.). Точно также допускаются къ свидѣтельству и малыя дѣти. Такъ въ ст. Аннинской при мнѣ станич. судьи допытывали 7-лѣтнюю дочь

отвѣтчицы. Вообще говоря, судьи, повидимому, не столько смотрятъ на степень близости свидѣтеля къ одной изъ сторонъ, сколько на способъ самой дачи показаній. Судьи во время разсказа свидѣтеля внимательно прислушиваются къ его рѣчи, къ интонаціи голоса и всматриваются въ выраженіе его лица, чтобы на основаніи всѣхъ этихъ наблюденій сдѣлать свое заключеніе о степени достовѣрности показанія. Огромное вліяніе въ этомъ дѣлѣ играетъ и самая личность свидѣтеля: лицамъ уважаемымъ и хорошаго поведенія судьи оказываютъ больше довѣрія. Что касается числа свидѣтелей, то я получалъ отъ казаковъ обыкновенно такой отвѣтъ: „если одинъ свидѣтель, то и того слушаютъ". Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ говорили, что свидѣтелей нужно представить не менѣе двухъ. Свидѣтели обыкновенно находятся въ той же комнатѣ, гдѣ происходитъ разбирательство дѣла, принимая дѣятельное участіе въ процесѣ, но въ нѣкоторыхъ станицахъ (при мнѣ по крайней мѣрѣ) ихъ не впускали въ „камеру" ранѣе допроса и вызывали каждаго отдѣльно. При дачѣ своихъ показаній, свидѣтели не ограничиваются объективнымъ изложеніемъ видѣннаго или слышаннаго; они присовокупляютъ и свои личныя замѣчанія и ярко высказываютъ свое собственное отношеніе къ дѣлу.

Улики, слѣдъ и проч.

Въ качествѣ доказательствъ и уликъ играютъ и на ст. судѣ роль разныя орудія (ломъ, заступъ, гвоздь и пр.), посредствомъ которыхъ совершенно правонарушеніе.; вещи, принадлежащія обвиняемому и забытыя имъ на мѣстѣ; клочки вырванной бороды во время драки, часто пришиваемые въ качествѣ доказательствъ къ письменной жалобѣ; синяки, царапины, раны и т. п.

Воровъ въ обычаѣ отыскивать по оставленнымъ слѣдамъ. Обыкновенно смотрятъ, „куда слѣдъ ведетъ" и по немъ узнаютъ, куда скрылся воръ или откуда онъ пришелъ. Такъ въ нѣкоторыхъ низовыхъ станицахъ въ случаѣ крупной покражи скота посылаютъ нѣсколько казаковъ верхомъ въ степь для отыскиванія слѣда. — Оставленный

воромъ слѣдъ сличаютъ со слѣдомъ подозрѣваемыхъ лицъ. Такъ въ Ярыженской ст. случилась покража барана. Немедленно же были посланы есаулецъ и помощникъ атамана, чтобы снять мѣрку со слѣдовъ, которые оставилъ воръ на снѣгу: „измѣряли веревочкой изъ конопли, какъ чеботари". Потомъ у всѣхъ заподозрѣнныхъ мѣрили точно также подошвы, пока „мѣрка не пришлась аккуратно по сапогу одного станичника", котораго и обвинили въ воровствѣ. При сличеніи слѣдовъ принимаютъ во вниманіе и то, что оставшійся слѣдъ иногда бываетъ больше подошвы сапога вора, напр. когда земля влажная отъ дождей, почему и „грязь раздается".

Если казакъ заподозритъ другаго въ кражѣ сѣна, то просить судъ „сличить" свое сѣно съ сѣномъ заподозрѣннаго въ кражѣ. Свое сѣно хозяинъ узнаетъ по особенностямъ входящихъ въ оное травъ и по цвѣту. „Сѣно на сѣно не приходится — говорили казаки — то есть сѣно аржанецъ, а то ядреное, а то чернобыли много или донника... все ужъ есть отличеніе какое нибудь; бываетъ и такъ — у одного хозяина сѣно подъ дождь попадетъ и почернѣетъ". Подобныя же „слички" дѣлаются также и при кражѣ хлѣба. Снопы двухъ хозяевъ различаются, смотря по тому, „какъ скручено связло", „гдѣ завязка": „одинъ перевязываетъ снопы ближе къ головѣ, другой дальше; одинъ подтыкаетъ связло справа, другой слѣва". Если хлѣбъ „въ зернѣ" украденъ, то различаютъ, смотря по тому, у кого больше куколя, сорной травы и т. п. При кражѣ камыша также сличаютъ по способу связки. Подобно сказанному поступаютъ и въ случаѣ покражи птицъ. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ разсказывалъ одинъ казакъ слѣдующее: „Вотъ у меня пропали гуси. Когда прошла зима, они опять пришли ко мнѣ гнѣздо вить. Сосѣди отлично знали моихъ гусей: они такіе бѣлые были. Не долго дожидались мы: пришелъ казакъ съ хутора ко мнѣ и требуетъ своихъ гусей. Ну, сейчасъ и догадались мы, что это онъ уворовалъ то. Сосѣди заступились за меня. Такъ Экспертиза.

онъ и ушелъ, ничего не получилъ. А я уже въ судъ жаловаться не пожелалъ". Ружья осматриваютъ, чтобы заключить, какъ давно былъ изъ нихъ сдѣланъ выстрѣлъ.

Клейма.

Мѣты и тавры также принимаются въ качествѣ доказательства. Въ книгахъ станичныхъ судовъ часто встрѣчаются рѣшенія споровъ въ пользу доказывавшаго свое право на спорную вещь, основываясь на клеймѣ. Какъ доказательство принимаются и „скрытыя мѣты". Такъ въ Евтеревской станицѣ былъ случай покражи плуга. Воръ утверждалъ, что купилъ плугъ на ярмаркѣ въ чужой ст. и отъ чужаго коваля. Тогда истецъ попросилъ судъ позвать коваля, жившаго въ Евтеревской станицѣ. Приведенный на засѣданіе коваль узналъ плугъ, который былъ изготовленъ имъ и въ доказательство принадлежности его истцу, показалъ секретную мѣту „подъ ухомъ" у плуга, незамѣченную воромъ.

Жеребки.

„Жеребки" („жеребочки") служатъ доказательствомъ въ спорахъ съ овчинниками, въ случаѣ утраты послѣдними овчины. Въ подобныхъ дѣлахъ жеребки служатъ иногда единственнымъ доказательствомъ. Но такъ какъ овчинникъ можетъ привѣсить тотъ же жеребокъ къ овчинѣ болѣе плохаго сорта, то казаки дѣлаютъ на своихъ овчинахъ еще свои собственныя примѣты (см. выше).

Письменные документы.

Письменные документы также играютъ весьма важную роль въ качествѣ доказательствъ при ст. судѣ. Сюда относятся условія при усыновленіи, принятіи въ зятья, раздѣльные акты, духовныя завѣщанія, условія при мѣнѣ, куплѣ-продажѣ, наймѣ, векселя, росписки, мировыя сказки и проч. Обыкновенно всѣ эти акты свидѣтельствуются въ станичномъ правленіи и записываются въ книгу. Но сплошь и рядомъ этого не дѣлается. Въ нѣкоторыхъ ст. судахъ (не подъ вліяніемъ ли ст. писарей?) доказательную силу имѣютъ лишь тѣ письменные документы, которые засвидѣтельствованы указаннымъ способомъ. За то въ другихъ росписки и пр. документы принимаются, какъ доказательство, и не будучи

засвидѣтельствованы въ станичномъ правленіи. При этомъ, въ случаѣ спора о подлинности, сличаются почерки. Принимаются ли акты, имѣющіе вмѣсто подписи кресты или иные знаки мнѣ въ точности неизвѣстно. Мнѣ приходилось видѣть акты, либо засвидѣтельствованные собственноручной подписью совершавшихъ ихъ, либо за неграмотностью ихъ скрѣпленные подписью сторонняго лица, „по рукоданной ихъ просьбѣ“. Вообще говоря, письменные акты нынѣ все болѣе входятъ въ употребленіе среди казаковъ: „народъ нынѣ сталъ плохой вѣрить, нельзя на слово, какъ прежде бывало“, говорили казаки.

Символическія дѣйствія. Символическія дѣйствія, сопровождающія заключеніе различныхъ сдѣлокъ и договоровъ (напр. брачнаго договора, купли и продажи, найма и т. п.), а также могарычи, приводятся въ видѣ доказательствъ на ст. судѣ. Такъ въ одинъ ст. судъ казакъ подалъ жалобу на отказъ другаго выдать свою дочь за его сына, послѣ того какъ они, „по христіанскому долгу зажгли свѣщу, помолились Богу и за доброе слово выпили водки; потомъ свели жениха съ невѣстой, и они другъ друга подарили; и собрали родство невѣсты и начали продолжать гульбу; по окончаніи оной назначили день выдачи невѣсты“ и т. п.

Давность. Давность земская, повидимому, хорошо знакома станичнымъ судамъ: я встрѣчалъ указанія на нее въ книгахъ ст. судовъ самыхъ противоположныхъ мѣстностей.

О давности исковой у меня нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Въ Пятиизбянскомъ ст. судѣ одна племянница искала съ дяди 15 рубл. на свою часть, доставшуюся ей при семейномъ раздѣлѣ. Но такъ какъ со времени раздѣла прошло уже 14 лѣтъ, то судъ присудилъ ей лишь 5 руб. сер.

Осмотръ на мѣстѣ. Не нашедши достаточными предъявленныя доказательства, ст. судьи производятъ осмотръ на мѣстѣ. Спорный предметъ поручаютъ нерѣдко на сбереженіе одному

изъ тяжущихся. Такъ напр., въ дѣлахъ о самовольномъ засѣвѣ чужаго загона, поручается одной изъ сторонъ снять хлѣбъ съ корня, „чтобы не пропалъ“, но не расходовать до рѣшенія спора.

Обыскъ. По предложенію обиженнаго или же по собственной иниціативѣ ст. правителей, для отысканія украденной вещи, производится обыскъ по дворамъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали, что домовые обыски бываютъ чрезвычайно рѣдко, такъ какъ въ виду той медленности, съ которой они организуются, они теряютъ свое значеніе: „нужно сначала подать жалобу и просьбу объ обыскѣ; пока-то соберутся, а воръ-то, глядишь, ужь узналъ да и припряталъ покраденое-то“. Но въ иныхъ станицахъ подобные обыски производятся чаще. Обыскъ производится обыкновенно есаульцемъ или помощникомъ ст. атамана или хуторскимъ атаманомъ со „стариками“. Въ хуторахъ нерѣдко обыскиваютъ всѣхъ поголовно, „чтобы никому обидно не было“. При этомъ людей завѣдомо честныхъ и уважаемыхъ просятъ извинить „за безпокойство“ и обыскиваютъ ихъ поверхностно „только для виду“. Иной разъ такіе лучшіе казаки сами настаиваютъ на производствѣ обыска и приглашаютъ атамана начать обыскъ съ нихъ. Но въ иныхъ мѣстностяхъ обыскиваютъ лишь заподозрѣнныхъ въ кражѣ. Случается, что казакъ соглашается подвергнуться обыску лишь подъ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ, если не найдутъ у него искомыя вещи, то заплатили бы ему деньгами „за безчестье“ (25—100 р. с.). Но подобныхъ „горделивыхъ“ людей уговариваютъ, пока не склонятъ впустить съ обыскомъ безъ всякаго залога (зап. въ Евтеревск. ст.).

Бездоказательное обвиненіе само по себѣ обыкновенно не влечетъ еще отказа въ искѣ. Судьи стараются уличить отвѣтчика „окольнымъ путемъ“: поймать его на словѣ, сбить его, подмѣтить противорѣчія въ его отвѣтахъ; „справляются, гдѣ былъ онъ“ во время совершенія правонарушенія, „перевертываютъ свои вопросы“ и т. п. и наконецъ рѣшаютъ, по личному „своему убѣжденію“, „по голосу совѣсти“, „глядя по человѣку“.

„Божбѣ мало вѣрятъ судьи“, говорили мнѣ казаки. Обыкновеніе божиться столь распространено на Дону, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, что оно окончательно утратило свое значеніе въ глазахъ ст. судей; божбу „пропускаютъ мимо ушей“. Но казаки дѣлаютъ вообще различіе между клятвами малыми и „тяжкими“. „Ей Богу!“ считается равнозначущимъ простому „да“. Кромѣ этого, мнѣ доводилось слышать отъ казаковъ слѣдующія клятвы: „чтобъ я съ этого мѣста не всталъ“, „чтобъ изъ этого мѣста не вышелъ“, „дай же мнѣ Богъ съ мѣста не сойти“, „лопни утроба“, „чтобъ я лопнулъ“, „полопайся мои глаза“, „на себѣ креста не видать“, „чтобы мнѣ разговѣться Богъ не привелъ (если клянутся постомъ)“, „чтобы праздника святаго не дождаться“, „чтобы кускомъ подавиться“ и т. п.; или же такъ: сказавъ, „какъ Богъ видитъ“, наклоняются и дѣлаютъ движеніе рукой, какъ будто поднимаютъ горсть земли и подносятъ ее ко рту, чтобы съѣсть. Всѣмъ подобнымъ клятвамъ мало вѣрятъ. Но есть, по словамъ казаковъ, страшная клятва — клятва своими дѣтьми. Произносящій клятву говоритъ примѣрно такъ: „вотъ у меня трое дѣтей — не дай же Богъ мнѣ ихъ съ вечера увидѣть“. Если человѣкъ ужъ началъ такимъ образомъ клясться, то и судьи вѣрятъ ему (зап. въ Евтеревской ст.). Божба.

Присяга въ формѣ церковной, т. е. посредствомъ цѣлованія креста и Евангелія на ст. судахъ, сколько мнѣ извѣстно, не употребляется. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки выражали желаніе, чтобы она была введена, потому что „такой присягѣ вѣрить можно“. Но среди донскихъ казаковъ извѣстна присяга посредствомъ цѣлованія дула заряженнаго ружья, снятія со стѣны иконы и тому под. Чудесные способы доказательствъ.

Г. Матвѣевъ въ своей „Программѣ“ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: „своеобразностью доказательствъ отличаются станичные суды Войска Донскаго: цѣловать дуло заряженнаго ружья“ и пр. („Слово“ 1879 г. іюль „Программа“ вопр. 25). Изъ смысла словъ г. Тимо-

щенкова можно также заключить, что только что упомянутые способы „чудесныхъ“ доказательствъ употребительны въ станичномъ судѣ Казанской ст. (Тр. О. В. Д. ст. ком. Новочерк. 1874, с. 160). Но во всѣхъ станицахъ, посѣщенныхъ мною, казаки заявляли, что эти способы доказательства на судахъ станичныхъ не допускаются, а употребляются они на судахъ и разбирательствахъ не оффиціальныхъ, напр. на судѣ стариковъ —сосѣдей и т. п.

Присяга на ружницѣ.

„Присяга на ружницѣ“ употребительна во многихъ станицахъ. Если въ домѣ пропала вещь, то приводятъ всѣхъ къ присягѣ на ружьѣ. Для этого ружье заряжаютъ, кладутъ на столъ со взведеннымъ куркомъ, а рядомъ съ нимъ ставятъ икону. Всѣ подходятъ поочереди, клянутся, что вещь не ими украдена, и прикладываются къ образу и къ дулу ружья. Кто присягнетъ ложно, того ружье должно „поразить на смерть“.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ къ этой присягѣ относятся съ большой вѣрой, и воръ, приведенный къ ружью предпочитаетъ сознаться въ своей винѣ. Такъ напр. въ окрестностяхъ Луганской ст. разсказываютъ слѣдующій случай. У одной казачки пропало монисто; она привела всѣхъ къ присягѣ на ружницѣ, но никто не сознался, и воръ остался не обнаруженнымъ. Въ это время мимо проходила сосѣдская корова. Ружье вдругъ выпалило и убило корову на поваль. Въ желудкѣ ея и нашли монисто. Корова проглотила его въ то время, когда хозяйка, оставивъ его на крыльцѣ, уходила за чѣмъ то въ курень. „Такъ проявилъ себя праведный судья—Богъ“. Здѣсь очень боятся этой присяги, а потому до нея дѣло доходитъ рѣдко. Въ случаѣ пропажи вещи казаки лишь заявляютъ, что завтра будутъ всѣхъ къ присягѣ приводить, и въ ночь украденная вещь подкидывается обратно (сообщ. Влад. Петр. Юшневскимъ). Но въ другихъ мѣстностяхъ присягѣ на ружьѣ нынѣ не вѣрятъ и даже смѣются надъ ней: „нынѣ народъ-то ужь больно хитеръ сталъ, ничѣмъ ты его не испугаешь“. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ раз-

сказывали казаки, что цѣловать заряженное ружье со взведеннымъ куркомъ заставляютъ только подозрѣваемыхъ въ кражѣ иногороднихъ, которые еще въ новѣ и съ мѣстнымъ бытомъ знакомы мало: „скажутъ русаку—вотъ, молъ, какой у насъ на Дону обрядъ есть,—приложись ка къ ружью-то, а онъ помнется, помнется, да и признается въ воровствѣ, а ружье то въ иной разъ и не заряжено".

Снятіе иконы.

Точно такъ же употребительно снятіе со стѣны иконы и цѣлованіе ея, какъ средство доказать свою невиновность. Вотъ что по этому поводу мнѣ разсказывалъ „полицейскій" (эсаулецъ) въ ст. Евтеревской, „Разъ обокрали казаки одного русскаго до чиста: у него всего то и было только 13 рубл. 50 коп. Онъ пришелъ ко мнѣ, жалуется и называетъ казаковъ, а тѣ отпираются. Призвалъ я ихъ всѣхъ и говорю сидѣльцу: „снимай-ка икону со стѣны". Снялъ. „Окропи, говорю, водой"!... „Ну, говорю, Николай (русскому-то), прикладывайся къ иконѣ". Тотъ началъ божиться и клясться, что говоритъ правду, и поцѣловалъ икону. „Ну, говорю одному казаку, теперь прикладывайся и ты". А онъ прикладывается да и говоритъ: „Господи, прости меня грѣшнаго". А я ему: „нѣтъ, говорю, клянись такъ, какъ Николай клялся". Онъ сталъ мяться. А жена его — стояла сзади—и говоритъ: „нѣтъ ужъ мы лучше, Никитычъ, не будемъ божиться — деньги то вѣдь у насъ тутъ въ карманѣ". А онъ ей: „гдѣ жъ они у насъ то?! у насъ всего три съ полтиной, а остальное у Василія". Ну этакъ и вышло все наружу. Даже самъ мировой судья смѣялся, когда я ему докладывалъ объ этомъ".

„Общая правда".

Въ спорахъ о границахъ, особенно въ былое время, рѣшали дѣло (какъ уже было помянуто) тѣмъ, что поручали кому нибудь изъ стариковъ съ иконой въ рукахъ пройти тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, должна была проходить старая межа: какъ онъ опредѣлялъ границу „тому и вѣрили". Это называлась въ старину „общая правда".

Иногда для обнаруженія преступленія прибѣгаютъ къ

разнымъ хитростямъ. Вотъ что напр. разсказывалъ мнѣ урядникъ Катѣльниковъ въ Верхнекурмоярской ст. Одинъ изъ выростковъ, отбывавшихъ почтовую повинность натурой (въ прежнее время) пожаловался смотрителю почтовой станціи, что у него пропало 30 рубл., которые онъ получилъ отъ матери на хозяйственныя закупки. Старикъ сталъ уговаривать вора, который несомнѣнно долженъ былъ быть одинъ изъ выростковъ, находившихся на станціи, подкинуть деньги въ тихомолку обратно, въ противномъ случаѣ же грозилъ самъ дознаться и наказать вора. Въ теченіи дня деньги не были подкинуты. Когда всѣ собрались ужинать, старикъ сказалъ, что если утромъ деньги не будутъ найдены, то онъ примется серьезно разыскивать вора: „ меня есть такое средство для того“; „а теперь вотъ что: становитесь въ кругъ“. Всѣ встали. Онъ прочелъ торжественно молитву и распустилъ ихъ спать, строго наказавъ, чтобы они утромъ безъ его вѣдома не умывались. На утро денегъ однако не подкинули. Старикъ повелъ каждаго выростка отдѣльно къ колодцу умываться; здѣсь онъ напередъ прочитывалъ какую-то молитву, а потомъ воду подавалъ выростку самъ. Потомъ взялъ новыя возжи. „Ну, говоритъ, время еще не прошло: сказывай, кто взялъ деньги“. Всѣ молчали. „Ну, коли такъ, сказалъ старикъ, хватайтесь за возжи и конайтесь: воръ долженъ выйдти послѣднимъ; тогда ужь, прошу не гнѣваться—буду бить безъ милости“. Выростки схватились за возжи. Старикъ спросилъ: „всѣ ли взялись?“—Всѣ—„А воръ взялся?“—Взялся, отвѣтилъ одинъ выростокъ и былъ такимъ образомъ пойманъ.

Уловки при обнаруживаніи виновнаго.

Употребляли въ прежнее время еще слѣдующій способъ для отысканія вора. Нарѣзавъ изъ дерева маленькихъ палочекъ, пошептавъ надъ ними, раздавали ихъ всѣмъ заподозрѣннымъ въ воровствѣ, для того, чтобъ они подержали ихъ нѣкоторое время во рту, увѣряя при этомъ, что у вора палочка должна вырости. Вѣря этому, воръ откусывалъ кусочекъ палочки и былъ такимъ образомъ

открываемъ. „Но теперь ужъ не тотъ народъ сталъ: его не легко этими фокусами обманешь".

Если виновный не отыскивается, то служатъ молебны Ивану Воину и ставятъ свѣчу „на вынтурь", „вверхъ ногами" для того, „чтобы и преступника также перевернуло" (зап. въ Гниловской, Евтеревской и др. ст.) или „чтобъ загорѣлась совѣсть у преступника" (труды этногр. отд. Императ. Общ. люб. естествозн. М. 1874 г., кн. 3, вып. 1, стр. 80). „Если преступникъ совсѣмъ неизвѣстенъ, разсказываетъ г. Тимощенковъ, то въ наказаніе ему или на погибель его ставятъ обидящую свѣчу. Это обыкновенная свѣча, но только ставимая комлемъ вверхъ. Стараются не ругать и не проклинать укравшаго, но желаютъ ему добра и здравія, даже служатъ молебны за здоровье его. Въ такомъ случаѣ его непремѣнно начнетъ мутить совѣсть" (Тим. l. c.). „Нужно сказать, прибавляетъ другой наблюдатель казацкихъ нравовъ, что такой политикой иногда достигаютъ желанныхъ результатовъ. Бывали случаи, что служеніе молебновъ приводило воровъ къ раскаянію" (Д. О. В. 1874 г., № 33). Если есть на примѣтѣ человѣкъ, котораго можно заподозрить въ совершенномъ воровствѣ, то „на его имя подаютъ просфоры, служатъ панихиды, поминая его, какъ усопшаго. Также берутъ обрѣзокъ украденной вещи, приносятъ въ кузню и кладутъ въ мѣхъ; тотъ кто укралъ, станетъ пухнуть (раздувать его станетъ подобно мѣху) и, не проживъ года, непремѣнно умретъ. То же самое будетъ, если бросить часть того, что украдено, подъ жерновъ мельницы (Тим.). Суевѣрія.

Наконецъ для открытія виновника прибѣгаютъ къ ворожбѣ и гаданью. Во многихъ станицахъ существуютъ особые „угады" и „угадчицы" или „ворожеи" („ворожки"). Эти лица, по словамъ казаковъ, „командиры воровскихъ шаекъ; сами они воровать не ѣздятъ, а лишь укрываютъ воровъ и получаютъ отъ этого барыши". Къ этимъ лицамъ и обращаются за помощью тѣ, у которыхъ украдено. Славится напр. одна Ворожба.

ворожея въ Нахичевани. Къ ней ѣздятъ казаки изъ окрестныхъ станицъ. За два цѣлковыхъ эта ворожея глядитъ въ зеркало и затѣмъ указываетъ мѣсто, гдѣ можно найти украденную вещь. Въ другихъ станицахъ, по словамъ казаковъ, ворожба происходитъ посредствомъ нашептыванія заговоровъ надъ водой. *)

Со своей стороны и совершившіе преступленіе казаки прибѣгаютъ иногда къ суевѣрнымъ средствамъ, чтобы избѣгнуть кары. Для этой цѣли существуютъ особые заговоры, т. н. „молитвы отъ суда", которые довольно распространены въ особенности между казаками, уже судившимися и побывавшими въ тюрьмѣ. **)

---

*) Иногда подобное посредничество между ворами и потерпѣвшими отъ нихъ убытокъ дѣлается болѣе открыто, не замаскировываясь колдовствомъ. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ разсказывали, что, въ случаѣ пропажи скота, казаки не рѣдко ѣздятъ въ Ростовъ на Дону; тамъ извѣстенъ одинъ кабакъ, въ которомъ всегда можно добыть точныя свѣдѣнія о пропавшей скотинѣ. Пріѣхавъ къ кабатчику, хозяинъ говоритъ: „вотъ угнана моя скотина, сколько будетъ стоитъ возвратить ее?"—„Да вотъ нынче наша партія ночевала, отвѣчаетъ ему кабатчикъ: постойка я разузнаю". Съ этими словами онъ уходитъ изъ комнаты и, возвратившись чрезъ нѣкоторое время, требуетъ уплаты извѣстной суммы за возвращеніе обратно скота; за быковъ обыкновенно требуется 15 р., за коня руб. 8. Получивъ деньги, кабатчикъ точно указываетъ мѣсто, гдѣ будетъ украденный скотъ, и казакъ всегда находитъ его тамъ.

**) Вотъ примѣры подобныхъ „молитвъ":

1) „Иду я, рабъ Божій (имя рекъ), изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на встрѣчу мнѣ Мате Великая помощница; пособи и помилуй меня, раба Божьяго (имя рекъ), закрой и защити меня раба Божьяго, (имя рекъ), рукой, и пеленою, и ризою своею отъ суда и пересуда, и отъ раба Божьяго (имя къ кому идешь) урожденнаго, молитвеннаго и крещеннаго, меня, раба Божьяго, молитвеннаго и крещенаго и пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), по пути, по дорогѣ; на той дорогѣ стоитъ храмъ Господень, въ храмѣ стоитъ престолъ, на престолѣ стоитъ гробница, въ гробницѣ лежитъ мертвецъ смирно и крѣпко, сердцемъ н е т р е п е х н е т с я, ногами не ворохнется, руками не подымется, губами не шевелитъ, языкомъ не говоритъ, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) сердцемъ не трепехнулъ, ногами не ворохнулъ,

Возвращаюсь къ разбирательству въ ст. судѣ.

Оцѣнка доказательствъ.

Оцѣнка доказательствъ, представляемыхъ сторонами, совершается не по какимъ либо заранѣе опредѣленнымъ правиламъ, а, говоря словами станичныхъ судей, „соображаясь съ обстоятельствами дѣла", „глядя по человѣку", „по своей совѣсти". У насъ, говорили казаки, другъ друга знаютъ отлично: иной и заплачетъ на судѣ, да ему не повѣрятъ, а пристыдятъ только — э, молъ, казаки слезамъ не вѣрятъ"... „Благонадежнымъ болѣе вѣры"... „Если напр. — говоритъ г. Тимощенковъ — истецъ или обвинитель, человѣкъ всѣмъ извѣстной честности, а отвѣтчикъ или обвиняемый, человѣкъ, уже замѣченный въ чемъ дурномъ, то его обвиняютъ, хотя положительныхъ доказательствъ его вины и не было" (1. с. р. 160). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ ст. судахъ замѣчается стремленіе ко формализму при разбирательствѣ дѣла: неясность доказательствъ или недостаточность уликъ не рѣдко служатъ поводомъ къ оставленію дѣла безъ послѣдствій. Но этотъ формализмъ, повидимому, чуждъ народнымъ воззрѣніямъ и вносится онъ въ ст. суды мудрованіями писарей.

Рѣшеніе.

Выслушавъ всѣ заявленія сторонъ и свидѣтелей, наговорившись вдоволь и обсудивъ дѣло всесторонне, судьи совѣщаются между собою. Въ нѣкоторыхъ станицахъ судьи для этого выходятъ изъ судейской горницы или же, оставаясь сами, высылаютъ изъ нея тяжущихся. Но обыкновенно они совѣщаются въ присутствіи всѣхъ только шепотомъ. Послѣ этого обыкновенно рѣшеніе

руками не подымалъ, губами не шевелилъ, языкомъ не говорилъ всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Носи всегда на крестѣ и, какъ идти къ начальнику или въ судъ, прочитай трижды и ничего не будетъ. (Д. О. В. 1873, № 3).

2) „Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородица и Дѣва, надѣющійся на Тя да не погибнетъ, но да избавится отъ бѣдъ и отъ настоящаго суда. Ты бо еси спасеніе роду христіанскому". Три раза прочесть (зап. въ Чернышевской ст.).

3) „Хорошо помогаетъ: Отче нашъ прочесть на выворотъ, сзади на передъ" (зап. въ Есауловской ст.).

записывается сначала въ книгу и прочитывается вслѣдъ за тѣмъ тяжущимся. По выслушаніи рѣшенія стороны расписываются въ книгѣ въ томъ, довольны ли они имъ или нѣтъ. Неграмотные просятъ расписаться за себя кого-нибудь изъ присутствующихъ грамотныхъ (нерѣдко одного изъ судей). Для этого они подходятъ къ грамотному и подаютъ ему правую руку. Грамотный принимаетъ руку и потомъ расписывается въ книгѣ (отсюда выраженіе: „росписался по рукоданной просьбѣ“). Потомъ рѣшеніе сообщается станичному атаману для приведенія въ исполненіе. Протоколы засѣданій ст. суда записываются въ книгу весьма кратко; иногда они занимаютъ всего нѣсколько строкъ. Нерѣдко показанія свидѣтелей не записываются вовсе. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, особенно въ первые годы послѣ введенія ст. судовъ, приговоры рѣдко заносились въ книгу; они оставались либо вовсе не записанными, либо надписывались на оборотѣ письменныхъ жалобъ; потомъ эти послѣднія кое какъ сшивались всѣ вмѣстѣ и складывались въ станичный архивъ. Такъ напр. было въ ст. Евтеревской.

Исполненіе.

Судебныя издержки.

„Правая сторона“ нерѣдко спрашиваетъ „судебныя издержки“, понимая подъ этими словами, по утвержденію казаковъ, всѣ могарычи, плату писарю за „объявленіе“ и пр.; иногда просятъ заплатить и за потерянное время. Такъ, въ Еланскомъ ст. судѣ, іюня 26, 1881 г., требовалось „за отлученіе изъ дому по суду заплатить по 50 к. за сутки“.

Общій характеръ процеса въ стан. судахъ.

Общій характеръ процеса въ ст. судахъ, сколько мнѣ извѣстно, сходенъ съ процесомъ въ судахъ волостныхъ остальной Россіи. Начало примиренія примѣняется весьма широко; дозволяется мириться даже послѣ постановленія судьями рѣшенія. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казаки утверждали, что въ дѣлахъ о кражѣ, если бъ даже стороны и помирились, судьи все же налагаютъ наказаніе. „Различія между однородными преступленіями, совершенными при различныхъ обстоятельствахъ времени, мѣста, какъ то: совершено ли

преступленіе днемъ или ночью, со взломомъ или безъ взлома, изъ подъ караула или съ открытаго поля и т. п. не дѣлается" (Тим.). Дѣло рѣшаютъ, „глядя по человѣку". „Грѣхъ пополамъ" также примѣняется—въ дѣлахъ запутанныхъ при недостаткѣ доказательствъ или при неумышленномъ причиненіи вреда (напр., если одинъ по невѣдѣнію скосилъ на пайкѣ у другаго траву). Этотъ же способъ рѣшенія примѣняется и „въ случаѣ погибели скота во время ѣзды, пастьбы" (Тим. p. 158). „Ошибку въ фальшъ не ставятъ". Нерѣдко случается, что дѣятельность суда выходитъ изъ рамокъ предъявленнаго иска. Такъ напр., одна казачка проситъ присудить ей вознагражденіе за убытки, понесенные ей при сватаніи своего сына (свадьба разошлась). Судъ постановляетъ удовлетворить ея просьбу, но, кромѣ того, опредѣляетъ наказать невѣсту общественными работами за насмѣшки надъ своимъ женихомъ, между тѣмъ какъ на это никто не жаловался. Подобныя рѣшенія встрѣчаются нерѣдко. Если изъ разбирательства дѣла выяснится, что виновнымъ оказывается третье лицо, на судѣ не присутствующее и въ объявленіи истца не указанное, то судьи нерѣдко заочно рѣшаютъ его наказать. Къ нему является полицейскій для приведенія въ исполненіе рѣшенія, между тѣмъ какъ онъ ничего не знаетъ (на сколько это распространено—не знаю). Въ самомъ судоговореніи замѣчается, какъ было помянуто уже, полнѣйшее отсутствіе формализма. Говорятъ всѣ, не соблюдая очереди, и судьи, и тяжущіеся, и свидѣтели, и посторонніе лица. Община въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые собрались слушать разбирательство дѣла и открыто высказываютъ свое одобреніе или порицаніе, оказываетъ до нѣкоторой степени свое воздѣйствіе на самихъ судей. Сами судьи также вступаютъ въ споры съ тяжущимися, со свидѣтелями и другъ съ другомъ и, высказывая свои сомнѣнія и несогласія съ мнѣніемъ остальныхъ, пускаютъ въ ходъ шутки, подтруниванья и брань. Все это дѣлается открыто и прямо. Вообще формальная сторона въ ст.

судахъ отодвигается на задній планъ: часто судьи не подписываются подъ своими рѣшеніями или подписываются не всѣ; номера рѣшеній спутаны, иногда не выставлены вовсе, книги рѣшеній часто не берегутся и т. п.

Вліяніе мировыхъ судей.

Не знаю, какъ въ другихъ станицахъ, но въ ст. Казанской, по утвержденію г. Тимощенкова, въ первое время послѣ введенія ст. судовъ Положеніемъ 1870 г. „дѣло шло довольно хорошо: граждане нисколько не замѣчали разницы между прежнимъ судомъ и этимъ новымъ, но потомъ, когда въ станицѣ была открыта камера мироваго судьи, положеніе дѣла измѣнилось. Многіе старинные обычаи и правила при этомъ не только перестали быть закономъ, но даже подверглись преслѣдованію, и ст. судъ былъ парализованъ, потерялъ всякую силу и значеніе. Не имѣя (въ Положеніи) на все точнаго указанія, судъ изъ боязни отвѣтственности за превышеніе власти сталъ принимать къ своему разбору только гражданскіе споры и тяжбы. Изъ преступленій же онъ считаетъ маловажными и подлежащими его разбирательству только развѣ либо проступки противъ дисциплины, или трезвости (непослушаніе и пьянство). Воровство же напр. онъ не принимаетъ къ разбору, хотя бы оно было учинено на одну только копѣйку“ (1. с. р. 157). Лично мнѣ также неоднократно приходилось встрѣчать въ станичныхъ архивахъ подобные отказы въ искѣ по мнимой неподсудности дѣла ст. суду.

Недостатки станичнаго суда.

Вообще говоря, нынѣ ст. суды на пространствѣ всей Области Войска Донскаго крайне непопулярны: отовсюду слышатся жалобы на нихъ, и они потеряли окончательно довѣріе къ себѣ населенія *). Причины этого прежде всего кроются въ слабости станичной и хуторской власти, влекущей за собой медленность въ производствѣ дѣла. Привлечь отвѣтчика на судъ сопряжено

---

*) Нижеслѣдующія свѣдѣнія сообщаю со словъ казаковъ; лично провѣрить ихъ не имѣлъ времени.

нерѣдко съ большими усиліями. Случается, что судьи посылаютъ къ отвѣтчику до 8—9 повѣстокъ, остающихся безъ желаннаго результата. Это происходитъ отъ того что во многихъ мѣстахъ повѣстки на хутора посылаются не съ разсыльными, а когда представится случай („съ оказіей"). Напр. повѣстку поручаютъ свезти проѣзжающему мимо выростку изъ одного съ отвѣтчикомъ хутора. Мальчикъ либо забудетъ отдать ее во время, либо затеряетъ дорогой — и начинается проволочка. Бываетъ и такъ: повѣстку получаетъ хуторской атаманъ и относитъ ее къ вызываемому въ судъ лицу, но послѣдняго нѣтъ дома, и повѣстка оставляется тамъ на произволъ судьбы: ее либо затеряетъ жена вызываемаго, либо разорвутъ дѣти, либо уничтожитъ самъ вызываемый, пользуясь случаемъ отговориться, что онъ ее не получалъ. Иногда получившій повѣстку прямо отказывается ѣхать въ назначенный день, отговариваясь недосугомъ: „въ другой разъ съѣзжу, а теперь некогда, пускай штрафуютъ, коли хотятъ". Наконецъ, изъ станицы предписывается поселковому атаману привести вызываемаго на судъ силой. Но этотъ послѣдній „замогарычитъ" атамана, и тотъ распишется въ полученіи повѣстки нѣсколько позже и привезетъ виновнаго въ станицу тогда, когда уже всѣ судьи разошлись. Чтобы привести на судъ отвѣтчика, живущаго въ самой станицѣ и неявляющагося, не смотря на неоднократныя повѣстки, посылаютъ къ нему „полицейскаго". Но отвѣтчикъ либо запрячется гдѣ-нибудь на базу у сосѣда, либо „замагорычитъ" полицейскаго, и послѣдній, возвратясь въ станичное правленіе, объявляетъ, что не нашелъ его. Штрафы же за неявку взимаются станичными властями весьма неохотно, такъ какъ большинство штрафуемыхъ приходятся имъ либо родственниками, либо кумовьями, либо пріятелями. То же самое повторяется и при приведеніи въ исполненіе приговора ст. суда: атаману то совѣстно безпокоить близкаго ему человѣка, то трудно заставить обвиненнаго подчиниться рѣшенію, если

послѣднiй человѣкъ сильный. Поэтому рѣшенія станичнаго суда подолгу остаются безъ исполненія.

Увеличиваетъ плохое веденіе дѣлъ въ ст. судахъ и чрезвычайно плохой составъ самихъ судей (Д. О. В. 1881 г., № 64). Какъ уже было выше указано, казаки исполняютъ обязанности судьи весьма неохотно и небрежно. Казаки зажиточные и домовитые, вслѣдствіе незначительнаго жалованья, стараются устранить себя отъ этой должности, и въ судьи попадаютъ весьма нерѣдко пьяницы и плохіе станичники. Въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ разсказывали, что на сборахъ выберутъ въ судьи сначала хорошаго казака, но онъ проситъ у станицы прибавки жалованья, такъ какъ иначе ему не выгодно отрываться отъ хозяйства. Но въ это время его перебиваетъ другой казакъ изъ плохихъ, заявляя что онъ желаетъ послужить обществу даромъ или за малое вознагражденіе. Его и выбираютъ. Однако такой судья вознаграждаетъ себя тѣмъ, что безъ зазрѣнія совѣсти беретъ взятки. Бываетъ и такъ: когда выбранный въ судьи хорошій казакъ проситъ прибавки жалованья, общество отвѣчаетъ ему: „а, такъ ты не хочешь служить, какъ мы велимъ; ну такъ ступай себѣ, а мы другаго поищемъ“, и назначаютъ въ судьи того, кто согласенъ служить за предлагаемое вознагражденіе. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки признавались, что они рады бы прибавить судьямъ жалованье, но боятся, что въ этомъ случаѣ „въ судьи полѣзетъ человѣкъ, который иначе бы никогда не попалъ туда“. Этимъ казаки намекали на офицеровъ и чиновниковъ. Такъ въ одной ст. казаки указывали на одного есаула, говоря: „прежде ловилъ себѣ рыбу, никому не мѣшалъ, а нынѣ дали судьямъ хорошее жалованье, и онъ попалъ въ судьи, потому что угостилъ избирателей; теперь мудритъ, все по своему хочетъ сдѣлать, все на законъ какой то указываетъ, а намъ отъ этого стѣснительно“.

Рѣшительно во всѣхъ мною посѣщенныхъ станицахъ казаки утверждали въ одинъ голосъ, что безъ могары-

чей на судѣ ничего нельзя сдѣлать. „Когда приносишь судьѣ прошеніе слѣдуетъ его угостить; чтобы разсудилъ дѣло — опять угостить; по окончаніи дѣла — опять угостить". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сказывали, что судьи прямо заявляютъ при пріемѣ прошенія, что они безъ водки судить не будутъ. Въ иныхъ мѣстахъ судьи не принимаютъ письменныхъ жалобъ, если онѣ написаны не ихъ писарями. Кромѣ угощенія водкой, судьямъ иногда дѣлаютъ подарки: приносятъ поросятъ, сало, сахаръ и проч. Иногда судьи получаютъ отъ обѣихъ сторонъ по взяткѣ и склоняются въ пользу давшаго больше. Вслѣдствіе этого и случается, что давшій судьямъ взятку и, не смотря на это, все-таки проигравшій дѣло заявляетъ объ этомъ публично на судѣ и громко бранитъ судей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вошло въ обычай кончать дѣло въ шинкѣ. Сообщенное мною подтверждается и мѣстными наблюдателями народнаго быта. Такъ напр. г. А. Юренинъ разсказываетъ слѣдующее. „Изъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ я убѣдился, что общая организація ст. судовъ совершенно не соотвѣтствуетъ указаніямъ Положенія объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ. Такъ въ одной изъ станицъ станичные судьи, по жалобамъ частныхъ лицъ, подверглись преслѣдованію за злоупотребленія по должности, которыя заключались въ томъ, что одинъ изъ судей, исполнявшій свои обязанности въ числѣ трехъ товарищей, опредѣленныхъ станичнымъ сходомъ, пользуясь неграмотностью и неопытностью послѣднихъ и дабы не упустить благопріятнаго времени для обезпеченія своего состоянія, изобрѣлъ своеобразную систему рѣшенія дѣлъ; а именно: принимая непосредственно отъ истцовъ жалобы, подлежащія или неподлежащія разсмотрѣнію ст. суда, прежде разсмотрѣнія ихъ, объѣзжалъ по поселкамъ или посѣщалъ въ самой станицѣ всякаго прикосновеннаго къ дѣлу обывателя и входилъ съ нимъ въ соглашеніе относительно количества вознагражденія себѣ за направленіе и исходъ дѣла; а потомъ подговоренный у него для этой же цѣли

тайный письмоводитель, служившій ему тѣмъ, что училъ его обдѣлывать подобныя дѣлишки, писалъ ему вчернѣ рѣшеніе суда и разумѣется въ пользу той стороны, которая превзошла другую своей щедростью. Переписанное рукой судьи рѣшеніе прочитывалось другимъ судьямъ — товарищамъ, которые, по крайней неопытности, всегда соглашались съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ подобныхъ рѣшеніяхъ, и тѣмъ рѣшеніе дѣла оканчивалось. Все это было такъ ловко обдѣлываемо, что судья ни по какой жалобѣ, хотя ихъ было много, не былъ признанъ виновнымъ. Но наконецъ онъ запутался. Однажды въ питейномъ заведеніи онъ вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ выронилъ изъ кармана черновое рѣшеніе своего тайнаго письмоводителя, которое и попалось на грѣхъ въ руки одной изъ тяжущихся сторонъ, да еще той, противъ которой оно было составлено. Въ другой станицѣ поселковымъ атаманомъ было донесено начальству, что станичные судьи, пьянствуя на счетъ тяжущихся сторонъ, производятъ судъ и рѣшаютъ дѣла въ питейныхъ заведеніяхъ... Послѣдствіемъ всего этого—что на станичныхъ судахъ никогда не практикуется надлежащій разборъ дѣла и собственно потому, что станичные судьи не обладаютъ надлежащей грамотностью, а слѣдовательно и знаніемъ установленныхъ правилъ на этотъ предметъ, поэтому-то мировымъ съѣздамъ приходится рѣшенія ст. судовъ, представленныя на кассацію, не признавать въ формѣ судебныхъ рѣшеній" (Д. О. В. 1878 г., № 27).

Судейскій писарь.

Вредное вліяніе на суды оказываютъ и „судейскіе писаря". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вліяніе писаря столь велико, что онъ собственно и ведетъ засѣданіе, а судьи являются послушными исполнителями его предписаній. Писаря эти, повидавшіе кое-что на своемъ вѣку, побывавшіе въ камерахъ мировыхъ судей и въ окружныхъ судахъ, дѣлаются проводниками чуждыхъ народному быту началъ, полагая нерѣдко въ основаніе своихъ рѣшеній различныя статьи X т. св. з. Подобно писарямъ поступаютъ и судьи изъ болѣе грамотныхъ и „бывалыхъ":

они очень любятъ блеснуть своими познаніями въ X т. Въ одной станицѣ мнѣ указывали на старика казака, который въ своей средѣ слыветъ за грамотѣя. Часто на сходахъ, точно такъ какъ и на судахъ, онъ возвышаетъ свой голосъ, говоря: „ну чего вы дерете глотку?! а глядѣли вы въ десятый томъ... законъ вѣдь!" И все смолкаетъ передъ этимъ возгласомъ, и часто дѣлается такъ, какъ хочетъ онъ. Самъ же онъ признавался въ откровенный часъ, что X т. и въ глаза не видалъ. Иногда подобное нарушеніе народныхъ обычаевъ дѣлается по невѣдѣнію. Такъ напр. одинъ станичный судья мнѣ сообщалъ, что самъ станичный атаманъ (изъ офицеровъ) на его вопросъ, чѣмъ руководствоваться при рѣшеніи запутанныхъ дѣлъ, указалъ ему на X т., которымъ онъ и пользовался какъ умѣлъ.

Что касается до адвокатовъ („авлакаты" *), то они хотя, по словамъ казаковъ, не допускаются на ст. суды, но оказываютъ свое вліяніе тѣмъ, что научаютъ судей при неправильныхъ рѣшеніяхъ обставлять дѣло такъ, чтобы не было „ни сучка, ни задоринки".

Вторженіе началъ, чуждыхъ народнымъ воззрѣніямъ.

Всѣ эти постороннія вліянія приводятъ къ тому, что въ ст. судахъ находятъ мѣсто несвойственныя народному быту начала и проявляется, вопреки народнымъ воззрѣніямъ, стремленіе къ формализму и казуистикѣ. Такъ напр. часто оставляютъ жалобу безъ послѣдствія потому, что не указано мѣстожительство

*) „Въ послѣднее время, сообщаютъ изъ ст. Кременской, появилась у насъ еще одна отрасль промышленности—адвокатство. У насъ считается до 6 адвокатовъ, въ томъ числѣ одна женщина. Благодаря адвокатамъ, въ 1873 г. къ мировымъ судьямъ вызывалось 1,764 человѣка. Въ настоящее время станичники наши уже стали остерегаться адвокатовъ: при свиданіи съ ними, они ограничиваются только поклонами и сниманіемъ шапокъ; но рукожатія въ особенности не грамотными людьми уже не дѣлается, чтобы адвокатъ не могъ при случаѣ представить росписку на деньги съ такимъ доказательствомъ, что онъ, молъ, (такой-то) давалъ руку (такому-то), а руку давалъ-дескать просилъ у него по неграмотству расписаться въ занятыхъ яко бы деньгахъ". (Д. О. В. 1874 г. № 48).

истцовъ и отвѣтчиковъ, причемъ это дѣлается, по словамъ Д. О. Вѣдомостей, изъ желанія судей щегольнуть знаніемъ законовъ и придерживаться общихъ судебныхъ формъ, тогда какъ всѣ жители станицы и хуторовъ могутъ быть вытребованы во всякое время чрезъ станичное правленіе (Д. О. В. 1875 г., № 98). При жалобахъ лицъ, недовольныхъ рѣшеніемъ ст. суда, строго обращаютъ вниманіе на ф о р м у жалобы: если она написана не на имя мироваго съѣзда, а въ станичный же судъ или безъ поименованія бумаги, то это служитъ достаточной причиной для оставленія жалобы безъ послѣдствій, тогда какъ можно легко исправить ошибку. Этотъ случай въ § 50 Положенія не разъясненъ, народъ же неграмотенъ и о формѣ понятія не имѣетъ, а писакѣ ученому платить рубль для него стѣснительно. (ibid)

Народъ недоумѣваетъ, наталкиваясь на всѣ эти порядки, чуждые и непонятные для него, въ недоумѣніи останавливается и передъ сильнымъ для него словомъ—„законъ велитъ" и рѣшаетъ наконецъ все это приписать продѣлкамъ судей и писарей, что и приводитъ его къ такому заключенію относительно станич. суда: „нашъ станичный судъ—трава, вотъ и все; ничего онъ не стоитъ; иной разъ по неволѣ пойдешь на мировую, коли видишь, что судьи неправую сторону держатъ—посмотришь, посмотришь да и плюнешь, самому вѣдь некогда время то терять". „Шемякинскій судъ нашъ—нѣтъ ему больше прозванія"...

Отношеніе стан. судовъ къ иногороднимъ.

Особенною несправедливостью, по общимъ отзывамъ, отличаются ст. суды по отношенію къ крестьянамъ и къ иногороднимъ. Въ дѣлахъ крестьянина съ казакомъ рѣдко первому удается добиться справедливаго рѣшенія судей. Причина этого кроется въ томъ антагонизмѣ между крестьянами и казаками, о которомъ было помянуто выше.

Иногда ст. суды разбираютъ жалобы, превышающія ихъ компетентность (Д. О. В. 1881, № 4): напр. по дѣламъ о порубкѣ, которыя изъяты изъ вѣдѣнія ихъ по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго

Совѣта 22 февраля 1877 г. о мѣрахъ сбереженія ст. лѣсовъ; или дѣла о неисполненіи повинностей и общественныхъ работъ, которыя подвѣдомственны станичному атаману и пр.

Случается, что и ст. судьи превышаютъ свою власть, принимая на себя функціи полицейско-административныя. Обнаруживается это, по словамъ г. Юренина, „преимущественно тѣмъ, что они отправляютъ изъ питейныхъ заведеній подъ арестъ разныхъ лицъ, въ чемъ либо не сошедшихся съ мнѣніемъ судей или уклонившихся отъ угощенія“ (Д. О. В. 1878, № 27).

Объ отношеніи ст. атамановъ къ ст. суду и о степени вліянія ихъ на судей у меня точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ видѣ иллюстраціи ко всему сказанному о ст. судѣ привожу точное воспроизведеніе нѣсколькихъ изъ тѣхъ засѣданій, на которыхъ мнѣ довелось присутствовать. Засѣданія.

Засѣданіе Маріинскаго станичнаго суда въ іюлѣ 1883 г.

Въ Маріинскомъ ст. судѣ.

Для засѣданія отведена очень тѣсная и неопрятная комнатка рядомъ съ канцеляріей стан. атамана. Четверо судей сидятъ въ рядъ около небольшаго грязнаго стола. Въ сторонѣ за другимъ столомъ помѣщается писарь, который во все время засѣданія пишетъ разныя бумаги и въ разбирательство дѣла не вмѣшивается.

1 судья (читаетъ жалобу, изъ которой видно, что казачка N жалуется на своего дядю NN, отнимающаго у ней садъ, принадлежавшій покойной матери ея— на томъ основаніи, что послѣдняя (мать) вышла вторично замужъ. Истица проситъ «войти въ разбирательство дѣла и удовлетворить»). Такъ онъ добровольно не даетъ?

Казакъ Тюринъ (мужъ истицы, въ теченіе всего разбирательства говорящій за жену, которая стоитъ подлѣ него). Никакъ не желаетъ дать...

1 суд. Да какъ дѣло то было: я что то не разумѣю?..

2 суд. Кто завѣщатель былъ?

Тюринъ. Да вотъ видите, господа судьи, дѣло совсѣмъ просто. Сначала садъ получили братъ и сестра т. е. теща то моя. Теща умерла, такъ ея часть моей женѣ идти должна...

1 суд. Нужно было бы это дѣло къ мировому... по закону...

Тюр. У насъ вѣдь законъ то одинъ...

3 суд. Хорошо, если помиритесь, а если нѣтъ—тогда что?

Тюр. Ну, тогда къ мировому: вѣдь это не долго.

1 суд. (указывая на жалобу). Ничего у васъ тутъ не сказано: сколько деревъ, какой садъ, какія деревья... вѣдь въ саду можетъ быть и два дерева и три дерева...

2 суд. Можетъ и тридцать деревъ.

Тюр. Бабы должны знать, а я не былъ и не видалъ.

2 суд. Какъ, даже не былъ!..

Тюр. Да былъ я..., да плохо помню.

1 суд. (послѣ нѣкотораго молчанія). Да... садъ то собственно ей принадлежитъ? (указываетъ на истицу).

Тюр. Ей. Она вѣдь наслѣдница... А онъ говоритъ: какъ теща замужъ пошла—лѣтъ десять тому—то она потеряла право.

2 суд. (послѣ всеобщаго молчанія). Да дѣло то, кажется, намъ неподсудно.

3 суд. То-то и есть: какъ правильно то будетъ?! (4-й судья смотритъ на него и молча киваетъ головой).

Тюр. Да ужъ сдѣлайте одолженіе... Мы... (Въ это время въ двери показывается молодой рослый казакъ въ голубомъ мундирѣ Атаманскаго полка).

1 суд. (прерывая Тюрина и обращаясь къ вошедшему). На васъ жалоба. Вы въ шинкѣ дрались вчера...

Казакъ въ голубомъ мундирѣ. Что жь; я не отказываюсь... Только что...

1 суд. Ну вотъ обождите: придетъ онъ и свидѣтели, тогда... Садитесь вонъ тамъ. (Молчаніе. Судьи шепчутся между собой. Проходитъ чрезъ горницу ст. атаманъ).

Атаманъ. Ну что же: скоро начнете?

Суд. 1 и 3. Да разбираемся... Свидѣтелей нѣтъ.

Атаманъ. А! ну придутъ—погодите... (Уходитъ. Судьи вполголоса разбираютъ по складамъ «объявленіе» казака З на казака X «въ томъ, что онъ нанесъ ему побои вчера въ шинкѣ». Входитъ З).

1 суд. (къ вошедшему). Свидѣтелей надо твоихъ.

Казакъ З. Можетъ и такъ сознается?

Казакъ X (въ голубомъ мундирѣ). Не билъ я его, а только...

1 суд. (къ З.) Видишь, не сознается онъ...

Каз. X. Съ братомъ его, Григоріемъ, я точно дѣло имѣлъ—въ томъ не отрекаюсь, а съ нимъ не имѣлъ.

Каз. З (къ X.) А кто же билъ то?

Каз. X. Не могу знать: ужъ это не мое дѣло.

Каз. З. Какъ же: вѣдь ты меня билъ!

Каз .X. Я потому билъ, что ты вступался...

Каз. З. Ну вотъ свидѣтелей то допросятъ.

1 суд. Значитъ, вы его били?

Каз. X. Быть можетъ я и виноватъ... только...

2 суд. (къ каз. X.) Ну, говори: бралъ ты его за грудки?

Каз. X. Да говорю же я... Я сорвалъ шинель съ него, съ Григо-

рія то, и шапку сорвалъ. Потомъ его такъ и нашли: сидитъ на шинели. А вотъ онъ (указывая на истца) вступился, сталъ на меня кидаться...

Каз. З. Не кидался я...

Каз. Х. Нѣтъ, кидался. Я видѣлъ, какъ ты противъ меня другихъ звалъ...

Каз. З. Ты видѣлъ?!

Каз. Х. Да, самъ видѣлъ.

Каз. З. Кого же я звалъ?

Каз. Х. Я самъ видѣлъ...

Каз. З. (со злобой). Ахъ ты... чтобъ тебѣ...

Судьи Постойте, постойте... погодите! (входятъ свидѣтели).

1 суд. (къ одному изъ свидѣтелей). Что вы знаете по этому дѣлу? (указываетъ на истца и отвѣтчика).

1 свидѣт. Вотъ онъ (указываетъ на отвѣтчика) больно билъ его (указываетъ на истца). Въ правое ухо билъ...

Каз. З. Вотъ видите...

1 суд. (къ отвѣтчику мягкимъ тономъ). Если вы въ самомъ дѣлѣ обидѣли—принесите извиненіе.

Каз. Х. Никакъ не могу, господа судьи.

2 суд. (къ обоимъ). Погодите-ка вмѣстѣ...

1 суд. (къ 2-му свидѣтелю). А ты что видѣлъ?

2 свидѣт. Вхожу я въ кабакъ—тамъ драка. А больше не помню: самъ хмѣленъ былъ...

3 суд. Свидѣтелей нѣтъ еще... а надо спросить бы (судьи глядятъ письменную жалобу, въ которой обозначены имена свидѣтелей).

1 суд. Да, не всѣ (къ тяжущимся). Дождитесь: свидѣтели не всѣ еще.

2 суд. (шепчетъ на ухо 1-му, потомъ громко). Полицейскаго! (входитъ полицейскій).

1 суд. Сходи ка, братъ, за свидѣтелями: чего они не идутъ...

Полицейск. Заразъ. Я ихъ приведу.

Каз. Х. (не громко). А если я оскорбилъ, такъ я съ его братомъ ссорился, а онъ вступился... (Входятъ старикъ и женщина. Тюринъ, стоявшій все время въ сторонѣ, приближается къ столу).

Тюр. (къ судьямъ). Ну, теперь разсудите.

1 суд. (къ вошедшему старику). Вотъ на тебя Тюринъ съ женой жалуется: садъ ты у нихъ отбираешь.

Отвѣтчикъ. Я садъ не бралъ, а бралъ мой отецъ, а я до него не касался.

1 суд. То есть... Твой отецъ ужъ померъ?!

Отвѣт. Померъ. А когда помиралъ, онъ сказалъ... былъ болѣнъ и сказалъ: не давай имъ садъ...

1 суд. Это не резонъ. Если онъ тебя не ввелъ во владѣніе... вѣдь она наслѣдница.

Отвѣтъ. (съ легкой усмѣшкой). Да она пришла бы да и отобрала... что жъ она?..

Тюр. Отецъ его при смерти не былъ въ умѣ.

1 суд. (къ отвѣт.). Не грѣхъ ли тебѣ?! Ты имъ не чужой вѣдь... Если бы онъ завѣщалъ—отецъ-то твой—такъ вѣдь извѣстно было бы.

Отвѣтъ. Это не мое ужъ дѣло: знаю, что онъ мнѣ говорилъ... А вѣдь теперь ужъ сколько времени прошло... законъ вѣдь тоже..

1 суд. Здѣсь законъ-закономъ, да самому-то совѣстно должно быть.

2 суд. Вѣдь ты не по праву садомъ-то завладѣлъ.

Отвѣтъ. Вѣдь говорю же я вамъ: родительское слово...

3 суд. Если бы завѣщаніе было, да ты бы представилъ духовное-то завѣщаніе, а то...

Отвѣтъ. Словесно было завѣщано... У меня вотъ у самого теперь завѣщаніе есть: написалъ самъ на бумагѣ, а въ правленіе не носилъ.

1 суд. (съ участіемъ). Такъ вотъ что, братъ: ты засвидѣтельствуй лучше—вотъ совѣтъ мой тебѣ; представь въ правленіе.

3 суд. Ты чего-же его не представилъ то?

Отвѣтъ. Да вотъ представлю.

1 суд. Засвидѣтельствуй: отъ грѣха дальше, а то, не ровенъ часъ, помрешь, такъ споры пойдутъ, кости тревожить станутъ.

Отвѣтъ. Да я засвидѣтельствую.

1 суд. (къ женѣ Тюрина). Сколько лѣтъ, какъ дѣдъ-то померъ?

Истица (робко). Пятнадцать лѣтъ...

2 суд. (тихо первому). Охо!

1 суд. Ну, какъ же ты до сихъ поръ не жаловалась на него?

Истица. Да онъ меня не обижалъ.

Тюр. Онъ не обижалъ, пока жили съ нимъ въ мирѣ, а теперь поссорились—вотъ онъ и отбираетъ.

1 суд. А ягоды вмѣстѣ собирали?

Истица. Онъ не воспрещалъ.

1 суд. (къ отвѣт.). Ты простосердечно объясни намъ: вѣдь она прямая наслѣдница? Можно ли это опровергать: какъ ты полагаешь?..

Отвѣтъ. А я не наслѣдникъ, если родитель оставилъ?! Вы судьи—посудите сами.

1 суд. (нѣсколько нерѣшительнымъ голосомъ). Завѣщанное не имѣетъ силу, если нѣтъ завѣщанія... а твой отецъ не оставилъ завѣщанія: значитъ онъ и объ ней (указывая на истицу) думалъ.

Отвѣтъ. Да чего-жъ она столько годовъ-то думала?

1 суд. Ну тамъ разсказывай еще!... А она все же наслѣдница. Если нѣтъ данныхъ, то нельзя никакъ къ себѣ пріобрѣсти.

Отвѣтъ. А срокъ-то?!...

1 суд. (запинаясь). Гм... такъ что жъ, что давно?... У меня вотъ братъ мой тоже огородилъ плетнемъ изъ сада половину, я вернулся со службы да и говорю: ты что же дѣлаешь-то...

Каз. X. (приблизившись къ столу). Господа судьи, мы христіански простились.

Каз. 3. Миръ заключить хотимъ...

Суд. 2. Ну, что жь, въ часъ добрый...

Суд. 3. Надумали?...

Суд. 2. Только росписаться надо...

1 суд. Погодите. Дайте дѣло-то разобрать... (продолжая къ отвѣт.). Да мы вѣдь въ этомъ дѣлѣ сторона. Намъ легче у тебя оставить, чѣмъ отбирать, да самому то тебѣ должно стыдно быть.

Отвѣт. Да я вѣдь все почти своимъ трудомъ пріобрѣлъ. У нихъ все пропало: кружовникъ померзъ, яблоня не родила... Все я поправилъ...

1 суд. Да нужно какъ нибудь покончить! (Наклоняется къ остальнымъ судьямъ, всѣ шепчутся. Отвѣтчикъ, не желая слушать разговоръ, отходитъ въ сторону и завязываетъ разговоръ съ Тюринымъ сначала вполголоса, потомъ все громче и громче; въ ихъ споръ вступаютъ и женщины).

1 суд. (съ досадой къ отвѣт.). Да ну перестань, довольно говорилъ-то!..

Сторонній (къ отвѣт.). Ты подожди: чего зубы то забиваешь — когда будутъ спрашивать, тогда говори...

1 суд. (къ истицѣ). По смерти дѣда у кого садъ то былъ?

Истица. У дяди былъ.

1 суд. Что жь за причина, что ты дядѣ садъ то отдала?

Истица. Да вѣдь я тамъ не жила: наша хата съ другаго конца.

2 суд. Почему же ты надумала судиться?

Ист. Обижать сталъ насъ дядя-то.

1 суд. Вамъ-бы помириться: вѣдь злоба конечно что бываетъ, да и простить другъ друга надо.

Тюр. Да раздѣлить—вотъ и все...

Отвѣт. (передразнивая). Раздѣлить! вишь ты какъ скоро порѣшилъ... (Начинается шумъ и брань).

2 суд. Не кричите... погодите... полно вамъ!...

1 суд. (къ отвѣт.). Ну, попользовались садомъ и будетъ. Теперь имъ отдай: пускай теперь они попользуются..

Жена отвѣтчика. Мы такъ не ладились.

1 суд. (дѣлая нетерпѣливое движеніе). Извѣстно: владѣніе переходитъ къ родственникамъ... Вы, положа руку на сердце, скажите — такъ ли это...

2 суд. Да помиритесь и уступите, какъ родственники...

3 суд. Извѣстно—по родственному.

Отвѣт. А срокъ-то?! Сколько годовъ-то прошло!...

Сторонній. Да кто бы ни отбиралъ—все равно есть наслѣдникъ.

Отвѣт. По закону, говорятъ... Вы судьи, а я не знаю. Надо бы ей, кажется, раньше заявить.

1 суд. Да что ей заявить-то?! Она его считала своимъ...

2 суд. Э-эхъ!... (Судьи начинаютъ шепотомъ совѣщаться, пожимаютъ плечами, качаютъ головой).

1 суд. (къ тяжущимся). Ваше дѣло отлагается. Мы справимся со статьями. Скоро вы повѣстки получите... (Обѣ стороны кланяются и уходятъ).

2 суд. (во слѣдъ). А можетъ быть надумаете: мировую сказку напишите!...

1 суд. (къ каз. X.). А вы мириться хотите?

Каз. X. Такъ точно. (Къ истцу). Прости меня З. (кланяется въ ноги).

Каз. З. Ну и меня прости (кланяется въ ноги).

1 суд. Ну, ну въ часъ добрый!

2 суд. По долгу христіанскому...

3 суд. По закону Божьему... (Судьи встаютъ и выходятъ изъ-за стола).

Въ Верхнекурмоярскомъ ст. судѣ.

Засѣданіе Верхнекурмоярскаго станичнаго суда въ іюлѣ 1883 г.

Тѣсная судейская комната. Въ углу подъ иконой покрытый темнымъ сукномъ столъ, за которымъ сидятъ трое судей. На стѣнѣ портретъ Государя Александра Александровича. Въ дверяхъ толпятся зрители.

Судьи (общими силами съ трудомъ разбираютъ письменную жалобу о побояхъ). Около... въ питейномъ завед... ударомъ палк... рана выше лѣваго... глаза... въ безпамятствѣ... лежащему... чувствуетъ боль, круженіе въ головѣ... Вдобавокъ: рубаху... нѣтъ: порвалъ рубаху и сертукъ... Свидѣтели... семь рублей пятьдесятъ копѣекъ...

1 суд. Ну, господа свидѣтели, дѣйствительно видѣли вы? Вы, конечно, станете предъ портретомъ вотъ Государя Императора вѣрно сказывать...

Отвѣтчикъ. Позвольте, господинъ судья...

1 суд. Подождите. Не ваше теперь дѣло.

1 свидѣт. Истину—правду скажу... мнѣ что жъ... Вотъ было какъ: пришли мы въ кабакъ, выпили съ N. (истецъ) водки...

1 суд. Вы, видно, полагаете..

1 свидѣт. Да позвольте: надо по порядку... Мы выпили по стакану водки... Ну выпили водки. Тутъ подошелъ NN. (отвѣтчикъ). Подошелъ, значитъ, этакъ (дѣлаетъ жестъ руками)...

1 суд. Вы скажите: били вы его или нѣтъ?

1 свидѣт. Нѣтъ. Я вышелъ, а когда подошелъ къ двери, то NN. ударилъ N...

1 суд. За что?

1 свидѣт. Не могу знать.

1 суд. (помолчавъ). Вы ничего не добавите?

1 свидѣт. Кровь, какъ изъ рѣзаннаго барана полила...

1 суд. Ну, отлично. (Къ другому). А вы что можете сказать?

2 свидѣт. Я прибѣжалъ: крикъ услыхалъ... Ну прибѣжалъ. Гляжу: кровь сильно течетъ...

1 суд. Кто же ударилъ?

2 свидѣт. Не могу знать. Сдѣлался шумъ: кричатъ NN., NN., а мимо меня NN-то и пробѣжалъ вонъ изъ кабака. (1 суд. записываетъ въ книгу; общее молчаніе).

1 суд. (къ свидѣт. 1). Ну, а какъ рубашку рвалъ, видѣли?

1 свидѣт. Нѣтъ, не видѣлъ. (1 суд. пишетъ. Опять молчаніе).

Отвѣт. Я хочу сдѣлать встрѣчный искъ.

1 суд. Вамъ объявлено было чрезъ полицію, тогда и подавать надлежало. А теперь при допросѣ свидѣтелей я не могу...

Отвѣт. Когда же? Мнѣ сказали сегодня, а вы должны за два дня...

1 суд. Да за вами посылали полицейскаго, чтобъ сюда привести...

Отвѣт. Я не видалъ... Въ рабочее время развѣ мы дома: вамъ вѣдь извѣстно...

1 суд. Давича ходили къ вамъ...

Отвѣт. Да я понимаю самъ: не ребенокъ, чай...

1 суд. Такъ чего жъ вы домогаетесь?!

3 суд. Въ четвертый разъ дѣло назначено изъ-за васъ.

Отвѣт. (къ истцу). Здѣсь вашъ родственникъ судить будетъ: прошу удалить.

1 суд. И будетъ удаленъ. (Одинъ изъ судей встаетъ и отходитъ въ сторону).

Отвѣт. И какихъ свидѣтелей поставили!..

1 суд. (къ отвѣт. съ досадой). Да намъ все равно, что вы говорите. Мѣшаете только дѣлу.

2 суд. Ты ужъ уклонялся отъ этого дѣла.

Отвѣт. Да я не уклонялся...

1 суд. Знаемъ мы васъ... Не въ первый разъ познакомились. Что вы тутъ еще... Вы такіе поступки дѣлали, что и говорить-то здѣсь не годится. (Продолжаетъ писать; тяжущіеся и свидѣтели разговариваютъ вполголоса).

1 суд. (къ 2 свидѣт.). Ты грамотный?

Свидѣт. 2. Никакъ нѣтъ.

1 суд. Ну попроси кого-нибудь расписаться. (Изъ зрителей выдѣляется пожилой казакъ, свидѣтель подаетъ ему руку, онъ ее принимаетъ и расписывается затѣмъ въ книгѣ). Вотъ опять нѣтъ человѣка, не явился еще свидѣтель—что тутъ дѣлать намъ судьямъ!.. штрафъ не взимается—отписывай себѣ сколько хочешь, а на насъ идетъ неудовольствіе... (молчаніе).

2 суд. (глядя въ жалобу). Да, одного свидѣтеля нѣтъ...

1 суд. (съ досадой). На слѣдующій разъ опять оставлять надо! (Входитъ казакъ съ женой, быстро приближается къ столу и кидаетъ бумагу. 1 суд., смутившись, поспѣшно беретъ ее и читаетъ про себя).

Казакъ (къ 1 суд.). Я ужъ найду на тебя судъ... обидчикъ!

Казачка. Обидчикъ и есть... Господа честные, посудите вы сами... избилъ онъ меня...

1 суд. (стараясь быть спокойнымъ). Жалобу принять не могу.

Казакъ (удивленно). Это какъ же ты не можешь-то?!.

1 суд. Такъ и не могу. Самъ я судья и на меня же, судью, жалоба... Не могу же самъ себя судить.

Казачка. Да... да какъ же?

1 *суд.* Ну, какъ знаете...

Казачка. (къ зрителямъ). Господа честные, да что-жъ это?! Избилъ онъ меня, треклятый... синяки по всему тѣлу. (Поднимаетъ платье и показываетъ большой синякъ на бедрѣ); сами видите... палкой билъ, за то, что свинья наша черезъ тынъ къ нему перелѣзла (среди зрителей говоръ).

Казакъ (1 судьѣ). Ужъ я тебѣ!.. ужъ не уйдешь ты отъ суда праведнаго... Ахъ ты... а самъ судья... Да что ты намъ за начальство такое!..

Казачка. Найдемъ правду, доймемъ тебя!.. (судья растерявшись молчитъ).

2 суд. Будетъ вамъ шумѣть...

1 суд. Ну, довольно; наговорились... да и не мѣсто здѣсь. (Полицейскій толкаетъ казака и казачку къ дверямъ. Среди зрителей шумъ усиливается; 2 суд., наклонившись къ 1 суд., шепчетъ что-то на ухо).

2 суд. (громко). Ну что же теперь?

1 суд. (все еще смущенный). Ну, и по другимъ дѣламъ ни свидѣтелей ни отвѣтчиковъ нѣтъ. Дѣлать нечего: подождемъ... долгъ велитъ— приняли обязанность, такъ надо исполнить до конца... Эхъ!.. (встаетъ изъ-за стола и удаляется изъ комнаты; за нимъ слѣдуютъ 2 и 3 судьи).

Въ Евтеревскомъ станич. судѣ.

Засѣданіе Евтеревскаго ст. суда въ августѣ 1883 года.

Разбирательство происходитъ въ просторной комнатѣ. На стѣнѣ портретъ Государя Николая Павловича. Въ углу подъ образами возвышенное мѣсто, обнесенное рѣшеткой. На немъ столъ покрытый чернымъ сукномъ. Входятъ медленно четверо судей, а за ними писарь. Всѣ пятеро занимаютъ мѣста вкругъ стола на возвышеніи. Комната наполняется казаками, казачками и иногородними. Впереди толпы становятся два «полицейскихъ» въ голубыхъ мундирахъ. Сначала всеобщее молчаніе.

Писарь (шепчетъ судьямъ). Вызывайте истца, отвѣтчика и свидѣтелей.

1 суд. (Вызываетъ каждаго по имени. Вызванные, сказавъ: «здѣсь», выдѣляются изъ толпы и становятся въ рядъ) всѣ здѣсь? (писарь опять шепчетъ). Надо вывести свидѣтелей (полицейскіе суетятся, свидѣтели выходятъ).

Писарь (къ отвѣтчицѣ). На васъ жалоба. (Читаетъ, съ трудомъ разбирая неграмотно написанное «объявленіе», въ которомъ казакъ N обвиняетъ солдатку

(инороднюю) NN въ томъ, что она ушла отъ него, не заплативъ за квартиру денегъ, и кромѣ того унесла съ собой нѣсколько изъ его вещей. Прочитавъ объявленіе, писарь обращается къ истцу). А на васъ встрѣчный искъ поданъ солдаткою NN въ томъ, что вы самовольно взяли у ней ведро, савокъ, а также корецъ, стоимостью...

Солдатка (перебивая). Я жила у него безплатно, господа судьи. Я ухаживала за нимъ, когда онъ хворалъ, цѣлыхъ четыре недѣли, а теперь онъ говоритъ, что я украла... безсовѣстный.

Казакъ. Я не болѣлъ...

Писарь. Погодите, (продолжаетъ читать жалобу солдатки, изъ которой выясняется, что она требуетъ съ казака N всего 11 р. 30 к.).

1 суд. (къ казаку). Ну, ты гдѣ свое ведро нашелъ?

Казакъ. Да у ней, батюшка (показываетъ на солдатку). Какъ мы пришли къ ней, оно тамъ и стоитъ, мы...

1 суд. Ну хорошо. А савокъ гдѣ ты взялъ?

Казакъ. У ней же. Вотъ при полиціи... я взялъ съ собой полицейскаго, прихожу къ ней, говорю: открой сундукъ. Она туда, она сюда: вы, молъ, такіе-сякіе...

Солдатка. Да я никакъ не...

1 суд. Молчи, молчи... (къ казаку) ну?

Казакъ. Ну, согласилась наконецъ отперeть сундукъ, разбираетъ, разбираетъ тряпки-то, а савокъ-то тамъ и есть.

1 суд. Ну хорошо. Постой. (Къ отвѣтчицѣ) Ну а какъ ты говоришь, что за нимъ ходила и жила у него даромъ?

Солдатка. Такъ, такъ, господинъ судья: вотъ и сосѣди подтвердятъ.

Казакъ. Никогда я болѣнъ-то не былъ...

Солдатка (къ казаку). Какъ же это ты болѣнъ-то не былъ?! А кто тебѣ постель-то стлалъ, а кто за тобой все прибиралъ, а кто... да спросите свидѣтелей то, господа судьи (кланяется).

1 суд. Ну, молчи теперь... молчи, я тебѣ говорю. (Молчаніе. Писарь шепчетъ 1-му судьѣ).

1 суд. Ефимъ Бѣликовъ!

Еф. Бѣл. (изъ сосѣдней комнаты). Здѣсь!

1 суд. Вы что намъ можете подтвердить объ этомъ дѣлѣ?

Еф. Бѣл. Я былъ тогда полицейскимъ, съ нимъ ходилъ (указ. на N) и при мнѣ былъ обыскъ. (Молчаніе; писарь шепчетъ 1-му судьѣ).

1 суд. И ведро и савокъ нашли?

Еф. Бѣл. Точно такъ: все нашли.

Солдатка. Какъ нашли?! Да ты не былъ, когда N ведро-то бралъ!..

Казакъ. Какъ онъ не былъ?

Еф. Бѣл. Да когда я не былъ — зачѣмъ мнѣ говорить?! (Начинается перебранка и крики. Писарь шепчетъ 1-му судьѣ).

1 суд. Ну погодите, погодите... разберемся по немногу (къ Еф. Бѣл.) присядьте. (Еф. Бѣл. садится на лавку).

Писарь (громко). Свидѣтельница Дарья Б.! (входитъ старуха).

Дарья Б. Здѣсь я, батюшка.

1 суд. Была ты, когда NN обыскивали?

Дарья Б. Была, батюшка судья.

1 суд. (указывая на Еф. Бѣл.). А этотъ былъ тамъ?

Дарья Б. (всматривается). Нѣтъ, не видала... Не было его.

Солдатка. Ну вотъ, говорила я, что не было: всѣ сосѣди подтвердятъ...

1 суд. Да помолчите... какая право...

2 суд. (къ Дарьѣ Б.). Какъ же было то дѣло?

Дарья Б. Да вотъ они (указывая на N) пришли и начали искать ведро, а она, NN-то, и говоритъ: ну смотри — найдешь, такъ та́къ, а не найдешь, такъ будетъ тебѣ оплеуха въ щеку—хошь такой уговоръ? А онъ взялъ лѣстницу и полѣзъ на чердакъ; тамъ и отыскалъ ведро-то. А я—внука я на рукахъ держала—постановила я ребенка-то на полъ, сама ухватилась за лѣстницу: дюже высоко было—онъ могъ упасть... Вотъ и все. А потомъ я ушла и не знаю ничего. (Въ толпѣ говоръ: „самоуправство, нѣшто такъ можно“)...

1 суд. (запинаясь). Да, да... такъ, такъ...

Солдатка. Ну вотъ я и говорю, что не было полицейскаго.

1 суд. (къ Еф. Бѣл.). Полицейскій, значитъ ты не былъ?

Еф. Бѣл. (въ смущеньи и разводя руками). Да, значитъ, что не былъ...

Солдатка. Ну на что же ты брехалъ-то?.. Это не грѣхъ тебѣ, старичекъ, передъ смертью-то?!..

Еф. Бѣл. Да я что жъ... я такъ и говорилъ...

Солдатка. Такъ говорилъ! Да вѣдь судьи-то видятъ, какъ ты говорилъ... (Въ толпѣ усиливается шумъ).

1 суд. (возвышая голосъ). Да помолчите вы, ради Бога!.. Свидѣтель X! (Входитъ старикъ).

Свидѣтель X. Здѣсь я.

1 суд. Что вы можете до этого дѣла касательно объяснить намъ.

Свидѣтель X. Мы ничего не знаемъ... Слышали, что у ней ведро пропало, да и только. (Молчаніе).

3 суд. (застѣнчиво). Значитъ только и знаете, что пропало, а больше ничего?

Свид. X. Только и знаемъ. (Молчаніе. Писарь шепчетъ судьямъ).

1 суд. Ну хорошо. А какъ она въ квартирѣ у него жила: даромъ или нѣтъ?

Свид. X. Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего.

2 суд. (къ прежнимъ свидѣтелямъ). А вы?

Еф. Бѣл. и Дарья Б. (вмѣстѣ). И мы не знаемъ... чего не знаемъ, того и говорить не хотимъ...

Солдатка. Какъ же вы не знаете? Да они отрѣкаются, что жъ это!..

Дарья Б. Да я слышала, что такъ...

Еф. Бѣл. Да. Да кто жъ ихъ знаетъ: не при насъ рядились, — можетъ и брехала баба... (Молчаніе. Судьи глядятъ другъ на друга. Писарь шепчетъ 1 судьѣ).

1 суд. Гм... Ну что: не желаете ли помириться?

Солдатка. Нехай мнѣ отдастъ ведро и савокъ: при бѣдности моей они нужны...

3 суд. Да какъ же это... надо дознать!

Казакъ. Да вотъ я принесъ другой мой савокъ, вмѣстѣ ихъ покупалъ: глядите сами—одинаковые они...

1 суд. Ну подай савки сюда. (Къ зрителямъ). Ну, господа, что вы думаете: одинаковые иль нѣтъ? (Толпа придвигается къ судьямъ. Нѣсколько человѣкъ наклоняются и пристально разглядываютъ савки, примѣриваютъ ихъ другъ къ другу, вертятъ въ рукахъ).

Одинъ. Нѣтъ, не одинаковы.

Другой. Одинаковы... гляди...

Третій (передразнивая). Одинаковы!.. На ярмаркѣ всѣ они одинаковые.

Четвертый. Ихъ на ярмаркѣ кто распознаетъ!..

Третій. Да у мастера ихъ двѣсти одинаковыхъ. Все это пустое...

2 суд. Нѣтъ, братцы!.. Глядите-ка, какъ рѣзаны-то они (указываетъ на внутреннюю сторону савковъ). Глядите, глядите (водитъ пальцемъ). Я не знаю чего тутъ не понимать: видно что *одна* рука рѣзала.

Одинъ изъ толпы (вглядываясь). Да... издѣлье подходящее (накладываетъ савки другъ на друга) да, одно и есть...

Солдатка. Помилуйте, господа честные! Да Господь посылаетъ, что и человѣкъ на другаго человѣка похожъ выходитъ, а не то что савки... да на ярмаркѣ... Господи! (толпа продолжаетъ разглядывать савки; говоръ становится шумнѣе).

4 суд. (нагибаясь къ истцу). Ты бы помирился... Послушай, право...

Казакъ (съ усмѣшкой). Конечно!... Покорно благодарю: потерялъ, да еще терять!...

2 суд. (къ толпѣ). Ну тише, помолчите... довольно... (Толпа при стараніяхъ полицейскихъ наконецъ отодвигается къ дверямъ. Молчаніе. Писарь шепчетъ 1 суд.).

1 суд. (къ тяжущимся). Ну... вотъ выдите-ка на часъ отсюда. (Тяжущіеся и свидѣтели удаляются въ сосѣднюю комнату, за ними уходитъ большинство зрителей. Судьи перешептываются. Писарь усиленно жестикулируя, что-то объясняетъ имъ. Въ сосѣдней комнатѣ шумъ и брань).

1 суд. Ну, позвать ихъ... Полицейскій, зови ихъ. (Всѣ съ шумомъ возвращаются въ горницу). Молчите!... слушайте!... (Писарь читаетъ рѣшеніе, по которому солдатка присуждается къ штрафу въ 3 руб. По окончаніи чтенія наступаетъ молчаніе).

Писарь (въ полголоса къ судьямъ). Спросите: довольны ли.

1 суд. Ну, довольны ли вы?... Вы, Өедоръ Никитычъ, довольны?

Казакъ (смиренно). Доволенъ. Я отъ роду на судилищѣ не бывалъ... что мнѣ?!... Довольно и этого...

Писарь. Ну, попросите подписать кого-нибудь за васъ. (Казакъ обращается къ одному изъ зрителей, протягиваетъ ему правую руку, которую тотъ принимаетъ и, подошедъ затѣмъ къ столу, начинаетъ старательно выводить буквы).

1 суд. (къ солдаткѣ). Ну, а вы довольны?

Солдатка. Это чего такое? Я чтой-то не поняла... (Въ толпѣ ропотъ и шумъ).

1 суд. Да вотъ мы присудили съ тебя 3 руб. уплатить вотъ имъ.

Солдатка. Это за что же?!...

1 суд. Да за квартиру, да за судебныя издержки.

Солдатка. Ой ли!... Нѣтъ, я не довольна. Это что же такое?! Я ходила за больнымъ, я стряпала, я...

2 суд. Ну молчи: слышали мы это.

Солдатка. Да что-же это, Господи! Онъ же меня обидѣлъ, а вы его оправдали... Мое дѣло одинокое, сиротское; вся я здѣсь чужая... (плачетъ) за меня некому заступиться... а вы своего станичника оправдали, потому онъ свой...

1 суд. Молчите!...

2 суд. Сказано тебѣ!...

Голоса изъ толпы. Нечего молчать... Правда видно заколола въ глаза-то... Правду она говоритъ... Видно нашему брату съ казакомъ ужъ и тягаться не приходится—правды не дадутъ... (шумъ и движеніе въ толпѣ усиливается).

Полицейскіе (толкая зрителей къ двери). Чего вы шумите? Убирайтесь... идите вонъ.

Голоса въ толпѣ. Нечего пихаться... Чай такіе же мы люди... Всѣ нынѣ царю-то служимъ—не вы одни... да отстань ты, не то по мордѣ съѣзжу... лиходѣи...

1 суд. (къ солдаткѣ). Ну что же?

Солдатка. Дайте мнѣ копію...

1 суд. Приходи-ка денька черезъ три.

2 суд. Да хоть завтра...

1 суд. Нѣтъ, завтра дѣла много.

Солдатка. А савокъ, ведро?...

1 суд. Это ему (указывая на казака).

Казакъ (забирая вещи и кланяясь судьямъ). Ну, не дай Господь, чтобы пропадали, не дай Богъ добрыхъ господъ безпокоить... Простите, господа судьи. (удаляется).

Солдатка (плачетъ). Вотъ и праведный судъ... срамота одна... Господь-то вѣдь все видитъ... Вся я одна здѣсь...

2 суд. Ну, перестань ревѣть-то.
1 суд. Замолчи... ступай себѣ...
3 суд. Кончено теперь... (Толпа удаляется со страшнымъ шумомъ; чрезъ окно доносится брань на судъ и на «самоуправство». Судьи остаются на своихъ мѣстахъ, храня глубокое молчаніе).

Засѣданіе Аннинскаго станичнаго суда въ августѣ 1883 г.

Въ Аннинск. стан. судѣ.

Засѣданіе происходитъ въ низенькой и грязной комнатѣ. На стѣнахъ портреты членовъ Царской Фамиліи, Ермака, атамана Черткова и др. Въ переднемъ углу за столомъ четверо судей. Въ дверяхъ толпа народа. Разбирается дѣло по жалобѣ казака N на казачку NN въ томъ, что она, поднявъ упавшія съ воза N штаны, утаила находившіяся въ карманѣ ихъ деньги 13 р. 50 коп.

1 суд. (прочитавъ жалобу истца, обращается къ отвѣтчицѣ). Ну вотъ видите, какая на васъ жалоба. Что вы можете противъ этого сказать?

Отвѣтчица. Ничего я не скажу. Я вотъ привела дѣвочку свою: она штаны-то подняла и принесла ко мнѣ.

2 суд. Да ты намъ разскажи въ порядкѣ, какъ дѣло-то было?

Отвѣт. Сейчасъ... Вотъ сижу я у себя въ хатѣ; приходитъ моя дѣвочка вотъ (указываетъ на дѣвочку), несетъ штаны. Я ей: гдѣ ты ихъ, говорю, взяла? А она мнѣ: да около база, говоритъ, валялись. А потомъ мнѣ и говоритъ: въ карманѣ, говоритъ, былъ кисетъ, да его взяла другая дѣвочка и унесла. А я говорю: дай-ка, говорю, мнѣ—мы ихъ въ воскресенье вынесемъ къ церкви... Вотъ и все.

1 суд. Такъ, такъ. Ну а не знали-ли вы, что тамъ въ карманѣ было?

Отвѣт. Не знала, господинъ судья, а только я расчесочку въ карманѣ нашла—это правда.

2 суд. А кисета не видала?

Отвѣт. Не видала я, господинъ судья. Она мнѣ сказала (указ. на дочь), что какой-то кисетъ, а я еще на это говорю: ну, какой тамъ, говорю, кисетъ.

Истецъ. Брешетъ баба! Это она нарочно такъ...

2 суд. Погоди, погоди: вѣдь разсудить надо же по порядку.

1 суд. (къ отвѣтчицѣ). Ну, та́къ... Что дальше-то, разскажите намъ?

Отвѣт. Ну вотъ, проходитъ мимо N (истецъ), я ему и говорю: N, не ты ли штаны-то обронилъ? А онъ мнѣ: я, говоритъ, обронилъ. Ну я...

2 суд. Постой! Да какъ же ты узнала, что онъ обронилъ?

Отвѣт. Да некому кромѣ его: онъ проѣзжалъ.

Ист. Много тамъ народа и безъ меня проѣзжало.

2 суд. Такъ... Ну-ка, дѣвочка, поди-ка сюда (дѣвочка лѣтъ 7-ми

приближается къ столу). Что было въ карманѣ, въ штанахъ, когда ты ихъ принесла къ матери?

Дѣвочка. Расчесочка...

1 суд. А больше ничего не было?

Дѣвочка. Ничего.

2 суд. (къ судьямъ вполголоса). Если N ѣхалъ, и съ воза свалились онѣ, то должно имъ ближе къ середкѣ дороги быть (къ дѣвочкѣ громко). Что близко или далеко отъ плетня штаны-то валялись? ну?

Дѣв. Близко...

2 суд. Гм... Ну ты видѣла другую-то дѣвочку?

Дѣв. Видѣла.

1 суд. Что же она дѣлала?

Дѣв. Она вынула деньги и побѣж...

2 суд. Какъ! ты видѣла деньги?

Отвѣт. Да она видѣла, какъ дѣвочка взяла кисетъ, а въ кисетѣ деньги...

2 суд. (съ досадой). Да замолчи!.. (Къ дѣвочкѣ). Ну? что ты видѣла?

Дѣв. (тихо). Взяла кисетъ, а въ кисетѣ деньги... (2 судья дѣлаетъ недовольное движеніе).

1 суд Чья же это дѣвочка?

Дѣв. Я не знаю.

1 суд. (ко 2-му судьѣ). Все это можетъ быть... А у него нѣтъ свидѣтелей.

2 суд. (качаетъ головой; послѣ молчанія къ дѣвочкѣ). Да ты вѣдь знаешь, чья эта дѣвочка (дѣвочка молчитъ; въ толпѣ сдержанный говоръ).

Отвѣт. Да не знаетъ она, господинъ судья...

Ист. Не было никакой дѣвочки. Я десять дёнъ искалъ, время потерялъ—пора-то вѣдь рабочая—все даромъ. Одна брехня.

Сторонній (выдвигаясь изъ толпы). Господа судьи, явно вѣдь, что деньги взяты ими.

2 суд. Вотъ въ томъ-то и дѣло! Какъ бы не пришлось ихъ къ штанамъ-то приполтинить.

1 суд. Постойте. Коли нѣтъ доказательствъ, что-же тутъ. (Къ истцу). Что вы можете добавить? Можетъ быть вами не все выяснено?

2 суд. Да что тутъ еще?! Мы видимъ, какъ дѣло есть.

1 суд. Позвольте, позвольте... вѣдь у насъ доказательствъ нѣтъ никакихъ и свидѣтелей нѣтъ. Кто вынулъ деньги — мы не знаемъ... Да наконецъ были-ли деньги тамъ, мы тоже не знаемъ (озирается на всѣхъ съ легкой улыбкой).

Ист. Да для чего же я брехать-то буду? Вѣдь я десять денъ потерялъ искавши: неужели-жь это даромъ?!

2 суд. Обыкновенно, что нѣтъ свидѣтелей—да оно и такъ выказалось дѣло-то.

1 суд. Да позвольте же...

2 суд. (горячо). Я одно знаю: кабы мнѣ дочь сказала, что изъ штановъ были взяты деньги, такъ я и не прикоснулся-бы къ штанамъ, а тутъ еще и того, кто потерялъ, знаютъ.

1 суд. Ну ужь какъ бы тутъ ни было, а нѣтъ доказательствъ. Такъ по закону...

Голосъ изъ толпы. Этакъ, братъ, можно, что хошь поворотить!

2 суд. Чудно! дѣвочка не знаетъ ту, что кисетъ взяла...

Отвѣт. Да какой въ ней умъ-то: вѣдь она маленькая.

Мужъ отвѣтчицы (выдвигаясь изъ толпы). Да что-жъ намъ, корысть какая, что ли? Очень нужно! Что вы тутъ!..

2 суд. Послушай: нельзя вѣдь стороннимъ вмѣшиваться, когда разбирается дѣло.

1 суд. Да, ужь помолчите, пожалуйста.

Мужъ отвѣт. Дитя-то вѣдь мое; я не сторонній... Что-жъ это: N не остерегся, а мы виноваты?!

2 суд. Въ томъ-то и дѣло: вамъ самимъ-то съ женой осторожнѣе себя держать должно-бы. Къ чему жена твоя взяла штаны, коли знала, что деньги изъ нихъ взяты? Отчего она не погналась за той дѣвочкой?

1 суд. Все такъ. Да какъ же безъ доказательствъ то...

2 суд. (дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе). Гм... да... (къ истцу). Ну, а когда NN тебѣ отдавала штаны...

Ист. Она подозвала меня да и говоритъ: твои это?..

2 суд. Постой. Когда она тебѣ отдавала, сказывала она, что деньги взяла какая то дѣвочка?

Ист. Нѣтъ, не сказывала, а когда я спохватился, тогда сказала.

2 суд. (пожимаетъ плечами и, насмѣшливо улыбаясь, глядитъ на 1 судью). Ну?!. (1 суд. нагибается и всѣ четверо шепчутся, оживленно жестикулируя. 2 судья нѣсколько разъ отрицательно киваетъ головой говоря: „нѣтъ... не могу... нѣтъ“. Но наконецъ онъ недовольнымъ тономъ довольно громко говоритъ). Ну, кончимъ что ли...

1 суд. (къ тяжущимся). Ну... мы желаемъ васъ помирить... Богъ знаетъ это дѣло.

2 суд. (къ отвѣт.). Ну, скажи по правдѣ: вѣдь вотъ Богъ-то (указываетъ на образъ).

Отвѣт. Да вотъ ей Богу же! (крестится).

1 суд. Здѣсь клясться нельзя и божбу мы принять не можемъ, а вы можете промежь себя... помиритесь.

Ист. Да конечно... Богъ разсудитъ—только я...

Отвѣт. Да что я воровка что ли?

Мужъ отвѣт. Нужно намъ грѣшить то?!

1 суд. Оставьте это: развѣ такъ мирятся... (тяжущіеся продолжаютъ пререканія; говоръ въ толпѣ).

2 суд. (возвышая голосъ). Ну... ну... Оставьте, оставьте... замолчите!... (Молчаніе. Судьи въ нерѣшимости переглядываются).

1 суд. (къ истцу). Ну... гм... ну, что... штаны ваши пеньковыя?

Ист. Пеньковыя.

1 суд. Да... такъ... (къ дѣвочкѣ). А ты ихъ какъ увидала, такъ сейчасъ и подняла.

Дѣв. Да.

1 суд. (къ остальнымъ судьямъ). Да... Какъ же бы это... А вѣдь законъ... (2 судья съ досадой отворачивается, потомъ быстро встаетъ и удаляется изъ горницы. За нимъ уходятъ остальные судьи. Немного спустя они возвращаются. 1 суд. записываетъ въ книгу. Тяжущіеся снова начинаютъ пререканія: сначала вполголоса, затѣмъ все громче; къ нимъ присоединяются посторонніе).

2 суд. (глядѣвшій все время съ недовольнымъ видомъ въ окошко, поворачиваясь). Стой!.. Говорю вамъ: довольно. Коли рѣшеніе пишется—аминь дѣло. (Всѣ смолкаютъ).

1 суд. (читаетъ). По недоказательности оставить жалобу казака N безъ послѣдствій (2 судья опять угрюмо глядитъ въ окно и барабанитъ пальцами по столу. Въ толпѣ говоръ и смѣхъ).

Наказанія. Въ былое время, когда судъ находился всецѣло въ рукахъ казацкихъ общинъ, станичный кругъ чинилъ и расправу. Постановленное рѣшеніе тотчасъ же приводилось въ исполненіе. Обыкновенное наказаніе въ былое время, налагавшееся за самыя тяжелыя преступленія, было—„въ куль, да въ воду". Преданія объ этомъ наказаніи (Въ былое время.) сохранились среди казаковъ до нашихъ дней. Впослѣдствіи, когда сложилось „всевеликое войско", казни совершались лишь въ главномъ Войскѣ. Такъ А. Ригельманъ сообщаетъ слѣдующее: „за оскорбленіе обществу, возмущеніе, злодѣйское убійство и междуусобное воровство виновникъ, есть ли тому хоть два свидѣтеля засвидѣтельствуютъ, общимъ приговоромъ, безъ изъятія, (Смертная казнь.) наказывался по состоянію вины, а болѣе смертію. Преступниковъ, подлежащихъ смерти, топили, а тѣмъ, которыхъ преступленія не столь важны были, насыпали песку въ платье и съ тѣмъ ихъ на нѣсколько времени въ воду сажали; въ новѣйшія же времена злодѣямъ и головы рубили, также и вѣшали, на поставленномъ стой-

мя нарочно для того посреди города на площади, великомъ якорѣ за шею, а по иной винѣ и за ноги, вмѣсто смерти подъ тѣмъ якоремъ плетьми бивали и за безчестнаго уже считали. Однако же оныя наказанія только въ главномъ войскѣ бывали (l. c. p. 10)". Казнь чрезъ отсѣченіе головы, по словамъ г. Краснова, была впервые введена при Булавинѣ (Рус. Рѣчь 1881 г.). Виновные наказывались такъ же лишеніемъ правъ гражданства, которое выражалось въ такой формѣ: и на томъ ослушникѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ" (Соколовскій l. c. p. 213). За менѣе тяжкія преступленія полагались другія наказанія, продержавшіяся у казаковъ отчасти до самаго новаго Положенія. Били плетьми, розгами и палками на полныхъ станичныхъ и хуторскихъ сборахъ за огурство, воровство, несоблюденіе постовъ (Савел. Трехсл. с. 107), прелюбодѣяніе и пр. Такъ, въ Казанской ст. въ 1800 г., 15 января, крестьянинъ П. С. „за скверныя похвалки и за прелюбодѣяніе наказанъ при ст. избѣ палками". Казакъ, за кражу у казачки махотки сметаны и корчаги кислаго молока, „былъ сѣченъ на сборѣ розгами". Другой казакъ за неоднократную покражу овецъ изъ ватаги битъ плетьми на полномъ ст. сборѣ, о чемъ было занесено въ штрафную станичную книгу, и обязывался вознаградить хозяина овецъ (Тим. l. c. p. 159). Часто въ наказаніе посылали безъ очереди на службу на 1—3 перемѣны. Этому наказанію подвергались казаки обыкновенно за воровство, пьянство, развратъ, непослушаніе и въ особенности за нерадѣніе къ хозяйству. „Ничего не стоило, говоритъ г. Тимощенковъ, какому нибудь поселку приговорить своего согражданина къ безсрочной службѣ: поселокъ увѣдомлялъ только стан. правленіе о неблагонадежности извѣстнаго лица; ст. правленіе доносило куда слѣдовало, и обвиняемый командировался немедленно" (l. c.). По разсказамъ казаковъ, въ то время особенно боялись приговора: „на двѣ перемѣны въ Грузію". Въ Грузіи служба была необыкновен-

Лишеніе права гражданства.

Тѣлесныя наказанія.

Безочередная служба.

но трудная и опасная, такъ что отправлявшійся туда рѣдко возвращался домой; не даромъ и въ пѣснѣ казацкой поется:

Ты, шельма злодѣюшка, Грузинская сторона,
Безъ вѣтру и безъ вихрю изсушила молодца,
Присушила черныя кудерцы на буйной головѣ,
Вынула кровь-румянецъ съ мово бѣлаго лица,
Заставила добраго молодца пѣшимъ ходить,
Заставила руки въ пазухѣ носить (Сав. 31).

Общественныя работы.

За мелкое воровство и за развратъ (Тим.) заставляли исполнять общественныя работы. За болѣе или менѣе крупные проступки, по усмотрѣнію суда, сажали въ тягилевку (тюрьму), въ подполье (мѣсто подъ поломъ ст. правленія, куда, приподнимая доску въ полу, сажали виновнаго на 1—2 дня) (Тим.). Въ Казанской ст. былъ слѣдующій случай. Свекоръ имѣлъ любовную связь со своей снохой. Жена его и сынъ (мужъ снохи) явились на общинный судъ съ жалобой. Судъ, разобравъ дѣло, приказалъ виновному тутъ же мириться съ женой и сыномъ и не дѣлать грѣха, а въ противномъ случаѣ грозилъ ссылкой на долгій срокъ безъ очереди на службу. Преступникъ на колѣняхъ просилъ прощенія у у жены и сына и былъ ими прощенъ. Послѣ этого судъ приговорилъ посадить прелюбодѣя и кровосмѣсителя въ подполье на два дня (l. c.). Другой случай: „казакъ у казака унесъ изъ церкви, съ намѣреніемъ воровства, теплую шапку, обложенную поплиновымъ позументомъ, и за это былъ арестованъ при ст. тюрьмѣ на три дня“ (ibid). Заключеннымъ нерѣдко забивали ноги въ колодки (Ригельм.). Въ 1800 г., въ Казанской ст. „казакъ явился во время сбора въ ст. избу пьяный, вышелъ изъ благопристойности, кричалъ и сталъ ругать стариковъ разными скверными словами, а какъ онъ былъ замѣченъ и прежде, то его и не выпустили изъ избы, а посадили въ колодку и черезъ день наказали плетьми“ (Тим.). Въ Нижнекурмоярской ст. мнѣ сообщали, что преступниковъ здѣсь прежде сажали въ колодки весьма нерѣдко, при чемъ

Лишеніе свободы.

послѣднія были или „большія“ или „малыя“. Первыя состояли изъ большаго бревна, въ которое засовывали ноги нѣсколькимъ человѣкамъ сразу, такъ что имъ приходилось сидѣть въ рядъ; или же привѣшивали короткое бревно къ ногамъ преступника и водили его по улицѣ въ сопровожденіи полицейскаго казака. Въ Пятиизбянскомъ ст. правленіи мнѣ показывали желѣзныя колодки, которыя прежде надѣвались на руки и на ноги заключенному. Провинившихся наказывали и штрафомъ въ пользу станицы. Почти всякое изъ наказаній сопровождалось еще могарычемъ судьямъ, т. е. угощеніемъ виномъ всего общества. „Виновный, большей частью, самъ покупалъ обществу водку и все, что требовали; если же онъ не дѣлалъ этого добровольно, то общество само брало за его счетъ. Для этого оно снимало съ виновнаго платье и брало другое какое имущество и закладывало кабатчику, или продавало тутъ же съ аукціона желающимъ изъ присутствующихъ. Это называлось ободрать виноватаго“ (Тим.). Угощеніе водкой общины или истцовъ и судей примѣнялось въ качествѣ самостоятельнаго вида наказанія, какъ штрафъ напоемъ (Савел. „Трехсл.“ с. 107), особенно за неисполненіе общественныхъ работъ. „Если кто не являлся безъ уважительной причины на общественную работу—говоритъ г. Тимощенковъ—то та часть гражданъ, въ сообществѣ которой онъ долженъ былъ работать и которая въ такомъ случаѣ обработывала его часть, является къ нему и обдираетъ его на рубль, на два и болѣе, смотря по величинѣ работы, на которую виновный не явился“ (l. c.). Этотъ обычай штрафа водкой, въ случаѣ неучастія въ общественныхъ работахъ, не исчезъ и понынѣ: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ верховыхъ станицъ и хуторовъ, мнѣ сообщали о немъ. Штрафъ водкой налагается на виновнаго сплошь и рядомъ при разбирательствахъ не оффиціальныхъ напр. на судѣ ватажнаго атамана, дружки и пр. Присуждалось иногда общиннымъ судомъ и церковное покаяніе.

«Напой».

«Обдираніе»

Церковное покаяніе.

Такъ при просмотрѣ Верхнекурмоярскаго ст. архива я наткнулся на слѣдующій случай: 11 марта 1856 г. одна казачка за строптивость нрава была наказана тѣмъ, что ей велѣно сидѣть цѣлую недѣлю при ст. избѣ и ходить за это время каждый день въ церковь для раскаянія. Весьма распространено было прежде и у казаковъ посрамленіе виновнаго посредствомъ вожденія его по улицамъ станицы или хутора. Такъ наказывали обыкновенно воровъ, пойманныхъ съ поличнымъ и прелюбодѣевъ. „Ворамъ связывали руки и навязывали все украденное ими на шею, а прелюбодѣевъ связывали рука съ рукою, и въ обоихъ случаяхъ, водя по улицамъ били въ ведра, заслонки, кадушки и пр. Обыкновенно тутъ же какъ воровъ, такъ и уличенныхъ въ прелюбодѣяніи били иногда до увѣчья" (Тим.). Такъ въ Казанской ст. водили двухъ казачекъ, совершившихъ покражу; водили съ украденными вещами (1 четверикъ пшеничной муки, 2 дубленыя шкуры, 5 паръ подошвъ, два окорока свиныхъ, подзатыльникъ съ кички и два платка) по станицѣ и сѣкли на сборѣ розгами. Въ этой же станицѣ мужика, нарядивъ въ украденную женскую юбку, водили съ барабаннымъ боемъ; казака, укравшаго два хомута, корыто, чересло, буравцы, долота и пр. наказали тѣмъ, что присудили: выпить съ него два ведра водки, взвалить ему на голову украденное имущество, а потомъ, положивъ все въ корыто и привязавъ къ нему веревку, заставить его таскать по всему поселку; водили его до тѣхъ поръ пока онъ не упалъ безъ чувствъ на землю (l. c.). Въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что въ старину и здѣсь водили воровъ по улицѣ, причемъ одинъ изъ станичниковъ шелъ впередъ и ударялъ въ казанъ. Въ ст. Маріинской также водили прежде воровъ съ навѣшенными на шеѣ украденными вещами, причемъ за ними бѣжали мальчики и „стыдили" ихъ. Послѣ обхода по станицѣ вора привязывали на показъ къ одной изъ трехъ каменныхъ бабъ, поставленныхъ передъ станичной избой. Въ окрестностяхъ

Посрамленіе

ст. Нижнекурмоярской, срамили воровъ сплошь до введенія новаго Положенія. Разъ поймали казака, укравшаго воловью шкуру; прорѣзавъ въ шкурѣ дыру и проткнувъ въ нее голову вора, водили его по улицамъ и переулкамъ. Время было жаркое и воръ изнемогалъ отъ утомленія, а станичники безъ устали били его палками. „Этимъ—говорили казаки—прежде и весь судъ кончался: публикуютъ его, какъ вора или какъ любодѣя, чтобы всякій зналъ—вотъ и все“. Въ Верхнекурмоярской ст., при вожденіи вора по улицамъ, за нимъ бѣгали толпой ребята и бабы, „называя его воромъ и всячески стыдя“, били въ казаны и ведра и плевали ему въ лицо.

За прелюбодѣяніе „срамили“ подобными же способами. Такъ въ Казанской ст. за побѣгъ жены изъ дома мужа съ любовникомъ, ст. правленіе приговорило „связать виновныхъ (казачку и мужика) рука съ рукой и водить по станицѣ съ барабаннымъ боемъ“ (Тим.). Въ Пятиизбянской ст. въ прежнее время, поймавъ казака съ чужой женой, снимали съ него порты, а женщинѣ поднимали вверхъ юбки и, связавъ обоихъ снятыми съ казака портами, водили по станицѣ, навѣшивая, кромѣ того, на шеи ихъ ведра, въ которыя и ударяли во время шествія. Сопровождавшіе также несли ведра и ударяли въ нихъ. Во многихъ верховыхъ станицахъ уличенную въ прелюбодѣяніи казачку водили съ хомутомъ на шеѣ. Въ Евтеревской ст. мнѣ разсказывали, что еще не такъ давно здѣсь среди зимы срамили казака и казачку за прелюбодѣяніе, при чемъ съ казака сняли порты. Сначала ихъ подводили къ ст. избѣ, потомъ къ хатѣ станичнаго атамана (въ другихъ мѣстахъ подводили виновныхъ и къ жилищамъ офицеровъ): „покажутъ и поведутъ дальше“.

Нынѣ подобныя „посрамленія“ строго запрещаются. Но казаки во многихъ мѣстностяхъ чистосердечно признавались, что если бы они не боялись отвѣтственности, то стали бы и нынѣ употреблять этотъ способъ наказанія провинившихся.

Но обычай „объявлять“ виновныхъ въ прелюбодѣяніи посредствомъ обмазыванія хаты дегтемъ и грязью, посредствомъ выбиванія стеколъ въ окнахъ или отрѣзыванія хвостовъ у воловъ, коровъ и коней или вытрясыванія на улицу пуха изъ перины и т. п., сохранился и по сей день въ полной силѣ. Все это дѣлаютъ и вообще изъ желанія мести, „чтобы причинить врагу своему непріятность“. Еще въ 1881 году въ ст. Малодѣльской, вымазали у двухъ почтенныхъ жителей совершенно новыя ворота дегтемъ (Д. О. В. 1881, № 8); а изъ ст. Старочеркасской сообщали еще въ 1882 г. слѣдующее: „молодой человѣкъ гулялъ на одной вечеринкѣ вмѣстѣ съ дѣвушкой, за которой онъ ухаживалъ; ушли они вмѣстѣ, а на другой день въ ливадѣ, чрезъ которую они проходили, нашли на деревѣ изорванную юбку дѣвушки“; „месть ли это или грубая насмѣшка“ осталось неизвѣстнымъ (Д. О. В. 1882, № 12).

Желая опозорить дѣвушку, казаки обрѣзываютъ ей косу. Такъ одна дѣвица просватана была родителями противъ ея собственнаго желанія. Она поплакала и согласилась подчиниться воли родительской. Но прежній ея любовникъ, разсердившись, задумалъ обезчестить ее и тѣмъ отомстить ей. Въ то время, когда женихъ и невѣста введены были въ церковь и уже начался обрядъ вѣнчанія, казакъ осторожно пробрался къ невѣстѣ и мгновенно острымъ ножемъ отрѣзалъ у ней косу. Сваха хотя и ударила всею силою руки на отмашь, но было уже поздно. Поѣзжане за волосы выволокли этого казака изъ церкви и тутъ съ общаго совѣта, „съ своего суда“ избили его до полусмерти. Тѣмъ дѣло и кончилось (Д. О. В. 1875, № 88). По словамъ казаковъ, еще весной 1883 года въ окрестностяхъ Пятиизбянской ст. былъ подобный же случай отрѣзанія косы казакомъ у дѣвушки изъ мести. Сорвать на улицѣ съ головы женщины платокъ такъ же обозначаетъ изобличеніе въ прелюбодѣяніи.

Должникъ, не уплатившій долга добровольно, давалъ

этимъ самымъ въ прежнее время право заимодавцу о б о д р а т ь его, т. е. снять съ него шапку, платье или самовольно взять какое либо другое имущество. Особенно рѣзко выказывался этотъ опозоривающій обычай при роспускѣ возвратившихся съ полевой службы казаковъ (Тим.). Во время моего пребыванія въ Старочеркасской ст. ко мнѣ приходилъ одинъ старикъ-казакъ спросить совѣта: можетъ ли онъ у своего должника отобрать барана и затѣмъ продать его постороннему: „пускай вѣдается тогда съ нимъ, какъ знаетъ, а мнѣ бы только свои деньги выручить“.

Шапку нынѣ отбираютъ не рѣдко кабатчики за неуплаченную косушку водки, но подобное дѣйствіе подаетъ поводъ къ ссорѣ и дракѣ (зап. въ Евтеревской ст. и др.).

„Положеніе“ 1870 года совершенно отмѣнило тѣлесное наказаніе и положило такимъ образомъ главное отличіе между станичнымъ и волостными судами *). Станичный судъ властенъ приговаривать виновныхъ лишь къ общественнымъ р а б о т а м ъ д о ш е с т и д н е й или денежному взысканію д о т р е х ъ р у б л е й, или а р е с т у д о с е м и д н е й. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого суда (ст. 39). Опредѣляя тотъ или другой видъ наказанія, судьи, по собственнымъ ихъ словамъ, стараются назначить такое, которое было бы „почувствительнѣе“. По этому напр., если они видятъ, что виновный—человѣкъ богатый и три рубля ему не трудно выплатить, то они приговариваютъ его къ аресту. При опредѣленіи денежнаго взысканія также сообразуются со степенью благосостоянія обвиненнаго и стараются бѣднаго не обременять чрезъ мѣру. Иногда присужденые къ аресту или къ работамъ просятъ судъ отсрочить наказаніе до окончанія

Наказанія по положенію 1870 года.

*) Другія отличія: 1) кассаціон. инстанція для ст. судовъ—съѣздъ мировыхъ судей (ст. 50) 2) сдѣлки и обязательства, записываемыя въ книгу при ст. правленіи могутъ достигать суммы 500 руб. сер. (ст. 28).

рабочей поры. Въ однихъ ст. судахъ эти просьбы, если они справедливы, уважаются и наказаніе отсрочивается, но въ другихъ мѣстностяхъ, такія просьбы вовсе не принимаются. Тогда обвиненные стараются выиграть время чрезъ обжалованіе рѣшенія ст. суда.

Арестантская.

Арестъ отсиживаютъ въ ст. избѣ. Для этого во многихъ изъ посѣщенныхъ мною станицъ устроены отдѣльныя помѣщенія, которыя зимой отопляются. Въ такихъ арестанскихъ поставлены широкія нары. Въ нѣкоторыхъ станицахъ есть особыя отдѣленія арестантской для женщинъ и особыя для мужчинъ. Но въ большинствѣ изъ посѣщенныхъ мною мѣстностей этого раздѣленія нѣтъ, „такъ какъ рѣдко случается что наказываютъ арестомъ въ одно время мужчину и женщину". Въ иныхъ мѣстностяхъ для арестантовъ нѣтъ особаго помѣщенія: они остаются въ сборной горницѣ, подъ надзоромъ сидѣльцевъ. Питаются арестованные казаки обыкновенно (насколько мнѣ извѣстно) на свой счетъ. Въ однихъ станицахъ родственники приносятъ имъ пищу (напр. въ Верхнекур.); въ другихъ же (напр. въ Чернышевск. ст.) арестанты сами ходятъ обѣдать къ себѣ на домъ въ сопровожденіи полицейскаго, „чтобы всѣ знали". Но иногда арестованнаго кормятъ на счетъ истца: „я тебя самъ кормить буду, говоритъ истецъ, только сиди". Разъ отвѣтчикъ хотѣлъ было заявить свое недовольство рѣшеніемъ суда, который присудилъ его къ аресту, но, подумавъ, онъ спросилъ истца: „а кормовыя заплатишь?"—Заплачу.—„Ну, я доволенъ". (зап. въ Гниловск. ст.).

Взглядъ казаковъ на современную систему наказаній.

Казаки (покрайней мѣрѣ тѣ, съ которыми мнѣ доводилось бесѣдовать), повидимому, не довольны постановленіями „Положенія" 1870 г. касательно наказаній. Покрайней мѣрѣ, мнѣ доводилось слышать въ станицахъ, другъ другу самыхъ противуположныхъ, горькія жалобы на то, что существующія наказанія не достигаютъ цѣли. Привожу буквально нижеслѣдующіе отзывы казаковъ, слышанные мною въ разныхъ мѣстностяхъ. Сла-

ду нынѣ съ народомъ не стало—говорили мнѣ не разъ казаки,—воли много дали... всякую боязнь потеряли, потому наказаніе малое по нынѣшнему положенію—лихой человѣкъ только подсмѣивается". „Рано у насъ уничтожили сѣченіе; надо бы дозволить сѣчь хоть бы по определенію сбора. Особенно молодымъ людямъ было бы это полезно, а арестъ не помогаетъ: онъ посидитъ, а потомъ выдетъ какъ ни въ чемъ не бывало, да еще смѣется" (зап. въ Верхнекум.)... „Розга честнѣе ареста: арестъ что?—его посадятъ, а онъ посмѣивается,—„я, молъ, ужъ не служу, ко мнѣ самому караулъ приставленъ; видно не малъ человѣкъ, коли часовыхъ поставили",—вотъ онъ что говоритъ!.. или скажетъ: „вотъ я на арестѣ-то и поотдохнулъ, отсидѣлъ да опять правъ, а вы служите мнѣ!.. А розги-то онъ боялся бы" (зап. въ ст. Малодѣл.). „Арестъ—нѣтъ ни что: арестомъ у насъ народъ похваляется. Розги дозволить лучше будетъ, потому это стыдно" (зап. въ Аннинск. ст.). „Плеть и розгу хорошо-бы опять завести—острастка будетъ" (Ярыженск. ст.). „Въ старинку матушку попроще было—говорили казаки (въ Пятиизбянской ст.)—тогда атаманъ-то и безъ приговору сѣкъ, по соглашенію только со стариками, и хорошо все было. А нынѣ такое пошло, что и придумать хуже не можно: вотъ у насъ въ станицѣ мы забыли, когда и порядокъ то былъ"!..—„Да не худо бы было строгости поприбавить—такъ разсуждали казаки въ Чернышевской ст.—по теперешнему положенію штрафъ три рубля: что такое три рубля?!.. да три-то рубля всякій отдастъ, чтобы побить другаго: богатому этакъ человѣкъ десять въ день переколотить не стѣснительно". Одинъ только разъ я слышалъ противоположный взглядъ отъ двухъ казаковъ, съ которыми я ѣхалъ на пароходѣ между станицами Старочеркасской и Маріинской: „наказанія розгами, говорили они, казакъ не стерпитъ—вѣдь казакъ не мужикъ, это вѣдь мужикъ можетъ просить розгу взамѣнъ штрафа"... Говорившіе это были казаки-торговцы.

Быть можетъ, этотъ взглядъ на указанные закономъ предѣлы для наказаній, какъ на слишкомъ тѣсные, и заставляетъ станичные суды весьма не рѣдко „приговаривать виновныхъ ко взысканію въ мѣрѣ превышающей указанную въ ст. 39 Положенія“. Такъ нерѣдко суды приговариваютъ къ штрафу, значительно превышающему цифру, указанную въ „Положеніи“: вмѣсто трехъ рублей взыскиваютъ по 15, 20 рубл. сер. Мнѣ разсказывали, будто въ ст. Кагалинской судьи присудили одного казака къ штрафу въ 100 рубл. Денегъ у него при себѣ не было. Тогда отправились къ его женѣ, а такъ какъ ея не было дома, то порѣшили взять въ уплату ворота и заборъ *). Не рѣдко ст. суды присуждаютъ къ аресту „на хлѣбѣ и водѣ“ или „на хлѣбѣ и водѣ въ уменьшенной порціи“ и т. п. Въ Чернышевскомъ ст. судѣ присудили одного къ аресту на цѣлый мѣсяцъ **). Алексѣевскій ст. судъ марта 5-го, 1877 года, за присвоеніе чужой собственности постановилъ наказать виновнаго казака при станичномъ правленіи 12 ударами розогъ ***).

Работы сообща.

Работы и промыслы сообща и артельныя формы труда извѣстны въ казацкомъ быту ****). Въ былое

*) Справедливость сообщаемаго свѣдѣнія провѣрить не могъ.

**) Былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ приговоръ мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

***) По словамъ г-на начальника Хоперскаго округа, приговоръ этотъ исполненъ *не* былъ.

****) Между словами равнозначущими съ выраженіемъ „артель“ я особенно часто слыхалъ на Дону слово „шайка“: „*шайкой* ловятъ рыбу“, „*шайкой* гуляютъ“, „*шайкой* пьютъ водку“ и т. п. Это напомнило мнѣ слышанное мною на крайнемъ сѣверѣ—въ губ. Олонецкой и Архангельской (Онеж. уѣзда) частое употребленіе слова „артель“, напр.: „*артель* утокъ“, „комары у насъ все *артелью* летаютъ“, „*ар-*

время, какъ уже сказано, всѣ донскіе казаки жили артелями — „сумами" человѣкъ по десяти и болѣе, имѣя все, кромѣ денегъ, общее. „Средства къ жизни по словамъ г. Тимощенкова, они получали отъ добычи надъ непріятелями, охоты за дичью въ степяхъ и рыбной ловли. Промыслы эти ими производились сообща, всею станицею. Все добытое дѣлилось поровну между всѣми участвующими. Дѣлежъ этотъ (дуванъ) производился непремѣнно при возвращеніи съ похода, не доходя до станицы *). Получивъ слѣдуемую часть добычи, каждый отдавалъ ее въ артельное имущество. Выборъ артели зависѣлъ отъ воли каждаго. Переходъ изъ одной артели въ другую возможенъ былъ во всякое время. При этомъ переходившій получалъ слѣдуемую часть изъ всего наличнаго артельнаго имущества. Также вольно было каждому, взявъ все, идти въ другую какую станицу или куда угодно. Если артель считала что-либо изъ имущества своего себѣ излишнимъ, напр. какіе нибудь предметы роскоши, добытые отъ непріятелей: ковры, камки, мѣха, шелковыя матеріи и проч., то она продавала все это тутъ же на мѣстѣ пріѣхавшимъ изъ Россіи купцамъ или отправляла все это для продажи въ русскіе города съ кѣмъ-либо изъ своихъ сочленовъ. Вырученныя за проданное имущество деньги шли на пріобрѣтеніе для артели разныхъ жизненныхъ продуктовъ, а также пороху, свинцу, струговъ (лодки), тенетъ, сѣтей и проч. Если же во всемъ этомъ не было нужды, то вырученныя деньги дѣлились поровну между всѣми членами артели и обращались въ личную собственность каждаго. Позже станицѣ присылалось жалованье отъ Царя, состоявшее обыкновенно въ деньгахъ, хлѣбѣ,

Старинныя артели—«сумы».

тель почтовыхъ марокъ" т. е. нѣсколько марокъ наклеенныхъ на одномъ конвертѣ и т. п.

*) Такъ въ Казанской ст. дуванили дуванъ верстахъ въ 6 отъ нынѣшняго поселенія и въ верстахъ въ 2 отъ стараго городка на „дуванной полянѣ" (l. c.)

свинцѣ, порохѣ и сукнѣ. Имъ граждане распоряжались также какъ и добычей". Это артельное начало въ Казанской ст., а быть можетъ и въ иныхъ, просуществовало до самаго конца XVIII вѣка. Въ морскихъ казацкихъ поискахъ, производившихся также сообща, принимали участіе нерѣдко и пріѣзжіе съ Руси купцы. Они снабжали казаковъ оружіемъ и порохомъ, за что и выговаривали себѣ при дуванѣ 1/3 или 1/2 всей добычи. Такъ изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій 15 сентября 1685 г. сообщалось между прочимъ, что „купецкіе люди пріѣзжаютъ къ нимъ (казакамъ) съ Воронежа и съ Ельца и изъ иныхъ украинскихъ городовъ... и ружье имъ на ссуду даютъ изъ полу и изъ трети" (И. о. II с. 579). Нынѣ въ низовьяхъ Дона, гдѣ рыбная ловля производится въ значительныхъ размѣрахъ встрѣчаются казацкія рыболовныя ватаги. Вотъ что мнѣ разсказывали казаки въ ст. Гниловской: „Ватагу забродчиковъ набираетъ кто-нибудь изъ богатыхъ казаковъ, самъ участвуя въ ней капиталомъ, справивъ „посуду" —волокушу и пр. Такой казакъ приглашаетъ станичниковъ: кому угодно ребята ко мнѣ съ пая". Участвующій капиталомъ такимъ образомъ становится „хозяиномъ" а остальные пайщики — „забродчиками". На обязанности хозяина лежитъ устроить жилище — „пріютъ" для членовъ ватаги и позаботиться о справкѣ всего необходимаго для промысла. Самъ онъ получаетъ при дуванѣ пая 3 или 4, или же половину всего промысла. Число членовъ въ такой ватагѣ простирается до 15—16—17 человѣкъ. Если къ хозяину набирается человѣкъ 30, то онъ дѣлитъ ихъ на 3 ватаги. Въ забродчики идутъ обыкновенно бѣдные казаки изъ одной съ хозяиномъ станицы или изъ сосѣднихъ, или же иногородніе; принимаютъ всякаго: „всякій годится, лишь-бы работникъ былъ". Въ забродчики принимаетъ хозяинъ кого хочетъ. Каждый забродчикъ получаетъ одинъ пай. Изъ числа забродчиковъ выбирается одинъ „заводчикъ" или „атаманъ". Онъ обязанъ направлять ходъ работы и смотрѣть за порядкомъ въ артели,

Товарищества въ военныхъ поискахъ.

Рыболовныя ватаги.

за посудой и за неводомъ. Забродчики должны ему безпрекословно повиноваться. Атаманъ обыкновенно получаетъ на свою долю 2 пая, а то и 3. Въ атаманы выбираютъ обыкновенно человѣка опытнаго („онъ долженъ понимать въ дѣлѣ даже больше хозяина“), способнаго руководить работой и уважаемаго. Собственно приглашаетъ въ атаманы тотъ же „хозяинъ“: онъ часто ранѣе, чѣмъ составитъ ватагу, отыскиваетъ себѣ атамана, но въ его интересахъ, чтобы атаманъ былъ изъ такихъ, которыхъ уважаютъ забродчики. Одинъ изъ забродчиковъ выбирается „въ кухари“. Участвуя въ дуванѣ на одинаковыхъ съ прочими правахъ, онъ однако не ходитъ на работу, оставаясь для приготовленія пищи на ватагу и чтобы слѣдить за чистотою и порядкомъ въ „пріютѣ“. Иногда, если „не хватаетъ рукъ“, ватага нанимаетъ рабочихъ „за плату“, обыкновенно изъ иногороднихъ. Но иной казакъ приходитъ въ ватагу и проситъ вмѣсто пая давать ему извѣстную плату поденно или понедѣльно. Хлѣбъ, квасъ, съѣстные припасы обыкновенно доставляетъ хозяинъ, но затраты на покупку ихъ „идутъ на артель“. Хозяинъ ведетъ счетъ, который онъ въ концѣ представляетъ ватагѣ. На случай болѣзни одного изъ забродчиковъ стараются обойтись безъ него, напр. если захворалъ кухарь, то его обязанности исполняются забродчиками поочередно: „нынче — я, другой разъ ты“. Если захворалъ заводчикъ (атаманъ), то на время болѣзни его замѣняетъ кто нибудь изъ забродчиковъ по выбору хозяина, по согласію прочихъ членовъ ватаги. Если причина неучастія въ работѣ забродчика уважительна, то онъ не теряетъ права на пай. Но если онъ неисправенъ въ работѣ по лѣности или пьянству, то ватага вычитаетъ за потерянное время изъ его пая при дуванѣ. Впрочемъ, если загулявшій успѣетъ во время образумиться и попроситъ у товарищей прощеніе, то „братски прощаютъ“ и только заставятъ его поставить водки, которую и распиваютъ всѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Въ случаѣ крайней не-

обходимости „по своимъ дѣламъ" напр. въ случаѣ смерти отца, жены и т. п., забродчикъ увольняется товарищами на сутки или на двое, при чемъ не спрашивается особаго позволенія у хозяина, такъ какъ въ такомъ случаѣ за него работаютъ товарищи. За порчу неводовъ и посуды, если она произошла не отъ злаго умысла, съ виновнаго вознагражденіе не взыскиваютъ, а ограничиваются тѣмъ, что „поругаютъ" за неловкость; починка же идетъ на артельный счетъ, при чемъ впослѣдствіи эта сумма вычитается хозяиномъ при дуванѣ. Неисправимыхъ забродчиковъ прочіе члены ватаги выключаютъ изъ своей среды, заплативъ за проработанное время. Забродческихъ ватагъ составляется по нѣсколько въ станицѣ. Когда начинается время лова (весной „отъ Святой до Троицы"), всѣ ватаги выѣзжаютъ на Донъ. Прибывъ „на мѣсто", кидаютъ жребій, „какой ватагѣ за которой становиться" на рѣкѣ. Для этого на ярлычкахъ пишутъ номера, скатываютъ ярлычки въ шарики и кладутъ въ шапку. Затѣмъ ватажные атаманы вынимаютъ шарики и въ порядкѣ доставшихся номеровъ становятъ свои ватаги. Каждое утро, когда ватага поднимается еще до разсвѣта, кухарь приготовляетъ пищу. Закусивъ, ватага выѣзжаетъ съ разсвѣтомъ на Донъ Нѣсколько позже являются хозяева къ своимъ мѣстамъ, верхомъ на лошадяхъ. Присутствіе хозяевъ необходимо, потому что обыкновенно тотчасъ же послѣ улова продаютъ добычу. Ранней весной, когда идетъ ледъ, рыбы попадается множество, поэтому уловъ часто торгуютъ ранѣе, чѣмъ приволокутъ къ берегу. На берегу въ это время толпятся покупатели—казаки и купцы изъ евреевъ и армянъ; продаютъ тому, кто даетъ больше. Пока уловъ еще тянутъ къ берегу и онъ еще въ водѣ, съ берега кричатъ: „продавай хозяинъ!" Хозяинъ съ судна на это отвѣчаетъ: „двѣсти цѣлковыхъ"!...

— Проси меньше, кричатъ съ берега.

— Сто девяносто!...

— Проси меньше.

Наконецъ слаживаются, и покупатель кричитъ: „за мной". Торгъ состоялся и отступаться съ обѣихъ сторонъ считается неприличнымъ. Говорятъ, что покупатели при этомъ вообще мало рискуютъ: глазъ ихъ уже навыкъ, и они быстро, приглядываясь къ посудѣ по общему ея виду, опредѣляютъ величину улова; ошибки рѣдки. Когда ледъ пройдетъ, то покупатели уже не выходятъ на берегъ. Тогда рыбу хозяева сваливаютъ въ амбары и вялятъ тамъ. Продавъ уловъ рыбы и получивъ деньги, забродчики начинаютъ иногда сейчасъ же дѣлить ихъ. Предварительно вычитается изъ суммы потраченное на харчи и на починку „посуды". Хозяинъ представляетъ „записки" своимъ расходамъ, „а то и такъ безъ записокъ вѣрятъ". Или же дѣлятъ прибыль по окончаніи всего срока ловли; поэтому выручка за каждый уловъ складывается въ общій сундукъ, до котораго никому не позволяется касаться ранѣе срока. Забродческія ватаги распадаются вмѣстѣ съ прекращеніемъ рыбной ловли. (Все это записано со словъ самихъ станичниковъ).

Станичныя артели при рыбной ловли.

Въ Маріинской ст. мнѣ сообщали о рыболовныхъ артеляхъ слѣдующее. Для ловли рыбы въ Дону здѣсь складываются двое казаковъ („половинщики", „неводчики") и покупаютъ сообща неводъ. Затѣмъ приглашаютъ къ себѣ человѣкъ 10 „рабочихъ" изъ казаковъ или изъ иногороднихъ. Весь уловъ они раскладываютъ на 4 кучи, изъ коихъ три берутъ себѣ „неводчики", а четвертую отдаютъ „рабочимъ". Затѣмъ неводчики доставшееся на ихъ долю дѣлятъ между собой пополамъ. Точно также и „рабочіе" раздѣляютъ свою долю „уравнительно". Въ той же станицѣ казаки сообща откупаютъ общественныя озера. Если у нихъ наличныхъ денегъ нѣтъ, чтобы заплатить обществу за это, то они обращаются къ кому-нибудь изъ богатыхъ казаковъ, который и выплачиваетъ деньги за нихъ (100—150—200 р.), самъ же получаетъ ихъ обратно по окончаніи промысла. Но за одолженіе ему предоставляется право при каждомъ уло-

вѣ выбирать себѣ 4 самыхъ лучшихъ рыбы (сазанъ, щука, сулла, чебакъ). Если же ссудившій деньгами артель казакъ принимаетъ и самъ участіе въ рыбной ловлѣ, то, кромѣ возвращенія ему денегъ и кромѣ четырехъ рыбъ, ему дается еще ровная доля со всѣми остальными товарищами. Рыбною ловлею въ такихъ артеляхъ распоряжаются „неводчики". Если артель надолго выѣзжаетъ въ озеро, то выбираетъ и кухаря. Продавъ уловъ, деньги дѣлятъ обыкновенно сейчасъ же.

Въ станицѣ Кепинской мнѣ сообщали слѣдующее. При ловлѣ рыбы въ общественныхъ озерахъ самими станичниками, которая производится всѣми сообща въ заранѣе назначенный атаманомъ день (подробнѣе сказано выше), складываются 5—6 человѣкъ и покупаютъ вмѣстѣ „посуду", которою и пользуются всѣ участники въ ловлѣ. Хозяева этой посуды и составляютъ изъ себя „артель". Изъ всего улова выдѣляется одна треть „на посуду". Эта часть откладывается въ сторону и дѣлится вслѣдъ затѣмъ поровну между хозяевами посуды. Остальныя двѣ трети улова дѣлятся поровну между всѣми казаками, при чемъ въ этомъ дѣлежѣ хозяева посуды опять таки участвуютъ, получая равную съ остальными долю.

Шайки степныхъ и лѣсныхъ охотниковъ.

Артели для степной и лѣсной охоты встрѣчаются среди казаковъ и понынѣ. Такъ на хуторѣ Караичевѣ мнѣ сообщали объ артеляхъ казаковъ при охотѣ на сайгаковъ. Человѣкъ 8 выѣзжаютъ „охотничать" въ степь недѣли на 2. Шестеро охотятся, а двое стерегутъ коней, „чтобы калмыки не украли". Пища готовится на общій счетъ („въ складчину"); добычу всѣ дѣлятъ поровну.

Въ ст. Кепинской собщали, что въ то время, когда въ юрту было много лѣса и звѣрей, то станичники сходились „охотничать" сообща. Выискивалось нѣсколько человѣкъ, которые складывались и покупали сообща „посуду", т. е. тенета и пр. Затѣмъ всѣ желающіе шли въ лѣсъ и раскладывали сѣти. Всѣ имѣвшіе ружья садились въ засаду, а тѣ, у коихъ ружей не было, бѣгали и за-

гоняли дичь „въ тенета и подъ ружье“. Въ концѣ охоты вся добыча дѣлилась поровну между охотившимися, а „на посуду“ откладывалась особая часть.

Въ старину, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, станичники хаживали валками на Манычъ. Ходили человѣкъ по 200, вооруженные, съ атаманомъ во главѣ, такъ какъ путешествіе въ степи въ то время, вслѣдствіе частаго нападенія калмыковъ, было опасно (зап. на хуторѣ Караичевѣ и др.). Валки въ путешествіяхъ за солью на Манычъ.

Въ нѣкоторыхъ верховыхъ ст. сообщали мнѣ, что еще недавно казаки составляли валки фурщиковъ. Порядиться съ хозяевами товара, они поручали кому-нибудь одному, кто былъ посмышленнѣе и затѣмъ „отправлялись въ путь товарищами“. Прибытокъ дѣлился по фурамъ: сколько у каждаго было фуръ, столько онъ получалъ и частей. Существуютъ ли нынѣ у казаковъ подобныя валки мнѣ неизвѣстно. Валки фурщиковъ.

Въ казацкихъ полкахъ существуютъ также артели, но точныхъ свѣдѣній о нихъ я не имѣю.

О полевыхъ работахъ, совершаемыхъ сообща, мнѣ извѣстно слѣдующее. Въ былое время, когда степь еще кишѣла многочисленными врагами—жители многихъ станицъ, напр. Казанской, выѣзжали для работы въ поле „всею станицею“, имѣя при себѣ оружіе, а работали такъ, „чтобы каждой артели быть на виду у всѣхъ другихъ“; на ночь либо снова возвращались въ станицу, либо, оставаясь въ полѣ, съѣзжались всѣ въ одно мѣсто (Тим. l. c. p. 146). Въ нѣкоторыхъ станицахъ напр., въ Тишанской, этого обычая съѣзжаться вмѣстѣ на ночь, казаки не оставляли до послѣдняго времени при производствѣ какъ степнаго покоса, такъ и посѣва (Д. О. В. 1873, № 47). Общественныя запашки бываютъ въ нѣкоторыхъ станицахъ. Сообща вспахаютъ землю, посѣютъ хлѣбъ, скосятъ его и зерно ссыпаютъ на пополненіе общественныхъ магазиновъ (зап. въ ст. Ярыженской и др.). Обычай „спрягаться“ и „складываться“ извѣстенъ у казаковъ, хотя, кажется, встрѣчается не Обычай «спрягаться» и «складываться».

столь часто какъ у крестьянъ. Нерѣдко бѣдняки сформировываютъ „сборный плугъ“ и пашутъ вмѣстѣ (Д. О. В. 1876 г., № 51). Такъ въ Кепинской ст. складываются нѣсколько небогатыхъ хозяевъ вмѣстѣ пахать землю. Имъ требуется 4 пары быковъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 3-хъ паръ, „и то только если скотина надежная“. Одна пара быковъ считается за одну часть, плугъ — тоже одна часть, человѣкъ—тоже одна часть. „Смотрятъ, кто сколько съ собой частей принесъ: у одного напр. только пара быковъ, а у другаго—пара быковъ, плугъ, да еще сынъ—три части, у третьяго опять одна лишь часть и т. д.; вотъ и пашутъ: сначала одному одну часть вспахали, затѣмъ второму—его три части, потомъ третьему—его одну часть и т. д.; потомъ опять первому, опять второму и т. д“. Величина „частей“ мѣряется саженями: обыкновенно 12 саж. составляютъ одну часть; или же пашутъ поденно: одинъ день тому—у котораго одна часть, три дня тому—у котораго три части. Если въ теченіе осени всю землю перепахать не успѣютъ, и зима застигнетъ за неоконченной работой, то, по словамъ казаковъ, поступаютъ такъ: у кого земли больше, тотъ даетъ отъ себя часть ея тому изъ пайщиковъ, у кого земля осталась невспаханною, за что самъ онъ получаетъ отъ послѣдняго право на слѣдующій годъ косить его траву.

„Слаживаются“ иногда и снимать съ поля хлѣбъ сообща. Это обыкновенно дѣлаютъ казаки одинокіе или тѣ, у которыхъ работниковъ въ семьѣ мало. Въ такихъ случаяхъ „по совѣсти и по соглашенію опредѣляютъ у кого снимать хлѣбъ сначала“. Снявъ у одного, идутъ къ другому, къ третьему и т. д. Случается, что и сѣно косятъ сообща—„десяткомъ“, т. е. всѣ тѣ, коихъ паи при раздѣлѣ попали въ одинъ десятокъ. Это обыкновенно бываетъ при покосахъ въ займищахъ. Казаки, пришедъ къ своему десятку и увидя, что доля тутъ на каждаго приходится очень маленькая и что, кромѣ того, трава не равна, рѣшаютъ, чтобъ никого не обидить, скосить все сообща и сѣно потомъ раздѣлить поровну.

Обычая помогать всей станицей или всѣмъ хуторомъ кому-нибудь одному („помочи") я не встрѣчалъ. Но въ Пятиизбянской ст. мнѣ разсказывали, что бываютъ „помочи" слѣдующаго вида. Казакъ, отдѣлившійся отъ отца и начинающій новое хозяйство, приглашаетъ нѣсколькихъ сосѣдей помочь ему построить хату; тогда послѣдніе спрягаютъ воловъ, возятъ лѣсъ, пилятъ доски, за что хозяинъ предлагаетъ угощеніе: „по чаркѣ— по двѣ бѣлаго вина".

Артели воровъ и конокрадовъ.

Здѣсь кстати упомянуть о встрѣчающихся на Дону артеляхъ воровъ и конокрадовъ, въ составъ которыхъ входятъ обыкновенно не казаки, а иногородніе, хотя и участіе казаковъ здѣсь несомнѣнно. Вотъ что напр. сообщаетъ объ этомъ г. Романовъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ по Медвѣдицѣ существуютъ цѣлыя общества воровъ подъ непосредственымъ управленіемъ одного изъ болѣе смышленыхъ членовъ. Они сплачиваются въ одно цѣлое и ведутъ свое дѣло довольно искусно. Большинство жителей за извѣстную сумму денегъ или хлѣба вступаютъ съ ними въ сдѣлку и получаютъ на нѣкоторое время гарантію безопасности. Смѣлость воровъ дала поводъ думать, что они обладаютъ средствомъ напускать сонъ. Никто не рѣшается возвысить голоса противъ этого зла, не рискуя поплатиться своими пожитками (Д. О. В. 1873, № 33). Въ подобныя же соединенія другъ съ другомъ вступаютъ и конокрады. Вотъ что объ этомъ сообщается въ Д. О. Вѣдомостяхъ (1880 г., № 39) „На добромъ конѣ легко за ночь сдѣлать 30—35 верстъ и сдать его благопріятелю, который найдетъ ему уже путь. Вотъ эти то благопріятели или, просто говоря, пристанодержатели и есть корень всему злу. Люди эти на сбытъ воровскихъ лошадей смотрятъ какъ на коммерцію и наживаютъ иногда большія деньги, такъ какъ имъ достается львиная доля барышей. Воръ получитъ за лошадь 5, много 10 р., а пристанодержатель, навѣрное, выручитъ за нее 25 или 30 руб".

Артели нищихъ.

Наконецъ и среди нищихъ (иногородніе), между коими слѣдуетъ различать „обыкновенныхъ" и „субботниковъ" встрѣчаются артельныя соединенія. „Обыкновенные" нищіе ходятъ изъ дому въ домъ въ будничные дни человѣка по 2, по 3, субботники же ходятъ по субботамъ и въ праздникъ преимущественно по утру. Къ нимъ присоединяются и обыкновенные, такъ что ихъ ходитъ человѣкъ по 30-ти и болѣе. Они обходятъ всѣ дворы, преимущественно старообрядцевъ, которые особенно щедро творятъ милостыню, устроивая иногда даже обѣды для нихъ (на которыхъ нищіе иногда дерутся между собою за лакомый кусокъ, доставляя тѣмъ веселыя минуты хозяину). Отказывающій нищимъ въ подаяніи бываетъ обруганъ. Собирая милостыню, они не гнушаются и воровства, а будучи пойманы съ украденною вещью смиренно говорятъ поймавшему: „Богъ съ тобой, батюшка, возьми, коли угадалъ". Большую часть времени нищіе проводятъ въ кабакахъ (Д. О. В. 1874 г., № 30). Въ другихъ мѣстахъ „странники въ видѣ компаній, по 2, по 3 человѣка вмѣстѣ, ѣздятъ на подводахъ и въ степныхъ хуторахъ, и въ глухихъ деревушкахъ, часто выдавая себя за монаховъ". (Д. О. В. 1876 г. № 40); или же они въ видѣ перехожихъ старцевъ, убогенькихъ, „собираясь шайками по нѣсколько человѣкъ обоихъ половъ, вмѣстѣ посѣщаютъ людныя мѣста, распѣвая свои традиціонные псалмы. Между ними находятся и люди физически здоровые, какъ актеры и фокусники, могущіе разыгрывать роли слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ недужныхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что бываютъ случаи кражи ими и уродованія дѣтей, для лучшаго обиранія съ помощью послѣднихъ народа крещенаго, о чемъ есть много разсказовъ и преданій, такъ же какъ и о томъ, что они подъ часъ бываютъ грабителями и убійцами". (l. c.)

Общественные пиры и забавы.

Нынѣ, какъ и въ старину, казаки часто въ торжественные дни и праздники „складываются“, чтобы сообща погулять и повеселиться.

На Рождествѣ.

Въ старину на Рождество Христово старики „разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ Христа славить, начиная обыкновенно отъ войсковаго атамана. Самъ атаманъ приставалъ къ компаніи старшинъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они „Христосъ рождается“ и пр. За это хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги иные отдавали на соборъ, другіе покупали медъ для бесѣдъ своихъ“. (Отеч. зап. 1824 г. 297.). Нынѣ пѣвчіе мальчики самоучки (въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ регентъ побывалъ) ходятъ на Рождество и на новый годъ по хатамъ богатыхъ казаковъ и получаютъ деньги, которыя они потомъ дѣлятъ такъ: одну треть или же половину получаетъ „голова“ или „правило“, который лучше всѣхъ знаетъ ноты и руководитъ пѣніемъ. Другую часть дѣлятъ пѣвчіе между собою поровну. Деньги эти мальчики употребляютъ на покупку лакомствъ, перьевъ, чернилъ и проч. (зап. въ Нижнекурмоярской ст.). Въ ст. Кепинской Христа славить ходятъ по 2 по 3 мальчика, раздѣляя потомъ поровну все собранное. Ходятъ мальчики и въ одиночку. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, особенно въ прежнее время, наканунѣ новаго года дѣвушки собирались „шайками“ и, обходя дома, „пѣли евсень“, за что хозяева дарили имъ мясо, сало, пятакъ, семакъ“ (зап. въ Кепинской ст. и др.).

На масляницѣ.

На масляницѣ въ станицахъ составляется по нѣскольку „шаекъ“ казаковъ, чтобы вмѣстѣ погулять и повеселиться. Они выбираютъ изъ своей среды „атамана“ (въ др. мѣстностяхъ „хозяина“), который командуетъ шайкой и соблюдаетъ порядокъ. Въ атаманы выбираютъ человѣка веселаго и расторопнаго, который бы „языкомъ востеръ былъ“. Въ знакъ своей должности,

Хожденіе со знаменемъ.

онъ носитъ особую насѣку. Въ помочь ему выбирается „есаулецъ“, которому вручается трость, съ навязаннымъ на ней пучкомъ „васильковъ“ (?). Онъ обязанъ помогать во всемъ „атаману“ и исполнять разныя порученія. Вся шайка (человѣкъ 10 и болѣе) отправляется къ ст. атаману въ станичную избу и получаетъ отъ него знамя. Послѣ этого шайка начинаетъ обходить дворы поочереди: „сначала погуляетъ у того, потомъ у другаго и т. д.“ Это называется ходить со знаменемъ. Прійдя къ кому-нибудь въ гости, знамя водружаютъ снаружи передъ его хатой, оставляя при немъ „часоваго“, обязанность коего исполняется всѣми поочередно. Пируютъ то у одного, то у другаго до поздней ночи, утромъ же продолжаютъ свой обходъ, предварительно посылая „есаульца“ извѣстить, у кого они будутъ. Атаманъ такой шайки творитъ и расправу. Если двое поссорились и подрались, что бываетъ нерѣдко, то онъ старается помирить ихъ, а строптиваго и поколотитъ. Прежде эти хожденія со знаменемъ были особенно оживленны: въ нихъ принимали участіе и старики самые почтенные; нынѣ же больше молодые казаки ходятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ такихъ хожденіяхъ принимаютъ участіе и женщины. Обыкновенно начинаютъ ходить со знаменемъ съ четверга сырной недѣли, а если годъ урожайный и прибыли много, то и ранѣе. Ходятъ вплоть до воскресенья, а вечеромъ въ этотъ день въ станичную избу приносятъ знамя обратно. (зап. въ Верхнекурмоярской ст. и др.).

Складчины.

Кромѣ этого, для пировъ на масляницѣ дѣлаютъ многіе казаки складчину, по полкварты водки съ каждаго или менѣе. Въ большинствѣ станицъ, по словамъ г. Краснова, на масляницѣ казаки „собираются изъ хуторовъ на лошадяхъ, выбираютъ изъ себя начальниковъ, производятъ разныя военныя эволюціи и упражняются въ стрѣльбѣ съ лошади въ листъ“ (М. д. Г. и Ст. Рос. С.П.Б. 1863 г., с. 424). Въ прощеное воскресенье передъ вечеромъ все стихаетъ; „только и видишь толпы посѣщающихъ род-

ственниковъ для прощанія и кучи дѣвушекъ и молодыхъ людей, заходящихъ въ каждую хату прощаться. Ходятъ также прощаться съ покойниками. Простившись со всѣми, молодежь заходитъ въ назначенную для этого свободную хату, дѣлаетъ складчину „съ носа копѣекъ по 10“, покупаетъ водки и гуляетъ до утра, т. е. до поста. На утро все уже тихо и смирно... „Теперь не то, говорятъ старики: бывало просыпаемся среди первой недѣли“ (Д. О. В. 1876 г., № 20).

Ссыпки на Троицынъ день.

На Троицынъ день въ ст. Малодѣльской заплетаютъ вѣнки, водятъ хороводы, кумятся, а на другой день бываетъ „ссыпка“. Молодые казаки, дѣвушки, а также и молодушки собираются въ одну хату и приносятъ съ собою яйца, хлѣбъ и деньги: „приготовятъ яичницу, водочки купятъ—выпьютъ, закусятъ, а потомъ начинаютъ пѣть пѣсни, играть игры и плясать“. Каждый участвующій въ ссыпкѣ приноситъ неравную долю, а „кто сколько можетъ“: иной бѣдный, да веселый, такъ его и безъ вклада приглашаютъ,—„поди, молъ, къ намъ: за твои пѣсни мы тебя и такъ уважаемъ“.

Общественный обѣдъ въ престольный праздникъ.

Кромѣ подобныхъ соединеній отдѣльныхъ лицъ внутри общины, бываютъ среди казаковъ пиры и празднества, въ которыхъ принимаетъ участіе вся община.

Въ ст. Мечетенской, по словамъ г. А. Степанова, казаки ловятъ сообща рыбу въ станичной рѣчкѣ или прудѣ подъ 6-е августа, т. е. подъ престольный праздникъ станицы. „Число пойманной рыбы простирается иногда тысячъ до пяти и раздается всѣмъ жителямъ, по извѣстной части на каждую семью. Остатокъ же употребляется на общественный обѣдъ, дѣлаемый въ честь престольнаго праздника въ пользу бѣдныхъ людей, проходящихъ странниковъ и другаго иногороднаго люда. На этотъ общественный обѣдъ каждый житель, по собственному желанію, несетъ кто что можетъ. По окончаніи молебна въ станичномъ домѣ, станичные правители приглашаютъ священнослужителей къ закускѣ, а потомъ также приглашается къ обѣду на отдѣльный

столъ каждый изъ проходящихъ, который, можетъ быть, не имѣетъ куска хлѣба и копѣйки денегъ" (Д. О. В. 1881 г., № 67).

Общественное угощеніе въ большіе праздники.

Въ торжественные дни, какъ то: въ день Рождества Христова, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ день Государевыхъ имянинъ, бываетъ также во многихъ станицахъ „общественное угощеніе". Атаманъ выходитъ на крыльцо станичной избы, поздравляетъ собравшихся станичниковъ съ праздникомъ и приказываетъ выставить водку. Есаулецъ угощаетъ всѣхъ казаковъ, которые подходятъ по очереди и выпиваютъ по рюмкѣ, атаманъ же стоитъ подлѣ и слѣдитъ, чтобы „ктонибудь лишней противъ прочихъ рюмки не выпилъ" (зап. въ Аннинской ст. и др.).

Въ прощеное воскресенье къ вечеру атаманъ приказываетъ вынести изъ правленія скамьи и столы въ ожиданіи возвращенія казаковъ со знаменами. Когда всѣ соберутся, атаманъ угощаетъ станичной водкой; всѣ пируютъ, поютъ пѣсни и, „какъ донской обрядъ велитъ", качаютъ атамана и уважаемыхъ стариковъ, кидая ихъ „подъ бѣлыя облака".

На Красной Горкѣ.

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ ст. Малодѣльской казаки сначала разговляются въ своихъ семьяхъ. Потомъ дѣлается чрезъ есаульца „закличка" и всѣ выходятъ на майданъ, принося съ собою закуску. Изъ станичной избы выходитъ атаманъ, поздравляетъ съ праздникомъ, угощаетъ всѣхъ станичниковъ водкой, а потомъ „кладетъ такой завѣтъ: чтобы за всякій проступокъ, за пьянство, за драку и проч. въ теченіе Святой недѣли провинившемуся расплачиваться на Красной Горкѣ водкой. Когда наступаетъ Красная Горка, провинившихся вызываютъ на майданъ и заставляютъ поставить водку, которая и распивается тутъ же станичниками. Въ это время подходятъ къ собранію дѣвушки съ блюдомъ крашеныхъ яицъ, которое онѣ подносятъ ата-

Выкупъ весны.

ману и старикамъ. Это называется „выкупать весну или Красную Горку", т. е., по объясненію казаковъ, про-

сить въ замѣнъ принесенныхъ въ даръ яицъ позволенія поиграть и повеселиться. Для этого выкупа весны каждая дѣвушка приноситъ изъ дому одно яйцо. Атаманъ, принявъ дѣвичій даръ, даетъ имъ водки. Потомъ дѣвушки выходятъ на поляну за станицу и угощаютъ другъ друга, а затѣмъ начинаютъ пѣть веснянки, играютъ весеннія игры, „заплетаютъ и расплетаютъ плетень“ и водятъ хороводы. Къ нимъ присоединяются и молодые казаки. Старики послѣ пира на майданѣ также выходятъ на поляну посмотрѣть на дѣвушекъ и „пошутить“ съ ними. Безъ подобнаго выкупа весны казаки не позволили бы дѣвушкамъ ихъ обрядовыхъ игръ *).

---

*) При „праздновaніи весны“ дѣвушки и молодые казаки, составляютъ хороводъ, внутри котораго становится казакъ. Хороводъ поетъ:

Ходитъ Борисъ по хороводу,
Ищетъ себѣ ласковую тещу,
Привѣтливую невѣсту:
„Будь ты мнѣ тещей,
„Твоя дочь—невѣстой.

Казакъ останавливается передъ одной изъ казачекъ, участвующихъ въ хороводѣ, и кланяется, на что она отвѣчаетъ:

Я тебѣ не теща,
Моя дочь тебѣ не невѣста.

Казакъ отвертывается и дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Хороводъ опять поетъ: „Ходитъ Борисъ по хороводу и т. д.“. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ казачекъ не отвѣтитъ:

Я тебѣ теща,
Моя дочь тебѣ невѣста.

Хороводъ поетъ:

Сходитесь, люди, сходитесь, добрые,
Къ Борису на свадьбу—
Пиво распивать, вино разливать.
Пиво распили, вино-то разлили
Борисову свадьбу всю раскалили.

(зап. въ Малодѣльской ст., подробности обряда бесѣдовавшая со мной казачка не помнитъ).

На всѣхъ весеннихъ сборищахъ станичной молодежи поются „веснянки“, между прочимъ и слѣдующія:

Проводы казаков на службу.

Не менѣе торжественны бываютъ проводы казаковъ на службу. Провожающіе выѣзжаютъ за станицу на холмъ или курганъ, которые существуютъ при всякомъ поселеніи подъ названіемъ плакучихъ или веселыхъ

По горамъ горамъ пожары горятъ,
Ой ранымъ рано пожары горятъ,
По лугамъ вода разлилась,
Ой ранымъ рано вода разлилась.
По доламъ цвѣты разцвѣли,
Ой ранымъ рано и т. д.
Всѣ то цвѣты весело стоятъ,
Ой ран. и т. д.
Одинъ цвѣтокъ не веселъ стоитъ,
Ой ран. и т. д.
Что же ты, цвѣтокъ, не веселъ стоишь?
Ой ран. и т. д.
Аль тебѣ, цвѣтокъ, весны не было?
Ой ран. и т. д.
„Хоть была весна, да не радостная,
„Ой ран. и т. д.
„Все мочливая, все сухменная.....

—

Ковылка трава горѣла,
А я молода тушила,
Съ купцомъ по воду ходила.
Въ томъ то во Донцѣ воды нѣтъ,
Въ томъ то молодцѣ правды нѣтъ;
Любилъ дѣвушку—да не взялъ,
Сулилъ ленточку—не дарилъ.
Хоть дарилъ онъ да иную—
Подружку мою милую.

—

Возлѣ тыну хожу молода
Ранымъ рано,
Бѣлъ хоперъ сажу
Ранымъ рано,
Не быть хопру со тыномъ равну
Ранымъ рано,
Не быть свекору противъ батюшки
Не быть свекрови противъ матушки......
(зап. въ Малодѣльской ст.).

(Тим.). Сюда приглашается и духовенство отслужить молебенъ. Пирують и поють пѣсни здѣсь иногда дня по два.

Встрѣча казаковъ, вернувшихся со службы.

Точно также и по возвращеніи казаковъ съ похода родная станица торжественно встрѣчаетъ ихъ. Изъ команды, по словамъ г. Никулина, высылаются „передовые“ оповѣстить станичнаго атамана, что команда казаковъ такого-то полка проситъ встрѣтить ихъ и о томъ, что они несутъ для церкви икону или хоругвь и проч. Всѣ бросаютъ работу и выходятъ на встрѣчу возвращающимся, либо за станицу, либо на майданъ. При звонѣ церковныхъ колоколовъ станичный атаманъ въ сопровожденіи стариковъ, женщинъ и дѣтей, съ иконою въ рукахъ, встрѣчаетъ возвращающихся. Атаманъ и старшій команды соединяютъ лики иконъ, и сами цѣлуются, а потомъ идутъ въ церковь. Отслуживъ молебенъ, атаманъ приглашаетъ возвратившихся въ правленіе, принять угощеніе отъ станицы (l. c.). Вернувшійся казакъ кланяется три раза въ ноги родителямъ и затѣмъ цѣлуется съ ними. Послѣ этого ему въ ноги кланяется жена его и другіе родственники. Въ Донецкомъ округѣ, по словамъ г. Сонина, послѣ привѣтствія мужу, жена кланяется въ ноги коню и благодаритъ его за благополучное доставленіе супруга, а потомъ ведетъ его за поводъ до станичнаго правленія, гдѣ ожидаютъ возвратившихся атаманъ и старики съ хлѣбомъ — солью и водкою на станичный счетъ. Атаманъ подноситъ каждому хлѣбъ-соль, которую принимающій цѣлуетъ, обнимая затѣмъ атамана и всѣхъ предстоящихъ (l. c.).

Общественныя панихиды и тризны.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодно всей станицей служатъ торжественныя панихиды по усопшимъ воинамъ и справляютъ тризны. Объ этихъ празднованіяхъ упоминаетъ еще А. Ригельманъ (l. c. p. 45). Г. Красновъ разсказываетъ, что въ Монастырскомъ урочищѣ въ трехъ верстахъ отъ ст. Старочеркасской, гдѣ, по преданію, въ 1643 г. храбро пали казаки въ битвѣ съ

турками, въ пятницу (по Ригельману—въ субботу) на масляницѣ совершается „панихида съ церемоніаломъ, состоящимъ въ томъ, что избирается особый атаманъ, который командуетъ нѣсколькими взводами казаковъ, наряжаемыхъ изъ разныхъ близъ лежащихъ станицъ. Этотъ отрядъ, со станичными знаменами, духовенствомъ и населеніемъ, отправляется на монастырское кладбище, гдѣ и служится панихида, послѣ которой производится ружейная стрѣльба, а по окончаніи всего церемоніала дѣлается закуска въ станичномъ правленіи, частью на войсковыя суммы, частью по подпискѣ деньгами и натурою, т. е. виномъ“ (1. с. р., 424). Въ ст. Луганской въ четвергъ на масляницѣ также служатъ панихиду на площади стараго городка у деревяннаго креста. Въ означенный день „праздникъ открывается водруженіемъ хоругви у крыльца станичнаго правленія. Къ этому дню со всѣхъ хуторовъ съѣзжаются жители въ станицу съ цѣлью побывать въ старомъ городкѣ“. (Казач. Вѣст. 1883 г., № 2). Каждый привозитъ съ собой бутылку водки и „орѣшки“.—„Утромъ на площади ставятъ столъ съ хлѣбомъ-солью кладутъ на него старую атаманскую насѣку изъ терноваго дерева, съ оловянною головкою и мѣдною оправою на нижнемъ концѣ; самая трость имѣетъ насѣчки, сдѣланныя тогда, когда деревцо росло еще на корнѣ. По командѣ станичнаго атамана, верховые съ распущенными хоругвями выѣзжаютъ изъ станицы въ старый городокъ, находящійся въ 7 верстахъ разстоянія отъ станицы. На мѣстѣ, по окончаніи панихиды, станичный атаманъ предлагаетъ священно - церковно-служителямъ и почтеннымъ гражданамъ хлѣбъ-соль и вино; остальные же изъ прибывшихъ составляютъ особые кружки, гдѣ также идетъ угощеніе. Затѣмъ переѣзжаютъ на Моськину могилу *) — большой

---

*) Слѣдующее преданіе объ этомъ курганѣ мнѣ сообщилъ В. П. Юшневскій. Жилъ казакъ Моська-разбойникъ. Онъ заманивалъ разными хитростями дѣтей, дѣвушекъ и женщинъ въ лѣсъ и продавалъ

курганъ, который находится на открытой ровной площади. Тутъ бываетъ въ это время „скачка" (ibid). Атаманъ въѣзжаетъ на холмъ, который въ это время бываетъ весь усѣянъ любопытствующими станичниками. Въ это время одинъ изъ урядниковъ формируетъ скакуновъ, становитъ ихъ на мѣста и командуетъ: „разъ, два, три—пошелъ". Кто первый доскачетъ, тотъ увольняется на три недѣли отъ службы при станичномъ правленіи; пріѣхавшій вторымъ—освобождается на двѣ недѣли, пріѣхавшій третьимъ—на одну недѣлю. Одного казака рѣшили навсегда устранить отъ участія въ скачкахъ, потому что онъ постоянно приходилъ первымъ. Подскакавшій къ мѣсту бросаетъ вверхъ шапку и кричитъ „ура". Тогда ему подносятъ водку и „орѣшки", а также дарятъ деньги (иногда до руб. 5) (со словъ В. П. Юшневскаго). По окончаніи скачки всѣ возвращаются въ станицу, гдѣ оставленные у столовъ старики встрѣчаютъ пріѣзжихъ и угощаютъ водкой; этимъ и заканчивается праздникъ (Каз. Вѣстн.).

Водка, пиво и медъ, нынѣ покупаемые казаками для всѣхъ общественныхъ празднествъ и пировъ, еще не такъ давно приготовлялись самими станичниками. Въ Пятиизбянской ст. еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ правленіи хранился огромный котелъ, въ которомъ приготовлялось „станичное пивомедіе".

Говоря о станичныхъ увеселеніяхъ, кстати будетъ упомянуть и о казацкихъ „улицахъ". Осенью или весною, когда у казаковъ меньше работы, а также и въ праздники, все населеніе собирается то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ станицы или хутора. Эти собранія и назы- «Улица».

ихъ татарамъ, которые являлись изъ за Донца, каждый разъ какъ Моська свиснетъ. Одной шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ удалось убѣжать отъ татаръ. Она и разсказала станичникамъ о продѣлкахъ Моськи. Казаки, собравшись въ кругъ, рѣшили повѣсить разбойника на дубу, а потомъ насыпали большой курганъ надъ его тѣломъ и справляютъ теперь тризну „въ память избавленія ихъ отъ Моськи".

ваются улицами. Старушки и замужнія женщины усаживаются въ сторонкѣ и ведутъ съ сосѣдками степенную бесѣду; казаки постарше тоже собираются въ кучку въ сторонѣ и толкуютъ о своихъ дѣлахъ; а молодежь обоего пола веселится особо: поетъ пѣсни, водитъ хороводы, играетъ въ разныя игры и т. п. Нынѣ въ многихъ станицахъ улицы стали собираться близь шинковъ, поэтому и „пьянство здѣсь идетъ большое", въ которомъ принимаютъ участіе часто и женщины и даже дѣвушки.

Кулачные бои. Часто между собравшимися на улицу молодыми казаками завязываются кулачные бои. Всѣ „ребята" раздѣляются на двѣ партіи: жители одного конца станицы идутъ противъ жителей другаго конца „стѣнкой на стѣнку". Сначала, обыкновенно, засылаютъ маленькихъ казачатъ, которыхъ „травятъ другъ на друга". Мальчишки набѣгаютъ другъ на друга верхомъ на палкахъ, вооруженные прутьями и съ крикомъ „ура". Вслѣдъ за ними уже вступаютъ въ бой и взрослые (зап. въ Камышевской ст. и др.). Кулачные бои доставляютъ большое удовольствіе молодежи, а потому мѣстами на столько обыкновенны, что, при встрѣчѣ двухъ молодыхъ казаковъ, между ними нерѣдко можно услышать слѣдующій разговоръ:

— Улица гдѣ вчера была?
— У Котельниковыхъ.
— Кого били?
— Такихъ то.

Кулачные бои особенно ожесточенны бываютъ осенью, весною около Троицына дня, а также на масляницѣ. Въ это время молодежь собирается большими партіями, и кулачный бой устраивается между двумя хуторами или между хуторами и станицей. Въ этихъ битвахъ, наравнѣ съ казаками, принимаютъ участіе и живущіе при станицахъ и хуторахъ иногородніе *).

---

*) Г. Красновъ утверждаетъ, что „кулачные бои производятся только у серединцевъ" (l. c. p. 424), т. е. у казаковъ средняго теченія Дона. Мнѣ же доводилось не только слышать разсказы объ этихъ

Въ теченіе всей зимы во многихъ станицахъ и хуторахъ бываютъ „сидѣлки“ или „сидѣлушки“, на которыя собираются дѣвушки по вечерамъ „вмѣстѣ работать“. Такія собранія бываютъ у какой нибудь вдовы или одинокой женщины, которая предоставляетъ въ распоряженіе молодежи свою хату, съ тѣмъ, чтобы гости на свой счетъ приносили свѣчи. Въ благодарность своей хозяйкѣ дѣвушки моютъ ей хату и пособляютъ ей въ работахъ. Собираясь сюда, дѣвушки приносятъ съ собой яйца, хлѣбъ, цыпленка и дѣлаютъ общую складчину. Сюда же приходятъ молодые казаки съ водкой. Дѣвушки работаютъ, а казаки веселятъ ихъ шутками и пѣснями. Потомъ дѣвушки бросаютъ работу и начинаются игры. Хозяйка между тѣмъ готовитъ ужинъ, послѣ котораго всѣ расходятся по домамъ, при чемъ всякій казакъ провожаетъ свою любимую дѣвушку вплоть до ея двора. Оставаться ночевать, сколько мнѣ извѣстно, не въ обычаѣ. Подобныя сидѣлушки собираются одновременно въ разныхъ концахъ станицы, при чемъ на нихъ не только не пускаютъ (на сколько мнѣ извѣстно) казаковъ чужаго хутора, но и жителей другаго конца, другой улицы одного и того же поселенія, (зап. въ Луковской ст. и др.). Но обычай сидѣлокъ, повидимому, выводится (по крайней мѣрѣ мѣстами). Такъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ сообщали, что больше собираться не позволяютъ, „по причинѣ безобразій“. Въ Евтеревской стан. мнѣ прямо заявляли, что „сидѣнокъ такихъ, какъ у хохловъ, здѣсь нѣтъ“; дѣвушки собираются зимой въ одну какую нибудь хату къ подругѣ и тутъ прядутъ и вяжутъ чулки, а потомъ, когда наскучитъ работа, начинаютъ играть; казаки же на эти собранія не ходятъ, потому что не позволяютъ Сидѣлки.

бояхъ отъ самихъ казаковъ Хоперскаго и Медвѣдицкаго округовъ, но и видѣть самому собиравшихся въ одну августовскую ночь на подобный кулачный бой молодыхъ казаковъ между станицами Ярыженской и Дурновской.

старшіе: „если кто изъ старшихъ узнаетъ, что были ребята, то перестанутъ пускать дѣвокъ".

Вечеринки. От сидѣлокъ слѣдуетъ отличить „вечеринки", которыя бываютъ въ той хатѣ, гдѣ есть женихъ или невѣста. Собравшаяся здѣсь молодежь играетъ, поетъ пѣсни и пляшетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по окончаніи вечеринокъ, молодые люди остаются ночевать (подробнѣе было сказано выше).

КОНЕЦЪ.

